

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Институт социологии РАН
Институт социально-политических исследований РАН
Правительство Вологодской области

ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
«Общество и социология в современной России»,
посвященной XX годовщине празднования
Дня социолога в Российской Федерации
(г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года)

В трех томах

Том второй

Вологда
2015

УДК 316.3(470)
ББК 60.52(2Рос)
О-28

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Общество и социология в современной России [Текст] : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года : в 3 т. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 2. – 340 с.

Редакционная коллегия:

Горшков М.К. – академик, директор ИС РАН,
Осипов Г.В. – академик РАН, директор ИСПИ РАН,
Ильин В.А. – д.э.н., профессор, директор ИСЭРТ РАН,
Малышев М.Л. – д.с.н., зам. директора ИС РАН,
Шабунова А.А. – д.э.н., зам. директора, зав. отделом ИСЭРТ РАН,
Гулин К.А. – д.э.н., зам. директора, зав. отделом ИСЭРТ РАН,
Сычев М.Ф. – к.э.н., ведущий научный сотрудник ИСЭРТ РАН,
Третьякова О.В. – к.ф.н., зав. отделом ИСЭРТ РАН.

В сборнике, состоящем из трёх частей, представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, проходившей в Вологде 13-15 ноября 2014 г.

Часть первая: доклады пленарного заседания и молодёжной секции.

Часть вторая: материалы секций № 1 – 2.

Часть третья: материалы секций № 3 – 4.

Сборник содержит свыше 100 текстов, подготовленных социологами и представителями смежных наук из научных учреждений и вузов из многих регионов России, а также Беларуси. На страницах докладов обсуждается значение социологического мировоззрения для настоящего и будущего российского общества. Поднимаются вопросы о роли и значимости социологии в государственном и муниципальном управлении, о важности реального содержательного включения социологии (социологического участия) в государственное управление при подготовке и реализации крупных проектов. Рассматриваются вопросы о социально-технологическом использовании социологии для решения проблем, о роли социологии как средства обоснования социальной солидарности, как средства обоснования моральных ценностей и норм.

Для научных работников, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

ISBN 978-5-93299-283-8

ISBN 978-5-93299-285-2

© ИСЭРТ РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 2

Секция 1

Российское общество 1990 – 2010-х гг. глазами социологов: проблемы, тенденции, закономерности

Валиахметов Р.М.

Современное российское общество в контексте концепции
человеческого развития 8

Голенкова З.Т.

Новые слои в социальной структуре российского общества..... 11

Голиусова Ю.В.

Избыточное образование как фактор прекаризации
социально-трудовых отношений 22

Шабунова А.А.

Медико-социологический мониторинг здоровья детей: региональный опыт..... 30

Силин А.Н.

Мультилокальность образа жизни: опыт социологических исследований 41

Гимаев И.З.

Средства массовой информации как механизм формирования
общественного мнения на современном этапе..... 45

Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.

Социально-экономические проблемы Северного Кавказа (на примере Дагестана)..... 49

Хилажева Г.Ф.

Социологические исследования демографических процессов в Башкортостане..... 56

Соловьев А.К.

Проблема преодоления бедности пенсионеров –
ключевая задача государства и общества современной России..... 61

Васильева Е.Н.

Стратегии инновационного развития России:
влияние на экономические ценности и экономическое поведение россиян..... 72

Евграшина И.А.

Молодежь как фактор инновационного развития региона 76

Скуденков В.А.

Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи 81

Рожкова Л.В., Сальникова О.В.

Ценность образования и образовательные стратегии студентов 84

Дрянных Н. В.

Особенности формирования «общества, основанного на знаниях» в России 89

Волков Ю.Ю.

К проблеме социальных интересов финансового сообщества 92

Посухова О.Ю.	
Эксклюзивность каналов социальной мобильности в условиях неравенства в российском обществе	97
Нор-Аревян О.А.	
Социологические концепты исследования роли образования в жизни молодежи: оценка мнений студенческой молодежи Дона.....	104
Ковалева Г.А.	
Формы участия молодежи в модернизации ЖКХ на региональном уровне	110
Гужавина Т.А.	
Неэкономические факторы развития: роль, значение, тенденции	116
Маршак А.Л.	
Культурная идентичность как фактор укрепления целостности России.....	122
Цилибина Т.В.	
Проблема доверия между обществом и властью.....	126
Страхов С.Е.	
Взаимосвязь свободы и ответственности в общественном и личном проявлении.....	130
Молодов О.Б.	
Интернет в современном медийном пространстве Вологодской области.....	136
Клюев А.А.	
К вопросу о постмодернистских тенденциях в современной экономике.....	141
Зачесов А.А.	
Условия проживания в г. Вологде в оценках населения	146
Лукин Е.В.	
Промышленность Вологодской области в посткризисный период: состояние, проблемы, перспективы	153
Секция 2	
Развитие территориальных сообществ и социологическое обеспечение регионального управления	
Маркин В.В.	
Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия	161
Воронов В.В.	
Конвергенция регионов Европейского Союза: особенности и оценка	168
Лавренюк Н.М.	
Актуальное региональное стратегирование: взаимодействие государства, науки и общества в Башкортостане.....	172
Касьянов В.В.	
Демографические процессы в Краснодарском крае: реалии и перспективы.....	176
Бухнер Н. Ю.	
Развитие территориальных сообществ в сибирском городе.....	183

Медведева Е.И., Крошилин С.В. Управление системой образования территории на основе применения гребневой модели.....	187
Крошилин С.В., Медведева Е.И. Особенности информатизации общества: изучение проблемы в регионе	192
Леонова Ж.К. Государственно-частное партнёрство: региональная модель подготовки кадров для малого и среднего предпринимательства.....	200
Галиев Г.Т. Социальный аудит – важный фактор в исследованиях социально-трудовых отношений в современной экономике	206
Егорышев С.В. Социологические мониторинговые исследования в механизме обратной связи регионального и муниципального управления	211
Дрегалю А.А., Ульяновский В.И., Воловик О.А. Средовые особенности формирования социальной идентичности	215
Кибенко В.А. Теоретико-методологические аспекты исследования региональной идентичности городского населения Ямало-Ненецкого автономного округа (программа социологического исследования).....	220
Морев М.В. Опыт социологических исследований в изучении социального здоровья.....	226
Латов Ю.В. Стимулы и препятствия для перехода полиции на модель социального партнерства (на примере организации независимой оценки участковых).....	236
Зимин А.В., Зимин Е.А. Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества: стратегические аспекты.....	242
Петошина С.И. Средства распространения социальной рекламы в практике социальной работы (на примере Мурманской области).....	248
Заяц П.В. Аутсорсинг региональных систем в инжиниринговых исследовательских практиках	255
Большакова Ю.М., Большаков С.Н. Аппарат государственного и муниципального управления как объект социологического анализа.....	260
Дементьева И.Н. Опыт социологических исследований протестного потенциала в регионе	267
Заводовская О.В. Главная экономическая и социальная проблема современного российского села – адаптация сельской молодежи к трансформационным процессам	274

Панов А.М.	
Формализация безработицы в Вологодской области.....	280
Ворошилов Н.В.	
Реформа местного самоуправления в оценках глав муниципальных образований.....	285
Озерова О.Ю.	
Качество жизни населения промышленного города: объективный подход (на примере г. Череповца Вологодской области).....	290
Садкова Д.А.	
Потенциал протеста молодежи в контексте протестных настроений жителей региона: сравнительный анализ	295
Кузнецова И.П.	
Качество жизни населения как показатель благосостояния государства	300
Мосин В.И.	
Социально-экономические приоритеты Тулской области в современных условиях	307
Шаповалов С.Н.	
Современная демографическая ситуация в стране и регионе в оценках жителей Краснодарского края	312
Ирназаров Р.И.	
Рыночные преобразования и безработица в сельской местности в Республике Башкортостан	319
Попов А.В.	
Удовлетворенность трудом как индикатор качества рабочих мест	322
Анищенко А.Н., Селименков Р.Ю.	
Оценка функционирования сельского хозяйства региона на основе результатов мониторингового исследования	328
Соловьева Т.С.	
Роль среднего класса в модернизации регионов.....	334

СЕКЦИЯ 1
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
1990 – 2010-Х ГГ.
ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГОВ:
ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ,
ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Р.М. Валиахметов

кандидат социологических наук,
директор Башкирского филиала Института социологии РАН, г. Уфа.

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В первом мировом Докладе о развитии человека (ДРЧ), изданном Программой развития ООН (ПРООН) в 1990 г., предельно четко было сформулировано понятие «человеческое развитие». Доклад начинается с прямого утверждения: «Подлинное богатство народов – люди. Основная цель развития состоит в создании условий, дающих людям возможность жить долгой, здоровой и творческой жизнью. Это может показаться простой истиной. Но о ней часто забывают из-за текущей заинтересованности в накоплении сырьевых товаров и денежного богатства» [1].

В этом и последующих мировых ДРЧ понятие «человеческое развитие» рассматривается как «процесс расширения спектра выбора для людей». К наиболее важным элементам выбора отнесены возможности жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. При этом также отмечалось, что понятия человеческого развития и благополучие выходят далеко за эти рамки и должны включать в себя гораздо более широкий набор возможностей, в том числе политические свободы, права и достоинство человека.

Глобальные изменения условий развития человека в мире, расширение возможностей сбора и анализа более адекватных статистических данных стали основными причинами пересмотра дефиниции человеческого развития и инструментария его оценки. Авторы юбилейного (20-го) мирового Доклада о развитии человека за 2010 г. сформулировали новые подходы к определению человеческого развития. Они пришли к выводу, что процесс расширения возможностей выбора является основополагающим для человеческого развития, но недостаточным. Подчеркивается, что «развитие человека заключается в постепенном накоплении и сохранении позитивных результатов и противостоянии процессам, обедняющих или угнетающих людей, усиливающих структурную несправедливость. Поэтому ключевыми являются процессуальные принципы, такие как справедливость, устойчивость и уважение к правам человека» [3, с. 22].

Оригинальным аналитическим инструментом, разработанным экспертами ПРООН для измерения уровня человеческого развития в отдельной стране, является интегральный индекс человеческого развития (ИЧР). За основу измерения человеческого развития были взяты три основных показателя – долголетие, образованность, уровень

Таблица 1. Место Российской Федерации в рейтинге стран по ИЧР, 1990–2013 гг.

Год издания доклада	Год, на который рассчитывался индекс	Значение ИЧР	Рейтинг России по ИЧР	Уровень ИЧР	Справочно:	
					страна-лидер по ИЧР	(значение ИЧР)
1993	1990	0,862	37	Высокий	Канада	0,996
1994	1991	0,858	34	Высокий	Канада	0,993
1995	1992	0,849	52	Высокий	Канада	0,982
1996	1993	0,804	57	Высокий	Канада	0,982
1997	1994	0,792	67	Средний	Канада	0,932
1998	1995	0,769	72	Средний	Канада	0,950
1999	1997	0,747	71	Средний	Канада	0,951
2000	1998	0,771	62	Средний	Канада	0,960
2001	1999	0,775	55	Средний	Норвегия	0,960
2002	2000	0,781	60	Средний	Норвегия	0,932
2003	2001	0,779	63	Средний	Норвегия	0,935
2004	2002	0,795	57	Средний	Норвегия	0,939
2005	2003	0,795	62	Средний	Норвегия	0,942
2006	2004	0,797	65	Средний	Норвегия	0,944
2007/2008	2005	0,802	67	Высокий	Исландия*	0,956
2009	2007	0,817	71	Высокий	Норвегия	0,963
2010*	2009	0,719	65	Высокий	Норвегия	0,965
2011	2010	0,755	66	Высокий	Норвегия	0,968
2013	2011	0,788	55	Высокий	Норвегия	0,971

*Примечание: Начиная с 2010 года, расчет индексов производится по новой методике, поэтому полученные результаты несопоставимы с индексами, рассчитанными ранее.

жизни. При этом каждый из показателей характеризует несколько принципиально важных человеческих возможностей: долголетие – прожить долгую и здоровую жизнь; образованность – приобретать знания, общаться, участвовать в жизни общества; уровень жизни – получить доступ к ресурсам, необходимым для достойной и здоровой жизни, иметь условия для территориальной и социальной мобильности и т.д. В основе определения этой совокупности измерений лежит принцип «безусловности выбора», согласно которому каждый человек, имея перед собой возможность выбора, предпочтет более долгую жизнь, более высокий уровень образования и больший материальный достаток [2, с. 105].

Для каждого из указанных выше показателей разработана система базовых индикаторов, регулярно вычисляемых практически для всех стран мира с 1990 г. Индекс человеческого развития для Российской Федерации (как суверенного государства, а не СССР) впервые был рассчитан и опубликован в мировом Докладе о развитии человека за 1993 г. Тогда Россия заняла 37 место в рейтинге стран по ИЧР (см. таб. 1).

В приведенных в табл. 1 данных четко фиксируется трансформационный период российской экономики, характеризующийся падением уровня жизни, сокращением средней продолжительности жизни населения, ростом смертности и снижением рождаемости, а также резким ослаблением социальных функций государства в области здравоохранения, образования и науки.

С середины 2000-х годов, благодаря достигнутой в обществе социально-политической стабильности и некоторым благоприятным конъюнктурным факторам в международной экономике, наблюдается ускорение темпов роста ИЧР в России. С 2005 г. Российская Федерация перешагнула порог индекса 0,800 и вошла в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. По данным Доклада о развитии человека за 2013 г. Россия находится на 55-м месте, резко улучшив свое положение за 2009–2011

гг. Более наглядно положение России в мире иллюстрирует рис. 1. Заметим, что, начиная с 2010 года, расчет ИЧР производится по новой методике. Поэтому для обеспечения их сопоставимости индексы были рассчитаны по новой методике.

Позитивные тенденции в области ИЧР, обусловленные общим экономическим подъемом в 2000-х гг. и социально ориентированной политикой Российской Федерации по преодолению экономического кризиса, в 2008 – 2009 гг. продолжали сказываться и далее, по крайней мере до 2012 г. (см. рис. 2).

Вместе с тем сравнительный анализ компонентов человеческого развития в России со странами, находящимися выше в рейтинге, показал, что определяющим фактором отставания являются средняя ожидаемая продолжительность жизни (разрыв со странами-лидерами составляет более 10 лет) и уровень доходов на душу населения (разрыв со странами-лидерами составляет около 3 раз).

Как известно, первый национальный Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации был издан в 1995 г., а индекс развития человеческого потенциала для отдельных субъектов РФ рассчитывается начиная с 1998 г. Расчет индексов развития человеческого потенциала в российских регионах позволяет выявить не только их социальное, демографическое и экономическое различие, но и дисбаланс в развитии отдельных его компонентов внутри отдельного субъекта РФ. Учет этих факторов и особенностей развития человеческого потенциала в отдельных регионах принципиально важен для комплексного анализа существующих проблем, определения приоритетных направлений и механизмов их решения, разработки соответствующих региональных и субрегиональных программ развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Human development report 1990. P.9. [Electronic resource]. – Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf (дата обращения: 24.09.2014).
2. Human Development Report 1993. People's Participation [Text]. – New York: Oxford University press, 1993.
3. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека [Текст] / ПРООН. – М.: Весь мир, 2010.
4. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире [Текст]. – М.: Весь мир, 2013.
5. Саградов, А.А. Человеческое развитие в России: региональные особенности [Текст] / А.А. Саградов // Человеческое и социальное развитие. – М., 2003.

З.Т. Голенкова

НОВЫЕ СЛОИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Двадцатый век стал свидетелем резких изменений в социальной структуре всех обществ, которые в целом модифицировали границы и критерии классового и социального деления, резко расширили средние слои, поменяли «конфигурацию» дифференциации, открыли новые возможности для социальной мобильности. Постепенно, по мере усложнения экономической структуры рамки среднего класса (старого среднего – независимые предприниматели и мелкие собственники) раздвигаются. Появился новый средний класс: управляющие больших предприятий, множество техников, от деятельности которых зависит эффективность промышленности и торговли; если директора, инженеры, бухгалтеры, менеджеры, рекламные агенты, адвокаты, директора банков увеличили численность верхнего слоя среднего класса, то чиновники, численность которых росла быстрее, чем численность рабочих (последних заменяли конвейеры), поскольку административные операции играли все более важную роль по мере роста и усложнения производственных единиц, пополняли низшие слои среднего класса. Наряду с многочисленной бюрократией новый средний класс пополняли профессиональные и полупрофессиональные работники сферы обслуживания.

Если на первых этапах развития капиталистических общества независимые мелкие собственники и предприниматели составляли около 80% населения, то сегодня в наиболее развитых в экономическом отношении странах до 75% активного населения относится к наёмным работникам. Практически во всех развитых странах доля среднего класса составляет примерно 55-75%, при постоянном увеличении в нём числа и роли специалистов, разного рода менеджеров в производстве и управлении, чьё положение по сравнению с работниками физического труда более благоприятно: высокие доходы, лучшие условия труда, более высокие пенсии, более продолжительные отпуска. Однако с ростом этого слоя постепенно утрачиваются привилегии, которые раньше давало образование. Эти глобальные тенденции своеобразно преломляются на социальном пространстве России.

Основу социальной структуры в период реформ составляли социальные слои и классы советского общества, характеризовавшиеся вертикальными связями типа «руководство-подчинение», «покровительство-зависимость», патернализмом и клановостью, наиболее близко соответствовавшим официальной иерархии организованной власти.

На рубеже XX-XXI веков появились новые слои, социокультурные образования: предприниматели и менеджеры, кооператоры, фермеры, свободные профессионалы, наёмные работники в частном секторе, безработные, прекариаты и др.

На первый план выдвигаются проблемы социального и имущественного неравенства с элементами классовых противоречий и конфликтов. Возникла проблема поиска теории, адекватно объясняющей происходящую трансформацию социальной структуры российского общества.

Традиционный для советского периода классовый подход и трехчленная модель (рабочий класс, колхозное крестьянство плюс интеллигенция как межклассовая прослойка) «не работают» в новых условиях. В марксистской теории общества средства производства и разделения труда, отношения собственности являются главным источником возникновения классов, основным критерием социальной дифференциации и неравенства. В прежних концепциях исследования социальной структуры советского общества доминанта принадлежала изучению объективных тенденций (научно-технический прогресс, система организации общественного производства, распределительные отношения) и игнорировалась субъективная сторона социокультурных процессов: материальное и объективное отождествлялось.

В последние годы складывается преимущественно иная парадигма изучения социальной стратификации: многомерный иерархический подход, использующий такие критерии, как позиция в сфере занятости, доход, позиция во властной структуре, престиж, а также формирование новых социогрупповых самоидентификаций.

Трансформационные процессы, наблюдаемые на российском социальном пространстве, в большей или меньшей степени обусловлены тремя группами факторов.

Первая группа – речь идет о таких всеобщих факторах, как глобализация мирового пространства, интеграция в сфере экономики, политики, образования, информации, с одной стороны, и дезинтеграции – с другой. Эти процессы наблюдаются во всех обществах, на всех его уровнях. Причем если передовые страны находятся в состоянии «шока перед будущим», активно реализуют свои цивилизационные процессы интеграции, то транзитивные или трансформирующиеся, постсоциалистические общества, переживая синдром «шока прошлого», пытаются резко изменить своё положение путём дезинтеграции, сопровождающейся усилением национального партикуляризма, религиозными, национальными и социальными конфликтами.

Вторая группа факторов является общей для стран, находящихся в процессе перехода к общественной системе, основанной на рыночных отношениях. Понятие «трансформация» часто употребляется для обозначения бурных процессов, протекающих ныне в бывших социалистических странах. Этим термином, как и термином «модернизация», стремятся подчеркнуть неидеологизированный характер происходящих изменений. Однако на деле лба несут заряд идеологизированности. Так, если для одних трансформация – это позитивный процесс, который следует всячески поддерживать, дабы вчерашние страны социализма вошли в число эффективно развивающихся демократических обществ, то другие рассматривают ее как процесс негативный, разрушительный, навязанный извне и приведший к коллапсу экономики, социального порядка и духовных основ обществ.

Крушение прежнего порядка и радикальная деконструкция общественных основ делают трансформацию – как выход из нестабильного состояния – неизбежной, хотя и направленность движения к новому типу общественного устройства может оспариваться или уточняться. Многообразие особенностей процесса трансформации пока не позволяет глубоко проанализировать его в целом и тем более выявить его основную направленность, хотя бы в качестве тренда. Вот почему широко распространенное по-

нимание процесса трансформации как «неизбежного возврата к капитализму», как процесса формирования общественных институтов и образа жизни, типичных для современных западных обществ, представляется неправоверно односторонним. В России, во всяком случае, некоторые важные процессы обладают существенными особенностями, делающими ситуацию в стране мало похожей на другие.

Третья группа имеет исключительно внутренний, российский характер. Прежде всего, следует отметить отсутствие теоретически и практически обоснованной политики социальной реконструкции страны, в силу чего она проходит стихийно, непоследовательно, даже иррационально. Это подтверждают и проведенные в последние годы исследования социальной структуры российского общества, фиксирующие ее крайнюю неустойчивость, аморфность, неопределенность. На макроуровне и на уровне социально-производственных структур возникают новые формы социальной дезинтеграции и дифференциации. Меняются соотношения форм собственности, одни социальные группы и слои исчезают, другие возникают, третьи дробятся, четвертые меняют социальные роли и статусы и т.д.

Развитие процессов, связанных с трансформацией всех отношений в российском обществе, выдвинуло на первый план проблемы социальной интеграции и дезинтеграции, согласия и конфликта — проблемы, являющиеся ключевыми в классической социологической теории и составляющие поле классического анализа.

Преобразования 1990-х гг. качественно преобразили социально-структурные и другие отношения, крайне обострив и углубив имущественную дифференциацию, поляризовав интересы и политические предпочтения социальных групп. На смену государственной экономике пришла многосекторная с широким спектром форм — государственной, частной, муниципальной, арендной, акционерной, смешанной и т.д. Так, в 2012 г. доминировала частная форма собственности — 59%, государственная и муниципальная составили 29,7%, смешанная российская и российско-иностранная — 10,8%, собственность общественных и религиозных организаций — 0,5% .

Множественность форм собственности порождает новые формы социальной дифференциации, ставит собственника и работника в неравное положение по отношению к средствам производства, формирует сложный комплекс новых классовых и социально-экономических интересов. Эти интересы еще окончательно не выкристаллизовались, они, как и их носители, пока находятся в стадии становления. Увеличение численности занятых в частном секторе за последние 10 лет более чем в 2 раза означает, что произошло изменение не только экономического и юридического статусов предприятий, но и экономического, и социального положения занятых на них работников.

Российские социологи большое внимание уделяют изучению процесса формирования социальной модели современного российского общества. Под моделью понимается складывающаяся или уже сложившаяся система отношений между социальными группами (стартами), основная на их взаимосвязанных статусных позициях: экономических, политических, социокультурных и т.д.

При реализации любой социально-экономической политики на первый план выходят проблемы, связанные с развитием всех социально-структурных процессов. Поэтому чрезвычайно актуальным становится исследование динамики взаимодействия различных социальных групп и слоев, становление их интересов, значимости различных аспектов социального неравенства между ними. Это связано, прежде всего, с изменениями в отношениях собственности, появлением новых форм в системе властных

отношений, резкой дифференциацией в уровне доходов различных групп населения. Кроме того, весомыми становятся и такие факторы, как изменение структуры занятости населения, формирование новой поляризации различных видов труда — преимущественно ручного и научно-индустриального, а также отраслевой его специфики. Происходит радикальная трансформация экономического потенциала социальных групп: формируются класс собственников: крупных, средних, мелких и класс наемных работников, основной экономический потенциал которых зависит от доходов работы по найму в государственном, смешанном или частном секторе. В то же самое время возрастает значение индивидуальной состоятельности в процессах социального продвижения людей к более высокому социальному статусу, но при этом увеличивается и численность маргиналов, утрачивающих устойчивые связи: со своими социальными общностями или находящиеся на грани утраты таких связей.

Одним словом, налицо многомерное, иерархически организованное социальное пространство (социальная стратификация), в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени обладания властью, собственностью, социальным статусом, имеют свою систему ценностных ориентаций, свои ролевые функции. Иную социальную стратификацию можно рассматривать как структуру неравных социальных позиций (неравенство) личности, группы, класса, их соответствующее распределение в социальной иерархии.

Вся совокупность существующих в обществе социальных неравенств может быть разделена на неравенства первого и второго уровня. Первый уровень — неравенства системного характера: экономические, политические, социально-статусные, распределительные, властные и т.д. Второй уровень — неравенства индивидуальных свойств и возможностей личности. Неравенства первого уровня непосредственно связаны с теми сложными трансформационными процессами, которые происходят в настоящее время в России. Речь идет о таких всеобщих тенденциях, как глобализация мирового пространства, интеграция в сфере экономики, политики, образования, информации, с одной стороны, и регионализация, дезинтеграция, с другой. Регионализация постсоветского пространства, определяемая развитием отдельных регионов страны, их особенными социально-экономическими условиями жизнедеятельности, а отсюда — складывающимися своеобразными формами взаимоотношений с федеральным центром, активно влияет на формирование собственных социально-структурных элементов, внутренних и внешних связей. Именно в этом контексте формируется новая система отношений равенства — неравенства, — дезинтеграции в социальном пространстве. Изменяется соотношение форм собственности, трансформируются такие институты, как семья, образование, власть, происходит исчезновение одних групп и слоев, возникновение других, дробление третьих, изменение социальной роли и статуса т.д. Ныне отсутствуют сложившиеся массовые социальные слои со своими осознанными интересами, политико-идеологическими ориентациями, общепринятыми нормами и поведением.

Основной осью социальной дифференциации и интеграции является такое принципиальное направление, как образование её срединного среза – становление средних слоёв. Надо отметить, что этот процесс пронизывает все общество, включая группы занятых как в частных, так и в коллективных и государственных формах собственности, а также собственников и значительную часть наёмных работников.

Когда мы говорим, что современную социальную структуру нельзя рассматривать как стабильное явление, то порой забываем, что те существенные характеристики,

которыми она обогатилась за последние десятилетия, формируют ее как во многом устойчивое социальное образование, развивающееся в направлении социальной стратификации.

Происходящие в стране отраслевые сдвиги могут быть охарактеризованы следующими тенденциями. Устойчивое сокращение занятых в промышленности. В 2012 году занятые в этой отрасли составляли 18 % всех занятых в экономике (в 1992 году – 29,6%). Наибольший рост занятых наблюдается в управлении (почти в 2,5 раза); в финансах (почти в 2 раза); в торговле (в 2,2 раза). По сравнению с 1992 годом резко сократилась доля занятых в науке (почти 1,8 раза). В других отраслях уменьшение – увеличение не очень значительно.

С началом экономической реформы произошли фундаментальные изменения в механизмах регулирования дохода, и, как следствие, в степени дифференциации материального положения и социального расслоения по этому критерию. Так, в 2010 году на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 30,9 % общего объема денежных доходов (январе – сентябре 2008 года – 29,6 %), а на долю 10 наименее обеспеченных – 5,2 % (в 2008 г. – 2,1%).

Социальная статистика свидетельствует ещё об одном виде социальных различий – между регионами. Особенно это касается экономической активности населения, обусловленной сложившейся структурой размещения производительных сил, историческими и природно-климатическими особенностями.

Так, в 2010 году самые низкие показатели по уровню занятости и самые высокие по уровню безработицы приходятся на республики Южного федерального округа, Бурятский автономный округ, Республику Тыва.

По уровню безработицы наиболее низкие показатели (5 % и менее) имеют Москва, Санкт-Петербург и ряд областей Центрального федерального округа, а также Эвенкийский и Чукотский автономные округа.

Региональные различия прослеживаются и по многим другим показателям: по возрастному составу занятых и безработных, по реальным денежным доходам населения, по реальной начисленной заработной плате работающих в экономике и др.

В этой связи отметим некоторые статистические показатели, характеризующие социально-экономическую динамику общественной трансформации страны в контексте становления в нем новых социальных элементов и рыночных отношений.

1. За последние восемь лет происходит плавное увеличение численности и доли занятых в частном секторе экономики страны с 46,1 % в 2000 году до 59,6 % в 2010 г. Когда Росстат предлагает эти сведения, он имеет в виду и работающих по найму, и работающих не по найму в этом секторе.

2. Что касается собственно предпринимателей (работодателей), то необходимо отметить, что эта категория занятых за тот же период также возросла примерно в 1,8 раза. Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на наличие негативных моментов, препятствующих развитию частного предпринимательства, во всяком случае, в количественном отношении «старый средний класс» постоянно растет.

3. Отдельно необходимо отметить тенденции развития российского среднего бизнеса, потому что социально-экономическая ситуация во многом зависит от бурного развития предпринимательства, особенно в малых его формах. Кроме того, в этой сфере происходит в значительной степени производство и воспроизводство средних слоев общества – его среднего класса. Рост мелких предприятий (без микропредприятий) за

последнее десятилетие составил 117%. Иначе, темпы роста положительные, что также свидетельствует о формировании основы потенциального среднего класса. В то же время, по мнению исследователей, число субъектов малого предпринимательства в стране практически несопоставимо с малым бизнесом в странах ЕС или в США. Поэтому для нормального экономического развития, которое могло бы привести к соответствующим социальным последствиям, необходимо существенное увеличение темпов роста. Кроме того, отраслевая структура малого бизнеса в основном ограничена оптовой и розничной торговлей – 46% от общего количества предприятий и численности занятых в них.

4. Рассматривая динамику изменения социального состава общества в процессе формирования его социальной модели и имея в виду тот факт, что под моделью мы понимаем складывающуюся или в иных аспектах уже сложившуюся систему отношений между социальными группами, необходимо отметить следующие два обстоятельства. Во-первых, сложность формирования рынка труда, его наиболее существенных показателей; во-вторых, региональная дифференциация этого процесса. Последняя осложняется порой неразвитой социальной структурой, фактическим отсутствием среднего класса, резкой социально-имущественной дифференциацией, осложняющей и без того конфликтную ситуацию в том или ином регионе. Так, по данным Росстата, если уровень занятости в целом по РФ в 2012 году составил 61,5%, то в Московском регионе – почти 70%, а в отдельных регионах Северо-Кавказского Федерального округа (СКФО) – немного более 30%. Соответственно – уровень безработицы – 5,5%, 2,9% и 13,1%. Причем, если учесть, что в составе безработных около 80% составляет молодежь от 20 до 39 лет, то есть самая продуктивная и работоспособная категория населения, то становится очевидным, сколь актуальной и в экономическом, и в политическом, и в социальном плане является проблема модернизации социальной структуры общества, главным образом ее региональных аспектов.

5. Все сказанное свидетельствует о необходимости формирования механизма социального приспособления к интенсивно меняющимся условиям бытия. Адаптационная необходимость затрагивает фактически все слои населения всех возрастов различных регионов, которые вынуждены искать и находить пути и способы адаптации. Очевидно, что в этих условиях меняется состояние занятости, формируются самые разнообразные источники доходов, возникают ее институционализированные формы, как то: дополнительная занятость, неформальная занятость и т.д.

Так, в середине 2012 года дополнительную занятость имели 1,8 млн. человек. Отметим также занятость в неформальном секторе, который хотя и является существенным фактором в системе трудовых отношений, тем не менее представляет собой общественный сегмент, в котором отсутствует государственная юридическая регистрация. Это означает определенную деформацию занятости на рынке труда того или иного региона. В середине 2012 года в Москве он составляет 5,2 %, в Санкт-Петербурге – 2,3 %, в отдельных регионах СКФО – более 40%. Основная характеристика рынка труда – это потребность в профессионалах, специалистах, способных по-новому осуществлять свои производственные функции. Поскольку наёмный труд становится субъектом рыночных отношений, на него распространяются все их достоинства и недостатки. Рынок труда в настоящее время можно разделить на два профессиональных сегмента: первый образуют профессии, которые обслуживают институт частной собственности; второй – профессии, обслуживающие государственную собственность. Спрос на специ-

алистов в этих группах различен. В первой группе спрос на профессии рыночного типа высок, но круг их ограничен, поскольку институт частной собственности в России охватывает далеко не все сферы экономики. Во-второй группе специализация востребованных профессий много шире, но эта сфера деятельности часто не устраивает самих специалистов в силу ряда причин, в основном материальных. В сложившейся экономической ситуации существуют профессии, пользующиеся постоянным и устойчивым спросом в обоих секторах экономики. Одна из таких профессий – «менеджер». Эта профессия, безусловно, рыночного типа. Её обладатели не испытывают затруднений при устройстве на работу. Более того – они могут себе позволить выбрать место работы.

Чтобы сравнить различные аспекты профессиональной деятельности менеджеров и представителей других профессиональных групп, первые были выделены в одну профессиональную группу, а остальные респонденты – «простые исполнители» - составили другую. Анализ материалов исследования позволил сделать вывод о том, что группа «менеджеры» отличается от другой профессиональной группы, прежде всего, своим экономическим поведением: они занимают ярко выраженную активную позицию не только в профессиональном отношении, но и в решении всех насущных жизненных проблем.

Основу профессиональной группы менеджеров составляют люди в возрасте от 18 до 44 лет (74,5%), имеющие высокий уровень образования (56,2% – высшее, 28,7% – среднее специальное). То есть они с полным правом могут считаться профессионалами достаточно высокого уровня. В этой профессиональной группе наблюдается преемственность в области образования – две трети родителей опрошенных менеджеров (65,7% отцов и 62,9 % матерей) также имели высокий уровень образования. Поэтому можно предположить, что хорошее образование для данной группы респондентов является определенной жизненной ценностью и осознанным выбором.

В первую очередь именно уровнем образования менеджеры отличаются от представителей другой профессиональной группы. В этой группе в два раза меньше тех, кто имеет среднее специальное образование, и в три раза тех, кто имеет высшее. Можно предположить, что именно это обстоятельство, а также рыночный характер приобретенной профессии определили существенные различия между представителями этой профессиональной группы и всеми другими респондентами в производственной деятельности, материальном и общественном положении.

Анализ данных показал: если есть возможность выбора места работы, профессионалы, как правило, выбирают частное предприятие. Менеджеры не стали исключением: 73,3% из них работают в частном секторе и лишь 19,9% – в государственном.

Проблема неформальной занятости особенно актуальная стала на рубеже XXI веков. Она многолика. Она имеет различные определения в зависимости от целей исследования и угла зрения. Но она присутствует сегодня во всем мире и во всех странах – развитых, развивающихся и постсоциалистических, оказывая существенное влияние на их социально – экономическое развитие. Исследователи, как правило, сталкиваются с рядом проблем, в первую очередь с информационными ограничениями. Кроме того, используются различные показатели-индикаторы. И тем не менее, несмотря на все ограничения, ряд исследователей пришли к выводу, что все страны в зависимости от уровня неформальной занятости можно разделить на три группы: а) до 15%, б) от 15 до 40%, в) свыше 40%. Россия оказывается в средней группе по разным оценкам.

По определению Росстата, неформальный сектор – это совокупность производственных единиц (домашних хозяйств или индивидуальных субъектов), которые осуществляют производство товаров и услуг и не являются самостоятельными юридическими единицами. Этот сектор существенно влияет на формирование рынка труда и на всю социально-трудовую сферу. Основная его функция – амортизация сокращения занятости в формальном секторе. В 2011 г. занятые в неформальном секторе составили 18,5% от общей численности всего занятого населения РФ. Больше половины его составляют городские жители. Специфической особенностью России является ее региональный разброс (от 2,2 % и 5% – в Санкт-Петербурге и Москве до 40-50 % на Кавказе).

В мире существует множество видов стратификаций. На современном этапе можно говорить о нескольких сохранившихся и не вышедших из употребления делений общества на группы по какому-либо основанию. Так, классовый подход изначально имеет в основе деление на классы, которые владеют либо не владеют средствами производства на основе закона разделения труда. Слоевое стратификационное деление общества существует на основании трех основных критериев: образования, дохода, самоидентификации и множества подкритериев. Сословная стратификация объединяет индивидов в группы на основе наследственного принципа.

В последние годы в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса встал вопрос о новом и не менее важном основании для стратификации современных постиндустриальных экономически развитых обществ, а именно делении общества на основании экономической стабильности/нестабильности, безопасности/небезопасности. Такой подход снискал множество приверженцев в странах ЕС и в США. Речь идет о возникновении новой стратификационной группы – прекариате¹, которую в странах Западной Европы и США называют «опасным классом». Прекариат – понятие, этимологически связанное с двумя английскими корнями «precarious» «нестабильный» и «proletariat» (пролетариат). В последние годы, в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса, встал вопрос о новом и не менее важном основании для стратификации современных постиндустриальных экономически развитых обществ, а именно делении общества на основании экономической стабильности/нестабильности, безопасности/небезопасности. Такой подход снискал множество приверженцев в странах ЕС и в США. Однако оно трактуется гораздо шире, чем нестабильный пролетариат. В прекариат входят группы индивидов, которые независимо от размера их дохода, образования, самоидентификации и других характеристик, не имеют стабильной формальной занятости, т.е. эта группа не имеет стабильного положения на рынке труда, не имеет гарантий занятости. Иными словами, сегодня они имеют место работы и доход, а завтра в них перестанут нуждаться. Причем разброс в размере доходов внутри этой группы предельно широк – от дохода фрилансера до дохода поденного неквалифицированного рабочего. И тот, и другой не имеют стабильной формальной занятости. Следует отметить, что данная группа не может быть встроена ни в одну из имеющихся социо-структурных систем. Она стоит особняком, но имеет двухсторонние связи с любой стратификационной системой. Внутренняя неоднородность этой группы дает повод для вполне обоснованной критики, однако, отрицать наличие проблемы, по нашему мнению, не стоит. Прекариатом пугают обывателей, преподнося его как «класс отверженных», которому «нечего терять», который очень независим от современных демократических институтов, поэтому спосо-

¹ Standing G. The Precariat – The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury, 2011.

бен на бунт беспощадный и кровопролитный. Многие политологи и политики считают, что именно прекариат составляет большинство, наполняющее движение «Оккупируй Уоллстрит!», которое стало уже транснациональным. В Европе с ним связывают относительно новое общественное движение, называемое «Mayday», которое провоцирует беспорядки в странах Западной Европы. В Японии появились новые страты, называемые «freeters» и «NEETS», в состав которых входят молодые люди с наличием или отсутствием профессионального образования, но не имеющие возможности найти работу после окончания школы или вуза и перебивающиеся случайными заработками.

Д. Коупленд в своей книге «Поколение X»², вышедшей в конце XX в., очень ярко описал подобную страту, назвав ее «космической беднотой», путешествующей по континентам и странам в поисках новых впечатлений и перебивающейся случайными заработками. Некоторые аналитики считают, что это в определенной степени «бунт» против образа жизни и ценностей среднего класса, который в развитых странах составляет большинство населения. Этот бунт, по их мнению, сродни бунту хиппи 70-х гг. XX в.

В России вопрос о зарождающемся прекариате встал совсем недавно. В апреле 2013 года на XIV Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» вице-премьер РФ Ольга Голодец заявила, что 38 миллионов трудоспособных россиян «непонятно где заняты, чем заняты, как заняты». Это сразу же подтолкнуло российских ученых «провести ревизию» российского общества, особенно трудоспособной его части на предмет какой-либо занятости. Некоторые эксперты считают, что порядка 30% трудоспособных россиян находятся в условиях «неустойчивой занятости», то есть их трудовые отношения не оформлены, и они находятся в теневом или, как выразилась Ольга Голодец, «нелегитимизированном» секторе рынка труда³.

На самом ли деле эта новая группа так опасна? В чем ее сущность? Какова история ее возникновения? В сложившихся условиях социальной трансформации эти вопросы требуют внимательного изучения.

С «прекариатом» как социальной группой тесно связано понятие «прекаризации» – «трудовых отношений, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время, также неурегулированности трудовых отношений и неполноценной, ущемленной правовой и социальной гарантии занятости. В настоящее время это явление охватило значительную часть наемных работников».

С понятием «прекариат» тесно связано понятие «прекаритет» как непредсказуемые, ненадежные и небезопасные условия существования, приводящие к материальному и психологическому неблагополучию. Часто прекаритет соседствует с маргинализацией и аномией в дюркгеймовском понимании этого слова.

В настоящее время проблема прекариата обсуждается, не только в связи с ростом протестного движения в обществе, ведь именно он составляет его основу, но и в связи с проблемой размывания «среднего класса». Так, по данным немецкого исследователя, профессора Йенского университета Клауса Дерре, «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текучего прекариата»⁴. Причины этого состояния кроются в восприятии социального неравенства. Большин-

² Коупленд Д. Поколение Икс. – М.: АСТ, 2009.

³ Афанасьева Н. Новый класс неустойчиво занятых: «непонятно где, непонятно чем» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российского информационного агентства. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html>

⁴ Мармер Э. Что такое прекариат // Neue Zeiten. – 2009. – № 5.

ство опрошенных в Германии (61%) считают, что больше нет середины, а только высшие слои и низшие.

В Российском научном сообществе проблему прекаризации как процесса и прекариата как новой стратификационной группы обсуждают в научных кругах крайне мало, в основном ее отдельные аспекты, например, проблемы частичной, неполной занятости, скрытой безработицы, неформальной занятости, теневой или «серой» экономики и т.д. На факультете философии НИУ Высшей школы экономики в феврале и апреле 2013 г. проходили семинары научно-исследовательской группы «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе», посвященные обсуждению книги Гая Стендинга «Прекариат – новый опасный класс».

Таким образом, следует отметить, что при всей актуальности проблемы в научных кругах еще не выработан комплексный подход к изучению новой стратификационной группы. В условиях возможного роста протестных настроений в обществе необходимо обобщение, конкретизация объекта исследования, его актуализация и предметное изучение, поскольку протестное настроение в обществе только намечилось, и прекариат может стать основной движущей силой протеста в мире и в России, может стать основой экономической и социальной нестабильности.

Развивая тему прекариата, британский исследователь Стендинг делает выводы о том, что именно коллизии постиндустриального общества привели к формированию этой многочисленной группы. Следуя марксистской терминологии, он говорит, что прекариат еще не является классом-в-себе, а есть класс-в-становлении. Автор выделяет пять групп на основании трудовой принадлежности:

1) элита («мизер абсурдно богатых, красующихся на страницах Forbes, влияющих на правительства во всем мире и занимающиеся благотворительностью»);

2) салиариат (высший средний слой, имеющий стабильную полную занятость, надеющийся пополнить ряды элиты. В салиариат входят работники крупных корпораций, государственных учреждений, государственной службы);

3) профессионалы (работники, трудящиеся на основе контракта, возможно, с несколькими корпорациями, могут переходить с одного места работы на другое, демонстрируя «текучесть» постмодерного общества, способны «перетекать», имеют стабильное положение, благодаря своим знаниям и умениям);

4) сердцевина («старый» рабочий класс);

5) прекариат (социально неустроенные, не имеющие полной гарантированной занятости).

Прекариат, по словам Стендинга, обладает «усеченным статусом», т.е. имеет минимальные отношения с государством и работодателем с точки зрения стабильности и безопасности. Представители прекариата в минимальной степени идентифицируют себя с профессиональным сообществом, в котором, возможно, даже находятся. Как следствие, они не являются членами профсоюзов, что, в свою очередь, ведет к размытию этой важной общественной организации.

Британский ученый выделяет три потенциально прекаризованные социальные группы: молодежь, женщины, пожилые люди. К прекариату Стендинг причисляет также и мигрантов, но, скорее всего, речь идет о прекаризованных трудовых отношениях, а не о групповой идентичности.

С распространением неформальной занятости в последнее время в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса особенно активно стал обсуждаться вопрос о возникновении новой социальной страты – прекариата, который стали на-

зывать «опасным классом». В российском обществе в рамках неформальной занятости также растет численность нового слоя. Последствия его формирования могут носить негативный характер. Кроме того, нестабильность в сфере занятости порождает эмоциональную, психологическую и социальную нестабильность, что зачастую ведет к латентному социальному конфликту и провоцирует протестное поведение индивидов. Речь идет о неопределенности, в которой оказались некоторые социальные общности. Эта неопределенность кристаллизуется в различных точках сферы наемного труда, преимущественно неформального, идет ли речь о более развитых обществах или об обществах переходных. В этом плане особые проблемы возникают с ростом численности мигрантов во всех странах, в том числе и в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева, Н. Новый класс неустойчиво занятых: «непонятно где, непонятно чем» [Электронный ресурс] / Н. Афанасьева // Официальный сайт Российского информационного агентства. – Режим доступа : <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html>
2. Коупленд, Д. Поколение Икс [Текст] / Д. Коупленд. – М.: АСТ, 2009.
3. Мармер, Э. Что такое прекариат [Текст] / Э. Мармер // Neue Zeiten. – 2009. – № 5.
4. Standing, G. The Precariat – The New Dangerous Class [Текст] / G. Standing. – London: Bloomsbury, 2011.

Ю.В. Голиусова

ИЗБЫТОЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПРЕКАРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема влияния высшего образования на социально-экономическое развитие страны является предметом исследования многих зарубежных и отечественных ученых. К числу проблем, предполагающих необходимость дальнейшего исследования, относится влияние избыточного образования на уровень благосостояния индивидов, на их положение на рынке труда, на ценностно-нормативную структуру.

Впервые проблема избыточного образования была поставлена зарубежными экономистами. Исследование данной проблемы долгое время осуществлялось в рамках изучения внутрифирменных образовательных экстерналий. В частности, большое внимание уделялось вопросу воздействия избыточного образования на уровень заработной платы как обладателя какого-либо уровня образования, так и других сотрудников фирмы.

В российской научной литературе проблема избыточного образования в явной форме не является предметом специального исследования. Однако вопрос о соответствии уровня образования выпускников учебных заведений требованиям, предъявляемым работодателями, находится в центре внимания не только ученых, но и широких кругов общественности, населения. В отличие от зарубежных исследований, в отечественной литературе проблема избыточности образования изучается в контексте несоответствия количества выпускников вузов спросу на них на рынке труда.

В последние годы все большее распространение получает концепция, в соответствии с которой российская система высшего профессионального образования развивается обособленно, что, в частности, получило отражение в перепроизводстве выпускников высшей школы¹. В связи с этим весьма актуальной является проблема определения избыточного образования не только на микроуровне, но и на макроуровне, а также влияния избыточного образования на благосостояние не только конкретного индивида, но и всего общества.

Во многих странах мира, в том числе в России, в последние десятилетия активно реформируются системы образования. Реформирование образования в современной России обусловлено мировыми тенденциями развития образовательной сферы, такими как рассмотрение образования в качестве ресурса развития общества и государства;

¹ Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 4 (78). – С. 46-54.

глобализация образования, требующая встраивания в мировое образовательное пространство; установка на качество образования, развитие личности обучающихся, становление компетентности участников образовательного процесса.

В России работодатель осуществляет выбор между бакалаврами, специалистами и магистрами. Чаще всего он плохо представляет себе различие между этими ступенями обучения, поэтому предпочтение отдается самой высокой ступени – магистрам, хотя требования к занимаемой позиции, как правило, вполне соответствуют уровню бакалавра или специалиста.

Следует отметить, что численность студентов в России с каждым годом уменьшается, но, тем не менее, на 10000 человек в России в 2012 году приходилось 424 студента². В России каждый год выпускается около миллиона молодых специалистов.

В 2012 году среди безработных в возрасте 20-24 лет около 20% имели высшее образование, т.е. пятая часть выпускников вузов не востребована на рынке труда. Это означает, что на рынке труда требуются менее квалифицированные специалисты и ценность высшего образования понижается. Данный феномен получил название «избыточное образование» или, как это принято называть в зарубежной литературе, *overeducation*. Те, кто менее образован, имеют гораздо больше шансов трудоустроиться, чем те, кто лучше образован. Иначе говоря, существует обратная корреляция между образовательным уровнем и легкостью трудоустройства.

В безработные также попадает экономически активная молодёжь, что негативно влияет на социально-экономическую сферу и на рынок труда. Так, в 2012 году почти 10 % экономически активного населения в возрасте 15-29 лет являлись безработными. Причём пик безработицы среди имеющих высшее образование приходился на возраст 20-24 лет. Этот факт говорит о том, что трудоустроится после окончания высшего учебного заведения достаточно трудно. 23 % среди безработных в возрасте 15-29 лет составляют окончившие высшее учебное заведение. По данным исследовательского центра кадрового интернет-портала «Superjob», в июне 2014 года в Москве чаще всего соискателями были мужчины в возрасте 25-29 лет с высшим образованием.³ Трудоустройство на работу, не связанную с полученной специальностью, это ещё одна проблема, ведущая молодёжь в группу нестабильно занятых. В основном на молодёжном рынке труда требуются работники со средним специальным образованием. Однако, судя по данным (рис. 1), занимать данные позиции приходится выпускникам вузов.

Но что же происходит на самом деле на молодёжном рынке труда? Об этом мы поговорим далее.

По данным исследования «Начало карьеры, студенты», проведенного порталом «Career» в июле 2014 года в городах-миллионниках (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Самара, Омск, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград, Красноярск, Пермь, Воронеж)⁴, Москва — единственный город, в котором конкуренция при поиске работы среди молодежи ниже, чем в целом по рынку труда. Если говорить про долю вакансий для молодых специалистов в каждом ре-

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm

³ Рынок труда Москвы, июнь 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superjob.ru/research/articles/111575/rynok-truda-moskvu-iyun-2014>

⁴ Рынок труда для молодых специалистов в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

Рис. 1. Топ-20 вакансий (по количеству) в проф. сфере «Начало карьеры, студенты» в России (%), 2 квартал 2014 г.

Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

гионе, то в Москве в 2014 году на вакансии для молодых специалистов пришлось около 13% от общего спроса в регионе (или каждая 8-я вакансия на рынке труда в Москве). В Нижнем Новгороде и Казани каждая 13-я вакансия была ориентирована на молодого специалиста, в Санкт-Петербурге – каждая 11-я вакансия.

Большинство российских вакансий, размещенных в сфере «Начало карьеры, студенты», во 2 квартале 2014 г. Предполагали полную занятость. Самый высокий показатель отмечен в Воронеже – 89%, а самый низкий – в Красноярске и Челябинске – 73%.

Вакансий, предлагающих частичную занятость для молодых специалистов, больше всего было опубликовано в Челябинске – 24%. Стажировки чаще всего встречались в Санкт-Петербурге и Воронеже – 4% от общего количества вакансий, размещенных в сфере «Начало карьеры, студенты».

В начале 2014 года конкуренция среди соискателей при поиске работы в сфере «Начало карьеры, студенты» совокупно была в среднем в два раза выше, чем в целом по рынку труда, т.е. напряженность на рынке труда молодых специалистов выше.

Что касается требуемого работодателем образовательного уровня, то в целом по России в 42% вакансий для молодых специалистов, в которых упоминалось об образовании как таковом, речь шла о высшем образовании (рис. 2).

Скорее всего, эти данные свидетельствуют не о потребности в высококвалифицированных кадрах, а о завышенных требованиях работодателей. Так, если соотнести данные на рисунках 3 и 2, то получается, что продавец-консультант или менеджер по продажам должны непременно иметь высшее образование, что лишено всякого здравого смысла. Феномен «девальвации дипломов» происходит, когда высшее образование связано не с уровнем профессиональной подготовки и компетентностью, а просто рассматривается как определенный уровень общей культуры. О профессиональных и коммуникационных навыках, которые в различной степени востребованы на рынке труда, говорят следующие данные (рис. 3).

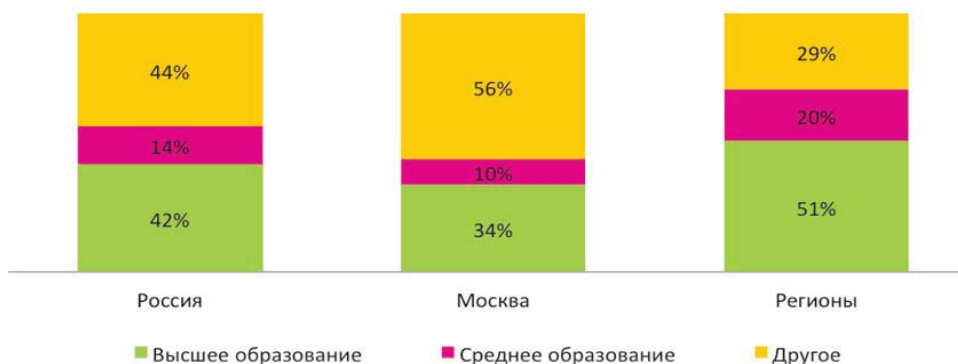

Рис. 2. Распределение вакансий по уровню требуемого образования в проф. сфере «Начало карьеры, студенты» (% , 2 квартал 2014 г.)

Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

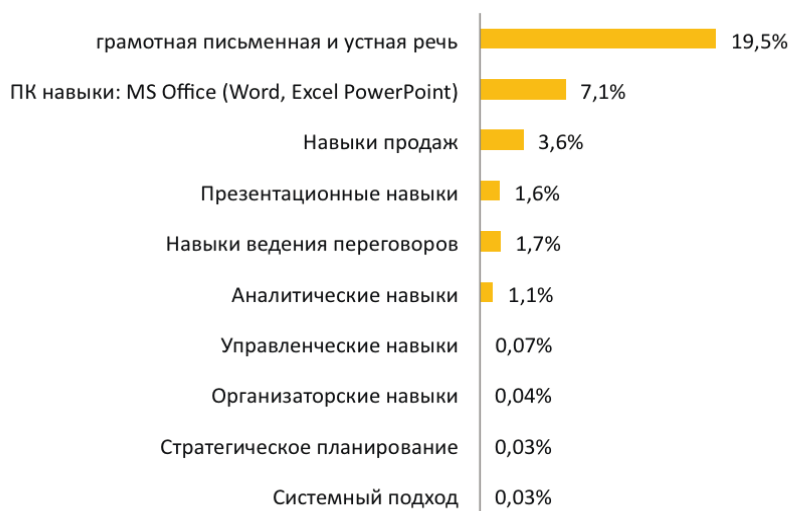

Рис. 3. Топ-10 навыков в вакансиях в проф. сфере «Начало карьеры, студенты» (Россия, %, 2 квартал 2014 г.)

Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

Действительно, молодёжь, окончившая вуз, должна уметь грамотно изъясняться на русском языке, быть уверенным пользователем ПК, уметь продать товар. Перекос? Скорее всего, проблема кроется в низком уровне полного среднего образования, которое в последнее время своей задачей ставит не «воспитание гармонично развитой, грамотной личности», а нацелено на сдачу тестов ЕГЭ, зачастую не дающего никаких представлений об уровне знаний и умений выпускника. Поэтому только диплом о высшем образовании может хоть как-то гарантировать работодателю наличие у претендента на должность продавца-консультанта вышеуказанных навыков.

Чаще всего в начале 2014 года работодатели указывали на необходимость наличия у претендента высшего технического (инженерного, математического, физического) образования (рис. 4).

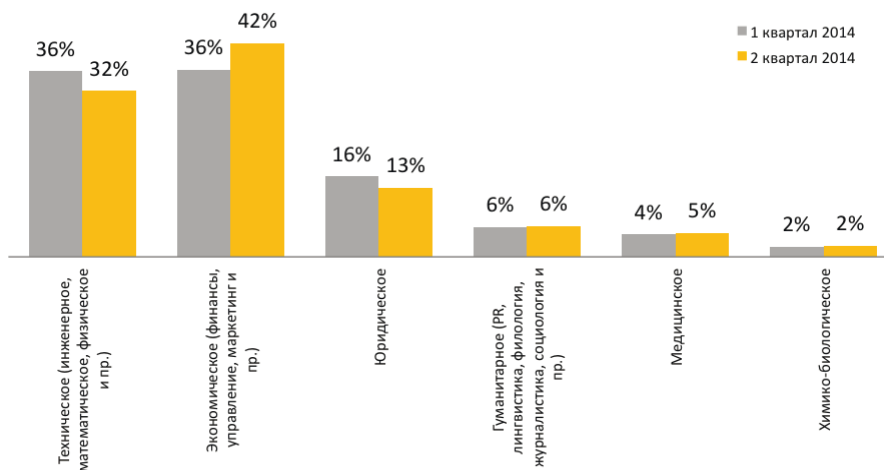

Рис. 4. Упомянутость образования в вакансиях в проф. сфере «Начало карьеры, студенты» (Россия, %)
 Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

Эти данные показывают, что основными работодателями, скорее всего, выступали торговые организации, реализующие технику и комплектующие, поэтому для них важно было наличие у соискателей технического образования.

Для определения напряженности на рынке труда кадровые агентства используют hh.индекс, который выражается в соотношении количества выложенных резюме и предложенных работодателями вакансий. Высокий показатель индекса говорит о том, что работодателю легче найти себе сотрудника, т.к. у него есть широкий выбор, а вот соискателю сложнее трудоустроиться, т.к. конкуренция при поиске работы высокая. Низкий показатель индекса, напротив, невыгоден работодателю, т.к. соискателей мало и выбор среди них ограничен. Соискатели же наоборот, могут диктовать свои условия при трудоустройстве, т.к. они являются дефицитными специалистами на рынке. На рисунке 5 показано соотношение hh.индекса по регионам в сравнении с индексом по рынку труда в целом.

Из рисунка мы видим, что напряженность у молодых специалистов во многих городах примерно в два раза выше, чем в целом по рынку труда этих городов. Молодые специалисты с высшим образованием испытывают трудности с трудоустройством, хотя при этом остаются оптимистами. По данным онлайн-опроса, проведенного компанией HeadHunter в июне 2014 г., 6% молодых специалистов, находящихся в данный момент в поиске работы, утверждают, что сейчас трудоустроиться очень сложно, но в целом тенденция положительная, хотя растёт число неопределившихся (рис. 6)⁵.

Рост числа неопределившихся, возможно, говорит о том, что молодёжь, отчаявшись найти работу, отвлеклась от поиска работы на другие проблемы.

Каждый второй работник признается, что трудоустройство в данный момент для него является критичным, и серьезно отражается, в том числе, и на жизнедеятельности семьи. Тем не менее 20% опрошенных, не имеющих работы в данный момент, утверждают, что занятость для них не критична (рис. 7).

⁵ Опрос проведен с 16 по 30 июня 2014 г. среди 131 работника компаний, разместивших резюме в сфере «Начало карьеры, студенты».

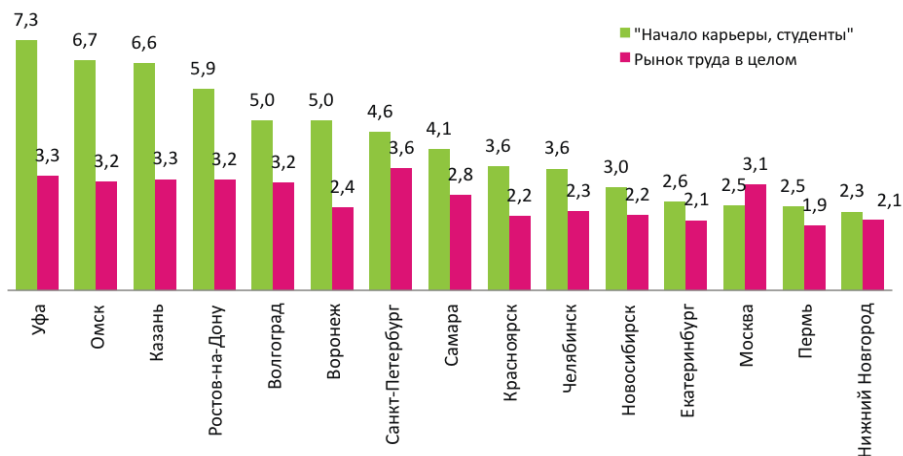

Рис. 5 hh.индекс во 2 квартале 2014 г. (соотношение количества резюме и вакансий)
 Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

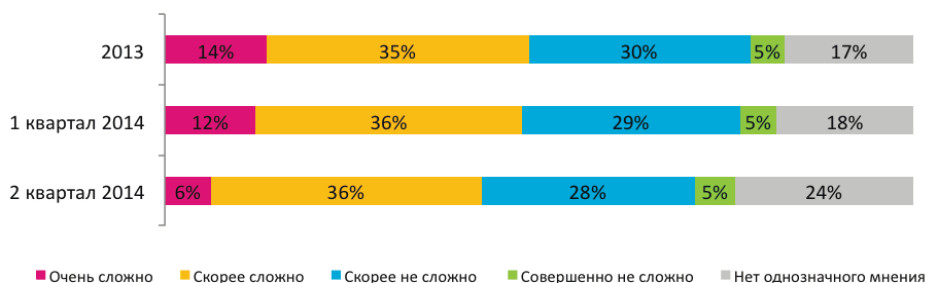

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «По Вашим ощущениям, в Вашей профессиональной области сложно найти работу?» (критерий – сложности с поиском работы)
 Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

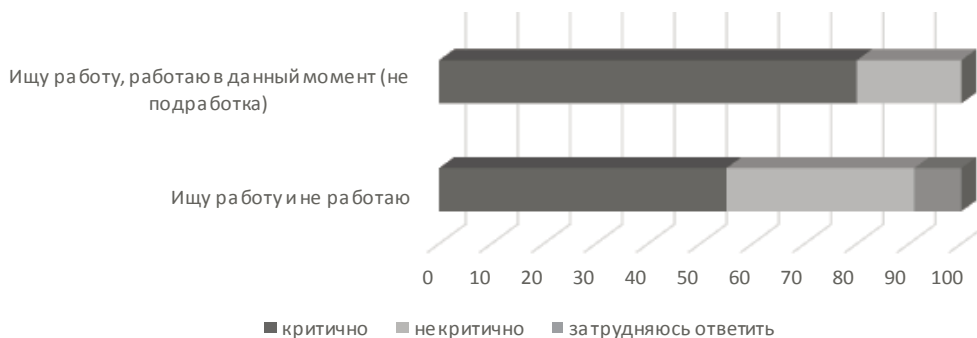

Рис. 7. Критичность поиска работы для соискателя и/или его семьи, % от всех опрошенных
 Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

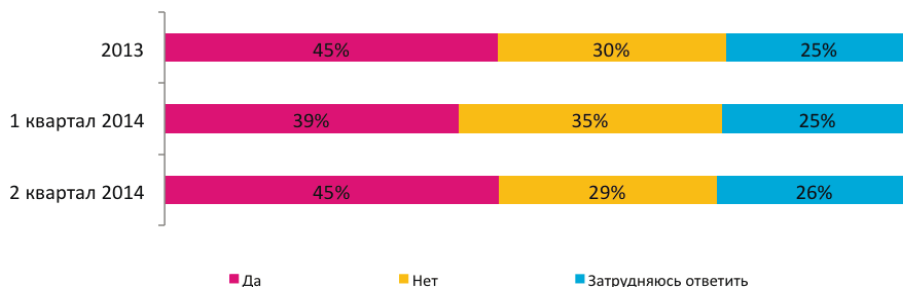

Рис. 8. Готовы ли вы снизить свои зарплатные ожидания ради сохранения работы или гарантированного трудоустройства на новое место? (критерий – готовность снизить зарплатные притязания)

Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>

45% опрошенных в настоящее время готовы пойти на снижение зарплатных ожиданий ради сохранения работы или гарантированного трудоустройства на новое место (рис. 8)

Эти данные свидетельствуют о том, что молодые специалисты готовы на снижение свои притязаний ради стабильной занятости, уверенности в завтрашнем дне.

Предпринимается ряд мер, способствующих разрешению проблем трудоустройства выпускников вузов. Наша проблема была описана ещё в 70-е годы XX века известным советским социологом В.Н. Шубкиным. Общими словами ситуацию можно описать так: чем меньше требуются специалисты в той или иной области на рынке труда, тем больше конкурс в вузах на эти специальности. Сегодня правительство России пытается решить проблему перепроизводства юристов и экономистов и нехватки инженеров. Предпринимаются попытки работы с бывшими студентами в службах занятости, где сразу после университетской скамьи им предлагают переобучение и переподготовку по требующимся на рынке труда специальностям. Последним нововведением является то, что вузы заставят вести статистику трудоустройства выпускников, что будет отражаться в их рейтингах. Предпринимаются попытки сократить число высших учебных заведений, особенно филиалов вузов в регионах России. Эффективность предпринятых мер оценит время. Если в России не появятся в ближайшее время прекаризированные группы (классы) молодёжи, значит, политика государства в данной области успешна.

* * *

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что российская система образования находится в процессе реформирования. При сокращении количества вузов число студентов падает. При этом последствия реформ - это безработица и нестабильная занятость выпускников вузов. Важным следствием реформ стала «девальвация дипломов». Работодатели, наблюдая целый ряд молодых специалистов с высоким уровнем образования, предлагают претендентам должности, которые не требуют высшего образования. Таким образом, в России есть, например, немало продавцов и кассиров в супермаркетах с высшим образованием. При этом выпускники показывают неувядающий оптимизм, надеясь в будущем на улучшение их социального статуса и достойное место в социальной иерархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голенкова, З.Т. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества [Текст] / З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова // «Социологическая наука и социальная практика». – 2013. – № 3. – С. 5-15.
2. Капелюшников, Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности [Текст] / Р. Капелюшников // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 4 (78). – С. 46-54.
3. Кастель, Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда [Текст] / Р. Кастель. – СПб.: Алетейя, 2009.
4. Константиновский, Д.Л. Молодёжь России на рубеже XX – XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие [Текст] / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСПиМ, 2014.
5. Рынок труда для молодых специалистов в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://career.ru/article/15140>
6. Рынок труда Москвы, июнь 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superjob.ru/research/articles/111575/rynok-truda-moskvy-iyun-2014>
7. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

А.А. Шабунова

д-р экон. наук, доцент, зам. директора

Институт социально-экономического развития территорий РАН

МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ¹

Важнейшей задачей устойчивого развития в Российской Федерации является обеспечение положительного тренда демографических процессов. За период с 1992 по 2012 г. естественная убыль в стране составила более 14 млн человек, такие потери сопоставимы с периодом военных действий. В 2013 г. после долгого перерыва зафиксирован естественный прирост: общий коэффициент смертности был на 0,2‰ меньше общего коэффициента рождаемости, Вместе с тем, несмотря на позитивные тенденции последних лет, согласно прогнозным оценкам Росстата, кривые рождаемости и смертности вновь пересекутся к 2020 г. Прогнозы относительно численности населения России к 2050 г. разнятся: исследователи-оптимисты, считают, что в стране будет жить 120 млн человек, пессимисты утверждают, что россиян будет не более 90 млн. Это не только демографическая, но и экономическая, и геополитическая проблема.

Перемещение рождаемости на более поздние возраста смягчило неблагоприятные структурные подвижки, о которых сказано выше. В ближайшие несколько лет демографические показатели еще имеют шанс несколько улучшиться, но в средне- и долгосрочной перспективе (10–20 лет) их ухудшение практически неизбежно, т.к. произойдет значительное сокращение числа потенциальных матерей. Директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич отмечает, что благодаря поддержке властей рождаемость была подстегнута. «Рожать начали в низкодходных группах, – говорит она. – Но как только в детородный возраст войдет малочисленное поколение 90-х годов рождения, рождаемость пойдет вниз». Что делать, сказать трудно. «Если избегать резких выражений, то можно констатировать: социальная политика по поддержке семьи сегодня в России такова, что не дает возможности женщинам совмещать работу с нормальным деторождением», – считает Зубаревич.

В прямой зависимости с естественным воспроизводством и миграцией находится формирование возрастной структуры населения, ухудшение которой происходило

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России».

параллельно с процессами депопуляции. Демографы с тревогой отмечают, что удельный вес населения пожилых возрастов превысил удельный вес детей. В 56 регионах страны на долю детей и подростков приходится менее пятой части жителей (на начало 2000 г. таких регионов было 41, 1990 г. – 3). Сокращение численности молодых когорт является значимым демографическим и экономическим риском для развития страны. Он проявляется, прежде всего, в снижении творческого потенциала, основным носителем которого является молодая часть трудовых ресурсов. Молодежь – наиболее активная составляющая гражданского общества: она лучше приспособлена к внедрению инновационных проектов и технологий в различных сферах. Молодое поколение лучше адаптируется к нынешним условиям и глубже входит в современную экономическую систему, чем старшее поколение. «Главная надежда России – это высокий уровень образования населения, и прежде всего нашей молодежи... даже при всех известных проблемах и нареканиях к качеству отечественной образовательной системы. Основной вызов России – мы должны научиться использовать «образовательный драйв» молодого поколения...»².

Будущие ученые и изобретатели – это во многом те люди, которые в настоящее время еще только учатся в школе. Именно в этом возрасте важно закладывать алгоритмы здорового образа жизни, прививать тягу к познанию нового, формировать базовые навыки конструктивной творческой деятельности.

Важным вызовом для России является сохранение здоровья подрастающего поколения. Здоровье детей является ключевым звеном в формировании и сохранении человеческого потенциала. Именно в детстве закладываются основы здоровья и здоровьесберегающего поведения, которые будут переданы следующим поколениям. Более того, здоровье детей и подростков в любом обществе и при любых социально-экономических и политических ситуациях является актуальнейшей проблемой и предметом первоочередной важности, так как оно определяет будущее страны, генофонд нации, научный и экономический потенциал общества и, наряду с другими демографическими показателями, служит чутким барометром социально-экономического развития государства.

Тенденции изменения здоровья детского населения

Вместе с тем здоровье детского населения ухудшается, о чем свидетельствуют негативные тренды основных показателей. В России около 35% детей рождаются больными или заболевают в ближайшее время, в Вологодской области этот показатель около 30%. В среднем каждый десятый младенец рождается недоношенным и с низкой массой тела. В течение последнего пятилетия среди детей первого года жизни частота отдельных классов и групп болезней увеличилась на 13–23%. Показатель детской инвалидности в РФ с 2000 по 2008 г. стабилизировался на уровне 190–200 на 10 000 детского населения (520–550 тыс. детей-инвалидов). Потенциал здоровья детей снижается с самого раннего детства, о чем свидетельствует рост заболеваемости детей. В России за период с 1995 по 2012 г. общая заболеваемость выросла на 53%, увеличиваясь в среднем на 4% ежегодно (рис.1). В Вологодской области общая заболеваемость детей выросла на 68% за аналогичный период, преимущественно за счет хронических болезней.

Материалы государственной статистики характеризуют состояние и тенденции изменения здоровья детской популяции в целом и позволяют оценить детское здоровье

² Путин В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 17.01.2012.

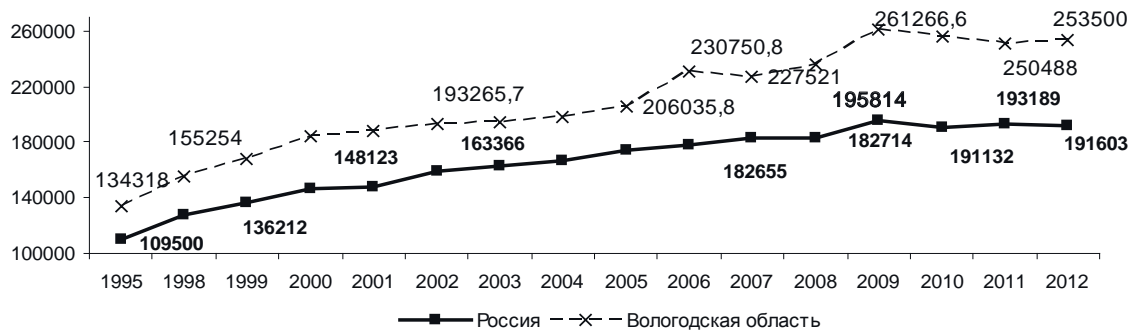

Рис. 1. Заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет (на 100 тыс. детей)

Источники: Российский статистический ежегодник. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2001-2013.; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999 – 2013 гг.: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 1999-2013.

как компоненту здоровья общественного. Понять изменения индивидуального здоровья детей помогают специальные исследования.

С этой целью в Вологодской области с 1995 г. проводится медико-социологический мониторинг здоровья и развития детей в режиме реального времени. В нем участвуют четыре когорты семей, в которых родились дети весной 1995, 1998, 2001, 2004 гг. Исследование дает уникальную возможность увидеть, как меняется здоровье детей, понять, какие факторы оказывают большее влияние на его формирование. Медико-социологический мониторинг здоровья детей позволяет увидеть детское здоровье и нездоровье на качественно ином уровне и более подробно обсуждать проблему.

Прообразом данной работы стало исследование, проведенное в Великобритании 3 – 9 марта 1958 г. под названием «Национальная программа изучения развития детей (НИРД)». К настоящему времени в Великобритании осуществлено шесть этапов исследования в целях контроля физического, образовательного, социального и экономического развития членов когорты. Результаты помогли определить процесс принятия решений в таких важнейших сферах, как образование, занятость, жилье и здравоохранение. Выводы были столь значительны и интересны, что привлекли большое количество спонсоров, а также потребителей полученных результатов. Аналогичные исследования были организованы в ряде стран Европы и Америки.

Идея проведения мониторинга изучения условий формирования здоровья детей, подобного английскому, в России впервые была высказана Н.М. Римашевской в 1980 году. «Уже тогда ученым института было ясно, что необходимо обратить внимание на детей, если думать о здоровье взрослых»³. Центральная идея исследования состоит в том, чтобы в формате лонгитюда, в режиме реального времени изучить процесс формирования качественного потенциала человека, начиная с рождения⁴.

³ Римашевская Н.М. Российский генофонд: качество будущих поколений // Народонаселение. – 2000. – № 4. – С. 100.

⁴ Римашевская Н.М. Российский генофонд: качество будущих поколений // Народонаселение. – 2000. – № 4. – С. 100.

Таблица 1. Этапы проведения мониторинга

Год начала исследования	Период начала исследования	Количество обследуемых семей
1995	15 мая – 30 мая	100
1998	1 марта – 25 марта	200
2001	1 марта – 25 марта	200
2004	1 марта – 25 марта	200
2014	1 марта – 21 марта	370

Лонгитюдное панельное исследование демографических, социально-экономических и медицинских факторов, влияющих на здоровье детей, в Вологодской области начато в мае 1995 года⁵. Пятая волна мониторинга осуществлена в 2014 г. К настоящему времени в исследовании участвуют пять когорт семей (дети 1995, 1998, 2001 и 2004, 2014 годов рождения), что расширяет возможности для выявления и анализа тенденций в здоровье и развитии детей, а также факторов, обуславливающих данные процессы.

Мониторинг проводится посредством заполнения специально разработанных анкет. Организация исследования предполагает использование комплексного инструментария, который включает:

- анкеты, характеризующие особенности семьи и домохозяйства новорожденного (заполняются родителями), здоровье родителей и особенно подробно – матери, специфику родов, основные параметры здоровья новорожденного или причины его смерти (заполняются врачами акушерами-гинекологами на основе медицинской документации);

- анкеты, характеризующие состояние здоровья и развитие ребенка, условия его жизни в возрасте 1 месяца, 6 месяцев, 1, 2, 3 лет и так далее (анкеты имеют две части: первая, касающаяся оценки условий жизни и развития детей, заполнялась родителями; вторая, касающаяся характеристики и оценки здоровья ребенка, – участковыми врачами-педиатрами);

- анкеты, характеризующие состояние здоровья и развитие ребенка, увлечения и интересы детей (заполняются самими детьми, начиная с десятилетнего возраста).

- пакет прикладных программ (SPSS, Statistica) для первичной обработки информации, а также статистического и эконометрического анализа.

Вместе с этим для более углубленного анализа сформированной базы данных, выявления статистически значимых взаимосвязей и зависимостей исследуемых показателей применялись эконометрические методы (корреляционный, регрессионный, факторный и кластерный анализы)⁶.

В течение первого года жизни ребенка информация снимается четыре раза (на период рождения, достижения детьми возраста одного месяца, шести месяцев и одного года), далее – ежегодно [11].

⁵ В исследование включены все семьи, в которых в течение двух недель (с 15 по 30 мая 1995 года) родились дети. Обследование проводилось в городах Вологде, Череповце, районных центрах Кириллове, Великом Устюге, поселке городского типа Вожега. С 2004 г. в исследовании были задействованы уже четыре когорты семей, в которых родились дети в периоды с 15 по 30 мая 1995 г., с 1 по 25 марта 1998 г., в 2002 и 2004 г. в тех же населенных пунктах. Информация снималась четыре раза в год на протяжении первого года жизни (новорожденные дети, дети в возрасте 1 месяца, 6 месяцев и одного года), далее ежегодно.

⁶ База данных мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» имеет свидетельство о государственной регистрации № 2012620788 от 13.08.2012 в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам.

Анализ данных мониторинга свидетельствует о снижении потенциала здоровья детей, полученного при рождении, причем ухудшение здоровья происходит поэтапно, ступенчато. Установлены основные критические периоды детства: первый год жизни (среди новорожденных доля здоровых детей и детей с минимальным риском потери здоровья составляет 60 – 40%, к одному году она снижается до 20 – 15%), 6 – 7 лет (удельный вес детей, имеющих хронические заболевания, увеличивается в среднем на 5 – 6%), что связано с наиболее ответственными моментами социальной адаптации. К 12 годам, в силу физиологических особенностей, укрепляется иммунная система детей, сокращается удельный вес часто болеющих простудными заболеваниями. Однако увеличивается заболеваемость опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, снижается острота зрения, т.е. растет число хронических патологий. Особенно тревожным на этом фоне выглядит ослабление внимания медицинского персонала к категории детей, имеющих вторую группу здоровья. Часты случаи отнесения их к группе здоровых только на основании редкой обращаемости в медицинские учреждения.

Новый этап исследования в 2014 г. показал, что почти 15% новорожденных имели хорошее здоровье (отнесены к 1 группе здоровья), что на 5-10 п.п. выше, чем в предыдущие годы исследования. При этом сократился и удельный вес детей, имеющих функциональные и некоторые морфологические отклонения (группа 2Б, на 6 п.п. по сравнению с 2004 г.). Данные процессы связаны, с одной стороны, с улучшением социально-экономического положения населения, с другой стороны, с мероприятиями демографической политики, проводимыми в стране и регионе.

Гендерный анализ здоровья детей свидетельствует о том, что здоровье девочек лучше, чем здоровье мальчиков. В каждой из обследуемых когорт удельный вес девочек, имеющих 1 группу здоровья, больше, чем мальчиков, в течение всего наблюдаемого периода. В то же время доля мальчиков, имеющих хронические заболевания, выше соответствующей доли среди девочек.

Анализ показал значительные территориальные различия в здоровье детей. Состояние здоровья детей в городах Череповце и Вологде, по оценкам врачей, хуже, чем в районах. Удельный вес детей с хроническими заболеваниями в городах больше в 2 – 4 раза, чем в районах. Но это может быть обусловлено не только лучшим здоровьем детей в сельской местности, но и меньшей выявляемостью заболеваний, чем в крупных городах. В сельской местности имеет место недоукомплектованность педиатрическими кадрами. Это приводит к более низкому качеству медицинских осмотров: отсутствие полного состава врачей-специалистов влечет за собой позднюю и неполную выявляемость хронических заболеваний у детей.

Факторы, определяющие здоровье детей

Полученные в исследовании данные позволили выявить факторы, оказывающие статистически существенное влияние на здоровье детей в различные возрастные периоды. В раннем детстве наиболее значительное влияние на здоровье детей оказывают медико-биологические факторы и образ жизни матери:

– Плохое здоровье родителей. Так, матери здоровых детей в 65% случаев имели хорошее и отличное здоровье, а у больных детей – только 51%; у больных детей матери чаще имели лишь удовлетворительное здоровье (43%), чем у здоровых (35%).

– Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности. У матерей, страдавших анемией во время беременности, всего 29% детей родились здоровыми, за год удельный вес детей с первой группой здоровья снизился до 8%, к 2 годам – до 7%, к 3 годам составил чуть больше 1%.

– Курение матери увеличивает риск рождения маловесных детей с ослабленным здоровьем; у курящих женщин удельный вес детей, родившихся с нормальным весом, составил всего 3 – 14%.

– Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам. В когорте 1995 г. матери больных детей значительно чаще работали в условиях запыленности (12,5% против 8,8% у здоровых), повышенной температуры (12,5% против 2,9%), психического напряжения (37,5% против 29,4%), ночного времени (12,5% против 1,5%). Данный фактор широко распространен.

– Характер вскармливания детей влияет на их здоровье не только в раннем детстве, но и в последующие периоды. По данным мониторинга, дети, находившиеся на грудном вскармливании до 6 месяцев, в 2 раза реже болели по сравнению с детьми, вскормленными при искусственном питании. Однако распространенность грудного вскармливания в России невелика: в 2008 г. лишь 41% младенцев имели грудное молоко до 6 месяцев и 39% – до 1 года.

При формировании здоровья детей в дошкольном и школьном возрасте значимыми становятся несколько иные факторы. Увеличивается удельный вес рисков среды обитания, образа и уровня жизни семьи, снижается воздействие медико-биологических факторов. Наиболее существенное влияние оказывают следующие:

– Ослабленное здоровье детей в первый год жизни усиливает риск формирования хронических заболеваний в старшем возрасте. У детей, не болевших на втором году жизни, к пяти годам не было хронических заболеваний, в то время как среди детей, часто болевших в 2 года, к 5 годам 10% имели хронические заболевания, к восьми годам – 30%.

– Низкие доходы семей лимитируют возможность организации полноценного питания детей, а также вложения средств в профилактику и укрепление их здоровья. Данные обследования доказывают, что при недостаточном, несбалансированном питании дети чаще болеют, а финансовые ограничения затрудняют приобретение необходимых лекарственных препаратов. Факторы риска, ведущие к ухудшению здоровья детей, сконцентрированы в семьях с низкими доходами.

– Неблагоприятные жилищные условия, дискомфорт микроклимата жилища (теснота, некомфортная температура, влажность, запыленность) приводят к снижению общей сопротивляемости организма воздействиям внешней среды, снижению иммунитета, что, в свою очередь, является предпосылкой возникновения частых респираторных и аллергических заболеваний.

– Неудовлетворительные экологические условия в районе проживания. Так, в когорте 1998 г. хорошее здоровье имели 33% детей, проживающих в благоприятных экологических условиях, и 17% – в плохих.

– Низкий уровень социально-гигиенической грамотности и здоровьесберегающей активности родителей. Анализ данных мониторинга позволил сделать следующие выводы:

– активность родителей, направленная на сохранение здоровья детей, по мере их взросления падает;

– родители часто неадекватно оценивают здоровье детей, не видят необходимости в организации диетпитания, консультаций у врачей-специалистов, что могло бы предотвратить развитие хронических заболеваний. По мнению медиков, диетпитание требуется 18 – 23% детей, родители считают необходимым его соблюдение лишь в 2 – 5% семей.

Таблица 2. Распространенность факторов риска в популяции

Фактор	Распространенность в популяции
Неудовлетворительное здоровье матери	В 2014 г. в Вологодской области 8% женщин в репродуктивном возрасте оценивают свое здоровье как плохое и очень плохое; 43% – как удовлетворительное*.
Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности	Анемии составляют 33% заболеваемости беременных женщин
Курение матери	Распространенность курения среди беременных женщин значительно возросла (с 3% в 1995 году до 10 – в когорте 2014 г.). В Вологодской области в репродуктивном возрасте курит 29% женщин. Их доля увеличивается*.
Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам.	В Вологодской области в 2006 г. 26% женщин трудились в не отвечающих санитарным нормам условиях, в то время как в 2000 г. этот показатель не превышал 7%**.
Низкие доходы семей	Около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности. Выявлено и некоторое улучшение в данный период субъективных оценок покупательной способности семей, участвующих в мониторинге. Отмечено увеличение доли респондентов, которым денег хватает на все текущие расходы, с 27 до 38 соответственно. Число семей, считающих, что денег им хватает только на ежедневные расходы, но покупка одежды и других вещей представляет трудности, уменьшилось соответственно с 53 до 37.
Неблагоприятные жилищные условия	13 – 18% семей, участвующих в мониторинге, проживают в плохих либо требующих капитального ремонта домах и квартирах
Неудовлетворительные экологические условия в районе проживания	28% детей (по оценке родителей) проживают в плохих или очень плохих экологических условиях.

*По данным мониторинга общественного здоровья, проводимого ИСЭРТ РАН ежегодно с 1999 г. Объектом исследования является население Вологодской области в возрасте старше 16 лет. Опросы проходят в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 человек.
**По данным Вологдастата.

Распространенность вышеперечисленных факторов риска довольно высока. Лишь 6% семей благополучны в этом отношении, в остальных эти факторы присутствуют в различных сочетаниях.

Более чем в трети семей отмечаются 2 каких-либо фактора риска, примерно в 20% семей – сочетаются три. Наибольшая доля здоровых детей выявлена в семьях, где негативные воздействия отсутствуют или минимальны (около 30%). Наиболее велика доля детей, имеющих хронические заболевания, в семьях, сочетающих четыре (25%) и пять (33%) факторов риска. При этом факторы риска сконцентрированы в семьях с низкими доходами.

Опираясь на данные мониторинга детского здоровья и других социологических исследований, мы оценили распространенность выявленных факторов риска в популяции (табл. 2).

Полученные данные свидетельствуют о формировании определенной закономерности: широкая распространенность факторов риска в популяции ведет к ухудшению здоровья детей, а это в свою очередь ведет к низкому уровню здоровья молодежи и, в конечном счете, отражается на здоровье взрослых, а плохое здоровье родителей становится причиной нездоровья детей. Формируется так называемая «социальная воронка»⁷ куда все активнее втягиваются молодые когорты: проблемы здоровья перемещаются из групп населения старшего возраста в группы детей и молодежи.

Здоровьесберегающие установки и практики

Во многом формирование здоровья зависит от ценностных ориентаций и распространенности здоровьесберегающих практик. Более детально обсуждать эту проблему позволяют результаты еще одного обследования, проведенного в 2011 г. в школах г. Во-

⁷ Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 3. – С. 209-218.

Таблица 3. Ценностные ориентации школьников, % от числа опрошенных

Варианты ответов	1 классы	9, 11 классы
Счастье, любовь, дружба, гармоничная жизнь	46,1	66,3
Получить образование, профессию	40,1	68,8
Иметь хорошую семью	73,1	47,6
Иметь хорошее материальное положение (работа, квартира, машина)	49,7	59,6
Иметь крепкое здоровье	55,2	34,9
Другое	16,8	6,3

Таблица 4. Сопоставление параметров здорового образа жизни в представлениях школьников и их действиях, % от числа опрошенных, 9, 11 классы

Что такое для тебя здоровый образ жизни?		Что ты делаешь, чтобы сохранить здоровье?	
Здоровое питание	79,2	Хорошо питаюсь	59,2
Отсутствие вредных привычек	76,0	Не имею вредных привычек	62,4
Регулярные занятия спортом, физической культурой	70,4	Занимаюсь спортом, посещаю спортивные секции, ДЮСШ	49,6
Соблюдение санитарно-гигиенических норм	46,4	Соблюдаю санитарно-гигиенические нормы	59,2
Прогулки на свежем воздухе, за городом	44,8	Часто гуляю на свежем воздухе, за городом	39,2
Соблюдение режима дня	30,4	Соблюдаю режим дня	15,2
Регулярное посещение медицинских специалистов	4,0	Регулярно посещаю медицинских специалистов	7,2
Закаливание	4,8	Закаливаюсь	5,6

логды⁸. Абсолютное большинство детей (88,4%) понимают, что о здоровье надо заботиться с детства, а не только во время болезни или после окончания школы. Однако среди заветных желаний крепкое здоровье у старшеклассников занимает последнюю позицию (35%), заметно уступая материальной обеспеченности (60%), получению хорошего образования (69%), любви и дружбе (66%; табл. 3). Ценность крепкого здоровья снижается с первого класса (55%) к выпускным (35%). Значимость взаимоотношений со сверстниками наоборот возрастает от 46% в первом классе до 66% в старших.

По данным исследования, 60% школьников узнают о путях укрепления здоровья от родителей, 23% – от учителей. Но информированность о приемах сохранения здоровья не всегда является побуждением к действию. Детям и подросткам свойственно беспечное отношение к здоровью. Сравнение представлений школьников о мероприятиях, поддерживающих здоровье, и их исполнение в реальной жизни показывает, что такие важные направления, как занятия спортом и закаливание, распространены недостаточно широко (табл. 4). При этом в семьях, в которых родители занимаются спортом, около 60% детей также им увлечены, в неспортивных семьях физкультуру любят только 20% школьников. Значительное несовпадение позиций выявлено в отношении соблюдения режима дня: осознают его важность – более 30% ребят, но соблюдать режим дня удаётся лишь 15% старшеклассников.

Существенно снижают здоровье школьников курение, употребление алкоголя, наркотиков. Детское и подростковое курение, к сожалению, характерно для всех стран мира в той или иной степени. По данным ВОЗ, распространенность употребления табака подростками 13 – 15 лет в РФ составила 27%, в Европейском регионе – 18%, в мире в целом – 14% (за период 2000 - 2008 гг.) [8]. По данным обследования в г. Вологде, удельный вес детей, пробовавших курить, увеличивается с 1% в 5 классе

⁸ В декабре 2011 г. было опрошено 553 ученика в 2 школах г. Вологды: в школе № 1 с углубленным изучением английского языка – 300 чел.: (1 классы – 83 чел., 5 классы – 92 чел., 9,11 классы – 125 чел.); в обычной школе №13 – 253 чел. (1 классы – 84 чел., 5 классы – 82 чел., 9,11 классы – 87 чел.).

Таблица 5. Доля школьников пробовавших курить, % от числа опрошенных

Варианты ответов	5 классы		9, 11 классы	
	Школа с углубленным изучением английского языка	Обычная школа	Школа с углубленным изучением английского языка	Обычная школа
Да	1,1	14,6	52,0	57,5
Нет	97,8	84,1	47,2	41,4

до 58% – в выпускных. Интересен тот факт, что при значительной разнице в школах разных уровней в доле пятиклассников, пробовавших курить, к старшим классам разница нивелируется (табл. 5).

Вклад школы в борьбу с курением, по данным ряда исследований, оценивается не очень высоко: среди источников информации о вреде курения учителя занимают одно из последних мест (10% ответов). Симптоматичен и ещё один ответ: не желают знать о вреде и последствиях курения 76% школьников – это результат неумелой пропаганды и плохого санитарного просвещения [6]. Как бы ни было сильно слово, подростки, прежде всего, реагируют на поступки окружающих. Если курят директор, учителя, родители, друзья, подростку трудно остаться в стороне. Среди причин, способствующих началу и поддержанию курения подростков, доминирующей причиной, по данным экспертов ВОЗ, является наличие курящих в семье, в кругу друзей и сверстников. Для детей очень важен пример не просто взрослых людей, а близких и авторитетных для них лиц [2]. Как правило, в семьях, в которых курит хотя бы один из родителей, в 1,5 раза чаще встречаются курящие дети (в исследовании 62% против 43% соответственно).

Ещё одной вредной привычкой является потребление алкоголя. В среднем 27% старшеклассников регулярно употребляют спиртные напитки, из них 78 % – раз в месяц, 12% – 4 раза в месяц и чаще. Исследование показало, что в 50% случаев распитие алкоголя происходит в семейном кругу. Если в семье есть практика употребления алкоголя, то четверть детей его пробовали в раннем возрасте. Из 63% жителей Вологодской области, употребляющих алкоголь, 42% имеют несовершеннолетних детей.

Выводы

Вышеизложенное не дает основания для предположения о возможности существенного улучшения здоровья детей в России в ближайшей перспективе и диктует необходимость самых активней действий по сохранению и укреплению здоровья детей и подростков, которое является основой формирования репродуктивного и трудового потенциала и в целом человеческого капитала как со стороны государства, так и на уровне каждой семьи.

В Российской Федерации в последнее десятилетие предпринимаются определенные усилия, направленные на поддержание и укрепление здоровья населения, в том числе и детского (Национальный проект «Здоровье»; региональные целевые программы; Программа модернизации здравоохранения). Тем не менее анализ причин снижения здоровья детей и основных факторов риска показал, что существующие меры не являются достаточными. Необходимо продолжение и совершенствование имеющихся мероприятий, а также разработка новых. Основными направлениями профилактической работы нам представляются:

1. Повышение ответственности бизнеса за соблюдение санитарных норм в организациях и на предприятиях; совершенствование законодательной базы в отношении улучшения условий труда, особенно для беременных женщин.

2. Повышение уровня жизни населения в целом, и в первую очередь семей, воспитывающих детей. Существующая в настоящее время государственная поддержка недостаточна. Важно увеличить пособие по уходу за ребенком до уровня среднемесячной заработной платы матери. Пособие может выплачиваться на паритетных началах государством и предприятием (по месту работы матери либо отца).

3. Расширение возможностей молодых семей в приобретении жилья и улучшении жилищных условий. Через совершенствование механизмов ипотечного кредитования (современный механизм мало пригоден для большинства молодых семей, воспитывающих малолетних детей). Вовлечение бизнеса в строительство ведомственного, служебного жилья, возможно, на долевых условиях с последующим его выкупом работниками.

4. Снижение распространенности курения среди населения. Усиление контроля за выполнением законодательных актов, регулирующих табакокурение. Создание «свободных от табака зон» на территориях муниципальных образований, развитие волонтерского движения в подростковой среде. Формирование разъяснительных видеоматериалов о влиянии никотина на здоровье матери и ребенка и демонстрация их в женских консультациях, центрах планирования семьи, при беседах с подростками.

5. Ужесточение государственного контроля за соблюдением экологических норм деятельности предприятий. Снижение транспортной загруженности магистралей в крупных городах. Широкое распространение бытовых приборов, смягчающих воздействие агрессивной среды обитания: воздухоочистителей, водоочистителей.

Отдельные меры, принимаемые в рамках государственных программ и проектов, не системны и не дают должного результата. Для сохранения и улучшения здоровья россиян необходима разработка Национальной стратегии сохранения здоровья населения, предполагающей системный проблемно-ориентированный подход к решению данной задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nowhere – 50 / Key findings from the Elliott and Romesh Vaitilingam [Electronic resource]. – 2008. – Available at: <http://www.cls.ioe.ac.uk/studies.asp?section=0001000200030003>
2. Влияние родителей на отношение подростков к курению (родительский фактор) [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://www.youth-non-smoking.ru/Programs/Program4/ParentsStudy/#2>
3. Государственный доклад о состоянии здоровья населения и деятельности здравоохранения Вологодской области в 2007 году [Текст] / под ред. к.м.н. А.А. Колинко. – Вологда: ДЗО, 2008. – 158 с.
4. Демографический ежегодник России 2009 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 525 с.
5. Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области в 1997 – 2008 гг. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Текст]: стат. бюллетень. – Вологда, 1998-2010.
6. Журавлева, И.В. Здоровье подростков и окружающий мир [Текст] / И.В. Журавлева. – М.: ИС РАН, 1997.
7. Кислицина, О.А. Жилищные условия и здоровье [Текст] // Общественное здоровье и профилактика заболеваний: научно-практический журнал. – 2006. – № 6. – С. 39-45.
8. Мировая статистика здравоохранения. 2009 год [Текст]. – Женева: Всемирная Организация здравоохранения, 2009. – 150 с.
9. Римашевская, Н.М. Российский генофонд: качество будущих поколений [Текст] / Н.М. Римашевская // Народонаселение. – 2000. – № 4. – С. 100.
10. Римашевская, Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России [Текст] / Н.М. Римашевская // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 3. – С. 209-218.

11. Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы [Текст] / коллектив авторов под руководством д.э.н., профессора В.А. Ильина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – 208 с.
12. Статистический ежегодник Вологодской области [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010-2013.
13. Статистический ежегодник Российской Федерации [Текст]. – М., 2009-2013.

А.Н.Силин

Тюменский государственный нефтегазовый университет

МУЛЬТИЛОКАЛЬНОСТЬ ОБРАЗА ЖИЗНИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Хотелось бы поделиться некоторыми результатами социологических исследований, проводимых в Тюменском регионе четыре десятилетия и направленных на изучение жизнедеятельности особой группы людей – вахтовиков.

Вахтовый метод отличают циклическая мобильность и мультилокальность образа жизни, которая проходит у этих людей в триаде социальных пространств «дом – дорога – вахта». При этом человеку приходится постоянно искать компромисс между этими тремя одинаково значимыми сферами жизни, очень отличающимися социальными нормами и взаимодействиями. Жизнь вахтовика состоит из циклических перемещений в разные социальные, культурные, эмоциональные и физические контексты, которые интегрируются в особый жизненный мир, значимо отличающийся от обычного, оседлого монолокального образа жизни большинства остальных людей.

Мною изучаются различные аспекты вахты, начиная с 1974 г., когда в составе Главтюменьгеологии была создана названная в то время «экспериментальной» Карская нефтегазоразведочная экспедиция, работники которой, проживая в г. Тюмени, летали на работу в п. Харасавэй, расположенный на берегу Карского моря на Ямале. Я в то время руководил социологической службой геологов и регулярно со своими сотрудниками проводил опросы вахтовиков и их жен, изучал различные аспекты удовлетворенности ими своей жизнедеятельностью, по результатам которых готовились различные нормативные документы [4; 5].

Одновременно аналогичные работы в то время проводились в коллективах Министерства строительства объектов нефтяной и газовой промышленности, сооружающих промыслы, трубопроводы и инфраструктуру на Тюменском Севере. Этими работами руководил московский социолог Алексей Хайтун, и мы с ним обменивались результатами и сравнивали ситуацию у геологов и строителей [11].

Вахтовый метод в то время находился на переднем крае соперничества между нефтегазовыми Министерствами и местными партийными начальниками. Первые отстаивали вахту, чтобы быстрее выполнить план, вторые были категорически против, требуя ресурсы на строительство новых северных городов и поселков.

Победой Министерства газовой промышленности в то время стало решение осваивать Ямбургское газоконденсатное месторождение исключительно вахтой. Компания Ямбурггаздобыча (сегодня – Газпром добыча Ямбург), созданная в 1984 г., является единственным в России полностью вахтовым предприятием. В 2007 – 2009 гг. по договору с ней автором проведены исследования, результатом которых стала система стандартов менеджмента вахтовым трудом, включающая документы, регламентирующие технологии отбора вахтового персонала, организации доставки, обслуживания людей в вахтовых поселках, режимы труда и отдыха, предупреждения заболеваний и сохранения активного профессионального долголетия, мотивации, социальных льгот и гарантий для вахтовиков, медико-экологического мониторинга вахтовой организации труда [1; 7].

Эта работа опиралась на исследования, показавшие значительный потенциал вахтового труда. Большая часть работающих в таком режиме (82-88%) в целом удовлетворена им и не собирается возвращаться к традиционному образу жизни.

Между тем, опросы вахтовиков, проводимые нами все эти годы по различным аспектам их жизни, позволили выявить и динамику происходящих изменений. Так, в советский период наибольшее неудовольствие вахтовиков вызывали организация транспортной доставки, связанная с многочасовыми ожиданиями транспорта в непригодных для этого местах, и социальное обслуживание в вахтовых поселках. Мне часто приходилось посещать их и наблюдать, как люди спят на грязных матрацах без постельного белья, а пришедшие с вахты ждут, когда им освободят место. После этого я испытал культурный шок, побывав в вахтовом комплексе ВР на Аляске. В постсоветский период эти две проблемы были в основном сняты.

Основная причина неудовлетворенности и связанных с ней конфликтов в вахтовых коллективах в последние годы – недостаточная, по мнению работников, оплата труда, задержки с ее выплатой, связанные с отъездом домой. Среди причин возможного увольнения наряду с неудовлетворяющей оплатой труда указывается также состояние здоровья и семейные обстоятельства, связанные с работой [6; 8]. Последний фактор – длительная разлука с семьей, видимо, оказывает неоднозначное влияние. Так, по мнению Мишеля Монтеня, это может играть позитивную роль. «И всякий познал на опыте, – пишет он, – что постоянное пребывание вместе не доставляет того удовольствия, какое испытываешь, то разлучаясь, то снова встречаясь. Эти перерывы наполняют меня обновленной любовью к моим домашним и делают для меня пребывание дома более сладостным и заманчивым» [2].

Однако наши опросы жен вахтовиков не полностью подтвердили такую оценку. Около 42% из них высказали мнение, что вахта негативно влияет на интимную жизнь семьи. После длительного перерыва приехавшего домой усталого мужа нередко постигала неудача, и он от огорчения начинал пить.

Кроме оценок вахтовиками различных аспектов своей жизнедеятельности, за эти годы изменилась и география вахтовых перевозок. Если в советский период для базы на Тюменском Севере летали главным образом бригады нефтяников из Азербайджана, газовиков из Украины, строителей из Прибалтики и Армении, то в постсоветские годы их заменили вахтовики из Российских регионов, жители Казахстана и других центральноазиатских стран.

В настоящее время вахтовый метод является почти единственной возможностью улучшить уровень и качество жизни для жителей российской глубинки и некоторых стран СНГ. Поскольку количество желающих работать вахтой значительно превышает

число рабочих мест, это привело к улучшению трудовой дисциплины, сократило пьянку в вахтовых поселках и при доставке на работу [3].

Доля вахтовиков в структуре занятости газодобывающего Ямало-Ненецкого округа постоянно возрастала. За последние 15 лет она увеличилась почти втрое, и сегодня превышает 25% из общего числа занятых. Начавшееся масштабное освоение газовых ресурсов полуострова Ямал и шельфа северных морей приведет в ближайшие годы к еще более резкому росту объемов использования межрегиональной вахты.

Принципиально иная ситуация складывается в нефтедобывающем Ханты-Мансийском округе. Здесь доля вахтовиков, привлеченных из других регионов, последовательно снижается и составляет сегодня около 12% от общего числа занятых, при этом в условиях сильного обводнения добываемого продукта (97-98%) и общего снижения объемов добычи нефти местом приложения труда нефтяников, живущих в поселениях Среднего Приобья, все в больших масштабах становится Восточная Сибирь и другие регионы с вновь осваиваемыми нефтегазовыми залежами.

«Въездной» же вахтовый метод в Ханты-Мансийском округе – Югре ежегодно сокращается. Так, в ОАО «Варьеганнефть» в 2006 г. он составлял 23% общей численности работающих, а в 2012 г. – уже 10%. При этом стационарные работники превращаются в вахтовиков, живя в Среднем Приобье и летая на работу в Заполярье или Восточную Сибирь [3].

Государственной статистики по вахтовому методу, к сожалению, не существует. Поэтому мои аспиранты, живущие на Севере, были вынуждены буквально прочесать все организации, дислоцированные в этом регионе с тем, чтобы собрать информацию о динамике использования разных форм вахты, структуре вахтового персонала и т.д.

В последние годы нами изучались различные аспекты мобильного образа жизни и организации трудовой деятельности на материалах исследований в нефтегазодобывающей компании «Варьеганнефть». Выяснилось, в частности, что у вахтового персонала значительно ниже уровень потенциальной текучести, чем у стационарных работников – лишь 5,3% из них планируют сменить работу в течение года, 9,2% – 2-3 лет, 3,6% – лет через 5. Большинство же – 81,9% хотели бы продолжать работать в вахтовом режиме. 89,2% опрошенных вахтовиков вполне устраивают жилищно-бытовые условия на вахте, 47% – организация питания и досуга в вахтовых поселках, 67,5% – медицинское обслуживание [10].

При этом постоянно хорошее самочувствие в течении вахты зафиксировали лишь около трети вахтовиков, у остальных оно ухудшается к концу вахты и становится хорошим после приезда домой у 52,7% респондентов, удовлетворительным у 33,9% и лишь 8% чувствуют себя уставшими. Оказалось, что 66% опрошенных положительно оценивают возможности дополнительной работы во время отгулов, 2,7% сообщили, что уже работают и лишь 23,2% негативно относятся к такой возможности. Опрошенные руководители также высказали позитивное отношение к работе своих подчиненных во время отгулов и отпуска, считая, что это личное дело каждого. Лишь 10,2% из них негативно относятся к такой практике.

В ходе проведенного исследования выявлялись проблемные ситуации, связанные с частыми и значительными перемещениями людей, повышенной интенсивностью их труда, физическими и психоэмоциональными нагрузками, отлучением на длительное время от семей. Предлагались, обосновывались и апробировались новые социальные технологии, позволяющие нивелировать воздействие негативных аспектов вахты. Сделан вывод о необходимости постоянного научного обеспечения (не сопровождения,

а именно обеспечения) вахтового труда, особенно его межрегиональной формы. Речь при этом идет не только о социологических, медико-физиологических, экономических, правовых и иных исследованиях, но о создании системы мониторинга, позволяющего на регулярной основе отслеживать изменения в ситуации, связанной с использованием вахтового метода, и своевременно предлагать необходимые корректирующие управленческие воздействия [9].

Предложенные уже социальные технологии связаны с отбором работников, наиболее пригодных для вахтового труда на Севере по своим медицинским, профессиональным и психологическим параметрам, их адаптации, мотивации эффективного труда, выбору режимов труда и отдыха, транспортной доставке, социального обслуживания, принятием социальных льгот и гарантий вахтовому персоналу и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инновационные технологии менеджмента вахтового метода работы предприятия [Текст] / О.П. Андреев, А.К. Арабский, В.С. Крамар, А.Н. Силин // Газовая промышленность. – 2008. – № 9. – С. 25-28.
2. Монтель, М. Опыты [Текст] / М. Монтель. – Кн. 3. – М.: Наука, 1981. – С. 181.
3. Ольховская, У. Полный вахтунг [Текст] / У. Ольховская // Эксперт-Сибирь. – 2011. – № 44. – С. 10-14.
4. Подлuzский, Д.А. Человеческий фактор в организации геологоразведочного процесса [Текст] / Д.А. Подлuzский, А.Н. Силин. – М.: Недра, 1990. – 160 с.
5. Силин, А.Н. О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере [Текст] / А.Н. Силин // Социологические исследования. – 1987. – № 4. – С. 76-78.
6. Силин, А.Н. Человек на Севере [Текст] / А.Н. Силин // Вестник Академии наук СССР. – 1990. – № 6. – С. 112-117.
7. Силин, А.Н. Вахтовый метод на Тюменском Севере: двадцать лет спустя [Текст] / А.Н. Силин, Н.А. Маслаков. – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – 170 с.
8. Силин, А.Н. Межрегиональное использование человеческих ресурсов на Крайнем Севере: опыт социологического исследования [Текст] / А.Н. Силин // Социс. – 2011. – № 9. – С. 41-47.
9. Силин, А.Н. Нефтегазовый Север: социальная ситуация и технологии ее регулирования [Текст] / А.Н. Силин. – М.: Инфра-М, 2013. – 251 с.
10. Силин, А.Н. Вахта на Севере: управление в нефтяной компании [Текст] / А.Н. Силин, С.А. Ермаков. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 137 с.
11. Хайтун, А.Д. Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири [Текст] / А.Д. Хайтун. – Л.: Стройиздат, 1982. – 176 с.

И.З. Гимаев

Ректор Института повышения
квалификации профсоюзных кадров, г. Уфа

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время общественное мнение воспринимается российскими политическими, государственными и общественными деятелями в традициях отечественной (ортодоксально-марксистской) концепции. Согласно концепции общественное мнение – это состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) людей к событиям и фактам социальной действительности (экономики, политики, культуры, общественной жизни), к деятельности различных групп и отдельных личностей, а также как инструмент государственного и общественного управления, включенный непосредственно в процесс принятия решений органами управления, который регулирует поведение индивидов, социальных групп и институтов в обществе, вырабатывая и насаждая определённые нормы общественных отношений.

Самый действенный, универсальный и наиболее востребованный механизм формирования общественного мнения - средства массовой информации и коммуникации. Электронные средства массовой информации (телевидение, радио, интернет), печатные (газеты, журналы, книгоиздание), информационное право, информационная безопасность всегда являлись и являются объектом государственной информационной политики.

Государственная информационная политика – это деятельность системы органов государственной власти и управления в информационной сфере, в системе регулирования социальных и политических отношений в современном информационном обществе, компетенция которых определяется действующим, стремительно развивающимся информационным законодательством.¹

Политико-правовую основу деятельности средств массовой информации – специальных институтов и организационных структур, создаваемых для сбора, обработки и распространения информации посредством специальных технических средств в массовом масштабе – в современной России составляют Конституция РФ, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Доктрина информацион-

¹ Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003.

ной безопасности, федеральные законы «Об информации, информатизации и защите информации», «О средствах массовой информации», «Об участии в международном информационном обмене», «О связи», «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания в Российской Федерации», «О государственной тайне».

Принятые законы призваны регулировать отношения субъектов в информационной среде, построение информационного общества и формирование информационно-телекоммуникационного пространства.

За последнее время законодательная инициатива в информационно-коммуникационной сфере существенно преобразила политико-правовое поле СМИ. И тенденция такова, что общественно значимые законы и поправки к законам, как правило, не смягчаются, а, наоборот ужесточаются.

В ноябре 2012 года с принятием закона о блокировке сайтов за детскую порнографию и наркотики впервые появилась процедура внесудебной блокировки сайтов, которая позже будет воспроизведена в других нормах. С 1 февраля 2014 года вступили в силу изменения в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» согласно которым интернет-страница, содержащая информацию с призывами к массовым беспорядкам, к участию в террористической деятельности или провокацию к разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни, может быть заблокирована, а сама информация удалена. С января по июль 2014 года в российское законодательство были внесены поправки, ужесточающие ответственность за публичные, в том числе в СМИ, призывы к сепаратизму.

И здесь проблема заключается не в ужесточении законов и требований, а в исполнительском рвении ответственных за надзор и исполнение данных нововведений. Проблема в том, что под определения «сепаратизм», «пропаганда наркотиков», «межнациональная рознь» могут попасть личностные суждения автора в СМИ о территориальной целостности страны, призыв в социальной сети выйти на демонстрацию, шествие (что гарантировано Статьёй 31 Конституции РФ), статья в газете или блоге о наркотиках, публичное упоминание чьей-либо национальности. Проблема заключается в отсутствии четко прописанного механизма понимания и применения данных законов и поправок, а также в государственном и общественном надзоре за разумностью, легитимностью применения и исполнения данных нововведений.

5 мая 2014 года подписан «закон о блогерах», согласно которому всякий владелец сайта с посещаемостью более чем 3 тыс. пользователей в день приравнивается к СМИ и обязан раскрыть на сайте свои фамилию и инициалы, а также действующий электронный адрес. Кроме того, блогер несет персональную ответственность, приравненную к ответственности СМИ, за достоверность публикуемых им сведений. Данное нововведение предоставило Роскомнадзору полномочия составлять списки, реестр блогеров, запрашивать данные о посещаемости у площадок и провайдеров, а также проверяет данные, которые ему предоставляют сами блогеры. Тем самым осуществлять сбор личных данных, определять «благонадежность» активных пользователей сети.

22 июля Президент РФ подписал поправки в закон «О рекламе», запрещающие рекламу на платных каналах. По данным Роскомнадзора, под запрет в соответствии с новым законом попадают примерно 1 400 платных телеканалов. Вступление в силу закона с 1 января 2015 года поставит под угрозу существование действующих и перекрывают инициативу создания новых каналов. (Издательский дом «Комсомольская правда» отказался от собственного телепроизводства, которое должно было выйти на самоокупаемость в 2016 году).

Законотворческая инициатива депутатов и государственных деятелей и сейчас не стоит на месте.

В настоящее время Минкомсвязи предлагает ужесточить для СМИ ответственность за призывы к терроризму. Новые штрафы в размере от 400 тыс. до 1 млн. руб., а также широкая трактовка поправок в Кодекс об административных правонарушениях, по мнению экспертов, может уничтожить отдельные электронные и печатные СМИ.

Государственная Дума предлагает ограничить доли зарубежных акционеров в капитале компаний, владеющих российскими средствами массовой информации, до 20 процентов и запретить иностранцам и лицам с двойным гражданством быть учредителями российских СМИ. Это приведет к оттоку капитала, создаст негативный инвестиционный климат, а крупнейшим российским издательским домам с общей аудиторией почти 60 млн. человек, четырем эфирным вещателям (СТС, «Домашнему», «Перцу» и Disney) и зарубежным телеканалам, распространяющимся через кабельные сети, придется прекратить свое существование либо изменить структуру собственности.

Ужесточение существующих законов и принятие запретительных поправок в информационно-коммуникационной сфере привели к переходу информационных СМИ из реального информационного поля в онлайн (интернет). Однако уже сегодня Совет безопасности РФ рассматривает возможность создания в России автономной системы функционирования отечественных ресурсов и укрепления безопасности российского интернета в условиях чрезвычайных ситуаций. В чрезвычайной ситуации автономная система должна обеспечить корректную работу российских сайтов, сделать их невидимыми из-за рубежа и заблокировать доступ к иностранным сайтам.

Анализ принятых и принимаемых законов и поправок указывает на запретительный, ужесточающий характер действующего законодательства в информационно-коммуникационной сфере. В отсутствие конкуренции государство и лояльные ему структуры становятся единственным монопольным игроком на медийном и информационном поле.

При осуществлении контроля средств массовой информации и коммуникаций в сферу интересов государства попадают общественные отношения, связанные с процессами развития политического сознания и формирования общественного мнения, так как именно эти социальные явления определяют, с одной стороны, «предрасположенность» общества к поддержке тех или иных политических установок и выдвигающих их политических сил, а с другой – к поддержке конкретных политических мероприятий и политических лидеров данных политических сил.²

Утверждением в пользу традиционного (ортодоксально-марксистского) понимания общественного мнения на современном этапе служит то, что согласно этой концепции общественное мнение может действовать как в рамках общества в целом, так и в рамках различных классов и социальных групп. Мы видим, что сегодня общественное мнение поставлено на службу «не всей страны в целом или, например, рабочего класса, молодежи, республики или района, лиц одной профессии, работников данного предприятия, членов данной организации и т.п.», а на службу государства.

² Федякин А.В. Средства массовой информации и государственной информационной политики в современной России // «Мир и политика». – июнь 2012. – № 06 (69).

ЛИТЕРАТУРА

1. Федякин, А.В. Средства массовой информации и государственной информационной политики в современной России [Текст] / А.В. Федякин // «Мир и политика». июнь 2012. – № 06 (69).
2. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях [Текст]: монография. – М.: МИФИ, 2003.

В.К. Егоров
М.-Р.А. Ибрагимов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

Есть все основания считать Северный Кавказ совершенно уникальным историко-географическим и цивилизационным феноменом, динамичной саморегулирующейся системой совместного бытия десятков больших и малых этносов. И к тому же неисчерпаемым источником научного интереса к опыту её устойчивости.

Всю систему сосуществования народов, населяющих Северный Кавказ, с допустимой долей условности можно поделить на три группы взаимосвязей: первая – внутрирегиональные, вторая – с народами других регионов России, и третья – зарубежные связи, включающие отношения с родственниками, соплеменниками, единоверцами, многие из которых стали иностранцами совсем недавно в результате распада Советского Союза.

Даже такой упрощенный анализ показывает, насколько сложной, динамичной и противоречивой является эта система, располагающая как огромным потенциалом для развития, так и предпосылками конфликтов различной степени остроты и масштабов, эндогенных и экзогенных по своей природе.

В последние 15 лет в системе сосуществования народов Северного Кавказа и других регионов России сложно и небыстро идут процессы, результирующее направление которых всё же позитивно. Несмотря на отдельные рецидивы, заметно снизилась популярность идеи «освобождения России от Кавказа» равно как и сепаратистских идей в республиках Северного Кавказа. Не так быстро, как хотелось бы, но, тем не менее, снижается террористическая активность. На смену простым решениям вроде силового подавления или чисто финансового прагматизма, приходят более сложные, основанные на учёте национальной и социальной психологии, истории межнациональных и межгосударственных отношений, традиций и обычаев.

Относительная стабилизация обстановки в регионе и в стране в целом имели, однако, одним из своих следствий выдвигание на первый план явлений и проблем, которые на фоне чрезвычайных ситуаций и военных действий были малозаметными или даже латентными. Одной из таких на Кавказе столетиями является всё, что связано с землёй. Использование, владение, сотворение земли, когда каждый её клочок добывается великим трудом превращения камня в плодородную почву. Без преувеличения

можно утверждать, что если не у всех, то у большинства межэтнических, религиозных, культурно-исторических и прочих противоречий и конфликтов корни в буквальном смысле уходят в землю. Очевидным также представляется, что, несмотря на наличие для большинства народов Северного Кавказа религиозной (ислам) общности и значительного сходства цивилизационных особенностей, основной конфликтогенной компонентой были и остаются межнациональные отношения в части, касающейся прежде всего исторически сложившихся относительно устойчивых ареалов проживания того или иного народа. Несогласованное изменение этих ареалов в силу тех или иных причин является, как правило, одним из самых, если не самым распространённым поводом, провоцирующим конфликты.

Большинство регионов Северного Кавказа, в том числе Дагестан, часто называют малоземельными. К началу XX века практически все земли, пригодные для хозяйственного использования (в основном для отгонного животноводства и земледелия), были поделены между национальными общинами в соответствии со сложившимися веками принципами самоуправления. Формат настоящего выступления не предполагает последовательного раскрытия всех этапов формирования традиционных хозяйственных укладов и принципов регулирования соответствующих отношений. Однако стоит упомянуть, что попытка Российской империи в начале XIX века силой унифицировать и централизовать систему и методы регулирования социально-экономической жизни горцев не имела успеха. Лишь с введением в 1845 году особой системы управления - Кавказского наместничества центральная власть стала учитывать особенности жизненного уклада кавказцев, в том числе сохранив слегка модернизированные формы традиционного самоуправления.

В советский период, когда частная собственность отрицалась как экономическая основа государства, одновременно с радикальными преобразованиями, особенно в идеологической сфере, достаточно успешно существовало и развивалось самоуправление в сельском хозяйстве в виде колхозов, решавших многие вопросы социального характера, в том числе связанные с землёй. Колхозы представляли собой своеобразный аналог традиционной общины, и их роспуск определённым образом усложнил вопросы землепользования, так как колхозное (по сути, общинное) регулирование вопроса сменилось менее гибким и, соответственно, менее адекватным внешним администрированием.

Хотелось бы отметить, что, несмотря на общность проблемы землепользования как одного из источников конфликтности на Северном Кавказе ситуации (степень сложности, состав сторон в конфликте, характер протекания и т.п.) в разных регионах могут существенно различаться. На степень остроты влияют национальный и конфессиональный состав, историческая память, традиции, обычаи и многое другое. Остро конфликтогенными являются противоречия, возникающие при принудительном перераспределении границ традиционных ареалов проживания, доступности коммуникаций и водных ресурсов.

В настоящем выступлении предпринимается попытка на примере Дагестана, который является самой крупной, самой многонациональной и многоконфессиональной республикой Северного Кавказа, раскрыть тему конфликтности земельного вопроса как одного из основных элементов социально-экономической ситуации в этом регионе. Данный вопрос существовал на кавказской земле всегда, но в соответствии с форматом выступления предполагается рассмотреть его нынешнее состояние с некоторыми необходимыми экскурсами в предыдущие периоды времени.

Состояние рассматриваемой проблемы определяется двумя основными факторами, имеющими социальную природу: естественные (стихийные) и факторы обусловленные, т.е. сознательно формируемые и вводимые в действие. К числу естественных факторов относятся: постоянное увеличение численности населения при ограниченности территории проживания, рост потребностей, повышение информированности и мобильности населения, изменения в социальной психологии; к числу же обусловленных следует отнести, прежде всего, деятельность властных структур (законодательной, исполнительной и судебной властей) по обеспечению стабильности, безопасности и прогрессивного развития общества и государства.

В 1960-е гг. в связи с переориентацией сельского хозяйства республики на преимущественное развитие на равнинных территориях виноградарства возникла потребность в дополнительных трудовых ресурсах. Как и при проведении водно-земельной реформы 30-х годов, кадровая проблема была решена путём привлечения переселенцев из горных районов. Тогда же, в 60-е годы, окрепла и в основном законодательно оформилась тенденция решать многие проблемы социального и экономического свойства за счёт земель отгонного животноводства и иных, которые население равнинных районов Дагестана считало традиционно своими. Хотя плановые переселения в Дагестане, проводимые при государственной поддержке, были завершены, стихийная миграция из горных районов на равнину продолжается до сих пор.

Переселенческая политика в вопросе землепользования за весь период существования Республики Дагестан (ДАССР, РД) не была и не могла быть абсолютно последовательной по причине социально-политических и экономических процессов, проходивших и идущих в нашей стране. Перенаселённость горных районов, развитие животноводства, упор на виноградарство, создание промышленности, восстановление прав репрессированных народов, жилищное строительство, рекреационные зоны – всё это и многое другое приводило и приводит в движение постоянно растущие массы людей на сокращающейся в удельном выражении окультуренные территории.

Уже на первом этапе реализации переселенческой политики партийное и советское руководство Дагестана не приняло во внимание её существенные негативные последствия. В частности, не было в должной мере учтено глубоко укорененное в общественном сознании и психологии традиционное общинное право осуществлять контроль за распределением и использованием земли и других угодий. На равнинах возникали очаги социальной напряжённости, вызванной ущемлением естественных прав жителей равнинных территорий (сокращение площадей сельскохозяйственных угодий, необоснованное увеличение численности населения в регионе, возрастание числа конфликтов за пользование пашнями, водой, сенокосными и пастбищными угодьями, принимавших нередко этническую окраску, и др.).

Ещё одним негативным следствием упомянутой политики стала деформация этнической структуры населения равнинных территорий со всеми вытекающими социо-культурными изменениями. Население равнин не было этнически однородным, однако народы объединяла культура мирного сожительства, сложившаяся как результат непростого многовекового опыта взаимоотношений. Культурная конвергенция обеспечивала выживание и многочисленных, и малочисленных народов равнин. Важным было и то, что границы ареалов проживания отдельных народов были общепризнанными, что помогало предотвращать и гасить серьёзные территориальные споры.

Начальный этап переселения был практически бесконфликтным, так как переселенцы воспринимались местным населением как нуждающиеся в помощи. Противоречия обострились, когда переселение приобрело массовый характер, а число пригодных для проживания земель и других угодий стало столь же быстро сокращаться. Рост численности переселенческого населения со всеми сопутствующими последствиями стал восприниматься местными жителями как нарушение и даже угроза их традиционному образу жизни. Такая ситуация привела к росту конкуренции во всех областях жизни и, как следствие, нарушению стабильности общества, конфликтам, межэтнической напряжённости.

С начала 1990-х годов системный социально-экономический кризис, вызванный распадом СССР, еще более усилил процесс перемещения населения с традиционных освоенных территорий горной части Дагестана на новые, в равнинной зоне. Если до этого времени переселенческая политика в известной степени регламентировалась сверху, то в дальнейшем переселение приобрело во многом стихийный, неконтролируемый характер.

Одной из наиболее острых проблем, порождённых непродуманностью переселенческой политики, следует признать этно-социальную. В результате переселений и собственно демографических процессов целый ряд районов Дагестана из относительно моноэтнических превратились в полиэтничные, в которых проживают представители до 20 этносов. Полиэтничность или мозаичность стали одной из характерных особенностей современного расселения народов равнинного и части предгорного Дагестана. Данная тенденция сохраняет свою силу, укрупняя эту мозаику.

В свою очередь процесс миграции в этнокультурном смысле, как правило, негативно сказывается и на самих переселенцах. Тому есть много причин. Прежде всего, переселенцы испытывают стрессовые нагрузки, особенно в начальный период пребывания на новом месте жительства, когда процесс адаптации этой категории граждан к новой социокультурной среде проходит наиболее болезненно.

Со временем, особенно с начала 90-х годов, ситуация в этом вопросе начала меняться. В настоящее время большую часть тех, кто переезжает жить из горных районов на равнину и особенно в города, составляет молодежь, для которой процесс приспособления к иным условиям жизни, адаптации к иной бытовой культуре, как правило, проходит быстрее, а опыт проживания в новой среде закрепляется прочнее. К сожалению, кажущееся позитивным, это явление имеет и свою негативную сторону. Молодёжь становится поколением, на котором наследование традиций слабеет или прерывается, а процессы разрушения самобытной горской культуры через нивелировку традиционного культурно-бытового уклада, культурно-бытовую и языковую ассимиляцию переселенцев приобретают в результате жизни на равнине необратимый характер.

То, что сутью земельной проблемы в Дагестане в настоящее время уже не является «малоземелье» в горах, послужившее в своё время причиной массового переселения жителей на равнину, очевидно. В горных районах многие высокоурожайные террасные земли, сады, сенокосы и другие угодья, обеспечивающие жизненные потребности значительной части горского населения, были покинуты. В конечном итоге вывод из оборота и запустение сельскохозяйственных угодий привело к упадку многих хозяйств горных районов, что в свою очередь также усиливает миграционные настроения населения. В целом в результате и организованного, и стихийного переселения с гор в течение нескольких десятилетий «малоземелье» как проблема и образ жизни переместилось на равнину.

Масштабное переселение населения из горных районов на равнину внесло неконструктивные изменения в исторически сложившуюся систему распределения среды обитания по этническому признаку, когда каждый народ Дагестана проживал на своей «этнической» территории. Такая система не была свободна от противоречий, но, тем не менее, была в состоянии столетиями поддерживать стабильность сосуществования народов. «Этнические» территории органично входили в общую систему разделения труда (в горах развивалось преимущественно скотоводство, особенно отгонное, ремесла, садоводство, на равнине – в основном зерновое земледелие). Заинтересованность в свободном и взаимовыгодном обмене продукцией и средствами производства между жителями равнины и гор служила мощным фактором в деле сохранения межэтнического мира и взаимопомощи, чем традиционно отличался Дагестан.

Плановое переселение коренным образом исказило эту систему, а стихийность в последние десятилетия её практически разрушила. С появлением многочисленного нового населения на равнине сразу же проявились противоречия, свойственные неустоявшейся территориально-дисперсной полиэтничной структуре. Всё население, и коренное, и новое, пришлое считало себя ущемлённым в своих правах на пользование угодьями, испытывало ксенофобию и чувство несправедливости, вызванные различиями в бытовой, обрядовой культурах, в поведении и т.д.. Всё это и многое другое, рациональное и иррациональное, становилось источниками конфликтных ситуаций во взаимоотношениях между местными жителями равнин и переселенцами из горных районов. Поводов же для конфликтов было и остаётся предостаточно.

Потенциал толерантности в отношениях между местным населением равнинного Дагестана и переселявшимися горцами, как и в целом между представителями разных дагестанских этносов, создавался на протяжении многих десятилетий и был достаточно велик. Из истории вопроса следует, что на первоначальном этапе совместного проживания местные жители вполне терпимо относились к переселенцам. Однако со временем, по мере увеличения притока горцев-переселенцев, роста их численности, как следствие - экономической дискриминации коренного населения, а также в связи с ограниченными возможностями для расселения и застройки и дефицитом земельных, водных и других угодий взаимоотношения стали ухудшаться. Со временем противоречия в переселенческих районах с избыточным населением всё чаще стали перерастать в конфликты разных масштабов и степени интенсивности, приобретающих часто этническую окраску.

Вместе с тем, что массовая миграция породила и продолжает порождать множество проблем, следует отметить и некоторые её положительные последствия. В частности, с увеличением и разнообразием хозяйственных, культурных контактов и связей, сотрудничества и взаимопомощи, расширением сферы межнационального общения у переселенцев из горных районов появляются признаки процесса межэтнической интеграции населения Дагестана. Наблюдается повышение уровня культурной комплиментарности, а изменения в этнической культуре переселенцев свидетельствуют об обретении ими, в известной мере, местных навыков ведения хозяйственной и бытовой жизни жителей равнины.

Можно утверждать, что даже в непростых условиях постепенно набирает силу процесс формирования своеобразной «субкультуры» переселенцев, для которой характерно сочетание элементов исконной своей культуры со многими компонентами и материальной, духовной культуры кумыков, азербайджанцев, русских и терских казаков и других народов равнины.

Подобные особенности процесса миграции со временем всё более приобретают характер тенденции, диалектической по своей сути. С одной стороны, как это следует из большинства вышеприведенных фактов и выводов, массовое переселение вызвало не только множество негативных последствий для социально-экономической ситуации в республике в целом (этническая напряжённость, деградация горных районов и пр.). С другой стороны, это же явление способствует тому, что положение в Дагестане всё более начинает соответствовать процессам глобализации, основным признаком которых является свободное перемещение значительных масс по-разному мотивированных людей. Трудно назвать глобализацию сугубо позитивным явлением, но оно объективно, и его объектами постепенно становятся все человеческие общности, включая государственные образования. И с этим приходится жить.

Миграция, контролируемая и неконтролируемая, наблюдается во всём мире и становится достаточно острой проблемой и для России в целом. Урбанизация, отток населения из сельской местности в города, запустение и обезлюдение некогда окультуренных, плодородных земель, проблемы совместного проживания коренных и пришлых народов характерны для различных регионов нашей страны. Северный Кавказ – не исключение, тем более, что многие тысячи жителей этого региона ежегодно выезжают со своей малой родины, расселяясь в других областях и республиках России.

Объективность процесса глобализации представляется в виде основной тенденции в мировом развитии, складывающейся из множества разнонаправленных, разнотемповых, разновеликих и др. локальных тенденций. Глобальные процессы при всей их объективности сдерживаются цивилизационными особенностями стран и народов, разнообразием организационных форм существования, В каждом отдельном случае (в различных регионах и этносах) это сдерживание может приобретать разные формы – от противоречий и конфликтов до активного сопротивления. Нередко это сопротивление имеет выраженное политическое или идеологическое (религиозное) содержание. В целом же совершенно очевидно, что традиционность не менее объективна как идеология жизни человеческих сообществ, чем глобальные законы. И гораздо более, чем они, укоренена в национальной и социальной психологии.

Земельный вопрос в Дагестане, как никакой другой, на примере уникального во многих отношениях регионального сообщества отражает коллизию этих основных мировых тенденций. К настоящему времени есть основания для констатации того, что тенденции общественного развития не только глобального, но и федерального уровня, даже оформленные в правовом смысле, не решают в должной мере этот вопрос.

Проблемы, вызванные переселением жителей горных районов на равнину, имеют довольно долгую и драматичную историю, и, тем не менее, они, как правило, решаются лишь путём частных подходов к тем или иным вопросам. Оставляя без рассмотрения всё многообразие причин и конкретных проявлений той или иной частной проблемы, полагаю, что конфликтогенность вопроса землепользования обусловлена, прежде всего, тем, что за многие десятилетия ни на общегосударственном, ни на региональном уровне не родилась, не выработана эффективная концепция его урегулирования. Концепция, которая была бы адекватной сложности и многоаспектности межобщинных отношений и в которой наряду с гибкой и эффективно действующей административно-правовой составляющей присутствовали бы в числе других и традиционные гуманитарные, культурно-психологические компоненты.

Новое время приносит новые проблемы, острота которых начинает всё более и более проявлять себя. Всесторонний, комплексный подход к их решению учёных: юристов и этнологов, экономистов и специалистов в области конфликтологии, проведение регулярных социологических исследований в состоянии обеспечить принятие мер, способных предотвращать развитие конфликтных и кризисных ситуаций в Республике Дагестан и на Северном Кавказе в целом.

Г.Ф. Хилажева

Башкирский филиал ИС РАН,
Лаборатория семьи и демографии ИСППИ РБ, г.Уфа

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В БАШКОРТОСТАНЕ

Всестороннее исследование демографических процессов возможно при комплексном подходе, когда наряду с материалами статистики анализируются и социологические данные. Результаты социологических исследований дают возможность рассмотреть демографическое поведение людей «изнутри» – их отношение, субъективные оценки и установки в основных сферах демографического развития – рождаемости, семейно-брачных отношений, сохранения здоровья, миграции.

Республика Башкортостан имеет ряд особенностей, которые влияют на характер протекающих здесь социально-демографических процессов. Во-первых, республика является одной из многонациональных регионов Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. здесь проживает более 160 национальностей и 13 входящих в них этнических групп. Три этноса – русские, башкиры, татары – составляют 90% населения республики [5]. Каждый этнос имеет свои особенности в демографическом развитии. Особенно отчетливо это проявляется в сфере рождаемости и репродуктивном поведении. Башкирское население демонстрирует более высокие показатели рождаемости, установки на большее количество детей, чем русские и татары.

Во-вторых, Республика Башкортостан – регион со значительной долей сельского населения. Согласно данным последней переписи сельское население республики составило 39,6% [5]. Социально-демографические процессы, протекающие среди сельского населения, во многом определяют характер демографического развития республики в целом. В сельской местности, несмотря на высокий уровень рождаемости, сохраняется естественная убыль населения. На селе крайне высокие показатели смертности от внешних причин, в т.ч. от суицида.

В-третьих, в социально-экономическом отношении Республика Башкортостан развивается неравномерно. Существует большая разница в развитии городской и сельской местности, различных типов городов. Для села, малых и средних городов характерны застойные явления в экономическом развитии.

В республике специалисты выделяют семь социально-экономических подрайонов [4]. Одни из них (в основном центральные и южные) являются благополучными в социально-экономическом отношении, другие (на севере и юго-востоке республики) пережива-

ют кризисные явления в своем развитии. Неравномерность в социально-экономическом развитии республики отражается и на социально-демографических процессах. В крупных и больших городах, развитых подрайонах республики относительно благоприятная демографическая ситуация; на селе, в отстающих подрайонах республики – нестабильная, с высокими показателями естественной и миграционной убыли населения.

В течение последних лет в республике проведен ряд социологических исследований по проблемам социально-демографического развития. Многие из них организованы Институтом социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан. В 2007 г. Институтом было проведено социологическое исследование «Демографическое развитие в Республике Башкортостан: проблемы и перспективы». Главная задача, которую ставили перед собой организаторы опроса, – выявить степень воздействия различных факторов на демографическое поведение жителей Республики Башкортостан.

Объектом социологического исследования выступило городское и сельское население РБ в возрасте от 18 лет, проживающее во всех семи социально-экономических подрайонах РБ. Была сформирована вероятностная, стратифицированная выборка по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону РБ с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Объем выборки составил 1000 чел. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Опросный лист включал вопросы по таким тематическим блокам, как «Миграция», «Семья и брак», «Рождаемость». Результаты опроса нашли отражение в коллективной научной монографии и ряде научных статей [1; 2; 3].

Рассмотрим некоторые итоги исследования, которые отражают особенности репродуктивного и миграционного поведения жителей республики.

Репродуктивное поведение.

Результаты исследования показали зависимость репродуктивного поведения жителей РБ от их национальной и социально-территориальной принадлежности (см. табл. 1).

Таблица 1. Реальное и «идеальное» число детей у башкир, русских и татар в разрезе город/село, %

Число детей	Башкиры		Татары		Русские	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
«Сколько детей лучше всего иметь в семье?» (идеальное)						
Один	7,0	3,4	9,7	1,9	10,6	6,2
Два	36,8	38,6	40,7	40,4	42,0	10,5
Три	35,1	47,0	31,0	49,0	31,8	44,4
Четыре и более	13,2	11,0	9,7	7,7	5,7	3,7
Ни одного	7,9	0,0	9,0	1,0	9,8	1,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
«Сколько детей у Вас есть?» (реальное)						
Один	28,1	16,9	31,1	16,3	29,6	20,0
Два	43,0	41,5	28,6	38,5	34,9	30,0
Три	5,9	14,2	6,8	15,4	4,6	10,0
Четыре и более	1,5	3,3	0,6	3,8	0,7	2,5
Ни одного	21,5	24,0	32,9	26,0	30,3	37,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: База данных социологического исследования «Демографическое развитие Республики Башкортостан». Трехмерные распределения данных произведены Т.М. Зайтовой.

Таблица 2. Среднее идеальное, желаемое и планируемое число детей (среднее значение)

Число детей	Башкиры	Татары	Русские	Другие	Вся выборка
Идеальное	2,57	2,50	2,32	2,54	2,47
Желаемое	2,86	2,73	2,54	2,81	2,71
Планируемое	2,39	2,15	2,03	2,35	2,20
Имеется детей сейчас	1,96	1,90	1,75	2,06	1,89

Источник: Бурханова Ф.Б. Репродуктивные установки башкир (по данным социологических исследований). – С. 119.

Данные опроса показали, во-первых, разницу в уровне «идеального» и реального числа детей у трех основных этносов РБ. Среди башкир меньше респондентов, указавших в ответах одного-двух детей, и больше – трех и более.

Во-вторых, у всех этносов в городах происходит снижение установок на определенное количество детей. И «идеальное», и реальное количества детей у сельских респондентов гораздо выше, чем у городских.

В-третьих, значение реального числа детей у все народов намного ниже «идеального». Только 7% городских и 3,4% сельских башкир считают, что лучше всего иметь в семье только одного ребенка. В реальной жизни доля таких башкир намного больше (28,1% городских и 16,9% сельских башкир).

На основе данных исследования Ф.Б. Бурхановой рассчитано среднее значение идеального, желаемого и планируемого числа детей у трех основных этносов РБ (см. табл.2).

Результаты опроса позволили исследователям сделать вывод о нереализованном потенциале, которым обладает население РБ, необходимости проведения такой демографической политики, которое бы стимулировало население к рождению желаемого числа детей.

Миграционное поведение.

В ходе исследования были получены данные как о реализованном на момент опроса демографическом поведении, так и потенциальном (планируемом в будущем).

Исследование показало зависимость миграционного поведения от различных факторов, в т.ч. и социально-территориального. Три социально-территориальные группы респондентов (жители села, столицы республики – г. Уфы, других городов РБ) демонстрировали разные установки и поведение в сфере миграции.¹

Уровень потенциальной миграции жителей РБ выявлялся с помощью вопросов о миграционных планах на будущее, а также о степени удовлетворенности жизнью в своих населенных пунктах.

В нашей выборке наибольшая доля потенциальных мигрантов представлена среди молодых людей до 34-х лет. Свои максимальные значения уровень потенциальной миграции достигает в возрастной группе 18-24 года (29,9%) и минимальные – в 55-65 лет (0,8%). У респондентов старше 66 лет отсутствуют какие-либо миграционные планы.

Основные причины возможного переезда связаны со стремлением решить социально-экономические проблемы и получить образование: первое место – «в связи с работой» (41,6%), второе – «стремление улучшить свое материальное положение» (38,6%), третье – «в связи с учебой» (15,8%).

¹ Респонденты из г.Уфы были выделены в отдельную социально-территориальную группу, т.к., во-первых, Уфа – город с миллионным населением, в котором проживает около четверти всех жителей республики. Во-вторых, по своему социально-экономическому развитию, возможностям удовлетворения социальных, культурных потребностей он стоит на порядок выше других городов РБ, которые в основном являются малыми и средними городами.

Таблица 3. Ответы на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с этим городом (селом, деревней)?», % от числа ответивших

Варианты ответов	Тип населенного пункта			Всего
	Город	Село	Уфа	
Думаю и дальше жить здесь	82,8	79,9	91,3	83,8
Планирую уехать,	14,2	13,9	4,7	11,6
в т.ч.:				
в другой город Республики Башкортостан	6,9	8,5	0,4	5,9
переехать (вернуться) в сельскую местность Республики Башкортостан	1,2	1,7	0,4	1,2
переехать в другой регион России	5,1	2,5	2,8	3,4
выехать за пределы России, в другую страну	0,9	1,2	1,2	1,1
Затрудняюсь ответить	3,0	6,2	4,0	4,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: База данных социологического исследования «Демографическое развитие Республики Башкортостан».

Селяне чаще, чем горожане указывали на желание найти другую работу, жители Уфы – переезд в связи с учебой, жители других городов – улучшить свое материальное положение.

В ходе исследования мы стремились выяснить, насколько удовлетворены жители республики условиями жизни в населенных пунктах, в которых проживают. Сельские и городские жители по-разному их оценили. Селяне крайне негативно отзывались о своих возможностях в трудовой, культурной и образовательной сферах. В то же время они чаще, чем горожане, положительно оценивали такие стороны, как возможность жить среди лиц своей национальности, экологическую ситуацию, уровень личной безопасности и возможность решить жилищный вопрос. Однако относительно высокая удовлетворенность этими сторонами жизни не являлась для них условием для дальнейшего проживания здесь. В поисках более высокого уровня и качества жизни значительная их часть стремятся покинуть свои населенные пункты.

Сравнение ответов двух категорий опрошиваемых – тех, кто не планирует никуда уезжать, и тех, кто готов выехать в другие населенные пункты (потенциальные мигранты) – показывает, что уровень удовлетворенности последних намного ниже чем, у первых.

Самая высокая неудовлетворенность наблюдается у потенциальных мигрантов такими сторонами жизни, как возможность проявить себя в профессиональной сфере (42,1%), решить жилищный вопрос (41,2%), возможность получить (дать детям) хорошее образование (35,1%).

Как видно, существует зависимость потенциальной миграции от уровня жизни населения. Чем выше неудовлетворенность, тем больше вероятность того, что человек покинет свое прежнее место жительства.

Уфа как крупный образовательный, промышленный центр республики для местного населения выступает тем местом проживания, в котором могут быть удовлетворены все основные базовые потребности человека. Соответственно, среди основной части респондентов г. Уфы не возникало каких-либо намерений уезжать из него. Здесь относительно большая доля местных уроженцев, т.е. тех, кто не имеет опыта миграции, и относительно низкий уровень потенциальной миграции.

Результаты исследований показывают, что низкий уровень жизни, невозможность реализовать себя в профессиональной сфере, удовлетворять свои культурные потребности являются теми факторами, которые способствуют миграционной убыли населения республики.

Таким образом, социологическое исследование «Демографическое развитие Республики Башкортостан» показало, что на репродуктивное и миграционное поведение жителей республики достаточно сильное влияние оказывают этнический и социально-территориальный факторы, что безусловно необходимо учитывать при формировании региональной демографической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурханова, Ф.Б. Репродуктивные установки башкир (по данным социологических исследований) [Текст] / Ф.Б. Бурханова // Проблемы демографического развития башкирского народа: сборник научных статей по итогам работы круглого стола / под ред. Р.М. Валиахметова, М.М. Кульшарипова, Р.З. Шакурова. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – С. 114-123.
2. Галин, Р.А. Демографическая ситуация и состояние здоровья населения [Текст] / Р.А. Галин, И.Б. Утяшева // Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. – Уфа: Восточная печать. – С. 107-164.
3. Демографический потенциал Республики Башкортостан состояние и тенденции развития [Текст] / отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2013. – 320 с.
4. Исянбаев, М.Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан. Приоритетные направления социально-экономического развития [Текст] / М.Н. Исянбаев. – Уфа: Гилем, 2009. – 287 с.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/.pdf

Соловьев А.К.

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ – КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящее время одной из самых серьезных социально-политических проблем в России является неуклонное усиление экономического расслоения населения и как следствие – рост как относительной, так и абсолютной бедности значительной его части. Особенно остро проблема бедности стоит перед наиболее социально уязвимой категорией населения – пенсионерами.

Измерение уровня бедности населения и вопросы, связанные с созданием государственной системы минимальных социальных гарантий, решаются с привлечением специального регулирующего инструмента социальной политики – прожиточного минимума различных категорий населения, в том числе пенсионеров, поскольку в наших условиях этот показатель остается единственным социальным стандартом качества жизни, который юридически закреплен российским законодательством и имеет конкретные экономические параметры. В соответствии с ним официально бедным считается человек, уровень доходов которого не позволяет ему получить физиологически необходимый минимум жизненных благ, продуктов, услуг, вследствие чего он лишен возможности обеспечить себе достойное (но без излишеств) качество жизни.

Социально ориентированные государства рассматривают проблему преодоления бедности и сокращения дифференциации в уровне материального обеспечения населения как одну из главных целей. Эта проблема зафиксирована в качестве приоритетной в программных документах Международной организации труда (МОТ) и Международной организации соцобеспечения (МАСО). Проводится постоянный мониторинг динамики уровня материального обеспечения населения в целом и в разрезе социально-демографических групп, с учетом региональных (географических) особенностей. Такой государственный мониторинг уровня бедности, как абсолютного, так и относительного, необходим и в России¹.

¹ В теории различаются понятия абсолютной и относительной бедности. Для нашей страны наиболее актуальна проблема относительной бедности, которая характеризуется ростом разрыва доходов между основной массой населения и небольшой группой людей.

Анализ текущего уровня бедности пенсионеров

Текущие демографические изменения характеризуются ускорением роста когорты лиц пожилого возраста. Так, в 2012 г. численность пенсионеров в Российской Федерации превысила 40 млн. человек (свыше 28% всего населения). Поэтому важно выделить данную возрастную категорию по условиям жизни с целью обеспечения социальных гарантий пенсионеров.

Основным, а нередко и единственным источником дохода для абсолютного большинства указанной категории населения является пенсия, которая различается по видам: трудовая (по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца) и пенсия по государственному пенсионному обеспечению.

Согласно федеральному закону «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ст. 12.1) общая сумма материального обеспечения пенсионера, проживающего на территории Российской Федерации и не работающего (не осуществляющего иную деятельность), не может быть меньше величины прожиточного минимума пенсионера, установленного в соответствии с п. 4 ст. 4 федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в субъекте Российской Федерации.

Это означает, что в настоящее время на нормативно-правовом уровне проблема абсолютной бедности пенсионеров конкретизирована. Однако на уровне домохозяйств, когда среднедушевой доход определяется с учетом состава семьи и доходов всех ее членов, пенсионеры могут попадать в разряд бедных. Именно по этой причине после повышения в 2010 г. небольших по размеру пенсий до уровня прожиточного минимума пенсионера радикального сокращения бедности среди них не произошло.

Наиболее экономически значимым показателем для оценки уровня жизни пенсионеров является «соотношение среднего размера трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера (ПМП)» (табл. 1).

В 2002 г. соотношение размера пенсии по старости и прожиточного минимума пенсионера было достаточно низким (115,3%) и оставалось таким до 2007 г. В 2007–2009 гг., в условиях финансового кризиса, для поддержания уровня жизни малообеспеченных пенсионеров была реализована политика опережающего повышения величины базовой части трудовой пенсии (относительно законодательно установленного механизма поддержания покупательной способности трудовой пенсии) и установлены новые размеры базовой части трудовой пенсии с опережающим относительно индексации страховой части ростом: декабрь 2007 г. – на 24%, декабрь 2009 г. – на 31,4 %.

Таблица 1. Динамика соотношения среднего размера трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера (ПМП) в Российской Федерации за 2002–2012 годы, %

Год	Величина ПМП, руб.	Соотношение с ПМП среднего размера трудовой пенсии			
		По государственному пенсионному обеспечению	по старости	по инвалидности	по случаю потери кормильца
2002	1 379	107,5	115,3	83,7	57,2
2003	1 605	110,5	118,9	84,8	62,8
2004	1 801	114,4	123,1	87,4	67,6
2005	2 418	106,5	114,3	81,8	61,6
2006	2 731	106,0	113,5	79,8	61,9
2007	3 065	121,9	129,6	93,4	68,9
2008	3 644	127,7	134,7	95,5	75,6
2009	4 100	154,0	161,7	116,3	90,9
2010	4 521	172,8	180,6	112,8	106,4
2011	5 032	169,1	176,4	109,2	105,8
2012	5 123	183,6	191,1	118,2	116,1

В результате в 2009 г. данный показатель увеличился до 161,7%. Тем не менее среднестатистический уровень соотношения с ПМП оставался недостаточно высоким, что вызывало сохранение низкой покупательной способности пенсионеров и объективно требовало дополнительных мероприятий по дальнейшему повышению уровня пенсионного обеспечения.

В результате проведенной в 2010 г. валоризации (повышения) пенсионных прав граждан, полученных ими до 2002 г. с учетом «советского» стажа до 1991 г., пенсии практически всех пенсионеров (36,6 млн получателей трудовых пенсий) увеличились, соотношение среднего размера трудовой пенсии по старости и прожиточного минимума пенсионера выросло до 180,6%, а в 2012 г. – до 191,1%. Но на фоне резкого повышения за счет валоризации пенсий по старости у получателей пенсий по инвалидности и случаю потери кормильца значение этого показателя в 2012 г. существенно ниже: 118,2% и 116,1% соответственно. Причина – недостаток трудового стажа, подлежащего валоризации. Следует отметить, что у данных категорий получателей трудовых пенсий соотношение превысило 100-процентный уровень только после вышеперечисленных мер.

В настоящее время по российскому законодательству пенсионерам, уровень пенсий которых не достигает прожиточного минимума, осуществляется социальная доплата до его уровня. Так, в 2012 г. выплата федеральной социальной доплаты к пенсии производилась в 67 субъектах Российской Федерации, на территории которых величина прожиточного минимума пенсионера была установлена в размере, не превышающем ПМП по Российской Федерации (5564 руб.), установленного Федеральным законом от 30.11.2011 №371-ФЗ «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов».

Численность получателей федеральной социальной доплаты к пенсии по стране в начале 2012 г. составляла 2894,3 тыс. человек, а к концу года сократилась до 2479,9 тыс. человек (на 14,3%). Федеральную социальную доплату к пенсии в 2012 г. получали более 6% всех пенсионеров России, при этом к концу года наибольшее число доплат отмечено в республиках Ингушетия, Кабардино-Балкарской и Тыва (15-18% от общей численности пенсионеров в регионе). Средний размер доплаты в целом по Российской Федерации составлял от 1251 руб. в январе 2012 г. до 1107 руб. – в декабре.

Кроме того, в этом же году производилась выплата региональной социальной доплаты к пенсии в 17 субъектах Российской Федерации («северные» регионы, Москва и Московская область). Численность получателей в среднем за год составила 2445,2 тыс. человек, а средний размер доплаты за год – 3960 руб.

Таким образом, почти у 5 млн пенсионеров (свыше 12% от общего числа получателей пенсий) в 2012 г. средний размер пенсий был ниже прожиточного минимума, и они получали социальные доплаты. Это свидетельствует о существенных проблемах пенсионной системы, которые не позволяют каждому восьмому застрахованному лицу в течение трудоспособного периода жизни обеспечить себе даже минимальный уровень пенсионного обеспечения.

Коэффициент замещения – оценочный показатель уровня жизни пенсионеров

Для факторного анализа причин и условий формирования бедности пенсионеров с целью получения дополнительной объективной информации об уровне жизни пенсионеров показатель соотношения среднего размера назначенных пенсий с величиной ПМП предлагается дополнить показателем «коэффициент замещения», показывающим уровень замещения утраченного заработка пенсионными выплатами.

В частности, солидарный коэффициент замещения рассчитывается как отношение среднего размера пенсии по стране к среднемесячной заработной плате в экономике:

$$K_{зам} = \frac{П_{ср}}{СЗП} \times 100$$

где:

$П_{ср}$ – средний размер пенсии по стране,

$СЗП$ – среднемесячная заработная плата в экономике.

В международной практике рассчитываются несколько показателей:

– брутто-коэффициент замещения - отношение размера пенсии до налогообложения к средней заработной плате до налогообложения;

– нетто-коэффициент замещения - отношение размера пенсии после налогообложения к средней заработной плате после налогообложения.

Для расчета солидарного коэффициента замещения (информационная база для расчета – государственная статистическая отчетность по форме № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников» о номинально начисленной заработной плате) необходимо привести номинально начисленную (брутто) заработную плату к нетто-зарплате путем уменьшения на величину НДФЛ по ставке 13%. Стандартные налоговые вычеты с заработной платы применяются при наличии у налогоплательщика инвалидности, а также детей на иждивении.

Для определения среднего размера назначенных месячных пенсий с учетом гендерного фактора возможно использование данных формы № 94 (пенсия) – годовая «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий», где из численности пенсионеров и суммы назначенных пенсий отдельно даны сведения о женщинах, в том числе по новым назначениям отчетного года.

На 01.01.2013 численность пенсионеров в стране составляла 40,6 млн человек, из них женщины – 27,2 млн (67,1%) и мужчины – 13,3 млн (32,9% общего числа пенсионеров). Средний размер пенсий у женщин на 5,9% ниже, чем мужчин (8967,1 руб. и 9533,6 руб.).

По новым назначениям 2012 г. разница между размерами пенсий мужчин и женщин возрастает до 9,2% (6982,0 и 7686,1 руб.). В дальнейшем, из-за усиления зависимости пенсионных выплат от объема уплаченных страховых взносов, рост гендерных различий в размере пенсий будет увеличиваться.

Особенно это касается женщин, получающих трудовые пенсии по старости, поскольку у них заработная плата и стаж работы ниже, чем у мужчин. Их численность составляет 23,7 млн человек (87,0% всех пенсионеров-женщин и 70,8% – получателей трудовой пенсии по старости).

Уровень солидарного коэффициента замещения номинально начисленной заработной платы средним размером пенсии в целом по Российской Федерации составлял (брутто-/нетто-коэффициенты соответственно): у женщин - 33,7% и 38,7% (новые назначения – 26,2% и 30,1%), у мужчин – 35,8% и 41,2% (новые назначения - 28,9% и 33,2%).

На 01.01.2013 самый высокий уровень солидарного коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии был у пенсионеров по старости – 36,8% и 42,3% (новые назначения – 30,0% и 34,5%) (брутто-/нетто-коэффициенты). Их численность составляет 33,5 млн. человек (89,8% всех получателей трудовых пенсий).

У получателей трудовой пенсии по инвалидности коэффициент замещения был значительно ниже и составлял 22,7% и 26,1% (новые назначения – 22,7% и 26,0%). Числен-

ность данной категории пенсионеров – 2,4 млн человек (6,6% от числа получателей трудовых пенсий).

Еще ниже коэффициент замещения у получателей пенсии по случаю потери кормильца – 22,7% и 26,1% (новые назначения – 18,7% и 21,5%). Численность данной категории пенсионеров – 1,4 млн человек (3,6% всех получателей трудовых пенсий).

На 01.01.2013 у более 11 млн. получателей трудовой пенсии по старости она назначалась в различные годы со снижением общеустановленного пенсионного возраста в связи с работой в условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию (ст. 27-28 федерального закона о трудовых пенсиях).

Численность получателей досрочных пенсий – 11,1 млн человек (33,1% всех пенсионеров по старости), в том числе по видам пенсий:

- за работу на предприятиях с вредными (список 1), тяжелыми и опасными условиями труда (список 2) – 5,1 млн. человек, или 46,5%;
- за длительную работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – 2,7 млн. человек, или 24,3%;
- за выслугу лет у отдельных категорий работников – 1,8 млн. человек, или 16,4%;
- по медицинским и социальным показателям (многодетные матери, инвалиды вследствие военной травмы, инвалиды по зрению, лилипуты и другие) – 1,4 млн человек, или 12,7%.

Средний размер досрочных пенсий значительно выше, чем установленных на общих основаниях, особенно за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

На 01.01.2013 г. средние размеры пенсий составляли: на общих основаниях – 9388,4 руб., досрочная – 10602,6 руб. (108,3% от пенсий, установленных на общих основаниях), в том числе за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – 12877,5 руб. (131,5%).

Результаты расчетов коэффициента замещения по видам трудовых пенсий по старости представлены в таблице 2.

Анализ данных таблицы свидетельствует, что если в целом по Российской Федерации уровень солидарного коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии по старости на общих основаниях на 01.01.2013 составлял 35,3% и 40,5% (новые назначения – 28,5% и 32,8%), то у получателей досрочных пенсий – 39,8% и 45,8% (новые назначения – 33,7% и 38,8%), в том числе за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – 48,4% и 55,6% (новые назначения – 40,7% и 46,8%) (брутто- / нетто-коэффициенты соответственно).

Для субъектов Российской Федерации солидарный коэффициент замещения рассчитывается как отношение среднего размера трудовой пенсии к средней номинально начисленной заработной плате в регионе:

$$K_{\text{зам}} = \frac{П_{\text{РЕГ}}}{СЗП_{\text{РЕГ}}} \times 100$$

где:

$П_{\text{РЕГ}}$ – средний размер пенсии в субъекте Федерации;

$СЗП_{\text{РЕГ}}$ – среднемесячная заработная плата в субъекте Федерации.

Таблица 2. Солидарный коэффициент замещения по видам трудовых пенсий по старости

Вид пенсии	Коэффициент замещения, %			
	брутто		нетто	
	все года назначения	новые назначения	все года назначения	новые назначения
Средняя номинально начисленная заработная плата	26628,9		23167,1	
Трудовые пенсии по старости	36,8	30,0	42,3	34,5
В том числе:				
на общих основаниях	35,3	28,5	40,5	32,8
получатели досрочных пенсий	39,8	33,7	45,8	38,8
Из них:				
Льготные основания	33,0	27,7	37,9	31,9
Список 1	39,5	32,7	45,4	37,6
Список 2 (включая схожие условия назначения)	38,5	33,8	44,3	38,9
Крайний Север	48,4	40,7	55,6	46,8
Выслуга лет	35,0	29,1	40,2	33,4
Прочие	34,1	29,2	39,2	33,6

Учитывая существенные экономические различия, обусловленные природно-климатическими и социальными особенностями территории страны, коэффициент замещения предлагается также дифференцировать для исчисления по каждому виду пенсии для трех групп регионов Российской Федерации, имеющих значительные отличия по уровню заработной платы, стажу, условиям проживания, составу семьи получателей и иным социально-экономическим характеристикам:

- группа 1 – северные регионы, в состав которых входят 24 района Крайнего Севера и приравненные к ним местности;
- группа 2 – южные регионы, включающие 13 регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов;
- группа 3 – центральные регионы, включающие 46 регионов, входящие в Центральный федеральный округ, и остальные субъекты Федерации, не отнесенные в группы 1 и 2 (таблица 3).

Согласно данным таблицы, в 2012 г. 59 субъектов Российской Федерации во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, имели уровень солидарного брутто-коэффициента замещения пенсий по старости – 40% и выше. В 2010 г. таких регионов было 65 – во всех федеральных округах страны.

Самый высокий уровень коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии по старости на 01.01.2013 был в Республике Дагестан – 59,0%, а самый низкий – в Москве – 20,6%.

Коэффициент замещения от 30,01% до 40% был в 19 регионах во всех федеральных округах, кроме Южного, Северо-Кавказского и Приволжского.

Из них 14 приходилось на северные регионы: два – в Северо-Западном ФО (Мурманская область и Республика Коми), один – в Уральском (Тюменская область (без учета автономных округов), четыре – в Сибирском (Иркутская и Томская области, Забайкальский и Красноярский края), семь – все регионы Дальневосточного ФО, кроме Сахалинской и Еврейской автономных областей.

Остальные пять регионов – это центральные, в том числе не входящие в состав южных и северных территорий: один – в Центральном ФО (Московская область), два – в Северо-Западном (Ленинградская область и г. Санкт-Петербург), по одному – в Уральском (Свердловская область) и Дальневосточном ФО (Еврейская автономная область).

Таблица 3. Распределение субъектов РФ – получателей пенсий – в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий

Трудовые пенсии	Количество субъектов с брутто-коэффициентом замещения, %					Количество субъектов с нетто-коэффициентом замещения, %				
	до 30	30-40	выше 40	из них: выше 60	выше общероссийского	до 30	30-40	выше 40	из них: выше 60	выше общероссийского
По старости	5	19	59	0	66	2	10	71	14	66
В том числе регионы:										
северные	4	14	6	0	10	1	8	15	0	8
южные	0	0	13	0	13	0	0	13	4	13
центральные	1	5	40	0	43	1	2	43	10	45
По инвалидности	54	26	3	0	69	27	47	9	0	69
В том числе регионы:										
северные	22	2	0	0	13	19	4	1	0	13
южные	4	6	3	0	13	0	7	6	0	13
центральные	28	18	0	0	43	8	36	2	0	43
По потере кормильца	46	34	3	0	63	32	34	17	0	63
В том числе регионы:										
северные	24	0	0	0	7	20	4	0	0	9
южные	4	8	1	0	13	2	5	6	0	11
центральные	18	26	2	0	43	10	25	11	0	43

В 2010 г. таких субъектов было 13 (увеличение за счет регионов Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов).

В пяти субъектах Российской Федерации на 01.01.2013 солидарный коэффициент замещения не достигал и 30%. Это Ненецкий (26,5%), Ханты-Мансийский (28,8%), Ямало-Ненецкий (23,3%) автономные округа, Сахалинская область (29,1%) и г. Москва (20,6%). Низкий коэффициент замещения обусловлен высоким уровнем заработной платы и стоимости жизни в районах Крайнего Севера и г. Москве.

В 2012 г. в 71 субъекте из 83 во всех федеральных округах Российской Федерации уровень солидарного нетто-коэффициента замещения трудовой пенсии по старости составлял 40% и выше.

И только у двух субъектов он не достигал 30%: в Ненецком автономном округе (26,8%) и г. Москве (23,7%).

Количество регионов с аналогичным уровнем коэффициента у получателей трудовой пенсии по инвалидности – 3 и 9, а по потере кормильца – 3 и 17 (брутто-/нетто-коэффициенты соответственно) (табл. 4).

Согласно данным, приведенным в таблице, уровень коэффициента замещения пенсий по старости, назначенных в отчетном году, значительно ниже, чем у пенсионеров всех лет назначения. На 01.01.2013 только в 23 из 49 субъектов Российской Федерации наблюдался необходимый в соответствии с методологией МОТ уровень коэффициента замещения утраченного заработка пенсией по старости, в одном и 10 субъектах – пенсией по инвалидности (брутто-/нетто-коэффициенты соответственно). Что касается пенсий по случаю потери кормильца, то всего в двух субъектах центральных регионов (Белгородская и Пензенская области) коэффициент достиг указанного уровня в сравнении с заработной платой после уплаты подоходного налога.

Изменение структуры пенсий как необходимый фактор обеспечения минимального уровня жизни пенсионеров в условиях реформирования пенсионной системы

В Российской Федерации до 2010 г. трудовая пенсия состояла из трех частей со следующими самостоятельными источниками финансирования:

Таблица 4. Распределение субъектов РФ – получателей пенсий – в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий (новые назначения)

Трудовые пенсии	Количество субъектов с брутто-коэффициентом замещения, %					Количество субъектов с нетто-коэффициентом замещения, %				
	до 30	30-40	выше 40	из них: выше 60	выше общероссийского	до 30	30-40	выше 40	из них: выше 60	выше общероссийского
По старости	15	45	23	0	68	8	26	49	0	68
В том числе регионы:										
северные	12	11	1	0	13	6	13	5	0	12
южные	0	7	6	0	13	0	1	12	0	13
центральные	3	27	16	0	42	2	12	32	0	43
По инвалидности	52	30	1	0	68	26	47	10	0	68
В том числе регионы:										
северные	22	2	0	0	12	18	5	1	0	13
южные	5	7	1	0	13	0	9	4	0	13
центральные	25	21	0	0	43	8	33	5	0	42
По потере кормильца	70	13	0	0	65	55	26	2	0	65
В том числе регионы:										
северные	24	0	0	0	12	23	1	0	0	10
южные	11	2	0	0	11	6	7	0	0	11
центральные	35	11	0	0	42	26	18	2	0	44

– базовой части – средства единого социального налога, с 2005 г. – трансферт из федерального бюджета на выплату базовой части трудовой пенсии;
– страховой части – страховые взносы на выплату страховой части трудовой пенсии;
– накопительной части – страховые взносы на выплату накопительной части трудовой пенсии.

Вследствие отмены в 2010 г. единого социального налога была упрощена структура трудовой пенсии: ликвидирована ее базовая часть, которая финансировалась за счет средств федерального бюджета, и в состав страховой части трудовой пенсии введен фиксированный базовый размер.

Таким образом, в настоящее время трудовая пенсия номинально состоит из двух частей: страховой и накопительной (НЧ).

Типовая формула определения страховой части трудовой пенсии по старости (СЧ):

$$СЧ = ПК / T + Б,$$

где:

ПК – сумма расчетного пенсионного капитала застрахованного лица, учтенного по состоянию на день, с которого указанному лицу назначается страховая часть трудовой пенсии по старости;

T – количество месяцев ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии по старости, применяемого для расчета страховой части указанной пенсии, составляющего 19 лет (228 месяцев);

Б – фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости.

Из данной формулы видно, что размер страховой части трудовой пенсии по старости рассчитывается путем суммирования двух институционально различных составных частей.

Первая формируется, исходя из суммы так называемого расчетного пенсионного капитала (РПК) гражданина, который накапливается у него в течение всей его трудовой и иной деятельности. А вторая – это фиксированный базовый размер (ФБР) страховой части трудовой пенсии по старости, устанавливаемый в твердой сумме независимо от трудового вклада (стажа и отчисленных страховых взносов).

Его величина в рублях определяется законодательно в зависимости от категории пенсионера, наличия иждивенцев, длительного стажа работы на Крайнем Севере, при одном условии: продолжительность страхового стажа должна быть не менее пяти лет.

Поскольку фиксированный базовый размер номинально является страховой составляющей пенсии, то и финансируется он в настоящее время также за счет страховых взносов на выплату страховой части трудовой пенсии.

В то же время экономическая функция базовой части пенсии заключается в обеспечении минимального уровня материального обеспечения пенсионеров. Страховая и обязательная накопительная части трудовой пенсии выполняют функцию достижения эквивалентности прав и обязательств пенсионного обеспечения граждан согласно российскому пенсионному законодательству.

Как уже отмечалось выше, коэффициент замещения является расчетным оценочным показателем. При этом размер трудовой пенсии соотносится с заработной платой или иным видом дохода застрахованного лица от трудовой деятельности опосредованно, через расчетный пенсионный капитал, который в свою очередь образуется из страховых взносов, как раз и взимаемых с его заработной платы или дохода.

Поэтому включение в страховую часть трудовой пенсии второй составляющей, не зависящей напрямую от результатов трудовой деятельности застрахованного лица (фиксированного базового размера страховой части), противоречит страховым принципам пенсионного обеспечения.

В результате реформы 2010 г. произошло не только увеличение размера трудовой пенсии в Российской Федерации, но и существенное изменение ее институциональной структуры (табл. 5).

Анализ данных таблицы свидетельствует, что средний размер трудовой пенсии по старости на конец 2012 г. составил 9790,1 руб. (рост к 2002 г. - в 6,2 раза), в том числе

Таблица 5. Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии (ТП) по старости в Российской Федерации за 2002 – 2012 гг.

Год	Средний размер трудовых пенсий по старости, руб.					Коэффициент замещения, %		Доля страховой части в среднем размере ТП, %
	всего	ФБР*	страховая часть (без ФБР, валоризации и НЧ)	суммы валоризации	накопительная часть	всего	страховой части (без ФБР, валоризации и НЧ)	
2002	1 590,3	576,7	953,7	0,0	0,0	36,5	21,9	60,0
2003	1 908,2	664,3	1 180,7	0,0	0,0	34,7	21,5	61,9
2004	2 216,7	763,9	1 388,7	0,0	0,0	32,9	20,6	62,6
2005	2 763,6	1 117,7	1 564,4	0,0	0,0	32,3	18,3	56,6
2006	3 098,8	1 221,5	1 794,0	0,0	0,0	29,1	16,9	57,9
2007	3 972,7	1 874,5	1 990,7	0,0	0,0	29,2	14,6	50,1
2008	4 909,7	2 167,2	2 635,5	0,0	0,0	28,4	15,2	53,7
2009	6 630,1	3 102,6	3 395,2	0,0	0,0	35,6	18,2	51,2
2010	8 165,7	3 301,2	3 611,3	1 130,4	0,0	39,0	17,2	44,2
2011	8 876,0	3 589,0	3 979,8	1 191,1	0,0	38,0	17,0	44,8
2012	9 790,1	3 962,7	4 441,7	1 271,7	0,1	36,8	16,7	45,4

*До 2010 г. – базовая часть трудовой пенсии.

по новым назначениям отчетного года – 7988,0 руб. (в 5,3 раза). И если на конец 2002 г. на долю страховой части приходилось 60,0% среднего размера трудовой пенсии, то к концу 2012 г. она снизилась на 14,6%, до 45,4% (по новым назначениям – 60,2% и 47,2% соответственно).

В результате на 01.01.2013 коэффициент замещения средней номинально начисленной заработной платы в Российской Федерации средним размером трудовой пенсии по старости составил 36,8%, и из них только 16,7% непосредственно приходилось на ее страховую часть без сумм фиксированного базового размера и валоризации (новые назначения – 30% и 14,1% соответственно).

Размер коэффициента замещения по трудовым пенсиям по инвалидности и случаю потери кормильца, как общего среднего размера пенсии, так и с учетом исключения из него сумм фиксированного базового размера и валоризации, значительно ниже. В динамике тенденция снижения уровня показателей по указанным видам пенсий сохраняется.

Особо следует остановиться на структуре и размере фиксированного базового размера трудовой пенсии, который может быть общим и повышенным. Общий размер устанавливается всем лицам, имеющим право на трудовую пенсию, достигшим определенного возраста и располагающим необходимой продолжительностью стажа. Дополнительными условиями, дающими право на повышенный размер, являются нуждаемость в постоянном постороннем уходе и наличие на иждивении нетрудоспособных членов семьи. Кроме того, федеральным законом от 29 ноября 2003 года № 154-ФЗ «Об увеличении базовой части трудовой пенсии лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» была введена норма об увеличении фиксированной суммы в рублях, являющейся составной частью трудовой пенсии (базовой части трудовой пенсии). До принятия этого закона размеры базовых частей трудовой пенсии устанавливались в одинаковых суммах, независимо от места проживания пенсионера. Размеры трудовых пенсий дифференцировались только при оценке пенсионных прав застрахованных лиц при определении страховой части трудовой пенсии. С 2010 г. общий фиксированный базовый размер (ФБР) трудовой пенсии в Российской Федерации был установлен (ФЗ № 173) в размере 2562 руб. и ежегодно индексируется в установленном порядке: на 01.01.2013 общий размер ФБР вырос на 28,0%, т.е. до 3279 руб. Дифференциация размера ФБР зависит также и от других факторов. Увеличение от общего размера ФБР составляет: по достижении возраста 80 лет – в два раза; за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – на 30-50%; наличия I группы инвалидности – в два раза (у инвалидов II группы – 1 общий размер ФБР, III группы – 1/2 общего размера ФБР) и наличия иждивенцев от одного до трех человек (от 1/3 до 1 общего размера ФБР).

Получатели пенсий по случаю потери кормильца имеют 1/2 общего размера ФБР, кроме детей, потерявших обоих родителей или детей умершей одинокой матери. Пенсия детей круглых сирот включает в себя полный общий размер ФБР.

Сведения о численности получателей и фактически сложившемся среднем размере фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по категориям получателей по данным отчета № 94 (пенсии) представлены в таблице 6.

На 01.01.2013 по Российской Федерации у 33,5 млн пенсионеров по старости средний размер фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии составил 3962 руб., по инвалидности – 3355 руб. (2,4 млн чел.), по случаю потери кормильца – 1698 руб. (1,4 млн чел.). Самый низкий его уровень был у получателей трудовых пенсий

Таблица 6. Сведения о получателях фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии в целом по Российской Федерации на 01.01.2013

Категории получателей пенсии	Всего		Наличие иждивенцев							
			нет		один		два		три	
	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.
По старости:	33520	3962	32033		1351		106		29	
достигшие 80 лет и инвалиды I группы	4727		4648	6696	78	7759	1	9027	0,2	10064
другие получатели пенсии по старости	28793		27385	3442	1274	4674	105	5983	29	6955
По инвалидности:	2444	3355	1729		452		179		85	
I группы	200		156	6758	31	7909	10	9057	4	10097
II группы	1087		785	3440	179	4545	73	5634	50	6662
III группы	1157		787	1665	242	2791	96	3922	31	5055
По случаю потери кормильца:	1352	1698								
дети, потерявшие обоих родителей, или дети умершей одинокой матери (круглые сироты)	15	3495								
другие нетрудоспособные члены семьи и умершего кормильца	1337	1678								

по инвалидности III группы – 1665 руб. (787 тыс. чел.), а самый высокий – у инвалидов I группы, имеющих трех иждивенцев, – 10097 руб. (4 тыс. чел.). Всего 1,49 млн. получателей трудовой пенсии по старости (4,4% от общего числа данной категории) имеют иждивенцев. Кроме того, они есть у 0,72 млн чел., или 29,3% общего числа получателей трудовой пенсии по инвалидности.

По-прежнему остаются наименее защищенной категорией граждан в России. В этой связи ключевой задачей Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, утвержденной в декабре 2012 г., определено «обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости на уровне 2,5 - 3 прожиточных минимумов пенсионера» к 2030 году.

Ежегодный мониторинг и структурный анализ региональных и отраслевых факторов бедности пенсионеров позволит своевременно скорректировать, в случае необходимости, и выработать инструменты государственного регулирования долгосрочной политики преодоления пенсионной бедности.

Е.Н. Васильева

ВолГУ, г. Волгоград

СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН¹

В современной России утвержден курс на инновации, регламентирующийся целым рядом документов: Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (2005 г.), Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (2006 г.), Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (2011 г.), Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» (2013 г.). Однако наличие документов не гарантирует реализацию поставленных задач, для выявления прогнозного фона в рамках работы над проектом «Социокультурные факторы и субъекты формирования экономической и инновационной активности молодежи в современной России» (грант Президента РФ – МК-2659.2014.6) мы поставили вопрос: как формируются экономические практики, которые лежат в основе экономической активности населения.

Ответ на данный вопрос найти непросто, так как теории, описывающие предмет комплексно, не сформированы, однако активно анализируются многие аспекты вопроса. Значение имеют, во-первых, исследования экономических ценностей и факторов, влияющих на формирование экономических практик. Во-вторых, анализ факторов формирования через определение экономических норм, ценностей, институтов, исследование понятий «экономическая культура», «предпринимательство». В-третьих, особенности деятельности предпринимателей в современном российском обществе, их место и роль в социальной структуре, взаимоотношения с властью.

Частично на поставленный вопрос отвечают эмпирические данные, полученные по результатам исследования инновационной активности населения: Богатырева Ю.И., Пазухина С.В., Рощеня А.Л., Шалагинова К.С. рассматривают результаты исследования условий развития и способов стимулирования инновационной активности молодых ученых, трансформации экономических и трудовых ценностей молодежи в современ-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014.6).

ном российском обществе [1]; Сеземина Е.Н. выявляет основные проблемы низкой активности молодежи в инновационной сфере, а также анализирует мероприятия государственной молодежной политики, направленные на их решение [2]; Бохан Т.Г., Баланев Д.Ю., Мацуга В.В., Щеткина Н.Н., Таскина И.А., Фрокол А.С., которые проанализировали данные о личностной готовности к инновационному поведению молодежи народов Сибири, проблему готовности к изменениям, этнокультурные ресурсы в становлении инновационного потенциала молодежи народов Сибири [3]. Исследуют жизненные стратегии в контексте вхождения молодежи в активную экономическую деятельность Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А., Blokker P., Dallago B. [4].

Разработка и уточнение понятийного аппарата и инструментария исследования для анализа экономической и инновационной активности молодежи возможны посредством содержательного анализа субъектов, влияющих на формирование социальной активности современной молодежи, форм и факторов экономической и инновационной активности, анализа социальных технологий, применяемых для ее развития и поддержания в современном обществе. В роли субъектов, способных оказывать влияние на развитие экономической активности, мы предлагаем рассматривать образовательные учреждения и общественные молодежные объединения, так как члены семей молодежи социализировались вне рыночного общества и не всегда вырабатывают технологии включения молодежи в рыночные механизмы, тогда как образовательные учреждения и общественные молодежные объединения вынуждены отвечать государственным запросам, даже при определенном внутреннем сопротивлении, а, следовательно, они способны формировать социально-экономическую и инновационную активность молодежи в процессе конструирования новых практик самореализации молодежи, через организацию участия в таких мероприятиях, как Всероссийский молодежный конкурс «Будущие АСы КОМПьютерного 3D-моделирования», Предпринимательский конкурс «Бизнес инновационных технологий», V Студенческий конкурс «Лучший бизнес-план инновационного проекта» и т.д.

Анализируя человеческий капитал Волгоградской области, мы пользовались методом стандартизированного интервью с представителями различных категорий молодежи Волгоградской области. Были опрошены школьники старших классов дневных общеобразовательных учреждений (22,5%), обучающиеся в учреждениях начального профессионального образования (2,9%), студенты средних специальных учебных заведений (8,8%) и высших учебных заведений (22,6%), представители работающей молодежи до 30 лет (43,2%). Из них 72,1% – это городская молодежь (Волгограда и Волжского) и 23,9% – молодежь сельскохозяйственных районов Волгоградской области. Объем выборки 624 человек.

Для формирования представлений о структуре экономической социализации молодежи мы исследовали финансовые стратегии молодежи. Можно обратить внимание на несколько противоречий в ожиданиях учащихся. Достаточно высокий процент желающих заниматься бизнесом не соответствует небольшому проценту молодежи, положительно относящейся к предпринимательству (3,3%) (отношение к предпринимательству измерялось с помощью Шкалы Терстоуна). Однако скорее положительное отношение к предпринимательству выражают уже 32,3% респондентов; 56,9% – нейтральное; 3,3% – скорее отрицательное и 0,8% – отрицательное.

Для формирования представлений об экономической активности молодежи важно измерение готовности молодежи к миграции ради повышения материального благополучия. На вопрос «Вы готовы уехать в другой регион РФ, если Вам предложат хо-

рошо оплачиваемую работу?» ответы расположились следующим образом: «Да, даже если придется уехать в Сибирь» – 36,0 %; «Да, только если это будет Москва или Санкт-Петербург» – 35,2 %; «Нет, я не готов(а) уехать в другой регион» – 25,8. Однако участие во внеучебной деятельности молодежь принимает не очень активно – 46,3 % не участвуют в мероприятиях, проводимых в образовательном учреждении. Участие выглядит следующим образом: в творческих и спортивных мероприятиях (14,1 %), в научных и познавательных мероприятиях (12,3 %), в волонтерской работе (3,5 %), в творческих, спортивных и научных мероприятиях (3,3 %), в творческих, спортивных мероприятиях и в волонтерской работе (2,5 %), в научных мероприятиях и в волонтерской работе (0,4 %), участвую во всем (3,4 %), затрудняюсь ответить (14,2 %). Тем не менее молодежь достаточно позитивно оценивает свои перспективы и в качестве причин, мешающих повысить свое материальное положение, выбирает ответы «лень», «нежелание менять образ жизни», т.е. причины, устранить которые в силах индивида, при грамотной организации своей деятельности. Результаты исследования в целом соответствуют тому, о чем говорит Чередниченко Г.А. [5]. Пока о том, что экономическая и инновационная прослойка российского общества вырастет, говорить не приходится, достаточно низкий процент как активной молодежи, так и однозначно положительного отношения к предпринимательству говорят о том, что модель экономической модернизации РФ – это неорганическая модернизация, осуществляющаяся за счет заимствования западных ценностей (именно поэтому так высок процент тех, кто не хочет жить в России). Следовательно, необходимо учитывать ценностную матрицу российского общества, чтобы стимулировать исследуемые процессы. Таким образом, образовательным, а также детским и молодежным общественным объединениям еще только предстоит занять ведущее место в системе экономической социализации российских граждан. В силу ряда причин (отсутствие четких программ деятельности, недостаток ресурсов, социальная инертность, сильная зависимость от государства при слабой финансовой поддержке и внутреннее сопротивление членов организаций) они не выполняют на должном уровне свою социализирующую функцию. Члены данных институтов не видят необходимости целенаправленно и регулярно заниматься декларированием новых экономических ценностей. Вследствие этого процессы экономической социализации молодого поколения российских граждан в 1990 – 2010-х гг. носят в основном стихийный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева, Ю.И. Условия развития и способы стимулирования инновационной активности молодых ученых: региональный аспект [Текст] / Ю.И. Богатырева, С.В. Пазухина, А.Л. Рощеня, К.С. Шалагинова. – Тула, 2012; Смола, Н.В. Трансформация ценностей молодежи в современном российском обществе [Текст] / Н.В. Смола // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 4. – С. 207-212.
2. Дерюгин, П.П. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля [Текст] / П.П. Дерюгин, Ю.А. Колесникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2012. – № 3. – С. 230-235.
3. Сеземина, Е.Н. Стимулирование инновационной активности молодежи в рамках региональной молодежной политики [Текст] / Е.Н. Сеземина // Инновации. – 2010. – № 6. – С.126-128.
4. Бохан, Т.Г. Личностная готовность к инновационному поведению молодежи народов Сибири [Текст] / Т.Г. Бохан, Д.Ю. Баланев, В.В. Мацута, Н.Н. Щеткина, И.А. Таскина, А.С. Фрокол // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 348. – С. 110-114.

5. Константиновский, Д.Л. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения [Электронный ресурс] / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСИ, 2013. – 277 с. – Режим доступа: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=327>
6. Константиновский Д.Л. Жизненные стратегии молодежи «10 лет спустя». Социологическое исследование [Текст] / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко, Ф.А. Хохлушкина. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 277 с. – Режим доступа: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=327>
7. Youth entrepreneurship and local development in Central and Eastern Europe [Text] / edited by Paul Blokker, Bruno Dallago. – Aldershot, England ; Burlington, VT : Ashgate, 2008.
8. Чередниченко, Г.А. Личные планы выпускников средней школы [Текст] / Г.А. Чередниченко // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 114-117.
9. Чередниченко, Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования) [Текст] / Г.А. Чередниченко. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004. – 504 с.

И.А. Евграшина

Филиал СПбГЭУ в г. Вологде

МОЛОДЕЖЬ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Развитие ведущих стран мира привело к формированию новой экономики – экономики знаний, инноваций, глобальных информационных систем, экономики интеллектуального труда, науки, новейших технологий. Основу новой экономики составляет накопленный человеческий капитал, являющийся главной доминантой социально-экономического развития современного общества.

Изменение роли человеческого капитала, расширение его структуры и функций, превращение его из затратного фактора в основной производительный и социальный фактор развития и функционирования современного общества привело к необходимости формирования новой парадигмы развития. В рамках новой парадигмы развития стран и мирового сообщества человеческий капитал занял ведущее место в национальном богатстве (до 80% в развитых странах) и в совокупном производительном капитале.

Особым носителем человеческого капитала, от которого зависят качественные и количественные его характеристики, выступает молодежь, которая является социальной группой, наиболее мобильной и восприимчивой к происходящим изменениям.

В современной жизни молодежь является не только объектом воспитания, образования и социализации, но и основным инновационным потенциалом экономического развития общества. Модернизация экономики России в значительной мере зависит от ее качества. «Если да хотим обновить общество, мы должны переоткрыть для себя молодежь как могучий фактор социальных перемен и обновления («омоложения») общества, воспринять ее как социальную ценность особого рода, как бесценный капитал» [3, с. 207]

В современных исследованиях особо подчеркивается, что молодежь, представляя собой большую социально-демографическую группу структуры населения нашей страны и являясь главнейшим агентом социальных перемен, обладает значительным инновационным потенциалом, который можно эффективно использовать на благо всего общества (З.Т. Голенкова, Г.Г. Дилигенский, Л.М. Дробижева, Т.И. Заславская, Л.Г. Ионин, П.М. Козырева, Ю.А. Левада, В.А. Ядови др.).

Определение понятия «молодежь», критериев выделения ее в самостоятельную группу, установление возрастных границ является поводом дискуссии между учеными с позиций социологии, психологии, физиологии, демографии.

Молодежь — это специфическая социально-демографическая подгруппа, являющаяся носителем особых интеллектуальных и творческих способностей, обладающая рядом специфических черт.

К особенностям молодежи можно отнести следующие: целеустремленность, выносливость, мобильность (территориальная и социальная), наличие собственных, специфических, жизненных целей, ценностей и идеалов, легкая обучаемость, стремление к самоутверждению и самореализации.

В процессах социализации и адаптации молодой человек включается в реальные практические отношения, учится разным формам деятельности и общения, осваивает одобряемые референтными группами нормы и стандарты поведения, присваивает ответственное отношение к своему поведению, трудолюбию и определенной дисциплине труда. У молодого человека складывается система ценностных ориентаций, норм и правил общения и деятельности, формируется общая направленность личности и ее мотивации, а также уровень притязаний в разных сферах жизнедеятельности.

Современная молодежь сформировалась в условиях социально-экономического реформирования российского общества, имевших негативное влияние на качественные и количественные характеристики этой категории населения при том, что ценностные ориентации и убеждения, полученные в молодом возрасте, сохраняются в основном на протяжении всей жизни. Молодежь напрямую влияет на формирование будущего, и потому молодых людей больше, чем старшее поколение волнуют проблемы состояния окружающей среды, природных катастроф, социальной и политической стабильности. И этим нередко пользуются современные лидеры, используя манипулятивные методы управления молодежью. Манипулирование основывается на том, чтобы создать выгодный псевдообраз события, явления, который создается посредством искажения под нужным ракурсом существующей реальности [4, с.341-345]. Цель данных методов – разрушение систем ценностей и норм, разрушение интеллекта. Российские социологи констатируют тот факт, что современная молодежь, преследуя цель собственного материального благополучия, готова поступиться нравственными ценностями.

Молодежь – это тот ресурс, без которого невозможен экономический рост страны, а для более эффективного и устойчивого развития необходимо формирование качественного человеческого капитала у данной категории населения, т.к. именно за счет накопленного уровня знаний, здоровья, мотиваций молодежь сможет реализовать себя и вывести экономику на новый уровень развития.

Для эффективного управления человеческим капиталом молодежи необходимо знать, на каком уровне развития в данный момент находится этот показатель и на что требуется обратить внимание прежде всего.

В настоящее время распространены натуральные показатели измерения человеческого капитала общества и различные индексы. Такие показатели позволяют сравнивать возможности и потенциал различных стран и оценивать тенденции в рамках одной страны, но при этом не охватывают весь человеческий капитал. К этим показателям можно относить показатели уровня образования, среднего (или медианного) возраста, уровня доходов, уровня грамотности и т.д.

К натуральным показателям можно относить Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который включает оценку продолжительности жизни, уровня грамотности взрослого населения, уровень образования через совокупную долю учащихся и уровень жизни, оцениваемый через ВВП на душу населения.

Для оценки человеческого капитала молодежи отделением ЮНЕСКО Центральной и Латинской Америке была предложена методика расчета Индекса развития молодежи.

Индекс развития молодежи (ИРМ) — комплексный показатель, оценивающий уровень развития человеческого потенциала молодого поколения (молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет) по трем основным направлениям: продолжительность жизни и здоровье, образование, уровень жизни [1]. Индекс развития молодежи рассчитывался на базе 3 групп показателей: индекса здоровья, индекса образования, индекса дохода.

В России данный индекс был экспериментально рассчитан в 2005 году. Основная проблема при подсчете данного показателя заключается в том, что многие данные, характеризующие как положение молодежи, так и уровень развития ее потенциала на региональном уровне, в настоящее время не собираются, кроме того имеется несоответствие возрастных группировок в статистике различных секторов. В частности, статистика здравоохранения используют возрастные группировки, не в полной мере совпадающие с международными стандартами и не позволяющие проводить сопоставления не только с международными показателями, но и с национальными данными об образовании и рынке труда.

При оценке качества образования использовались результаты единого государственного экзамена по русскому языку и математике, однако эти данные позволяют оценить качество только школьного образования и не затрагивают профессиональное. Кроме того, корректность использования показателя ЕГЭ сомнительна, т.к. сама процедура проведения данного экзамена, качества контрольно-измерительных материалов на сегодняшний день вызывают достаточно много споров.

Для полноценного и достоверного анализа состояния человеческого капитала молодежи в регионе необходимо учитывать как объективные (статистические данные), так и субъективные (результаты социологических исследований) критерии.

Одной из методик подсчета уровня развития человеческого капитала молодежи может служить мониторинг социально-экономического положения молодежи в регионе на основе социологического опроса молодого поколения региона.

Мониторинг может быть не только механизмом контроля развития человеческого капитала, но и механизмом коррекции, т.к. позволяет выявить несоответствие полученного результата желаемому или изначально предполагаемому.

В число индикаторов, входящих в расчет индекса развития человеческого капитала молодежи, предлагаем включить:

1. Индекс здоровья.
2. Индекс образования.
3. Индекс инновационной активности.
4. Индекс социально-культурной активности.

Индекс здоровья включает в себя уровень имеющегося здоровья, по мнению респондентов, и их отношение к собственному здоровью, т.к. именно заложенные с детства привычки в питании и поведении оказывают влияние на состояние здоровья в зрелом возрасте.

Индекс образования характеризуется качественными показателями, а именно трудоустройство по специальности и соответствие квалификации выполняемой работе.

Индекс инновационной активности позволяет оценить уровень мотивации молодежи к инновационной деятельности.

Индекс социально-культурной активности дает оценку социальной мотивации молодого поколения и культурной активности. Социальная активность формирует ответственность, способность реагировать на социальные явления и процессы, настроенность на лидерство, характеризует потребности человека.

Расчет индексов производится на основе данных, полученных в результате социологического опроса молодежи.

В основе расчетов составляющих индекса развития человеческого капитала лежат ответы респондентов на вопросы, указанные в таблице 1. Данные вопросы сформулированы таким образом, что требуют конкретного ответа. Ряд вопросов анкеты дают возможность конкретизировать или получить более детальную характеристику того или иного показателя, выявить причины сложившейся ситуации, но они не могут быть включены в расчет индексов, т.к. не позволяют оценить полученные ответы.

Каждому варианту ответов был присвоен коэффициент веса начиная от 0 для отрицательной характеристики ответа и далее по возрастанию с шагом 1 для каждого следующего уровня ответа. Далее рассчитывалось значение каждого показателя как среднее значение произведений доли ответов на коэффициент веса. Так же для каждого вопроса присваивалось максимально возможное значение по данному показателю. Каждый из индексов рассчитывался как отношение суммы входящих в него показателей к сумме максимально возможных значений. В итоге составляющие индексы могут принимать значение от 0 до 1. Сводный индекс развития человеческого капитала молодежи является средним арифметическим всех составляющих индексов и имеет следующий вид.

$$ИРЧКМ = \frac{I_{зд} + I_{обр} + I_{ин} + I_{соц}}{4}$$

Значение данного индекса, так же как и составляющих его индексов, находится в диапазоне от 0 до 1.

Расчеты показали, что индекс развития человеческого капитала молодежи Вологодской области в возрасте от 14 до 21 года превышает значение данного индекса для группы молодежи в возрасте от 22 до 29 лет на 22% (0,5 и 0,39 соответственно). Причем, как показывают расчеты, все составляющие индекса развития человеческого капитала молодежи у первой группы выше, чем у второй, т.е. в возрасте от 22 до 29 лет человеческий капитал уже не накапливается, а растрачивается.

Таблица 1. Вопросы анкеты, включенные в расчет индекса развития человеческого капитала молодежи

Название индекса	Вопрос анкеты
Индекс социальной активности	Принимаете ли Вы активное участие в общественной и политической жизни Вашей страны?
	Что, по Вашему, наиболее характерно для современной российской молодежи?
	Состоите ли Вы в общественных организациях?
Индекс здоровья	Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?
	Вы курите или курили когда-либо?
	Употребляете ли Вы алкогольные напитки и пиво?
	Принимаете ли Вы препараты, содержащие психотропные вещества (снотворное, антидепрессанты и т.п.)
	Занимаетесь ли Вы физкультурой/спортом
Индекс образования	Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении (ВУЗе, техникуме, училище)?
	В какой мере Ваша квалификация (подготовка) соответствует выполняемой Вами работе?
Индекс инновационной активности	В какой мере для Вас в настоящее время характерно занятие творческой (рационализаторской, изобретательской и т.д.) деятельностью?
	Связана / связываете ли Вы свою карьеру с инновационным бизнесом?

Таблица 2. Значение индекса развития человеческого капитала молодежи Вологодской области и его составляющих по возрастным группам

Название индекса	Значение индекса для молодежи в возрасте 14-21 года	Значение индекса для молодежи в возрасте 22-29 года
Индекс социальной активности	0,31	0,29
Индекс здоровья	0,68	0,56
Индекс образования	0,63	0,52
Индекс инновационной активности	0,36	0,18
ИРЧКМ	0,5	0,39

Учитывая, что максимальное значение ИРЧКМ принимает значение 1, то можно констатировать факт, что для обеих возрастных групп полученный показатель недостаточно высок.

Самое низкое значение зафиксировано по индексу социальной активности для группы от 15 до 21 года (0,31) и по индексу инновационной активности для группы от 22 до 29 лет (0,18). Наибольшее снижение показателя (на 50%) наблюдается для индекса инновационной активности, в то время как для остальных составляющих индекса падение происходит от 7 до 18%.

Инновационное развитие экономики без активного участия населения в целом и молодежи в частности в разработке и продвижении инноваций невозможно. А результаты исследования показывают, что молодое поколение не только не участвует в творческой деятельности, но и не связывает свою карьеру с инновациями.

На недостаточно высоком уровне находится и индекс образования молодежи региона (0,63 и 0,52), причем если доля молодежи с высшим образованием достаточно высока (80%), то качество самого образования не на высшей отметке. Об этом свидетельствует то, что сами молодые люди свою квалификацию оценивают как недостаточную для выполнения более квалифицированной работы. Кроме того почти 50% молодежи не работает по специальности, а это значит, что время и средства, потраченные на получение образования, не дают экономической отдачи, т.е. потрачены нерационально.

Для того, чтобы молодежь могла реализовать свой человеческий капитал, обществом должны быть созданы соответствующие условия с учетом политических, духовных и социально-экономических интересов государства. Государство должно четко определить свои цели и основные направления работы с молодежью. В зависимости от этого будут формироваться и черты будущего и последующего поколения населения. Цели и задачи молодежной политики в области формирования человеческого капитала должны определяться двумя обстоятельствами: во-первых, теми качествами, которые имеются у молодежи, и их жизненными планами. Во-вторых, теми приоритетами, которые выбирает государство в каждой конкретной социально-экономической и политической ситуации для развития страны [2].

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранович, М.Л. Положение молодежи в России. Аналитический доклад [Текст] / М.А. Агранович, Н.Ю. Королева, А.В. Полетаев, И.В. Селиверстова, И.Ю. Сундиев. – М.: ИК «Машмир», 2005. – 168 с.
2. Евграшина, И.А. Оценка человеческого капитала молодежи [Текст] / И.А. Евграшина // Экономика образования. – 2014. – № 4. – С. 53-63.
3. Ильинский, И.М. Образование, Молодежь, Человек (статьи, интервью, выступления) [Текст] / И.М. Ильинский. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – 560 с.
4. Оганян, К.М. Проблемы формирования интеллектуального потенциала подрастающего поколения [Текст] / К.М. Оганян, Н.А. Кармаев // Дети и молодежь – будущее России. – Вологда, 2008. – С. 341-345.

В.А. Скуденков

БГУЭП, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Человек так устроен, что всегда хочет большего. «Сколько ни дай – все мало», – гласит русская поговорка. На современном этапе эту тенденцию усиливает культура потребления, которая позволяет говорить, что ТЫ, через те предметы, которыми ты обладаешь, усиливая тягу к накопительству и постоянному обновлению вещей. Ценность человека все более становится зависимой от качества и количества тех вещей, которые он имеет.

Не думаю, что стоит оценивать, хорошо это или плохо, но понимать, почему меняются символы достатка и экономических притязаний, почему и как меняется понимание благосостояния, необходимо. Сфера экономических притязаний иллюстрирует социально-экономические аспекты удовлетворенности жизнью россиян разных поколений и позволяет проследить глобальные сдвиги в мировоззрении и мировосприятии. Особенно если это касается молодого поколения, которое закладывает основу формирования общества в настоящем и будущем.

Область экономических притязаний – это сфера желаемого, привлекательного материально-финансового достатка, которая дает уверенность и в себе и в завтрашнем дне. Экономические притязания – это потребности, в силу разных факторов не воплощаемые в настоящий момент времени в жизнь, но при этом остающиеся мотивами действий, поступков и мыслей. Особенно это важно и актуально для молодежи, так как экономические притязания актуализируют их жизненные планы и мечты и определяют перспективы социальных, профессиональных, карьерных, материальных, финансовых и иных жизненных планов. Стандарт достижений, которые ставит перед собой молодой человек, определяет его перспективы развития.

При этом недостижение обозначенных притязаний может привести к двум последствиям: к фрустрации и разочарованию, депрессии и девиантному поведению и как следствие обвинению всего мира (начиная от семьи, заканчивая обществом) в своих неудачах; к постановке новых притязаний либо еще более завышенных, что приведет к полному отрыву от реальности и жизни в мечтах, либо к уменьшению экономических притязаний и их воплощению через какое-то время.

Как показали исследования, далеко не у всех молодых людей притязания реализовались. Также можно наблюдать существенные изменения в структуре и качестве экономических притязаний.

Уточним, что целью исследования стала динамика трансформации экономических притязаний россиян за последние 10 лет. Первый этап исследования был проведен в 2004 году в г. Иркутске, второй – спустя 10 лет в 2014 году. Оба исследования проводились методом фокус-группового интервью. Всего в исследовании приняло участие 384 молодых человека в возрасте от 18 до 30 лет. В 2004 году – 185 и в 2014 году 199 человек. Все они были студентами иркутских вузов 2-4 курсов различных специальностей, 210 девушек и 174 юноши.

Притязания по уровню дохода возросли на порядок. Уровень дохода у современной молодежи вырос в разы, по сравнению с 2004 годом (учитывая инфляцию и прочие экономические условия). «Мне нужны деньги, чтобы жить достойно», «В нашем мире то, сколько ты зарабатываешь – означает сколько ты можешь. Поэтому мне нужен высокий заработок, пусть и не всегда легальный».

Притязания в уровне и комфорте жизни также возросли. «Ютиться, как родители ютились, я никогда не буду. Я люблю комфорт», «Мне нравятся большие дома и квартиры, где есть место для всего, что тебе нравится».

Автомобиль, а порой и не один, является также показателем успешности и реализации молодого человека. За десять лет эта потребность только усилилась. Также как и желание иметь яхту (хотя ею можно пользоваться у нас в регионе очень короткий сезон – не более 3-4 месяцев) увеличилось практически вдвое.

Описывая свой идеальный образ жизни, студенты говорили о вещах, позволяющих им казаться более богатыми и уверенными, чем они есть на самом деле. Значительное увеличение имеется при акценте на одежду и иные аксессуары успешности и подтверждения экономического статуса. «Мне нужна модная одежда, без нее я себя чувствую ущербной», «Автомобиль – это так же, как и телефон, показатель того, кто ты в этой жизни», «Где ты живешь и как, в каком районе, формирует мнение о тебе как о человеке. Это круто – быть там, где все крутые».

Таблица 1. Количественные характеристики экономических притязаний студентов

Характеристика	2004 г.	2014 г.
Наличие своей квартиры	98%	98%
2-х комнат	20%	5%
3-х комнат	34%	14%
4-х комнат	36%	36%
5 и более комнат	10%	45%
Наличие 2-го дома (или квартиры)	65%	98%
2-х комнат	36%	10%
3-х комнат	35%	15%
4-х комнат	24%	25%
5 и более комнат	5%	50%
Наличие автомобиля	98%	98%
Наличие двух автомобилей	55%	80%
Наличие трех и более автомобилей	45%	20%
Наличие яхты	34%	56%
Уровень дохода (в месяц)		
До 50 000	60%	1%
До 100 000	15%	26%
До 150 000	11%	40%
До 200 000	9%	23%
Более 250 000	5%	10%

При этом карьерные притязания остались практически одинаковыми. «Работа – это средство, а не цель жизни», «Работа нужна такая, которая не напрягает, но дает достаточно денег, чтобы быть достойным человеком». Молодые люди хотели бы работать управляющими, ведущими специалистами, юристами, банкирами и экономистами. Если в 2004 году – половина опрошенных говорили о профессии и карьере как способе самовыражения, в том числе и экономического, то сегодня таких только четверть. Можно констатировать, что увеличивается тяга к случайному получению материальных благ, без собственных усилий и затрат. Потребительский, иждивенческий образ жизни становится все более доминирующим. Важен не процесс, а результат. Важна форма, а не содержание. И это не может не печалить. Экономические притязания – это одни из базовых притязаний, позволяющие говорить о социальной реализации личности. И если они ничем не подкреплены внутренне, то мы можем уверенно прогнозировать качественное увеличение фрустрированной студенческой молодежи через 10 лет.

Резкая поляризация условий жизни разных поколений приведет к печальным последствиям для всего общества. И в наших силах начать что-то изменять.

Л.В. Рожкова, О.В. Сальникова

ФГБОУ ВПО «ПГУ», г. Пенза

ЦЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ

В современных условиях социально-экономического и культурного развития российского общества приоритетным направлением выступает модернизация общественной системы и сознания россиян. Это актуализирует двуединую направленность модернизационных процессов: с одной стороны, потребность в модернизации российского общества в технико-технологическом, социально-экономическом аспектах, в другой – для реализации первого направления необходим высокий уровень образования россиян, повышение интеллектуального потенциала населения. Так, в проекте «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» было дано определение «инновационного человека» как гражданина, который способен быть адаптивным к изменениям, в своей жизни, в экономическом, научном, технологическом развитии. Среди приоритетных задач инновационного развития выделена необходимость формирования у россиян способности и готовности к непрерывному образованию, совершенствованию, стремление к новому, развитию предприимчивости [1, с. 36].

Образование является основой успешной реализации модернизационных проектов. Как справедливо отмечает А. Инкельс, главным фактором, влияющим на «модерность» индивида, выступает уровень его образованности [2, с. 304]. Е.Г. Ясин, анализируя потенциал ценностной системы россиян, в числе советских ценностей, которые имеют продуктивную направленность содействуют процветанию страны, выделяет ценности изобретательности и образования [3].

Рассматривая ценности образования, исследователи выделяют в них три уровня, «слоя»: государственный, общественный и личностный. В последние годы в России произошли значительные изменения в образовательной сфере. Основными направлениями модернизации российского образования стали обновление содержания и экономики образования. В 2012 году был принят новый ФЗ РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4]. Следует отметить, что основные конфигурации и принципы реформирования образовательной системы были заложены еще в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, где были выделены условия, необходимые для реформ в этой сфере: под-

держка общественностью проводимой образовательной политики; активное участие государства в этой сфере; «...глубокая и всесторонняя модернизация образования с выделением необходимых для этого ресурсов и созданием механизмов их эффективного использования» [5].

По данным общероссийских исследований, большинство россиян признает потребность реформы системы общего образования, однако разные группы россиян оценивают их противоречиво и неоднозначно. Так, россияне отвергают любые инновации, предполагающие отступление от принципа бесплатности образования, а учителя высказывают неудовлетворенность нормативным подушевым финансированием, переводом финансирования на региональный уровень, введением ЕГЭ и общественным управлением школой [6]. Так же, как и в начале крупномасштабных реформ в сфере образования, советская школа – образец для большинства россиян. При этом наши сограждане не разделяют необходимости реанимации советской школы, однако иной, лучшей модели как школы, так и реформы в массовом сознании не сложилось [7].

Значительные изменения коснулись и реализации образовательного процесса высшей школы. В 2003 г. к Болонской декларации о создании единого европейского пространства высшего образования присоединилась Россия. Практика реализации Болонской декларации в России показала ряд проблем в ее применении. Так, в соответствии с Национальным докладом России к встречам министров образования стран-участниц Болонского процесса (за 2007-2009 гг.) главными вызовами для России в сфере высшего образования и Болонского процесса выступали следующие: инерционность восприятия рынком труда степени бакалавра; неготовность преподавателей участвовать в программах мобильности (недостаточное финансирование, знание иностранных языков); недостаточная гибкость, адаптивность учебных программ; несбалансированность структуры выпуска специалистов и потребностей в них народного хозяйства [8]. Кроме того, значительного внимания требует и реформирование аспирантуры и докторантуры, интеграцию программ третьего уровня в общеевропейское пространство.

Кроме институциональных преобразований, направленных на повышение уровня интеллектуального потенциала общества, важным ресурсом модернизации страны является наличие у граждан заинтересованного отношения к знанию и обучению. По мнению Ю.А. Зубок, отношение к образованию может быть выражено в «...ценностных ориентациях и в направленности социального поведения, что объективируется в достигнутом уровне образования» [9, с. 104]. Показателями оценки отношения к образованию могут выступать уровень образования, а также ценности образования (когнитивные ценности и ценности самого образования).

Современными ценностями, по данным российских и зарубежных социологов (Н.Е. Тихонова, М.К. Горшков, А. Инкельс и др.) выступают образование, обучение, готовность к обновлению знаний, навыков, отчетливо выраженная ориентация на поддержание качества своего человеческого капитала.

В результате авторских социологических исследований среди студенческой молодежи регионов Поволжья (Пензенская и Ульяновская области; республики Мордовия и Татарстан, n = 1254, 2010 г.) было установлено, что студенты высоко ценят семью, работу, проявляют индивидуализм, прагматизм, ориентируются на материальную обеспеченность, образование, строят жизненные планы [10]. По результатам исследования, для 70% студентов важна семья, 50% опрошенных хотели бы иметь хорошее здоровье, 42% – достичь материального достатка, 34% – иметь интересную работу, а 29% респон-

дентов хотели бы иметь хорошее образование. Данные опроса показали, что ценность образования и обучения для современной жизни (по шкале А. Инкельса «модель современного человека») отмечают 59% студентов. При этом ценность получения образования обратно пропорциональна размеру, типу поселения до поступления в вуз (чем меньше населенный пункт, тем больше студентов хотят получить высшее образование); ценность образования снижается по мере увеличения курса обучения. В ходе проведенных исследований было установлено, что право на образование в большей мере значимо для девушек – 36 % (для юношей – 27 %). Важность права на образование прямо пропорционально снижается при снижении степени успеваемости (33 % «отличников», 32 % тех, кто учится средне, 26 % студентов, которым учеба дается с трудом) [10].

Исследования 2010 – 2014 гг. показывают снижение ценности образования для студенческой молодежи, что может быть связано с современной ситуацией в образовательной сфере, подверженной кардинальным реформам. На рис.1 представлена динамика изменения ценности образования во взглядах студенческой молодежи.

Подобные результаты также подтверждаются данными о факторах жизненного успеха. Так, по исследованию 2010 г., 56% студентов Пензенского государственного университета наилучшим для достижения успеха считают наличие хорошего образования, а данные исследования 2014 г. показывают, что только для 36% студентов хорошее образование является важным фактором достижения жизненного успеха – табл. 1. При этом ценность собственных усилий как основы жизненного успеха совпадает до процента и составляет 81% опрошенных.

Стремление населения к образованности является показателем и ресурсом реализации интеллектуального капитала, однако он «приводится в действие» только при ус-

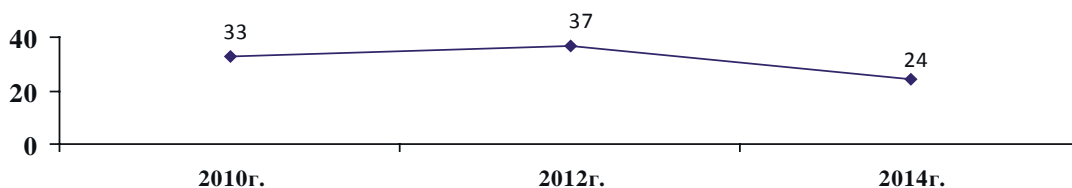

Рис. 1. Ценность образования для студенческой молодежи

Примечание: Исследование среди студенческой молодежи Пензенского государственного университета (ПГУ) (2010г., n=288); исследование среди студентов ПГУ в рамках гранта РФФИ (проект №12-03-0016, 2012 г.); исследование среди студентов ПГУ (2014г., n= 381)

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие условия являются лично для Вас наилучшими для достижения успеха?» (в процентах от числа опрошенных по каждому исследованию)

Варианты ответов	Пенза, 2010 г., n=288	Пенза, 2014 г., n=381
01 собственные усилия	81	81
02 наличие хорошего образования	56	36
03 материальная обеспеченность семьи	26	14
04 наличие хороших связей	53	50
05 продуманные планы на будущее	37	42
06 зависит от случая, стечения обстоятельств	25	25
07 другое	1	3

Примечание: Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому сумма ответов больше 100%.

Таблица 2. Образовательные стратегии

Уровень образовательного учреждения	Индивидуально-личностный уровень
Образовательная стратегия включает: объект, предмет обучения, этапы обучения, планируемый результат обучения, формы контроля и проверки результатов усвоения материала, формирования компетенций.	Образовательная стратегия: в широком смысле – общая линия поведения в сфере образования; в узком смысле – конкретные действия по образованию.

ловии связи «установки на получение знаний – применение в профессиональной сфере». Образовательные стратегии можно рассматривать на двух уровнях: во-первых, на уровне образовательного учреждения, во-вторых, на личностном уровне – табл.2

Исследования среди студентов Пензенского государственного университета 2014 г. позволили выявить основные образовательные стратегии студенческой молодежи. Так, в отношении выбора вуза большинство респондентов поступили именно в то учебное заведение, в которое планировали (74,8%). Основными мотивами выбора вуза стали (в порядке убывания): качество образовательных услуг (32,3%), востребованность выпускников вуза (21,3%), известность и открытость вуза (14,2%). При этом доступность оплаты обучения выбрали только 11,8% опрошенных. Большинство респондентов учатся по специальности, которую выбрали (73,3%) или близкой специальности (13,4%). На вопрос: «Если бы Вам снова пришлось выбирать специальность, повторили бы Вы свой выбор?» две трети студентов дали положительный ответ. 66,9% опрошенных удовлетворены выбранной специальностью, а 12,6% - не удовлетворены - в основном это студенты, которые учатся не по специальности, на которую хотели бы поступить.

В современных условиях проблемным направлением является трудоустройство выпускников, в отличие от ранее действующей системы распределения. Исследования показали, что только 11,8% респондентов планируют работать по специальности, 31,5 % опрошенных скорее планируют работать по специальности, а 27,6% студентов отметили, что это «зависит от того, смогу ли я устроиться по специальности».

Только четверть студентов (26,8%) планируют обучаться в магистратуре, 47,3% настроены после обучения работать и не собираются продолжать обучение. Также много и не определившихся студентов – 25,9% респондентов. Основными причинами обучения в магистратуре студенты называют следующие: иметь возможность выбрать работу, быть востребованным на рынке труда - 62,89%; иметь перспективы профессионального роста - 55,8%; иметь диплом о дополнительном образовании – 25,6%. При этом только около пятой части респондентов рассматривают обучение в магистратуре как возможность расширения своего кругозора, реализации своего интеллектуального и личностного потенциала.

По результатам исследования, 43,2% студентов хотели бы продолжать обучение в аспирантуре, хотя чуть меньше, чем доля студентов, которые хотели бы обучаться в магистратуре. Однако при этом большинство студентов научной деятельностью не занимаются (83,5%). Как показали данные фокус-групп, в большинстве своем студентов привлекает сам статус аспиранта, престижность обучения в аспирантуре.

Исследования показали, что для современных студентов очень важными являются следующие направления: проведение времени с семьей – 64,6% опрошенных (по данным опроса, для 78,4% студентов важна семья), занятие спортом или хобби, предполагающие физическую активность, участие в любительских спортивных мероприятиях – 48,8%, учеба – 47,3%, посещение кинотеатров, концертов и других развлекательных мероприятий – 42,5%. Однако, несмотря на всю важность для современной жизни обучения и образования, студенты в большей степени отдают предпочтение учебе в вузе и не занимаются самообразованием и образованием вне вуза (52,8% против 47,2%).

Таким образом, материалы исследований позволяют сделать вывод о том, что обучение и образование для студенческой молодежи в структуре базовых ценностей не являются широко распространенными, однако, признавая ценность образования для современной жизни, студенты выбирают образовательные стратегии, связанные с повышением своего статуса и материального достатка. При этом ценность материального достатка для студентов несколько увеличивается с годами, что, возможно, обусловлено современной социально-экономической ситуацией в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Текст]: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р // СЗ РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 216.
2. Inkeles, A. Becoming modern [Text] / A. Inkeles, D.H. Smith. – Cambridge: Harvard university Press, 1974. – 437 p.
3. Ясин, Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей [Текст] / Е.Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 83 с.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 31.12.2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598.
5. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2001 № 1756-р. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/04/57884.shtml>
6. Березутский, Ю.В. Молодые учителя региона в условиях модернизации системы образования: социологический анализ [Текст] / Н.А. Хридина, Ю.В. Березутский // Научный ежегодник. – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2008. – № 6. – С. 142-163.
7. Как реформировать среднюю школу? ФОМ [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2012. – № 9. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/4/kak-reformirovat-srednyuyu-shkolu>
8. Национальный доклад России к встречам министров образования стран-участниц Болонского процесса (за 2007 – 2009 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bologna.ntf.ru/DswMedia/nr2007-2009_rus.pdf
9. Зубок, Ю.А. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров [Текст] / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 103-111.
10. Рожкова, Л.В. Динамика ценностей студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации [Текст]: монография / Л.В. Рожкова. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – 140 с.

Н.В. Дрянных

ВоГУ, г. Вологда

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ «ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО НА ЗНАНИЯХ» В РОССИИ

Вопрос о становлении «общества, основанного на знаниях» в России представляется дискуссионным. Это связано с разнообразием акцентов, с различной степенью внимания, уделяемого к тем или иным технологическим, экономическим или социальным процессам исследователями при изучении данной проблемы.

Так, еще в 1990-х гг. А. И. Ракитов предлагал рассматривать идею общества, основанного на знаниях, в качестве «усиленной версии» идеи информационного общества, процесс становления которого только зарождался в России. В своих исследованиях философ прослеживает этапы информационного развития и показывает влияние техники и технологии на качество развития культуры и цивилизации. В частности, отмечая колоссальное увеличение объема памяти, а, следовательно, знаний, связанное с изобретением письма, автор показывает, что эта «новая информационная система продуцировала новую технологию управления, ведущую к созданию государства» [1, с. 16]. По мнению ученого, «не информация влияет на эту систему, а наоборот, сама она вызывает к жизни те коммуникационные технологии, которые соответствуют ее потребностям» [2, с. 85].

К таковым потребностям автор относит создание специальной инфраструктуры для повсеместной доступности всех к информации, возможность ее получения за плату в любое время, активное использование информации во всех сферах жизнедеятельности общества. Эти потребности лежат в основе появления новых коммуникационных технологий, значительно облегчающих контакты в обществе. Следовательно, по мнению А. И. Ракитова, информация сводится к понятию «коммуникация», которая способствует установлению контактов между людьми, делая их свободными и доступными для всех и всегда, что совсем нехарактерно для познавательной ситуации в России.

Анализируя роль и место знаний как фактора развития современного общества в социально-экономических процессах В.Г. Федотова определяет современный этап общества как глобальный капитализм, поскольку в интеллектуальном изготовлении продукта на Западе принимают активное участие индийские, японские, китайские и нередко российские ученые и инженеры. По мнению ученого, термин «экономика зна-

ния» можно использовать применительно к странам-изготовителям – Китаю, Индии, Азии в целом – как овладение со стороны рабочих новыми знаниями и навыками, которые им были прежде неизвестны, но не к России, в которой трансформационные процессы являются нелинейными. [3, с. 14].

При переходе от одной формы социальных изменений к другой меняется и ее содержание, оно наполняется новым качеством, что позволяет решать инновационные задачи, как в науке, так и образовании. Социальная трансформация выступает в этом случае не только регулируемой практикой, но и особым методом познания социальных явлений, установкой на формирование мировоззрения, в котором основным становится проектирование вариантов развития общества на основе знания. Результатом этого перехода явился рост информационного, виртуального сектора знаний, сферы услуг, развитие ресурсосберегающих технологий, изменение управленческих структур.

В современной экономике России идут реальные процессы развития высоких технологий и роста отраслей информационного производства, что свидетельствует о качественных трансформационных процессах. Это изменения следующего порядка, где знания становятся наиболее существенным ресурсом производства, все большую независимость от труда получает производство и, наконец, роль первичного сектора экономики выполняет сфера высоких технологий.

Современная экономическая система развивается на основе новых принципов, к которым можно отнести то, что выбор хозяйствующих субъектов опирается на знания, в основе которых лежит та или иная информация; направленность приобретенных и накопленных знаний на улучшение и гуманизацию общества; развитие сетевых методов организации хозяйственной деятельности субъектов; значимость знания как особого ресурса, обладающего ценностью и доходностью, редкостью и уникальностью; формирование динамично развивающихся секторов экономики – сектора знаний, оказывающего прямое воздействие на национальную экономику в целом.

Однако весь ход социально-экономического развития свидетельствует о том, что при всей важности знаний как человеческого ресурса они никогда не имели столь приоритетного значения и не могли быть экономическим ресурсом, благом, фактором производства. Такое сочетание разных характеристик знания стало возможным только в современных условиях.

Сегодня ни один хозяйствующий субъект не в состоянии осуществлять свою деятельность без постоянного производства, обновления и использования знания. Поэтому на передний план прочно выходит непрерывное образование, осуществляемое дистанционно, виртуально, интерактивно. Индивиды, обладающие высококвалифицированными знаниями, значительно востребованы на рынке труда, услуг, они становятся получателями более высокого уровня жизни, нового дохода, называемого интеллектуальной рентой. Страны, сумевшие использовать свои преимущества в обладании новыми знаниями, смогли создать инновационные модели экономики, добились больших успехов на рынке, становятся лидерами экспорта образовательных и информационных услуг.

Одним из вариантов приспособления России в новой реальности может рассматриваться когнитивный капитализм. Данное понятие употребляется для характеристики капитализма Запада, основанного на технологическом применении фундаментальных наук. Здесь «знания» рассматриваются как не присваиваемый интеллектуальный продукт, который можно использовать как товар, но он не уподобляется материальным благам.

Знания касаются не только производства, но и биологического, и социального воспроизводства жизни. Чтобы связать все эти проблемы экономического господства, этики, общества, человека и жизни, по мнению исследовательницы А.К. Корсани, «необходимо усиление роли государства, но роли новой, которую следует продумать» [4, с. 193]. Поэтому государственная политика в области экономики должна учитывать меняющиеся условия своего присутствия

Таким образом, рассматривая особенности возникновения «общества, основанного на знаниях», следует отметить постоянный интерес к данной проблематике, усиливающийся в условиях современного этапа развития России и в кризисные моменты истории, когда актуальным становился вопрос о поисках путей разрешения противоречий и разработке будущих моделей человечества. Показательно, что не только уровень экономического развития общества, но и важнейшие технологии распространения знаний и коммуникаций становятся основополагающими характеристиками такого общества

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракитов, А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России [Текст] / А.И. Ракитов // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 16.
2. Ракитов, А.И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях [Текст] / А.И. Ракитов // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 85.
3. Федотова, В.Г. Социальные инновации: макро и микротенденции [Текст] / В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 14.
4. Корсани, А.К. К критической теории когнитивного капитализма [Текст] / А.К. Корсани // Горц А. Нематериальное знание, стоимость и капитал. – М.: ГУ-ВШЭ. – 2010. – С. 176.

Ю.Ю. Волков

кандидат экономических наук, старший преподаватель
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ФИНАНСОВОГО СООБЩЕСТВА

Финансовый капитал представляется как инструмент достижения узкогрупповых целей на основе использования рыночных, безличностных и противоположенных социальным добродетелям ценностей. В то же время «неясное» отношение к российским финансистам в массовых настроениях российского общества определяется тем, что, в отличие от финансового капитала, именно от государства, которое представляют чиновники, ожидается больше внимания к повседневным жизням людей и именно чиновники обладают большим влиянием и властью, чем финансисты. В этом смысле финансовые круги не считаются теми, в чьих руках находится сегодня реальная власть в обществе.

Социально-имущественное расслоение, хотя и создало бедные слои населения, не проецируется на отношение к финансовому капиталу как единственному источнику «зол и бед» в российском обществе. Характерно, что население воспринимает финансовый капитал именно в виде богатства, не претендуя на то, чтобы раскрыть и оценить его иные, связанные с развитием экономики, деятельностью инвестиционных структур свойства. Низкая инвестиционная активность россиян является отчасти и следствием бедности, когда в первую очередь респонденты заботятся о предметах потребления [1].

Если 18% мечтают о приобретении аудио-, видео- и прочей бытовой техники [2], то это свидетельствует о трендах потребительского сознания, о формировании в российском обществе массы потребителей, что свойственно рыночной экономике в целом. Однако это показывает и нехватку средств у населения, неутоленность потребительского голода и стремление овладеть и пользоваться атрибутами внешнего благосостояния в силу недостижимости накопления финансового капитала как инструмента экономической самостоятельности.

При том, что 41% населения желали бы использовать эти средства на развитие бизнеса и инвестирование в финансовые и физические активы [3], недостаточный уровень распространенности инвестиционного поведения имеет причину в социоструктурных изменениях. Во-первых, для большинства россиян финансы имеют смысл повседневных денег, то есть того, на что можно купить определенный товар или воспользоваться в иных, значимых для индивида целях, не имеющих инвестиционную ориентацию.

Во-вторых, группа представителей финансового капитала недифференцирована, размыта как определение слоя богатых людей, что связано с тем, что в российском обществе слишком велико влияние эффекта бедности. В докладе «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» прямо указывается, что российское общество опривычено к феномену бедности. 35% россиян относятся к бедным не лучше и не хуже, чем к остальным [4]. Можно предположить, что нехватка финансового капитала не выступает самой действенной причиной бедности [5]. Примечательно, что лидирующая длительная безработица имеет социоструктурное значение и связана с формированием рыночного хозяйства. Какова в этом негативно воспринимаемом процессе роль финансиста, трудно сказать, разве что россияне могут обвинять представителей финансовых структур в нежелании, незаинтересованности инвестировать производительную экономику или создавать жесткие и непомерные условия производственного кредитования.

Таким образом, социоструктурные изменения привели к тому, что финансовый капитал содержит, прежде всего, культурно-символический смысл для легитимации социальных неравенств; во-вторых, в том, что с финансовым капиталом не связывается значимость факторов социальной дифференциации; бедность в России воспринимается гетерогенно, то есть не имеет разных причин. Тем не менее, несмотря на подобные оценки, было бы неоправданным считать, что социальная структура российского общества имеет благоприятную среду для развития и укрепления позиций обладателей финансового капитала.

Главный момент состоит в том, что не возникает запрос на субъектность финансового капитала в том смысле, что финансовый капитал не воспринимается дифференцированно, как функция определенных профессиональных групп и может ассоциироваться с незаконными обретениями, коррумпированной деятельностью или сомнительными финансовыми операциями. Поэтому, если посмотреть на ситуацию с динамикой субъектности финансового капитала, то прежде всего следует отметить, что возникло устойчивое представление о том, что реальное использование и обладание финансовым капиталом является статусным признаком и имеет слабое отношение к механизмам социальной мобильности (в частности, занятие бизнесом). То, что из 41% сторонников инвестиционного поведения среди российского населения 25% хотели бы вкладывать финансовые или земельные активы, показывает на нацеленность извлечения прибыли без приложения самостоятельных усилий. Это в большей степени позиция, связанная с мечтой о богатстве, чем реальная мотивация «выкарабкаться» из трудной ситуации [6].

Таким образом, субъектность финансового капитала в условиях избыточных социальных неравенств развития параллельных социальных миров становится инструментом закрепления неравенства, воспроизводства сложившейся ситуации. Несмотря на извлечение опыта из уроков конца 90-х годов, представители финансового капитала работают при условии правовой поддержки со стороны государства. Эта поддержка часто носит негативный смысл, так как большинство споров в ситуации с невозвратом кредитов судебные структуры принимают сторону банков. Это что касается повседневных практик.

На социально-экономическом макроуровне практически финансовая деятельность непрозрачна для большинства населения, и соответствующим образом финансовый капитал воспринимается как сфера профессиональной деятельности узкой, обосо-

бленной от общества группы людей. Несмотря на определенные позитивные подвижки в признании легитимации финансового капитала, пока не может быть речи об альтруистической мотивации, способности и возможности приносить помощь людям.

Что касается работы и заработка, то по отношению к финансистам это выглядит более привлекательным фактором. Вряд ли в этих условиях может реально состояться поворот к социальной субъектности, понимаемой как ответственность за эффективное развитие страны. Более того, позитивное отношение сосредоточено на том, что обладание финансовым капиталом создает возможность, хот и в меньшей степени, чем чиновникам, быть «выше» закона или использовать неформальные связи для улаживания личностных и групповых конфликтных ситуаций.

Финансовый капитал, таким образом, выводится из сферы правовой регламентации как сферы социального регулирования, и то, каким образом устроены процедуры выплаты и возвращения кредитов, убеждает массу россиян в том, что с финансовыми структурами лучше не связываться. Достоинства и недостатки финансового капитала, таким образом, заключаются в том, что может быть смягчающей оценкой для слоя предпринимателей в целом [7]. Эта «близость» ощущается в том, что в отличие от чиновников, представители финансового капитала не рассматриваются как обладатели властных функций и не воспринимаются как использующие властный ресурс, публичную функцию для обогащения.

Влияние финансового капитала на социальную структуру российского общества проявляется в двух формах. Во-первых, в том, что финансовая составляющая социально-имущественного разделения становится приоритетной в условиях монетизации общественных отношений и потребительского кода поведения. Во-вторых, с финансами связывается освобождение от финансовой зависимости, от нужды, что является мощным стимулом системы кредитования.

Рассматривая соотношение этих форм, мы можем отметить, что финансисты как группа не возникли самостоятельно в структуре общества, что финансовая деятельность имела характер страхового заработка и, вероятно, мышление кооператора позднесоветского периода сыграло ту роль, что финансовая система была нацелена на обезличку, на увод денежных средств из-под государственного контроля. Это воспринималось, в первую очередь, как освобождение от угнетающего воздействия системы советского планирования и регулирования.

Но со становлением рыночных отношений обнаружился существенный недостаток, который состоял в том, что обладатели финансового капитала не владели адекватным рыночным поведением, чтобы избежать внеинвестиционных рисков. Таковые выражались в том, что финансовая система, независимо от желания обладателей финансов, была нестабильной, что во многом возникающие риски не гасились профессионализмом, а нацеленность на вывод средств за рубеж имела последствием увеличение зависимости от глобального фактора.

В этих условиях обладатели финансового капитала не ориентировались на перестраивание государства по рыночной модели. Наоборот, их стремление состояло в том, чтобы использовать дефекты постсоветской государственности. Основная масса населения находилась вне зависимости интересов финансистов, и немаловажно, что по параметрам сравнения группа финансистов рассматривалась как наиболее агрессивная, экспансивная часть предпринимательства, так как вынуждена была возмещать дефициты институционализации стремлением к расширению влияния на государственную систему.

Предлагая трактовать социоструктурные изменения как следствие рыночной организации производства на основе частной собственности с их идеологическим и политико-правовым обеспечением [8], не может обозначить существенное социальное отставание финансовой сферы. В основе понимания финансового капитала в контексте социоструктурных сдвигов, можно считать, что механизмы социальной трансформации находились вне финансовой сферы. Это лишает основания считать, что финансовый капитал сыграл решающую роль в становлении социальной структуры российского общества.

Собственность и власть, как ключевая формула, поясняет многое в российских переменах, и главное, что финансовый капитал возник не как побочный, но как «неприоритетный» продукт преобразований. Характерно, что еще в 90-е годы финансовый капитал был направлен преимущественно на непроизводственное и престижное потребление. Неограниченность природных ресурсов смягчала социальные неравенства и, в силу этого обстоятельства, представителям финансового капитала не приходилось брать на себя ответственность за состоявшийся передел собственности.

Наиболее сложным моментом в становлении финансового капитала было «расхолаживающее» воздействие социальных неравенств, которое состояло в том, что финансовая рента давала возможность не придерживаться планки профессионализма, поощрялись различные формы мздоимства, использование финансов для конвертации в неформальный капитал, неформальное влияние, что особенно явно проявляется в карьерных стратегиях [9]. Поэтому изменения, связанные с возникновением новых социально-профессиональных групп, модификацией старых социально-профессиональных групп и избыточными социальными неравенствами, определяли практики соглашения в том, что вхождение в период социальной ответственности бизнеса откладывается на будущий цивилизованный срок [10].

Если считать, что для представителей финансового капитала широкая трактовка финансовой ответственности осложнена тем, что не ставит перед собой масштабные цели, которые выходят за пределы их предпринимательской деятельности, то не является исключением, что эти проекты могут быть «запиаренными», направленными на одобрение властью и, в меньшей степени, определяемыми логикой социального неравенства. Так как до сих пор представители финансового капитала придерживаются формулы действовать по возможности, а не по обязательности, эта позиция сформирована под влиянием субъектности, трактуемой как свобода от обязательств, что характерно для ограниченно рыночной трактовки. С другой стороны, учитывая, что в обществе достаточно высок уровень класса бюрократов, как присваивающих общественные продукты, представители финансового капитала в состоянии отвергнуть претензии на социальный налог тем, что не осведомлены о порядке использования изымаемых или вкладываемых финансовых ресурсов.

Социально-контролирующая функция финансового капитала подвигла к формированию адекватной субъектности, но не присутствует в условиях становления корпоративного альтруизма как наиболее зрелого индикатора действий финансистов. Отмечая, что социоструктурные изменения привели к тому, что в обществе исчезли группы, которые были бы в состоянии ассоциироваться с представителями финансового капитала по реализации социальных проектов и одновременно вынуждать к повышению уровня социальной субъектности, мы имеем в виду, что избыточные социальные неравенства практически привели к распаду общества на две макрообщности: модерни-

стов, относительно независимых от государства и, следовательно, определяющих свое отношение к финансовому капиталу по формуле отчужденной солидарности, и традиционалистов, имеются в виду сторонники социального контроля над финансовыми ресурсами и опекунской социальной политики. Если для первых характерно отсутствие поддержки и сочувствия к финансовому капиталу и сходство их позиций заключается в минимизации воздействия государства и опровержении его на основе признания неэффективности, то вторая группа не может воздействовать на финансовый капитал ни позитивно, ни негативно, так как не представляет достаточно консолидированную массу и одержима, страдает нерыночными синдромами.

В этом контексте достаточно сложно говорить о том, что обладатели финансового капитала выработали определенную позицию по стабилизации социальной структуры общества, исходя хотя бы из прагматического обстоятельства расширения инвестиционной активности. Потребительский бунт, пришедшийся на середину 2000-х годов, поощрялся государством, которое таким образом снижало последствия неравенства, но финансовый капитал действовал и действует по формуле рационального расчета. За этот период не выработалась привычка ориентироваться на то, чтобы самостоятельно снимать риски кредитования, пользуясь формулой корпоративного альтруизма. Вовлеченность в социальную жизнь определяется тем, в какой степени это помогает сохранить высокую рентабельность поддерживаемых экономических структур (Норникель).

Так как большинство российского населения непривлекательно для финансового капитала в качестве участника ответственных, партнерских отношений, соответствующим образом, во-первых, финансовый капитал поддерживает рост несправедливых социальных неравенств. Во-вторых, субъектность представителей финансового капитала обретает «вынужденный» характер, то есть не воспринимается как формула действия «по обязательствам» в условиях, когда утрата социальной консолидации позволяет придерживаться позиции «по возможностям».

ЛИТЕРАТУРА

1. Собственность в жизни россиян: домислы и реальность [Текст]. – М., 2005. – С. 80.
2. Собственность в жизни россиян: домислы и реальность [Текст]. – М., 2005. – С. 80.
3. Собственность в жизни россиян: домислы и реальность [Текст]. – М., 2005. – С. 80.
4. Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя [Текст]. – М., 2013. – С. 9.
5. Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя [Текст]. – М., 2013. – С. 10.
6. Мечты скупого рыцаря [Текст] // Огонек. – 19.05.2014. – № 19. – С. 7.
7. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов [Текст]. – М., 2005. – С. 50.
8. Новые идеи в социологии. – М., 2013. – С. 139.
9. Посухова, О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России [Текст] / О.Ю. Посухова // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 207-213.
10. Россия реформирующаяся [Текст]. – Вып. 11. – М., 2012. – С. 173.

О.Ю. Посухова

кандидат социологических наук, доцент
Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону

ЭКСКЛЮЗИВНОСТЬ КАНАЛОВ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕРАВЕНСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

90-е гг. являются точкой отсчета нового российского общества, характеризующегося не только изменением политической системы, но и появлением новых социальных страт, пополнение которых осуществлялось за счет интенсивной социальной мобильности, характерной для общества того времени. Функционирующие на тот период времени массовые каналы социальной циркуляции с большим успехом выполняли возложенную на них функцию обеспечения нисходящей вертикальной мобильности в обществе. Восходящая социальная мобильность была не менее интенсивна, только в ее результативной основе лежали неинституционализованные социальные практики, которые носили эксклюзивный характер. Несмотря на имеющиеся фильтры и барьеры между слоями, посредством как массовых, так и эксклюзивных каналов, возможность изменения социального положения была, и до середины 2000 гг. можно было говорить об открытости стратификационной системы российского общества, конечно же в большей степени между низшим и средним слоями, и в меньшей степени между средним и высшим. Начиная с середины 2000 гг. интенсивность социальной мобильности снижается, так же, как и ее скорость, что позволяет говорить не только об устойчивости и стабилизации стратификационной системы российского общества. Данные процессы также говорят и о том, что наблюдается постепенная закрываемость социальных слоев для восходящей социальной мобильности. В основе селекции лежит отбор с доминированием искусственных ограничений, обусловленный неравенством в доступе к эффективным каналам как вертикальной, так и горизонтальной мобильности.

Социальная мобильность в российском обществе, начиная с середины 90-х гг., является достаточно частым объектом социологического исследования. Вопросам, связанным с теорией мобильности, ее тенденций в российском обществе, посвящены работы З.Т. Голенковой, И.В. Мостовой, роль неформального фактора в социальной мобильности исследуется Р.В. Рывкиной, О.В. Крыштановской, каналы мобильности описываются в диссертациях С.С. Косинова, С.А. Просольченко и др. Но вопрос о статусе каналов в

условиях существующего неравенства в российском обществе еще не получил должного осмысления. Именно поэтому на основе анализа результатов социологических исследований Южнороссийского филиала Института Социологии РАН [1] целью статьи является доказать, что в настоящее время каналы социальной мобильности, доступные ранее для большинства россиян, меняют свой статус на эксклюзивные, а также появляются новые каналы, ограниченные для массового использования.

Социального успеха, являющегося результатом восходящей социальной мобильности, приносящего социально-экономические и политические дивиденды, стремится достичь большая часть членов. На сегодняшний день 4,1% опрошенных Ростовской области плохо оценивают свое положение и статус в обществе, 56,6% оценивают его удовлетворительно, и 39,3% респондентов оценивают его хорошо [2]. Как видно из распределения ответов, разрыв достаточно большой, что актуализирует необходимость выявления тех способов, которые могут помочь изменить социальное положение в лучшую сторону.

Селективную функцию обеспечивает достаточно разветвленная система каналов социальной мобильности, направленная на справедливое распределение в стратификационной структуре и статусной иерархии общества. При этом каналы функционируют как в восходящем, так и нисходящем направлении. Основная задача такого контроля – это распределение достойных и недостойных по социальным позициям, в зависимости от имеющихся способностей и талантов к выполнению возложенных на них социальных функций.

Механизм функционирования каналов социальной мобильности был рассмотрен в работах П. Сорокина, включает в себя три взаимосвязанных процесса и заключается в следующем [3]:

1. Тестирование индивидов на предмет их пригодности для выполнения определенных социальных функций.
2. Селекция индивидов, претендующих на занятие социального положения.
3. Перераспределение индивидов между различными социальными позициями, их повышение или понижение.

Проведенное в Ростовской области исследование показало, что в выборе способов улучшения своего социального статуса жители области поддерживают россиян. Тройка лидеров в ростовском регионе (упорно трудиться 91,8%, самому иметь хорошее образование 90,4%, нужные знакомства 85,3%) соответствует общероссийским масштабам (88%:90%:88%) [4]. Второй блок включает в себя такие факторы, как честолюбие, политические связи, происходить из богатой семьи и иметь образованных родителей (37,4%, 18,8%, 18,4% и 16,1% соответственно). В массовом сознании фиксируется их эффективность, но являются ли они доступными для большинства россиян?

Семья является тем стартовым капиталом, который на протяжении существенного периода определяет социальное положение, занимаемое индивидом. Особенность заключается в том, что, во-первых, до наступления периода социальной зрелости членов семьи (детей), аскриптивный семейный статус определяет траекторию их статусного развития; во-вторых, социальная мобильность осуществляется всеми членами семьи одновременно.

В условиях российских реалий семья является эксклюзивным каналом восходящей социальной мобильности, о чем свидетельствует проведенное исследование. Согласно нашим данным 5-6 лет назад по Ростовской области самопрезентация бедных ха-

рактерна была для 18,4% опрошенных, для 16,7% респондентов год назад, и для 14% жителей области в настоящее время. При этом необходимо отметить, что только 2% жителей области, самопозиционирующих себя бедными во время экономического кризиса, удалось улучшить свое социально-экономическое положение. А вот для тех, кто воспринимает себя как «занимающие высокое положение», кризис по всем экономическим законам стал условием для понижения своего социального статуса, хотя у незначительной части опрошенных с 1,3% до 2,5% фиксируются вертикальные восходящие перемещения. Таким образом, наблюдающаяся незначительная социальная мобильность в бедных слоях населения, свидетельствует о недостаточности в семье ресурсов для осуществления восходящей мобильности.

Чем эффективнее канал, тем более он недоступен большинству, он характеризуется эксклюзивностью. Эффективность семьи как канала социальной мобильности зависит от двух факторов. Во-первых, установки и ценностные ориентации родителей (например, значимость высшего образования для жизненного успеха своих детей), которые обуславливают участие и определяющую роль в принятии решения о профессиональном выборе детей. Особенно явно это прослеживается при выборе профессии и реализации профессиональных стратегий подрастающего поколения в семье; руководствуясь традициями семьи или под давлением родственников, дети часто выбирают профессиональный путь, который был проложен для них старшими членами семьи, что существенным образом обуславливает перспективы социальной мобильности: «Я училась в (московском) техническом вузе... Связано это было с тем, что в нем в свое время учились мои папа и брат...»; «...отец всю жизнь водителем проработал. И старшие братья тоже. И я пошел...»; «Я училась ... в музыкально-педагогическом (училище), высшее образование получила там – факультет дошкольного (воспитания)... Папа купил баян и хотел научить сына, моего брата; брат отказался, меня заставили...»; «... И спасибо моим учителям по истории и по географии плюс моей бабушке, царство ей небесное. Они как-то сразу задали нужный вектор, и я стала искать, что мне дальше в жизни предстоит»; «...(на выбор профессии) повлияла подруга матери, которая работала каким-то серьезным преподавателем – деканом, по-моему...» [5].

Во-вторых, накопленных ресурсов родительской семьи (социального капитала) – финансового, интеллектуального, профессионального и образовательного статуса, властного ресурса, сетевых связей и отношений.

В условиях существующих неравенств в российском обществе наличие социального капитала в семье определяет ее вертикальную траекторию, позволяя «играть» по правилам, принятым в обществе. Социальные «правила игры» могут выражаться в создании как благоприятных условий, так и искусственных ограничений, обуславливающих социальную мобильность членов семьи. При этом такая традиция уходит своими корнями еще в советское общество, когда движение имеющихся «социальных лифтов» ограничивалось необходимостью получения специальных рекомендаций (так например поступление в МГИМО начиналось с получения такой рекомендации от партийных органов местного масштаба) [6]. В настоящее время серьезным ограничением являются максимальные баллы ЕГЭ, для получения которых необходимо привлечение имеющихся финансовых и интеллектуальных ресурсов семьи. Констатированное в 1970-е гг. В.Н.Шубкиным кардинальное несоответствие ориентаций советской молодежи и потребностей экономики в трудовых ресурсах актуально и сегодня для молодых россиян, когда более востребованы на рынке труда представители рабочих профессий средней

квалификации, в то время как престижными в массовом сознании являются профессии с высшим образованием. Такой перекосяк в спросе и предложении на рынке труда при трудоустройстве выпускников актуализирует такое средство, как сетевые связи, которыми обладают члены семьи.

Несмотря на то, что семейные связи как разновидность социального капитала постепенно ослабляют свои позиции, эффективность и ресурс доверия к ним все же остается высоким. Так, по мнению 35,1% жителей Ростовской области знакомые, родственники и друзья могут помочь в устройстве на хорошую работу, 23,1% – устройстве детей в хорошую школу, 15,5% – при поступлении в хороший вуз и 13% могут способствовать при продвижении по карьерной лестнице, 49,4% – обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу, 46,8% – возможность взять в долг достаточно крупную сумму денег, 16,1% – решение жилищной проблемы.

Необходимо отметить, что особенностью семьи как канала социальной мобильности является то, что происходит мобилизация всех имеющихся семейных ресурсов для реализации успешных жизненных стратегий отдельных членов семьи, как правило детей или мужа, в результате чего осуществляется групповая мобильность всей семьи.

Социальный капитал еще долго будет определять вектор социальной мобильности в российском обществе, но и значимость человеческого капитала в российском обществе, формирующегося как в результате индивидуальных усилий и жизненных стратегий, так и семейных ресурсов никто не отменял. Образование является разновидностью человеческого капитала и востребованным каналом социальной мобильности. Ответы на вопрос «Какое образование получили Вы, Ваши родители и Ваш муж (жена)» позволили зафиксировать в Ростовской области следующую тенденцию: чем ниже уровень образования у родителей, тем менее он воспроизводится у детей, и наоборот, чем выше уровень образования у родителей, тем больше он подвержен воспроизводству в последующих поколениях. Так, например, у 7,7% отцов и 8,1% матерей имеющих неполное среднее образование, только 2,7 детей имеют такое же образование. А у 36,2% отцов и 35,6% матерей, имеющих высшее образование, воспроизвели его 46,5%. При этом супруга или супругу также выбирают с высшим образованием.

Образование является одним из основных каналов социальной мобильности, это старт, который определяет перспективы и траекторию будущей жизни. Поэтому 70,9% респондентов Ростовской области считают, что главным в воспитании детей в современных условиях является хорошее образование. Именно поэтому 37,2% считают совершенно несправедливым то, что люди с высокими доходами могут дать своим детям лучшее образование, чем люди с низкими доходами. Апологетами дискриминации в получении лучшего образования выступают только 8,8% опрошенных. Вопрос о доступности лучшего образования приобретает актуальность ввиду того, что речь идет о перспективах социальной мобильности не только нынешнего, но и последующего поколения. Такая ситуация позволяет говорить о том, что образование как канал социальной мобильности уже носит эксклюзивный характер, а значит, возможности изменения аскриптивного статуса ограничены и не доступны для большинства.

Образование всегда был востребованным каналом социальной мобильности, но чтобы его получить в российском обществе, одного таланта недостаточно. Для конкурентоспособного образования надо вкладывать и существенные финансовые ресурсы, что уже определяет его эксклюзивный характер. В принципе, до активного внедрения новой образовательной политики можно было бы сказать, что образование – это мас-

совый канал социальной мобильности, ввиду многочисленности высших учебных заведений и относительной доступности коммерческого обучения. В настоящее время введенный рейтинг эффективности российских вузов существенно трансформируется, сужая границы образовательного пространства российского общества, за счет закрытия неэффективных вузов, а также сети филиалов. Сокращение бюджетных мест и ограничение набора на коммерческое обучение, увеличение стоимости коммерческого обучения также обуславливают эксклюзивный характер образования как канала социальной мобильности. Сокращение доступа к высшему профессиональному образованию носит и конструктивный характер, возвращая его к статусу элитарного и подготовки профессиональной элиты в том объеме, который может быть востребован российским рынком труда.

Еще несколько лет назад образование ради диплома и как способ повышения социального статуса были лидирующими позициями в мотивации у студенческой молодежи. Но исследование 2014 г. констатировало ряд существенных изменений: лишь 18% относятся к получению высшего образованию формально, ради диплома; 17% считают образование способом изменения социального статуса. Другие распределения ответов позволяют отнести образование к инструментальной ценности: 42% считают, что благодаря образованию могут приобрести профессиональные знания и навыки; 39% - способом повысить шансы найти достойную работу; 24% - способом стать хорошим профессионалом; 19% - получить хорошую образовательную базу; 12% - способ получения нужных социальных связей и контактов; 3% - возможность найти спутника жизни [7].

Артикуляция образования как инструментальной ценности, способствующей реализации профессиональных стратегий, позволяет далее перейти к рассмотрению такого канала социальной мобильности, как профессия и профессиональные организации. В данном контексте интерес представляет анализ таких профессиональных организаций, как КВН и реалити-шоу (Дом 2, Холостяк).

Данные профессиональные организации не только являются одними из популярных передач на телевидении, но и способом осуществления вертикальной восходящей мобильности в сочетании с профессиональной мобильностью. Эксклюзивность данного канала заключается в том, что для его эффективного использования нужно обладание не только определенным творческим талантом, коммуникативными способностями, но и харизмой и умением эпатировать публику. За 40-летнюю историю через КВН прошло значительное число людей, часть которых приобрела всероссийскую известность, в результате чего сменила свою профессиональную нишу на новую. Успешной стартовой площадкой в карьере КВН стал для несостоявшегося философа В. Пельша, медиков Ю. Гусмана, Г. Мартиросяна, педагога П. Воли и ряда других лиц. «Дом 2» стал карьерным взлетом и своеобразным способом легитимации Ксении Собчак, для успешной профессиональной и социальной карьеры Виктории Бони, Ольги Бузовой. Мужская половина телепроекта «Дом 2» также успешно строит свои карьеры – Степан Меньшиков, Рустам Солнцев – Калганов. Специфика каждой из этих профессиональной организации заключается в том, что у них разные так называемые целевые аудитории. Если в КВН играют студенты высших профессиональных образовательных учреждений, то в «Дом 2» отбор более демократичен, там в основе заложена эпатажность, моральная беспринципность и банальная невоспитанность. Несмотря на это именно в данном телепроекте поощряются и создаются условия для творческого развития, через проведение различных конкурсов и творческих мероприятий, позволяющих найти свой талант в

творческой сфере. Реалити – шоу «Холостяк» пока провел один сезон на российском ТВ, но и он был успешен для Ирины Володченко, дошедшей до финала шоу и занимающей сейчас должность руководителя аппарата межфракционного депутатского объединения «Российский суверенитет» в Государственной Думе РФ, назначение которого в проведении широкого экспертного обсуждения законодательных инициатив, концепций законопроектов, предложений по совершенствованию законодательной базы, направленных на укрепление российского суверенитета.

Эффективное функционирование в профессиональной сфере в результате своего имеет успешную профессиональную карьеру. В силу ограниченного доступа к эксклюзивным средствам продвижения, существенная часть населения может рассчитывать только на развитие профессионализма, через улучшение имеющихся профессиональных навыков и компетенций либо усвоения новых. Но и в данном случае мы можем наблюдать силу неравенства: так например, если на компьютере умеют работать 73% граждан, то среди бедных россиян только 43%; три четверти бедных за последние годы никак не пополняли свои знания, а среди небедных число тоже не маленькое, но ниже – 46%, с той лишь разницей, что бедные не могут пополнить, а богатые, имея доступ к ресурсам, либо не думают об этом, либо у них в этом нет необходимости [8].

Таким образом, складывается ситуация, когда имеющиеся каналы социальной мобильности в российском обществе в силу существующих неравенств начинают носить эксклюзивный характер. В российском обществе складывается ситуация недоступности и социальной монополизации тех ресурсов, которые могут улучшить жизненные шансы и перспективы, что, конечно же, снижает интенсивность и скорость социальной мобильности. В настоящее время в России наряду с хорошим образованием и образованными родителями, до сих пор для восходящей социальной мобильности востребованы полезные знакомства, богатые родственники и политические связи, что обуславливает эксклюзивность имеющихся каналов мобильности.

Восходящая мобильность в обществе зависит как от индивидуальных стратегий, так и «правил игры», существующих в обществе. Эффективность и эксклюзивность проанализированных каналов зависит от этих обстоятельств. Особенность и эксклюзивность семьи как канала социальной мобильности заключается в том, что ее социальный капитал направлен на реализацию социального и профессионального успеха конкретного представителя семьи, в результате чего осуществляется групповая мобильность всех членов. Реализуемая реформа системы образования возвращает высшее профессиональное образование в разряд элитарного, что обуславливает также его эксклюзивность. Что касается профессиональной сферы как канала социальной мобильности, то в ней как появляются новые социальные лифты – КВН и реалити-шоу, имеющие статус эксклюзивных, так и развитие профессионализма, необходимого для карьерного роста, в силу имеющихся неравенств в российском обществе, также ограничено для широких слоев населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Посухова, О.Ю. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области [Текст] / О.Ю. Посухова, А.В. Сериков, В.В. Черноус // Вестник Института социологии. – 2014. – № 1. – С. 33-55.
2. Посухова, О.Ю. О чем мечтают россияне и жители Ростовской области: сравнительный анализ [Текст] / О.Ю. Посухова, А.В. Сериков, В.В. Черноус // Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 337-366.
3. Посухова, О.Ю. Эндогенные факторы социальной мобильности в Ростовской области [Текст] / О.Ю. Посухова // Власть. – 2014. – № 9. – С. 94-99.

4. Сорокин, П. Социальная мобильность [Текст] / П. Сорокин. – М., 2005. С. 167.
5. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя [Текст]. – М.: ИС РАН, 2013.
6. Солодников, В.В. Профессиональная карьера 40-летних россиян: выбор профессии [Текст] / В.В. Солодников, И.В. Солодникова // Мониторинг общественного мнения. – январь-февраль. – 2011. – № 1 (101). – С. 139-140.
7. Солодников, В.В. Профессиональная карьера 40-летних россиян: выбор профессии [Текст] / В.В. Солодников, И.В. Солодникова // Мониторинг общественного мнения. – январь-февраль. – 2011. – № 1 (101). – С. 135.
8. Кузьмен, О.В. Работа, профессиональное образование, семья в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодежи России [Текст] / О.В. Кузьмен // Мониторинг общественного мнения. – январь-февраль. – 2014. – № 1 (119). – С. 147-148.
9. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя [Текст]. – М.: ИС РАН, 2013.

О.А. Нор-Аревян

кандидат социологических наук
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ: ОЦЕНКА МНЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОНА

Современное российское общество переживает глубокие качественные преобразования во всех сферах жизнедеятельности, когда в условиях социально-экономических, социально-политических и социокультурных трансформаций в эпицентре оказывается молодежь. В этом ракурсе вопросы развития молодого поколения, его ценностных ориентаций, его образовательного уровня приобретают особую значимость.

Результаты общероссийских социологических исследований наглядно отражают динамику образовательного уровня молодежи. На фоне отмеченной общей тенденции роста уровня образования молодежи замечены две позитивные тенденции:

1) возросла численность молодых людей, получивших среднее специальное образование: доля молодежи в возрасте 18-29 лет составила 42,3% в 2011 г. по отношению к 35,6% в 1997 г.;

2) омоложение уровня высшего образования у молодых людей в возрасте до 24 лет отражено в соотношении доли молодежи 24,6% в 2011 г. против 18,3% в 2006 г. [1].

Такая позитивная динамика позволяет судить о сохраняющейся значимости образования в жизни современных молодых людей. Однако, исследуя отношение молодежи к образованию, российские социологи В.И. Чупров и Ю.А. Зубок указывают на то, что уровень образования лишь косвенно свидетельствует об отношении к нему. Отношение к образованию определялось с позиции определения его терминальной и инструментальной ценности. На фоне сохраняющегося паритета самооценного и инструментального отношения к образованию прослеживается тенденция дальнейшей рационализации отношения к образованию. Так, в возрастной группе молодежи 18-24 лет терминальная ценность образования составила 41% в 2011 г., а в группе 25-29-летних – 36,4% против 59,4% в 2002 г. На сегодняшний день преобладает инструментальная ценность образования, особенно в старшей возрастной группе: в 2011 г. доля молодежи 25-29 лет составила 63,6% против 59% в группе 18-24-летних. Всплеск инструментальной ценности в 2011 г. свидетельствует о негативном влиянии очередного этапа модернизации системы образования [2].

С принятием Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», начался новый этап реформирования системы образования в стране. Образование определяется как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов.

Первую тройку основополагающих принципов государственной политики в сфере образования составляют: признание приоритетности образования; обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования.

Также государство декларирует свободу выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования, а также предоставление педагогическим работникам свободы в выборе форм обучения, методов обучения и воспитания

Именно молодежь, проходящая через сферу образовательного влияния, осваивая инновационные пути развития, может становиться реальным субъектом преобразовательной социальной практики [3].

Исследовать роль образования в жизни молодежи возможно прикладными социологическими методами, что подчеркивает в принципе роль и самой социологии в образовании человека. Социология всегда занимала ведущее место в образовании, хотя и не всегда была признана высокая роль социологического знания. Рассматривая проблему «социология и образование», важно подчеркнуть, что с самого начала своего становления социологическая наука была тесно связана с проблемами образования. Уже в 1830-1840-е гг. появилось понимание, что развитие общества как целостного организма в значительной степени зависит от характера системы образования. Впервые на это обратил внимание французский социолог О. Конт, подчеркивающий, что особая роль социологии по отношению к другим наукам состоит в том, что она определяет «гуманитарную» цель каждой из них.

Конт делит все образование человека, охватывающее период от рождения до совершеннолетия, на две части. Первая связана с обучением и социализацией в семье, а вторая часть требует школьного обучения, необходимого для приобретения знаний по шести наукам: математика, астрономия, физика, химия, биология, социология и добавлял к этому списку историю. Конт создал классификацию наук, где социология заняла главенствующее положение – роль «королевы» всех наук.

Важную роль социологии как науки подчеркивает другой французский социолог – Э. Дюркгейм. Социология наряду с психологией играет главную роль в определении целей воспитания, которое состоит в целенаправленной социализации молодого поко-

ления, поскольку любой человек, по Дюркгейму, выражает определенное социальное существо и воспитание призвано сформировать его в каждом из нас. В работах Дюркгейма прослеживаются две методологические направленности – институционализм и функционализм. В рамках первого подхода социология и воспитание рассматриваются как социальные институты, а второй подход характеризует образование и воспитание с точки зрения выполнения ими определенных функций в обществе, где главной является направленность этих институтов на достижение социальной солидарности, обеспечение в обществе согласия, сплоченности и порядка.

В обосновании социологического подхода к образованию важную роль сыграли взгляды немецкого ученого К. Мангейма. Суть его подхода выражается в трех основных позициях:

1) образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для данного общества;

2) наилучшей образовательной единицей является не индивид, а группа. Группы различаются по размерам, целям и функциям. В ходе обучения вырабатываются различные модели поведения, которым должны следовать индивиды в группах;

3) цели образования в обществе не могут быть адекватно поняты, пока они отделены от конкретных ситуаций, в которые попадает каждая возрастная группа, и от социального строя, в котором они формируются [4].

Таким образом, Мангейм выступает за целостное и конкретное образование, способствующее формированию целостной личности, и в этом процессе особую роль играет педагог, владеющий знаниями о социальном мире и «социологических аспектах человеческого поведения». «Если современный учитель, – пишет Мангейм, – осознает себя не просто школьным наставником, а учителем жизни, то он будет стремиться овладеть всеми доступными ему знаниями, чтобы справиться с возникшей перед ним задачей. Он попытается воспитать такое молодое поколение, которое будет сочетать эмоциональную стабильность с гибкостью ума, и он добьется успеха, если сможет связать проблемы, волнующие молодежь, с изменениями, происходящими в мире» [5].

Большое внимание анализу образования и его учреждений уделял выдающийся социолог П. Сорокин. Образование и школа как его ядро (а также такие учреждения, как колледжи и университеты) являются одним из факторов вертикальных социальных перемещений, так называемым «социальным лифтом», с помощью которого индивиды могут занимать более высокие социальные позиции.

Эти и другие глубокие изучения социологами проблем образования привели к появлению отраслевой социологической науки – социологии образования, которая в первую очередь призвана с помощью социологических методов получения достоверной социальной информации выявить, описать процессы в сфере образования.

Учитывая приведенные выше теоретические концепты осмысления роли социологии в образовании, важно подчеркнуть необходимость прикладного социологического исследования проблемы «социология и образование». В этой связи представляет интерес анализ результатов двух региональных прикладных исследований, проведенных при участии автора в 2006 и 2011 гг. [6].

В социологическом инструментарии были заложены вопросы, позволяющие определить роль педагога в становлении личности и роль социально-гуманитарного знания в образовании студенческой молодежи донских вузов в целом.

Профессиональный уровень студентов во многом зависит от тех знаний, навыков и умений, которые ими осваивались в период обучения в вузе. В профессиональном самоопределении играют роль и дисциплины социально-гуманитарного блока. Так, 41,9% опрошенных в 2011 г. студентов указали, что социально-гуманитарные дисциплины необходимы для расширения образовательного горизонта «узкого» специалиста. Почти треть студентов (30,8%) ответили, что эти дисциплины составляют основу профессиональной деятельности, 27,4% респондентов полагают, что освоение социально-гуманитарных дисциплин будет способствовать налаживанию деловых отношений и продуктивной рабочей обстановки в коллективе, а 19 % опрошенных считают их полезными для повышения конкурентоспособности на рынке труда. В качестве ведущих социально-гуманитарных дисциплин отмечены психология (26,4%), философия (23%) и социология (21%).

Значимость социально-гуманитарного блока для формирования мировоззрения и гражданской позиции, а также расширения социальных связей и деловых отношений были важны для каждого третьего опрошенного студента и в ходе опроса в 2006 г. Хотя такое отношение к дисциплинам гуманитарной направленности было не всегда. Гуманитарная составляющая учебных дисциплин заметно изменилась лишь в период с конца 90-х гг. XX в. по начало XXI в. Цикл таких обществоведческих дисциплин, как «История КПСС», «Политэкономия», «Научный коммунизм», в настоящее время представлен комплексом социально-гуманитарных дисциплин: «Политология», «Культурология», «Социальная психология» и «Социология», вошедшая в этот ряд одной из последних. А, именно дисциплине «Социология», по мнению профессора В.Я. Нечаева и профессора В.И. Добренкова, призвана способствовать расширению культурного кругозора, умению истолковывать отдельные факты и формировать целостное представление о развитии общества, человеческой культуры [7].

Полезность дисциплин социально-гуманитарного цикла оценена прежде всего для расширения образовательного горизонта узкого специалиста. Наиболее высоко оценивают их значение студенты тех вузов, где эти дисциплины представлены весьма существенным блоком. Большинство респондентов изучает их по необходимости, несмотря на понимание того, что они связаны с развитием личной культуры и расширением возможностей профессиональной деятельности.

Социологические исследования показали, что студенты донских вузов в целом активные молодые люди, стремящиеся самореализоваться в процессе обучения и приобретения профессиональных знаний, навыков и умений. Успех социальной и творческой самореализации студентов зависит от того, насколько сформирована так называемая «воспитывающая среда» в вузе.

В воспитании студента и становлении его как личности высока роль преподавателя (педагога, учителя). Эти теоретические концепты декларировались немецким социологом К. Мангеймом. «Мы убедились в том, - подчеркивает Мангейм, - что в современном сложном и быстро меняющемся обществе образование может быть адекватным лишь тогда, когда учитель знает социальный мир, из которого приходят его ученики и для жизни в котором их надо подготовить, а также если он сможет оценить большую часть своих действий с точки зрения их социальных результатов. Во всех этих аспектах социология является необходимым дополнением к образованию в наш век, в какой бы стране и при какой бы социальной системе мы ни жили» [8].

Эти взгляды разделяют опрошенные в ходе проведенных социологических исследований студенты и эксперты вузов Ростовской области. Преподаватель вуза выступает как Учитель с большой буквы, наставник, куратор.

Так, эксперты полагают, что студенты только формируются как личности, как будущие профессионалы, как члены общества, поэтому необходимо воспитывать их как в рамках регламентированного учебного процесса, так и вне его, так считают 60% респондентов. При этом большая часть экспертов полагает, что в целом в вузах сформирована «воспитывающая среда», то есть созданы условия для развития профессиональной компетентности студентов, а также для их социальной и творческой самореализации. Среди студентов первокурсники испытывают наибольшую удовлетворенность внеаудиторной, внеучебной работой на факультетах. Но при этом каждый пятый студент высказался о низком уровне проводимой работы в университете в целом. В большинстве своем студенты высказались о необходимости развития института кураторства, наставничества в вузах.

Куратор учебной группы играет важную роль в жизни студентов и на сегодняшний день. Понимание значимости роли наставника, который помимо учебных занятий помогает ориентироваться и в жизни, и в профессии, разделяет более половины студентов всех вузов. Большинство студентов (79,7%) отметили, что имеют куратора своей студенческой группы, в том числе 93,8% первокурсников, 85,8% второкурсников, 79,7% студентов 3 курсов и 70,2% студентов 4 курсов, а также 69,5% пятикурсников. Институт кураторства более распространен в инженерно-технических вузах (88,3%), затем в сельскохозяйственных (86,2%) и естественно-гуманитарных (66,6%). В разнообразии функций куратора студенты выделяют как важнейшие контроль за успеваемостью студентов (53,8%), решение конфликтных ситуаций среди студентов, между студентами и преподавателями (50,6%), помощь в организации внутригрупповых мероприятий (47,5%), проведение собрания в группе (42,9%), и только 24,9% полагают, что куратор должен организовывать культурно-просветительскую работу и досуг студентов.

Результаты нашего регионального исследования подтверждают и данные других социологических исследований, проведенных ростовскими коллегами [9]. Так, в ходе опроса молодые люди подавляющим большинством отметили значимость высшего образования при устройстве на работу: так считают 80% респондентов, отмечая инструментальную ценность образования. Однако, качество получаемого образования удовлетворяет лишь 13% опрошенных. Указывая высшее образование ведущим фактором успешной карьеры на старте трудовой деятельности, отмечается дифференциация отношения к образованию у сельских и городских жителей донского региона. Так, жители сельской местности относятся к образованию более инструментально, для них высшее образование – скорее формальный статус, который помогает в продвижении по социальной лестнице, а жители городов, и особенно донского мегаполиса, готовы признать за высшим образованием несомненную ценность и на первый план ставят характеристики содержательного значения: какие навыки и умения приносит им освоение той или иной специальности [10].

Актуальность социологического исследования социокультурных процессов, протекающих в сфере высшего образования, определяется тем, что в формирующемся постиндустриальном обществе знания становятся доминантной ценностью, реально обеспечивая развитие и конкурентоспособность нации. В современной России переход к постиндустриальному, информационно-технологическому развитию осложня-

ется трансформационным кризисом, при котором возникает ситуация растерянности, особенно остро отражающаяся на молодых людях, находящихся в процессе профессионального самоопределения.

В условиях модернизации российского образования, перевода высшей школы на новые принципы функционирования реорганизуется структура и содержание не только образовательной, учебно-методической, управленческой, но и воспитательной работы. Это приводит к усилению значимости прикладных социологических исследований в сфере образования с учетом специфики социально-экономической, политической и социокультурной ситуации в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чупров, В.И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства [Текст]: монография / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2014. – С. 123-124.
2. Чупров, В.И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства [Текст]: монография / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2014. – С. 126-127.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165984
4. Добренчиков, В.И. Социологическое образование в России [Текст] / В.И. Добренчиков, Г.Е. Зборовский, В.Я. Нечаев. – М.: Альфа-М, 2003. – 112 с.
5. Мангейм, К. Диагноз нашего времени [Текст] / К. Мангейм. ; пер. с нем. англ. – М.: Юристъ, 1994. – С. 466.
6. Социологическое исследование «Социализация и воспитание студентов вузов» (ноябрь – декабрь 2006 г., выборку составили 2236 студентов вузов Ростовской области и 469 вузовских экспертов) и прикладное социологическое исследование «Социализация и воспитание студенческой молодежи вузов Ростовской области» (апрель – октябрь 2011 г., опрошено 4029 студентов и 953 эксперта вузов Ростовской области), проведены Социологическим центром мониторинга, диагностики и прогнозирования социального развития ЮФУ.
7. Нечаев, В.Я. Четыре волны в российской системе образования [Текст] / В.Я. Нечаев, В.И. Добренчиков // Человек и современный мир. – М.: ИНФРА-М, 2002. – С. 409.
8. Мангейм, К. Диагноз нашего времени [Текст] / К. Мангейм. ; пер. с нем. англ. – М.: Юристъ, 1994. – С. 467.
9. Социологические исследования по проблемам развития государственной молодежной политики в Ростовской области, проведены в 2011 – 2012 гг. Южно-российским филиалом Института социологии РАН, с целью создания социологического портрета молодежи Ростовской области.
10. Социологический портрет молодежи Ростовской области: коллективная монография [Текст] / отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д: Март, 2012. – С. 64-97.

Г.А.Ковалева

ВПО ЧГУ, г. Череповец

ФОРМЫ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В МОДЕРНИЗАЦИИ ЖКХ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Жилищно-коммунальное хозяйство России – многоотраслевой комплекс, обеспечивающий функционирование инженерной инфраструктуры зданий различного назначения и создающий удобства и комфортность проживания или нахождения в них граждан путём предоставления им широкого спектра жилищно-коммунальных услуг. В социологическом измерении жилищно-коммунальное хозяйство активно изучается с точки зрения глубоких социальных противоречий, сложившихся в этой сфере, причины которых лежат в принципах организации работы этого сектора. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного 16-17 ноября 2013 г., в числе наиболее волнующих россиян проблем в сфере ЖКХ выделяются высокие тарифы (54%). Реже упоминается плохое качество услуг (11%), отсутствие ремонта в домах, подъездах (9%), недоступность жилья (8%), воровство и коррупция в сфере ЖКХ (7%) и т.д.

В Череповце сфера ЖКХ нуждается в реформировании, о чём свидетельствуют данные отчёта об итогах выполнения Программы социально-экономического развития Череповца за 9 месяцев 2013 года. Финансирование ЖКХ на 1 октября 2013 г. исполнено всего лишь на 17,3 % [1, С.16].

Задачи успешного осуществления реформ в жилищно-коммунальном хозяйстве на протяжении последних 10 лет определяются в качестве приоритетных социально – экономических преобразований в России. К подобным преобразованиям можно отнести вовлечение молодежи в сферу ЖКХ. Государству необходима подготовка поколения «молдых» управленцев, роль которых – практическое хозяйствование, к которому можно отнести установление справедливого отношения между стоимостью коммунальных услуг и их качеством, улучшение качества условий проживания значительной части горожан, а также снятие социальной напряженности, связанной с проблемами в сфере ЖКХ. Одним из важных вопросов является социальное участие молодёжи в модернизации ЖКХ, которое рассматривается в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ (2008 г.)[4] , Стратегии государственной молодежной политики РФ (2006г.)[8] , в Письме Министерства образования и науки РФ от 30.05.2006 № АС-588/06[5].

Несмотря на то что, наиболее активными участниками реформы ЖКХ по-прежнему являются россияне в возрасте от 35 лет (69-71%), изменился и уровень участия представителей молодежи в возрасте от 18 до 24 лет (с 43% в июне до 50% в сентябре).

Разносторонность этого процесса характеризует Скалабан И. А., выявляя взаимозависимость населения и государства: «Наиболее активно этот процесс протекает на местном уровне и характеризуется многовекторной направленностью: снизу вверх, со стороны населения, через расширение консенсуальных или протестных форм решения актуальных для населения проблем, с одновременным усилением мобилизационных и кооперативных процессов внутри территориальных сообществ или сообществ по интересам; сверху вниз, со стороны власти, через стимулирование социальной активности, расширение механизмов вовлечения граждан в решение вопросов местного значения в рамках построения субсидиарной модели государственной, муниципальной политики, реформирования системы муниципального управления» [7, С.139].

Причины неудач модернизации часто кроются в конформизме российского общества, в отсутствии общественной поддержки инициаторов модернизации. Выдающийся Штомпка П. выделяет смысл идеи модернизации как особого способа осуществления социального становления, обеспечивающего широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала [9]. Поэтому в обществе актуализируется потребность в новых взглядах, составными элементами которых должны быть социальная активность, трудолюбие, ответственность и профессионализм, готовность граждан договориться между собой и с властью. Все эти качества сочетает в себе молодёжь как активный субъект современного общества.

Одним из наиболее известных, широко изученных и проработанных с точки зрения терминологии видов участия является социальное участие, которое представляет собой необходимый элемент развития общества. В статье «Форсайт как инновационная технология социального участия» Мехова А. А. определяет социальное участие как «совместную с органами власти и управления деятельность граждан по вопросам реализации политических, экономических и социальных прав» [6, С.124].

Для понимания направления трансформации общества, считает Шилова Л. С., важно изучать притязания молодежи, так как из всех социальных групп, стремящихся к успеху, она наиболее энергично воплощает стереотипы жизненного успеха или создает новые [10]. Их самоорганизация и самореализация осуществляется через деятельность молодежных объединений, реализацию социальных проектов и инициатив, различные формы молодежного самоуправления, но процент такой молодежи в нашей стране достаточно мал.

Обращаясь к результатам двух волн социологического исследования «Российская молодежь: потенциал политической мобилизации», проведенного Исследовательской группой ЦИРКОН в июне-июле 2005 г. и марте-апреле 2006 г., можно выделить формы участия молодежи в общественной жизни [11]:

- 1) коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий;
- 2) сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение;
- 3) участие в деятельности общественных организаций;
- 4) подписание обращений, петиций по поводу событий в общественной жизни;
- 5) участие в работе домкомов, кооперативов, местном общественном самоуправлении.

Следовательно, участие молодежи в жизни общества предполагает собой управление и поиск решений по устранению проблем во всех его сферах. С точки зрения Воронина А. Г., сегодня жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой сложный, многоотраслевой производственно-технический комплекс, в состав которого входят

жилищное хозяйство и ремонтно-эксплуатационное производство; водоснабжение и водоотведение; коммунальная энергетика; внешнее благоустройство, включающее санитарную очистку и озеленение городов [8, С.12]. В связи с этим можно судить, что реформа жилищно-коммунального хозяйства является доминантной проблемой социальной политики российского общества, а также одним из этапов становления местного самоуправления. Последнее Галаятудинов А. Р. определяет как переход на новый уровень взаимоотношений государства и населения (в том числе и молодёжи), когда определенный круг вопросов жизнеобеспечения общества решаются жителями локального сообщества без вмешательства государства, основываясь на самоуправленческих принципах [3, С.121].

Сфера жилищно-коммунального хозяйства испытывает существенный кадровый голод. При решении этой проблемы особую роль на данный момент играет федеральный проект «Все дома» и опыт подготовки работников сферы ЖКХ и строительства отдельных ВУЗов страны. «Все дома» - проект, объединяющий молодых людей, готовых работать над улучшением окружающего пространства. Он был запущен в 2010 году, чтобы объединить людей, готовых работать над улучшением жилого пространства и содействовать реализации их передовых идей, направленных на модернизацию жилищно-коммунального хозяйства. За годы его существования доказано, что работать над решением проблем жилищно-коммунального хозяйства интересно и перспективно, новые идеи, предлагаемые из молодежной среды, востребованы на самом высоком уровне, а сам проект помогает молодым людям преодолеть преграды на пути превращения идеи в продукт.

За 2010-2013 гг. «Все дома» увеличил численность активистов до 6 тысяч человек, 500 из которых получили официальное трудоустройство в сфере ЖКХ – управляющих компаниях, ТСЖ и органах власти. Особого внимания заслуживает региональное отделение федерального молодежного проекта «Все дома» в Вологодской области. С сентября 2012 года проект «Все дома» реализуется на территории Вологодской области, его руководителем стал Харин А. А. Проект реализуется на всей территории Вологодской области, на данный момент открыты штабы ЖКХ в Вологде, Кадуе, Соколе, Шексне, Кириллове, Вытегре, и в Череповецком государственном университете. Основной контингент активистов – это молодежь.

В работе по модернизации жилого пространства в федеральном проекте «Все дома» выделяется несколько ключевых направлений. Первое - осуществление общественного контроля за организациями, обслуживающими многоквартирные дома, значимость которого для граждан подчёркивает Харин А. А.: «Важно, чтобы каждый собственник жилья знал, сколько и за какие конкретно услуги он регулярно платит деньги управляющей компании».

Второе - построение энергоэффективного общества. На широком внедрении ресурсосберегающих технологий в сферу ЖКХ как одном из средств экономии бюджета собственников жилья, делает акцент руководитель проекта в Вологодской области: «Пропаганда частной энергоэффективности - способ экономить средства, из которого вытекает экономическая выгода глобального ресурсосбережения в масштабах всей страны». Третье направление деятельности - пропаганда основ бытовой экологической культуры. Об актуальности и значимости данного направления говорит Харин А. А.: «Данный вопрос становится с каждым днем все более актуальным. Жить в комфортных условиях, окружать себя экологически чистыми вещами - это уже не роскошь и не

мода, а жизненная необходимость». И, наконец, последнее - восстановление института добрососедских отношений. В рамках регионального отделения проекта «Все дома» в Вологодской области реализуются общественные инициативы молодёжи в модернизационном процессе жилищно-коммунального хозяйства. Чем больше разнообразных форм участия граждан в нём, тем более структурировано местное сообщество, а значит, более полно реализуются в решениях органов местного самоуправления интересы граждан.

К одной из таких относится жилищное просвещение. Оно не только даёт знания и учит самостоятельно решать жилищные проблемы, но и формирует культуру взаимоотношений между собственниками и управляющими организациями и нести ответственность друг перед другом. Именно эту цель выделяет Харин А. А., благодаря которой работает направление «ЖКХ-просвещение»: «Это все мероприятия, которые направлены на повышение жилищной грамотности молодёжи, на воспитание их как будущих активных собственников и потенциальных работников сферы ЖКХ». Активисты проекта оказывают поддержку инициативным гражданам в оформлении заявлений в контролирующие органы в сфере ЖКХ, проведении собраний, а также опросов, очных и заочных голосований по вопросам создания ТСЖ, смены управляющей компании. В ходе ряда глубинных интервью, как с руководителями, так и участниками проекта было выявлено, что такая работа интересна и привлекательна для молодых людей. А. Л. (студентка ЧГУ, 21 год) подчеркнула: «Я даже не предполагала, насколько это интересно». Данная форма готовности молодёжи к усовершенствованию жилищно-коммунальной сферы на региональном уровне хорошо себя зарекомендовала. Первостепенное значение ее в модернизации ЖКХ выделил Васюнов С. А.: «Эта форма должна лежать в основе всех других. Необходимо, чтобы собственники были грамотными». Значимость проблемы реализации этой формы участия молодёжи в управлении ЖКХ отмечает Маслов Р. Э. (Член молодежного Парламента ВО, 27 лет): «Населению необходимо рассказывать о проблемах ЖКХ, об особенностях этой сферы. Что касается проблем в реализации этой формы, то население пассивно относится к той информации, которая им преподаётся».

Одной из своих целей проект «Все дома» видит улучшение качества условий проживания россиян, снятие социальной напряженности, связанной с проблемами в сфере ЖКХ. Потому помимо просветительской деятельности молодые активисты работают с конкретными проблемами граждан, обращающихся в проект за помощью. В этом реализуется такая форма участия молодёжи в модернизации жилищно-коммунальной сферы, как общественный контроль. В рамках деятельности регионального отделения «Все дома» в Вологодской области общественный контроль занимает ведущее место. Необходимость и заинтересованность города в ней выявляет Подволоцкий А. Г., председатель Череповецкой городской Думы: «Она нужна, чтобы «замерять температуру», выискивать недостатки в законодательстве, которые сразу нужно исправлять. В этом город очень заинтересован». Несколько противоположной позиции придерживается Гапоненко Е. Л., председатель ВРОО «ТСЖ», рассуждая о невозможности эффективного осуществления общественного контроля: «Какой социальный контроль может быть от лица, которое не имеет никаких юридических прав?». Подобное мнение поддерживает Маслов Р. Э., говоря лишь о небольшой его результативности: «Эффект от общественного контроля есть, но незначительный, поскольку он базируется лишь на желаниях и эмоциях, а вот реальных действий, увы, мало».

Ещё одной моделью участия молодёжи в процессе модернизации ЖКХ является создание ТСЖ. Оно является одной из правовых форм, позволяющей собственникам помещений в многоквартирном доме управлять этим домом. Данная форма участия молодёжи в модернизации ЖКХ на региональном уровне показала себя несколько хуже, чем две предыдущие. Товарищество собственников жилья было оценено представителями органов власти и представителями общественных организаций неоднозначно. Эту форму, как развивающуюся, оценивает Буслаев Д. А., заместитель начальника Департамента ЖКХ г. Череповца следующим образом: «Только ещё набирает свои обороты. Разумеется, поддержка реально существует лишь в том случае, если представители ТСЖ и их координаторы (молодёжь) сами к нам обращаются с просьбами помочь управлять ТСЖ, разрешить какие-то конфликтные ситуации и так далее».

Наряду с другими формами участия молодёжи в модернизации жилищно-коммунальной сферы на региональном уровне выделяется Совет дома. Совет многоквартирного дома является инструментом, призванным обеспечить реализацию решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. Он формирует общественное мнение в доме, осуществляет общественный контроль жителей за деятельностью управляющей организации. Совет многоквартирного дома - это новый институт российского жилищного законодательства. Необходимость его введения обусловлена стремлением законодателя вовлечь собственников помещений в процесс управления многоквартирным домом, поскольку в настоящее время большинство граждан всячески стараются избежать этого. Но, несмотря на это, эта форма на региональном уровне зарекомендовала себя как самая неперспективная из всех вышеперечисленных. Эксперты в своем большинстве отмечают пассивность граждан, игнорирование управляющей компании решений собственников.

Среди перечисленных форм участия молодёжи в модернизации ЖКХ на региональном уровне непосредственное содействие молодых людей выражается во всех направлениях. Потребность в этом органов власти выражает позиция Подволоцкого А. Г., председателя Череповецкой городской Думы: «Мы заинтересованы в любых формах, но при условии, что они будут реально работать».

Таким образом, среди форм участия молодёжи в модернизации ЖКХ эффективными с точки зрения организации являются такие, как жилищное просвещение и общественный контроль, менее эффективной - ТСЖ и малорезультативной - Совет дома, ввиду того, что последние можно будет назвать рабочими только при создании новых многоквартирных домов либо при сдаче помещений этих домов в аренду. Молодёжь, как настоящие и будущие собственники, недостаточно активно участвуют в модернизации жилищно-коммунального хозяйства. Для того, чтобы ситуация изменилась, необходимы стимулы для развития этого участия посредством создания престижности и высокооплачиваемости данной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический отчет о результатах социологического исследования «Профиль здоровья череповчан» [Текст]. – Издательский дом «Череповець». – 2011. – 46 с.
2. Воронин, А.Г. Основы управления муниципальным хозяйством. Московский общественный научный фонд [Текст] / А.Г. Воронин, В.А. Лапин, А.Н. Широков. – 1997. – 88 с.
3. Галяутдинов, А.Р. Метармофозы реформы ЖКХ [Текст] / А.Р. Галяутдинов, Р.М. Мулланов. – 2007. – 240 с.

4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. Утверждена распоряжением правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>
5. Министерство образования и науки РФ, Письмо от 30 мая 2006 года № АС-588/06. Методические рекомендации по организации работы органов местного самоуправления в решении вопросов организации и осуществления мероприятий по работе с детьми и молодежью [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ako.ru/ADM-REFORMA/MS-REFORMA/METODIKA/_2.doc
6. Форсайт как современная технология социального участия [Текст] / А.А. Мехова // Социальная политика и социология: междисциплинарный научно-практический журнал. – 2011. – № 8. – С. 120-128.
7. Скалабан, И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий [Текст] / И.А. Скалабан // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». – 2011. – № 1. – С. 130-139.
8. Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 18.12.2006 № 1760-р [Электронный ресурс] / Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, <http://duma.cherinfo.ru/resolution/65256>
9. Штомпка, П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) [Текст] / П. Штомпка. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Выпуск. – 2013. – № 6 (30).
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1255>
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>

Т.А. Гужавина

ИСЭРТ РАН. Г. Вологда

НЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ: РОЛЬ, ЗНАЧЕНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ

Модернизационное развитие региона требует внимания не только к экономическим процессам. В сфере экономики внимание уделяется спросу и предложению, темпам роста, пропорциям в структуре производства и потребления, в структуре отраслей, производительности труда, системе налогообложения и т.д. Все эти факторы обеспечивают функционирование экономики, как на национальном, так и региональном уровне. Они находятся в постоянной динамике, испытывающей влияние растущих потребностей общества, расширяющегося и углубляющегося разделения труда, безработицы, научно-технического прогресса, глобализации, а также ряда других обстоятельств. Если изучению экономических факторов уделяется значительное внимание, то менее изученной остается другая группа, относящихся к категории неэкономических.

Проблеме неэкономических факторов в развитии экономической системы общества стали уделять все больше внимания [1; 2; 3]. В экономической науке произошли в связи с этим принципиальные изменения. В последние десятилетия исследователи стали ориентироваться на междисциплинарный подход и соединение экономических методов с методами других наук, что позволило включить в анализ политические, правовые, психологические подходы. Экономические исследования стали пересекаться с психологическими, культурологическими, политологическими, социологическими. «Неэкономические» переменные стали учитываться наряду с ключевыми экономическими детерминантами роста. Влияние неэкономических факторов выражено слабее, оно менее устойчиво, их действие неоднозначно.

Состоялось признание факта ограниченности рациональности в поведении человека. Мейнстрим современной экономической науки признает, что человек использует не только рациональные модели поведения, но и другие установки, осуществляет ценностный выбор. К группе неэкономических факторов принято относить географические и природно-климатические факторы, инфраструктурные, психологические, социально-политические [4]. Тем не менее устойчивой классификации этих факторов нет. В некоторых публикациях этот перечень дополняют социокультурными факторами.

Обе группы факторов тесно переплетаются между собой, испытывая и оказывая взаимопроницающее влияние друг на друга. Взаимодействие этих групп факторов нельзя

рассматривать в линейной зависимости. Это взаимодействие носит системный характер, и в нем можно наблюдать и организованный характер отношений и хаотичность, стихийность. Сравнительная характеристика

Отечественные ученые, исследующие неэкономические факторы и их взаимосвязь с экономическими [4], используют для этого модифицированную ими классификацию факторов роста национальной экономики Д. Родрика. В их интерпретации взаимосвязи экономических и неэкономических факторов роста представлены следующим образом (рис. 1).

Воздействие неэкономических факторов также носит несинхронный характер. В периоды экономического роста их действие может ослабевать, а в периоды спада усиливаться, что связано, прежде всего, с антициклической политикой государства. В периоды спада адекватная ситуации политика может способствовать росту эффективности неэкономических факторов, выполняющих роль транслятора, и способствующих воссозданию общественной потребности в развитии экономики. Кроме того, исследователи отмечают, что воздействие этих факторов различно в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах (табл.1.).

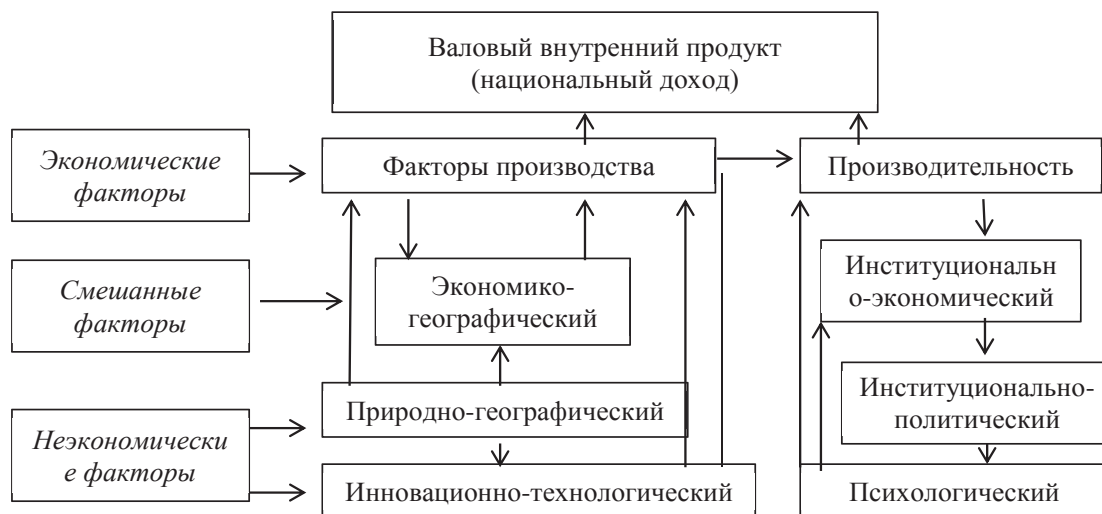

Рисунок 1. Классификация и взаимосвязь факторов экономического роста.

Источник: Ипатов П.Л., Динес В.А., Русановский В.А. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики // Экономика и управление. – 2009. – № 3/6 (44).

Таблица 1. Сравнительные характеристики экономических и неэкономических факторов хозяйственного роста

Параметры сравнения факторов роста	Экономические факторы	Неэкономические факторы
Отношение к общественному производству	Является фактором производства	Не являются факторами производства
Отношение к экономической системе	Эндогенный	Экзогенный
Характер воздействия на экономический рост	Прямой	Косвенный (опосредованный)
Временный лаг воздействия на рост	Менее продолжительный	Более продолжительный
Характер доминантности	Постоянный	Временный

Источник: Ипатов П.Л., Динес В.А., Русановский В.А. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики // Экономика и управление. – 2009. – № 3/6 (44). – С. 9.

Таблица 2. Количественная оценка влияния неэкономических факторов на динамику российской экономики, %

Факторы экономической динамики	Вклад факторов в экономический подъем	Вклад факторов на этапе в экономической рецессии
Вклад экономических и неэкономических факторов в прирост (сокращение), всего, в том числе:	100	100
1) удельный вес экономических факторов	76	68
2) удельный вес неэкономических факторов, в том числе:	19	26
психологического	4	11
институционально- политического	3	5
инновационно-технологического	3	2
физико-географического	6	4
прочих неэкономических факторов	3	4
3) удельный вес смешанных факторов	5	6

Источник: Ипатов П.Л., Динес В.А., Русановский В.А. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики // Экономика и управление. – 2009. – № 3/6 (44). – С. 9.

Существуют различия и в характере влияния неэкономических факторов на динамику российской экономики. Эти различия во многом носят количественный характер и могут быть рассмотрены с точки зрения как их роли в периоды подъема и рецессии, так и с точки зрения соотношения удельного веса различных факторов (таблица 2).

Среди неэкономических факторов нам представляется интересным рассмотреть роль и значение доверия. Оно является одним из самых «дорогих» на сегодняшний день неэкономических активов. Представляя собой совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, в отношении организаций, учреждений, в отношении норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни, доверие поддерживает устойчивость и интегрированность общества. Именно доверие обеспечивает важнейшие экономические процессы: инвестиции, сбережение, кредитование, фондовую деятельность, акционирование и т.д. Отсутствие доверия может блокировать эти сферы. Доверие тем более важно, поскольку модернизационные процессы в регионах приобретают свою специфику в силу имеющихся в них различий и особенностей, что позволяет говорить о плюральной модернизации.

Для анализа процессов, касающихся социального доверия, продуктивным будет использование полипарадигмального подхода, использующего ресурсы как классической и неоклассической социологии, так и постклассики – модерна. Наиболее подходящим исследовательским подходом к изучению локальной среды выступает конструктивизм, который уделяет огромное внимание изучению сознания и поведения людей. Этот концепт позволяет рассмотреть пути создания людьми различных социальных феноменов, в том числе и доверия, которые институционализируются и превращаются в традиции.

Изучить различные аспекты доверия дают возможность конкретные социологические исследования, которые проводятся как на межстрановом, так и на национальном, и региональном уровнях [5; 6]. Состояние социального доверия такого территориального сообщества, как жители Вологодской области, факторы, на него влияющие, изучает в ходе мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН¹. Отметим, прежде всего, что

¹ В статье использованы данные за период с 2000 г. по 2013 г. Опрос проводился ИСЭРТ РАН г. Вологды по репрезентативной выборке. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между сельским и городским населением, между жителями различных типов населенных пунктов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структурой населения. В выборке участвовали города Вологда и Череповец, а также Грязовецкий, Никольский, Тарногский, Великоустюгский, Бабаевский, Вожегодский, Кирилловский, Шекснинский районы. Всего опрашивалось 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки составляет 3%.

Вологодская область – это достаточно развитый регион в экономическом отношении, обладающий мощным индустриальным потенциалом. На ее территории проживает около миллиона ста девяносто тысяч человек, или почти 1% населения всей России.

Изучение феномена доверия идет на уровне институциональном и межличностном. Межличностное доверие мы рассматриваем как основание для институционального доверия. Но в данной статье оно не анализируется. Институциональное доверие можно более отчетливо просматривается на примере доверия к государству. Поскольку именно оно генерирует и поддерживает те нормы и правила, которые организуют жизнь социума. На уровне регионального сообщества институциональное доверие проявляется также в доверии к региональной и местной власти (табл. 3).

Как показывает анализ данных опросов общественного мнения, все институты могут быть разделены на группы. В первую входят институты с высоким уровнем доверия, которые представлены Президентом и Правительством РФ. На уровне областных структур это Губернатор и Правительство области, представляющие собой ее руководство. Вторую группу со средним уровнем составляют представительные органы власти Госдума и совет Федерации. На местном уровне сюда можно отнести органы МСУ. Третью группу с низким уровнем составляют общественные организации, профсоюзы, партии. Кроме того, очевидно, что наибольшее доверие у тех институтов, которые выполняют административные функции. Те же институты, которые призваны выразить интересы граждан, для них малопривлекательны. Остальные институты не менее важны для жизнедеятельности регионального сообщества, но их позиции ослаблены недостаточным уровнем доверия со стороны граждан. Это в свою очередь становится условием слабости регионального гражданского общества.

Влияние институтов исполнительной власти можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это экономические возможности данных институтов, связанные с наличием материальных ресурсов и возможностью ими распоряжаться. Во-вторых, создание этими институтами норм и правил, а также возможности контроля за их исполнением с правом применения санкций. В-третьих, создание этими институтами единого социального пространства, консолидация общества через постановку целей и задач, организацию их исполнения. В-четвертых, историческая память, свидетельствующая о значимости данных институтов в кризисных ситуациях, которыми насыщена история страны. В-пятых, политическая культура российского общества, которая

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (варианты ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю» (в % от общего числа опрошенных)

Вариант ответа	Дата опроса					
	2000 – 2006 гг. (среднее)	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2013 год
Президент	51,1	60,3	65,2	51,6	56,7	44,6
Правительство	38,9	41,9	60,2	46,7	52,3	38,6
Совет Федерации	29,1	34,9	47,6	35,9	38,3	32,7
Государственная Дума	24,5	29,5	42,0	33,5	34,8	31,1
Руководство области	30,8	40,6	48,6	34,9	41,1	36,4
Органы МСУ	26,6	32,3	40,9	33,1	34,3	31,6
Профсоюзы	26,5	28,6	35,9	28,1	30,2	25,3
Общественные организации	20,0	24,4	32,6	23,8	27,7	24,1
Политические партии	14,7	17,6	26,8	20,0	23,7	18,1

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ 2010-2013 гг.

тяготеет к патерналистскому типу и содержит в себе пока еще достаточно слабо выраженные признаки гражданского типа. Эти же факторы во многом объясняют низкий уровень других институтов. Кроме того, обращает на себя внимание и такой факт. Как в России в целом, так и в Вологодской области наблюдается более высокий уровень доверия институтам авторитарного типа (исполнительные структуры, силовые структуры). Данный аспект в полной мере объясним с точки зрения концепции институциональных матриц С.Г. Кирдиной [5]. Согласно данной концепции для России характерно преобладание X- матрицы, которая тяготеет к унитарной организации властных структур и выстраиванию их во властную вертикаль. В российских условиях эти институты показывают более высокую эффективность и являются более привычными, если учитывать исторические и культурные особенности страны.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что для развития региона, для развертывания в нем эффективных модернизационных процессов необходима оценка имеющихся социальных ресурсов и прежде всего социального капитала, основным показателем которого выступает доверие. Доверие нельзя рассматривать в статике. Оно представляет собой процесс весьма динамичный по своему характеру, многообразный по формам и социальным функциям. Носителями доверия выступают различные акторы. И для выстраивания модернизационной политики важно понять, какие социальные группы являются носителями модернизационного потенциала, насколько они готовы им воспользоваться. Важно понять и обратную сторону процесса: каков уровень доверия властных структур к своим гражданам. Это даст возможность оценить уровень и характер существующей реципрокности. Изучение доверия населению со стороны власти позволило бы поставить в равное положение партнеров доверительных отношений

Возникает необходимость в разработке и реализации программы, ориентированной на возрождение социального доверия, содержащей меры, способные повысить гражданскую активность. Такая программа должна иметь своим основанием социальную политику региональной власти. В ней должны быть выделены направления деятельности власти по обеспечению гражданам условий для создания достойной жизни и для самореализации творческого (трудового) потенциала; по доступности качественного образования; по минимизации социальных рисков и по защите отдельных социальных групп; по обеспечению социального партнерства и баланса экономической свободы и общественных интересов; по формированию среднего класса и снижению уровня социальной поляризации; по развитию местного самоуправления, являющегося основным показателем реальной демократии и приближения власти к народу.

Для ее разработки необходим не только анализ ситуации, но и поиск способов воздействия на акторов с целью в одном случае повышения компетентности, стимулирования инновационной активности, а в другом снижения уровня агрессивности. Итогом программы должна стать оценка достигнутого уровня доверительности, зрелости гражданского общества, достижения целей модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан, А.А. Социокультурные коды в экономическом анализе [Текст] / А.А. Аузан // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 1 (17). – С. 173-176.
2. Горшков, М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост [Текст] / М.А. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. № 3 (33). – С. 45-56.

3. Ипатов, П.Л. Неэкономические факторы роста национальной экономики: функциональное использование и развитие [Текст] / П.Л. Ипатов // Автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. кон. наук. – СПб., 2009.
4. Ипатов, П.Л. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики [Текст] / П.Л. Ипатов, В.А. Динес, В.А. Русановский. – Экономика и управление. – 2009. – № 3/6 (44). – С. 9.
5. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России [Текст] / С.Г. Кирдина. – 2-е изд, испр. и доп. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. – 307 с.
6. Edelman Trust Barometer [Electronic resource]. – Available at: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2014-edelman-trust-barometer/trust-around-the-world>
7. Левада-центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/category/tegi/doverie>

А.Л. Маршак

доктор философских наук, профессор,
Института социологии РАН

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

*«В чем смысл культурной суеты? –
В политике вооружений?
В удушьи газовых сражений?
В братоубийственной резне?
В партийных спорах и грызне?
В мечтах о равенстве вселенском
С грозящим брату кулаком?
В неофилософах с их злом?
В оужествленном поле женском?
Тогда долой культуру эту...»
И.Северянин, 1925 г.*

Понимание сущности идентификационных процессов в российском обществе без понимания содержания современной российской культуры, её черт и нынешнего состояния невозможно. Являясь частью мирового цивилизационного процесса, российская культура не перестает сохранять своеобразие, интегрируя реальные образы культуры, продолжает стоять на службе интересов государства, в современных условиях культура отстает от задач государственного строительства и не соответствует усложняющимся процессам укрепления целостности России.

Вместе с тем, оценивая культурное состояние нашего общества, нужно учитывать приоритеты традиционных образцов культуры в ценностных социокультурных ориентациях наших людей. По данным исследований ВЦИОМ (2013 г.), одним из главных предметов гордости россиян являются отечественные культура и искусство. Так считают 75% опрошенных. Это дает основание полагать, что для России культура есть выражение национальной энергии и, следовательно, идентификационный потенциал для укрепления государственности и целостности государственного строя.

Рассматривая культуру в качестве идентификационного потенциала целостности российского общества, мы коснемся наиболее существенных сторон его проявления. При этом мы исходим из того, что современная российская культура многофункцио-

нальна, разнообразна и является способом определенного творчества, творческой деятельности человека, овеянной в культурных ценностях (продуктах) и духовности человека (согласно концепции культурной деятельности В.Е.Давидовича и Ю.А.Жданова). В соответствии с этим культура является мерой общественного прогресса, что проявляется через конкретные показатели культуры. Культурная жизнь воплощает на практике гуманистические цели развития общества. Они, в свою очередь, определяют ценности культурной социализации, приобщая личность к идентификационным процессам.

Для идентификационных процессов имеет большое значение анализ функционирования культуры в обществе, прежде всего с точки зрения культурного влияния различных социальных групп. Кроме того, для понимания роли культуры в идентификационном процессе, укрепления целостности России имеет значение деятельность учреждений культуры, средств массовой информации и досуговая деятельность на уровне институтов и личных предпочтений граждан.

Среди важнейших социокультурных факторов, имеющих влияние на культурную идентификацию, выделим следующие:

– во-первых, культура способствует формированию норм творчества, что влияет на разработку новых направлений в искусстве, науке, благоприятствует инновационным открытиям, в целом развитию познания, освоению и преобразованию мира. Культура содействует освоению новых территорий, развитию средств связи, что в свою очередь создает благоприятные условия для жизни. Однако это носит не только позитив, но и может иметь негативные последствия, в том числе такие, как экспансия природы, подрыв привычных культурных связей, проявления разного рода фанатизма, распространение образцов массовой культуры и вредного влияния средств массовой информации;

– во-вторых, культурная идентификация реализуется в труде, отдыхе, продолжении рода. Особое место здесь занимает речевой канал коммуникации как выражение определенного уровня культуры. Первостепенное значение для этого вида идентификационных процессов имеют развитие и совершенствование русского языка. Русский язык приобретает сегодня важную форму идентификации, через которую обновляется язык различных профессий, речевой канал политиков, молодежных связей;

– в-третьих, особенностью идентификационных процессов, происходящих сегодня в России, является то, что они осуществляются в условиях глобального накопления и хранения информации. В современном социокультурном пространстве наличествует множество различных информационных потоков. В этой связи культурная идентификация может способствовать обновлению устной и письменной речи, радио- и телекоммуникациям, распространению социального опыта нравственных и религиозных установок. Условия информационного взрыва, который переживает современное российское общество, с одной стороны, глобализирует эти процессы, а с другой стороны, создает дополнительные условия для новых рисков;

– в-четвертых, культура позволяет формировать регулятивные и нормативные условия идентификации. Именно культура поддерживает устойчивость традиций, позволяет эффективно соотносить теорию идентификации с конкретными действиями, координирует различные виды и типы идентификационного потенциала общества. При помощи культуры вырабатываются нормы идентификации (технические, моральные, эстетические, природно-климатические или экологические), которые обеспечивают субъективные и объективные условия жизнедеятельности;

– в-пятых, культура освобождает процесс идентификации от эмоциональной напряженности. Особую роль здесь играют виды художественной культуры – театр, кино, литература, живопись, музыка и пр. Эта гедонистическая составляющая серьезно проявляется при проведении различных видов досуговой деятельности. При этом особые идентификационные усилия требуются при решении вопросов экономизации культуры и её продуктивности в условиях рыночных отношений;

– в-шестых, осуществление идентификации культуры в настоящих условиях, учет социокультурного содержания этих процессов формулируют задачи создания эффективных механизмов их защиты. Культурная безопасность может реализовываться через продукты материальной культуры (медицинские препараты, одежда, обувь, оружие, средства химической защиты) и через духовную культуру: досуг, адекватная музыка, живопись, технический дизайн и т.п. В последнее время, когда мы оказываемся в обществе риска, культурная безопасность занимает все более приоритетное место в идентификационных процессах.

Используя культуру как идентификационный фактор укрепления целостности российского общества, нужно иметь в виду, что социальная парадигма этого явления предполагает выделение ряда уровней: концептуальный (методология исследований), эмпирический (конкретно-социологическое изучение сферы культуры) и прикладной (управление, экономика, организация учреждений культуры).

Концептуальный уровень характеризуется, прежде всего сложностью содержания и многофункциональностью культуры как социосистемы. На этом уровне мы разрабатываем теорию идентификации с учетом системы специфических закономерностей функционирования культуры. В соответствии с этим возможна идентификация образа жизни, образования, науки, средств массовой информации, национальных отношений и даже религиозных воззрений. Разумеется, что это связано с обновлением категориального аппарата и научного языка теории и социологии культуры, что, в свою очередь, опирается на социальный опыт культуры и процессы культурной самоидентификации общества.

Концептуальная конструкция и методологическое содержание социокультурной идентификации во многом определяются через эмпирическое содержание культуры как общественного института. Социологические исследования позволяют установить спектр эмпирических показателей и конкретных форм осуществления процесса идентификации при помощи культурной деятельности. Упор на эмпирику дает возможность определить содержание социокультурной системы того или иного института культурно-духовной сферы, раскрыть моральные ценности, эстетические нормы и параметры культурного поведения личности, необходимые для успешного проведения идентификации.

Это позволяет, в свою очередь, выйти на решения идентификационных задач прикладного характера, дать действенные конкретные предложения по совершенствованию целостности общества и управлению этими процессами.

Без культурного анализа общества, процесса функционирования культуры в обществе как важнейших условий познания всех социокультурных сторон жизни невозможно правильно и адекватно осуществлять саму идентификацию. Выстраивая идентификационную парадигму, нужно учитывать не только экономические факторы, но и четко определить неэкономические составляющие этого процесса. Разумеется, что здесь сегодня все большую роль играет культура. При этом надо отметить, что гуманистический характер идентификационных процессов в российском обществе делает

культуру приоритетным фактором укрепления целостности России. Духовная составляющая общества в целом и её членов в частности оказывает существенное влияние на процессы идентификации, способствует эффективному решению идентификационной целостности общества.

Рассматривая культуру как идентификационный потенциал этих процессов, необходимо опираться на те образы культуры, которые традиционны для российского общества и в которых находят отражения исторически обоснованные морально-нравственные устои российского человека. Это одно из важных требований адекватного использования культуры как идентификационного потенциала.

Анализ реального состояния общества, его духовной и культурной жизни, использования результатов социологического осмысления этих процессов позволяют надеяться на успешное решение задач культурной идентификации как неременного условия дальнейшего становления целостности современного российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть. (опыт социологической диагностики) [Текст] / М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2011. – 672 с.
2. Жданов, Ю.А. Сущность культуры [Текст] / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович. – Ростов н/Д: Наука пресс, 2005. – С. 195-428.
3. Маршак, А.Л. Культура: социологические смыслы и социальные реалии [Текст] / А.Л. Маршак ; предисловие академика РАН М.К. Горшкова. М.: НИЦ «Академика», 2013.

Т.В. Цилибина

Филиал С(А)ФУ имени М.В.Ломоносова в г.Коряжме

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ

В условиях современной России четко проявляется проблема общественного доверия: доверия между людьми, между отдельными социальными группами, между обществом и властью. Доверие может и должно быть только взаимным.

Особенно важным является доверие общества к власти и доверие власти по отношению к обществу: на первом основывается легитимность власти, на втором – эффективная политика государства [1]. Сегодня взаимное недоверие между обществом и властью – это проблема, которую решить за несколько лет и даже десятилетий просто невозможно. Тем не менее, нельзя игнорировать данный вопрос, а наоборот, нужно стремиться сделать решение максимально возможным в кратчайшие сроки.

В настоящее время в нашей стране действует более двух десятков центров по изучению общественного мнения: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение», «Vox populi» Б.Грушина, Объединение исследователей рынка и общественного мнения (ОИРОМ), Аналитический центр по общей политике администрации президента, Левада-Центр, Центр А. Киссельмана (Санкт-Петербург) и др. [5; 6; 7].

Социологи Всероссийского центра изучения общественного мнения проводят различные политические исследования, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Общефедеральные исследования проходят в режиме еженедельного мониторинга, который позволяет отслеживать социально-политические процессы в динамике, своевременно фиксировать изменения общественных настроений, изучать проблемный фон и прогнозировать развитие политической ситуации в стране. Исследования включают в себя:

- анализ общественного мнения по актуальным вопросам внутренней и внешней политики государства;
- изучение реакции населения на социально-политические реформы и отдельные политические события;
- диагностика социального самочувствия россиян и изучение его влияния на политические настроения;
- исследование политических и идеологических ценностей в обществе;
- оценка населением деятельности различных органов власти и политических институтов.

Региональные исследования проводятся в случае необходимости получения оперативной информации о политической ситуации в отдельном административном образовании для принятия управленческих решений по различным областям жизнедеятельности общества.

Основными направлениями исследований ВЦИОМ в регионах являются:

- оценка удовлетворенности властью жителями субъекта федерации;
- оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в регионе;
- социологический мониторинг ситуации в муниципалитете [3].

Одним из исследований ВЦИОМ является мониторинг доверия россиян политикам. Данное исследование проводится еженедельно. В каждом опросе принимают участие 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 краях, регионах и республиках России. Статистическая погрешность исследований не превышает 3,4%.

Одним из вопросов, задаваемых респондентам, является просьба назвать 5-6 политиков нашей страны, которым они более всего доверяют и не доверяют. «Все мы одним людям доверяем, другим – нет. А если говорить о политиках, кому Вы доверяете, а кому – не доверили бы решение важных государственных вопросов?» Вопрос является открытым, включающим любое число ответов.

Результат исследования по последним неделям октября и на начало ноября 2013 г. представлены ниже в табл.1-6 [4].

По данным опроса социологи ВЦИОМ выявляют индекс доверия, рассчитанный как разница между положительными и отрицательными оценками. Максимальное значение индекса, отражающее наибольший уровень доверия, составляет 100 баллов, минимальное – 100 баллов.

В последнем опросе принимало участие 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях, регионах и республиках России.

Анализируя результаты исследований ВЦИОМ, можно сделать вывод, кому из политиков доверяет население, а кому – нет. Очевидно, что лидирующие позиции занимает

Таблица 1. Динамика еженедельных оценок по доверию политикам, в процентах

Доверие	20 октября 2013	27 октября 2013	3 ноября 2013	10 ноября 2013
Путин В.В.	43	45	45	44
Медведев Д.А.	14	11	14	13
Зюганов Г.А.	9	7	8	7
Жириновский В.В.	7	9	7	8
Прохоров М.Д.	1	0	1	1
Миронов С.М.	2	2	2	0
Явлинский Г.А.	1	1	1	1
Шойгу С.К.	7	6	5	6

Таблица 2. Динамика еженедельных оценок по недоверию политикам, в процентах

Недоверие	20 октября 2013	27 октября 2013	3 ноября 2013	10 ноября 2013
Путин В.В.	11	9	11	10
Медведев Д.А.	8	7	9	9
Зюганов Г.А.	9	9	8	7
Жириновский В.В.	18	19	18	22
Прохоров М.Д.	3	3	4	4
Миронов С.М.	2	2	2	2
Явлинский Г.А.	2	2	2	2
Шойгу С.К.	0	0	0	0

Таблица 3. Динамика индексов доверия политикам, в баллах

	20 октября 2013	27 октября 2013	3 ноября 2013	10 ноября 2013
Путин В.В.	32	36	34	33
Медведев Д.А.	6	4	5	4
Зюганов Г.А.	-1	-2	-1	0
Жириновский В.В.	-11	-10	-12	-14
Прохоров М.Д.	-2	-3	-3	-3
Миронов С.М.	-1	1	0	-2
Явлинский Г.А.	-2	-1	-1	-2
Шойгу С.К.	6	6	5	6

Таблица 4. Динамика еженедельных оценок по доверию политикам, в процентах

Доверие	1 июня 2014	6 июля 2014	10 августа 2014	7 сентября 2014
Путин В.В.	68	66	68	66
Медведев Д.А.	17	17	15	14
Шойгу С.К.	10	11	8	12
Зюганов Г.А.	5	7	5	5
Жириновский В.В.	7	7	6	6
Прохоров М.Д.	0	0	1	1
Миронов С.М.	1	2	1	1
Явлинский Г.А.	0	0	0	0
Лавров С.В.	6	7	5	8

Таблица 5. Динамика еженедельных оценок по недоверию политикам, в процентах

Недоверие	1 июня 2014	6 июля 2014	10 августа 2014	7 сентября 2014
Путин В.В.	3	3	2	2
Медведев Д.А.	5	5	4	4
Шойгу С.К.	0	0	0	0
Зюганов Г.А.	8	8	7	10
Жириновский В.В.	18	20	18	21
Прохоров М.Д.	5	4	3	5
Миронов С.М.	3	4	2	3
Явлинский Г.А.	2	2	2	2
Лавров С.В.	0	0	0	0

Таблица 6. Динамика индексов доверия политикам, в баллах

	1 июня 2014	6 июля 2014	10 августа 2014	7 сентября 2014
Путин В.В.	64	62	66	64
Медведев Д.А.	13	12	11	10
Шойгу С.К.	10	11	8	11
Зюганов Г.А.	-3	-1	-2	-5
Жириновский В.В.	-11	-13	-12	-15
Прохоров М.Д.	-5	-4	-2	-4
Миронов С.М.	-2	-2	-1	-2
Явлинский Г.А.	-2	-2	-2	-2
Лавров С.В.	6	7	5	8

Путин В.В. и Медведев Д.А. Тройку лидеров замыкает Шойгу С.К., чья позиция в рейтинге изменилась кардинальным образом.

Актуальным остаются вопросы: как использовать эти данные и как решить поставленную проблему. Валерий Дмитриевич Зорькин - профессор, доктор юридических наук – в своей статье «Доверие и право» в «Российской Газете» пишет: «Правовые механизмы эту проблему не решат хотя бы потому, что в России традиционная мораль, с ее

представлениями о справедливом, всегда играла в смысле доверия главную роль»[2]. Он убежден, что для восстановления социального доверия необходимо решить следующие задачи:

1. Восстанавливать во всем обществе ослабленные в последние десятилетия неформальные механизмы альтруизма и разумного эгоизма, то есть основы единой моральной регулятивности.

2. Точно и аккуратно выстраивать формальные правовые регулятивные механизмы в осознанном сопряжении с неформальными моральными механизмами. Важно учитывать и обеспечивать продуманный баланс между принципами альтруизма и разумного эгоизма в нормах законодательства.

Избавление России от столь ярко выраженного недоверия к власти должно стать одним из главных приоритетов ее развития. Только совместные усилия государства и общества могут дать в этом направлении реальный результат. В российском обществе необходимо восстановить такое важнейшее социальное качество, как доверие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короткова, Л.Н. Социология общественного мнения: Конспект лекций [Текст] / Л.Н. Короткова. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2000. – 32 с.
2. Российская газета [Электронный ресурс]. – 29 апреля 2013 года. – № 6069. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/28/zorkin.html>
3. LENTA.RU [Электронный ресурс]: новостной портал. – Режим доступа: <http://lenta.ru>
4. Официальный сайт ВЦИОМ – доверие политикам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: wciom.ru/confidence-politicians
5. Фонд содействия изучению общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vox-populi.ru>
6. Официальный сайт ОИРОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oirom.ru>
7. Официальный сайт аналитического центра Ю. Левады «Левада-центр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru>

С.Е. Страхов

Северо-западный институт (филиал) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ И ЛИЧНОМ ПРОЯВЛЕНИИ

Проблема свободы и ответственности в современном мире становится все более острой, в особенности – в контексте потери современным обществом ценностной ориентации. Идеалы свободы и ответственности, воспетые философами, становятся всё более призрачными в свете реального их понимания большей частью общества. Пропасть между идеалами и реальным пониманием этих понятий становится всё больше – и в свете этого все более актуальным кажется исследование проблем свободы и ответственности, их понимания и осознания обществом на современном этапе.

Понятия свободы и ответственности не являются относимыми к одной лишь только философии, они разрабатываются также и в других науках. В контексте данного исследования нас будет интересовать, прежде всего, взаимосвязь философского и юридического значения исследуемых понятий.

Термин «свобода» появляется в философских текстах глубокой древности и претерпевает трансформацию от отрицательной – «свобода от» до положительной – «свобода для» трактовки.

Наиболее общим образом свободу можно определить, как универсалию культуры субъектного ряда, фиксирующую возможность деятельности и поведения в условиях отсутствия внешнего целеполагания [13, С. 596].

Как отмечается в Новой философской энциклопедии, в живом русском языке слово «свобода» в самом общем смысле означает отсутствие ограничений и принуждения, а в соотнесенности с идеей воли — возможность поступать, как самому хочется [12].

Спектр понимания свободы в достаточной степени многомерен - от полного отрицания самой возможности свободного выбора, как это трактуется, например, в концепциях бихевиоризма, до обоснования Э. Фроммом «бегства от свободы», в условиях современного цивилизованного общества – когда наличное количество свободы для отдельно взятого индивида таково, что побуждает человека к добровольному отказу от свободы [16].

Свобода (по крайней мере, для практических целей) не может рассматриваться как явление абстрактное и соотносится с такими категориями, как «воля», «необходимость», «нравственность», «ответственность» и т.д.

Соотнесение свободы и воли представляется тем более необходимым, что наличие воли субъекта есть, в определенном смысле, условие реализации свободы.

Волевое распоряжение своей свободой может приводить как к традиционному, гегелевскому пониманию свободы как познанной необходимости, так и расширенным её трактовкам.

Как отмечает В.П. Алексеев, упрощенчески-материалистическое понимание свободы воли человека, связывающее его только с необходимостью, даже познанной, фактически лишает человека этой свободы [1]. Так, П. Гольбах отмечал: «во всех своих поступках человек подчиняется необходимости... его свобода воли есть химера» [6, С. 60].

Понятая же свобода заключается в постижении объективных пределов действия и усилиях по их расширению [12].

В этом контексте также интересны философские взгляды Н.А. Бердяева, антропологическая философия которого построена на дуализме, предполагающем наличие в человеке двух миров – высшего и низшего, одна сторона которого связана со свободой, творчеством, Богом, а другая – с необходимостью, природой, материей.

Именно на основании наличия критерия свободы Н.А. Бердяев разделяет понятия «человек» и «личность». Личность обладает свободой, которая объясняет возможность творчества в мире. Все достоинство творения, все совершенство его по идее Творца, говорит он, - в присущей ему свободе. Свобода есть основной внутренней признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему [5, С. 10].

Индивидуальная степень свободы, отмечает Ф.С. Бахитова, зависит от многих объективных и субъективных факторов, и, прежде всего, от степени овладения социальными свойствами и качествами в процессе социализации, от способности индивида, от его умения выполнять те или иные социальные функции, от его места в структурной организации общества. К числу важных моментов, определяющих степень свободы, относятся: обладание истинными знаниями, обладание средствами осуществления целей, соотношение личных, коллективных интересов. Реализация свободы в целостной социальной системе происходит в результате выполнения субъектами определённых функций, связанных с осмыслением и постановкой целей, задач, выбора средств и соответствующих практических действий [4, С. 5].

А.А. Мурзина, анализируя концепцию Г.Л.А. Харта, приводит его высказывание: «по крайней мере существует одно естественное право - равное право всех людей на свободу» [11, С. 124]. Говоря о существовании такого права, утверждает А.А. Мурзина, он имел в виду, что при отсутствии особых условий, определяющих равный статус этого права, любой взрослый человек, способный к выбору, во-первых, имеет право на отказ от принуждения или ограничений по отношению к нему со стороны других людей, за исключением случаев, связанных с предотвращением принуждения или ограничений, и, во-вторых, свободен выполнять (не обязан воздерживаться от выполнения) любое действие, которое не является принуждающим, ограничивающим либо направленным на причинение вреда другим людям [11, С. 124].

Не менее важным (а в контексте данного исследования – ключевым) вопросом философии является соотнесение понятий свободы и ответственности.

В этой связи наиболее логичной представляется точка зрения В.М. Артемова. Ответственность, согласно его концепции, выступает как мера свободы, показатель её высокого качества [2], некий «нравственный стержень». Нравственность, таким образом, согласно позиции Г. Йонаса [8, С. 178-179], поддержанной в целом также и В.М. Артемовым [3, С. 110], максимально сближается со свободой и ответственностью.

Свобода, как указывает В.М. Артемов, нуждается в позитивном содержании, в противном случае возможна потеря интереса к свободе, а игнорирование тесной связи свободы и ответственности на базе нравственности означает оправдание несправедливости, ибо допускает разного рода манипуляции с людьми внутри некоего приемлемого для немногих искусственного целого [2].

При этом, детерминируя понятия свободы и ответственности, В.М. Артемов указывает на недопустимость расширительного и ограничительного толкований как свободы, так и ответственности – нередки случаи, когда свободу отождествляют с природой вообще или сводят её к творчеству – с одной стороны, либо сужают это понятие до рамок конкретной – политико-правовой или социальной сферы общественных отношений, а ответственность, в свою очередь, в угоду социологизаторской концепции, нередко сводят лишь к юридической санкции [3, С. 110].

Кроме того, Артемовым В.М. выделяется несколько содержательных элементов свободы как комплексного явления: определение сознанием человека содержания и форм свободы, многообразие желаний человека, результаты познания как «парус» свободы, ценностная ориентация свободы и её изначальная социальность [3, С. 110-111].

Ряд авторов указывают также на особую значимость социальной свободы. Так, по мнению, В.А. Купцова, социальная свобода является необходимым и обязательным компонентом человеческой свободы в целом. Без её осуществления свобода может иметь только абстрактный характер [9, С. 3].

В.Н. Жуков при этом предлагает определять ответственность в двух контекстах – субъективном (признание субъектом требований в отношении себя со стороны объекта) и объективном (совокупность норм и санкций, исходящих от человеческих коллективов в отношении субъекта) [7, С. 112].

Использование такой концепции ответственности, как видится автору данного исследования, позволяет отойти от однобокости понимания ответственности, критикуемого В.М. Артемовым.

С точки зрения Н.И. Фокиной, ответственность проявляет себя целостным социальным феноменом, выступая как ответственность социальная. В ней выражены субъектно-объектные социальные отношения, включающие обусловленные реальным состоянием общества (экономическим, политическим, духовным и др.) требования, предъявляемые субъекту ответственности, и реакцию на них этого субъекта [15, С. 120].

Развивая понятие ответственности в объективном её понимании (для целей данного исследования – в контексте юриспруденции) следует также отметить, что рядом авторов (в частности – Т.Н. Радько) выделяется ответственность ретроспективная (за содеянное) и перспективная (за потенциальные действия) [14, С. 109].

При этом ретроспективная ответственность обладает негативным содержанием (ответственность за действия, нарушающие установления), а ответственность перспективная – позитивным (обязанность исполнить установления, моральный долг).

Как абсолютно справедливо, на наш взгляд, указывает А.Г. Манов, позитивную юридическую ответственность нельзя понимать исключительно как «сознательное исполнение различных обязанностей (юридических, моральных и иных), понимание своего долга перед окружающими [10, С. 119-120].

Представляется, что к категории позитивной ответственности следует относить и общепреventивный её характер – ответственность индивида за соблюдение норм и правил в дальнейшем поведении.

Для целей исследования необходимо так же уяснить и смысл понятия свободы применительно к юриспруденции.

В юридической науке, как и в философии, нет общего понятия свободы, охватывающего все её значения, хотя бы и применительно к одной, узкой сфере научного знания.

Свобода в юриспруденции оценивается в истинно гегелевском понимании, в рамках «познанной необходимости», как свобода действовать по своему желанию и усмотрению до тех пор, пока действия одного индивида не нарушают свободы другого.

Помимо данного понимания свободы, которое относится к сфере общих принципов права, существует также понимание свободы как меры возможного поведения субъекта в какой-либо сфере общественной жизни. Свободы в таком, субъективном, виде закреплены в законодательстве, прежде всего – в Конституции РФ, декларирующей свободу совести, вероисповеданий, свободу передвижения и свободу труда и т.д.

При этом следует понимать, что свобода в юриспруденции не может восприниматься как свобода не соблюдать законы – такое понятие свободы относится скорее к правовому нигилизму.

Реальность вносит существенные коррективы в идеальное понимание свободы и ответственности.

Проблема, главным образом, заключается в том, что между свободой и ответственностью уже давно началось и продолжается и по сей день размежевание.

По меткому выражению В.М. Артемова, безответственность, зачастую маскируясь под свободу, агрессивно пробивает себе дорогу, подвергает опасности прочность всего социального здания, подрывает веру многих людей в государство, позитивные перспективы общественного развития в целом. Современное состояние общества, говорит В.М. Артемов, испытывает новую волну Фроммовского «бегства от свободы» [2].

Несколько другой позиции придерживается В.Н. Жуков, говоря о том, что русский народ бежит не от свободы, а от стихии саморазрушения, от смуты, от «войны всех против всех», от свободы сильного подминать слабого. Российский народ хочет порядка и стабильности и в этой связи взывает если не к диктатуре, то к твердой и справедливой власти» [7, С. 113].

В действительности приходится признать, что государство и народ существуют в постоянной конфронтации друг с другом. Отчасти такое отношение зиждется на некоей рабской покорности русского народа, удивительной его способности робеть даже перед «мелкими» начальниками.

С другой стороны, ни один исторический период не обошелся без критики властных структур со стороны народа: во времена царского, а позднее – императорского правления всегда находились люди, желавшие коренной ломки устоев, при этом некоторые из них опускались до силовых методов решения вопроса – так был убит, например, император Александр II.

Последствия этой перманентной конфронтации, некоей «холодной войны» власти и народа мы наблюдаем и сейчас.

Власти предрежащие со своей стороны так же не балуют народ внимательным и рачительным отношением: примеры внезапной избирательной слепоты и всевозможных нарушений в центре и на местах не раз обсуждались в СМИ, что избавляет нас от необходимости дублировать эти примеры в тексте исследования.

Особые отношения складываются у общества и с ответственностью.

Проще всего исследовать отношение общества к ответственности на примере юридической ответственности.

Как известно, существует несколько видов юридической ответственности: гражданско-правовая, административная, уголовная.

На научном уровне их отличие заключается в практической ценности охраняемых общественных отношений, на которые происходит посягательство.

На обыденном уровне это разграничение также присутствует и выражается, как это ни странно, в твердой убежденности многих членов общества в том, что нарушать закон можно, но лишь до определенного предела.

Так, например (здесь и далее примеры до некоторой степени условны), многие не видят ничего зазорного в том, чтобы не вернуть долг (гражданско-правовая ответственность), но никогда не будут садиться за руль в состоянии алкогольного опьянения (административная ответственность) или убивать людей (уголовная ответственность). У такого типа людей внутренние самоограничения, личная социальная ответственность развита до определенного предела. Этот внутренний предел снижается вместе с готовностью индивида совершать все более тяжкие проступки и даже преступления.

Здесь же следует упомянуть о том, что правомерное поведение (то есть поведение, соответствующее нормам права) может выступать как результат сознательного, «позитивного» исполнения индивидом предписаний законов, которое базируется на развитой системе морально-нравственных принципов, а может служить следствием страха перед потенциальными негативными последствиями. Последнее есть не что иное, как общепревентивный эффект от действующих в обществе законов.

Именно для упорядочения отношения общества к ответственности и создается государственный аппарат принуждения – административные и полицейские органы.

Возьмем на себя смелость экстраполировать отношение общества к юридической ответственности и на другие её виды, ибо механизм, несмотря на различие деталей, будет всегда одним и тем же.

Выход из этой ситуации, как и в случае с отношением к свободе, видится, прежде всего, в повышении морально-нравственных принципов отдельно взятого субъекта через образование и воспитание в духе общечеловеческих идеалов – в том числе идеалов свободы и ответственности.

Здесь снова нельзя не согласиться с мнением В.М. Артемова, утверждающего, что авангардом духовно-нравственного оздоровления общества должно оставаться научно-образовательное сообщество, органично включающее свободу и ответственность в образовательный процесс [2].

Подводя итог исследования, необходимо отметить, что соотношение между идеалами и реальностью в понимании свободы и ответственности с давних времен и до сих пор характеризуется процессом их (идеалов и реальности) всё большего отдаления друг от друга, сопровождающимся усилением правового нигилизма, потерей обществом ценностной ориентации и иных негативных тенденций.

Остается лишь выразить надежду на то, что эта реакция обратима. И в тот миг, когда каждый из нас во внутреннем согласии с собой сможет поздравить себя с достижением некоего абстрактного идеала, когда сможет обрести мерило своей свободы и ответственности в себе самом и торжественно объявить себя мерой всех вещей, – идеалы и реальность сольются воедино.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В.П. «Человек и социоантропогенез» [Электронный ресурс] / В.П. Алексеев. – Режим доступа: <http://sociogenez.ru/philosophy/alekseev.htm>
2. Артемов, В.М. Предпосылки ответственности: свобода и нравственность [Электронный ресурс] / В.М. Артемов. – Режим доступа: <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/00810.htm>
3. Артемов, В.М. Свобода и ответственность: опыт нравственно-философского осмысления [Текст] / В.М. Артемов // Обзор материалов круглого стола «свобода и ответственность», 27.10.2006, МГЮА; подг. Н.В. Кротковой // Вестник Российского философского общества. – 2007. – № 1.
4. Бахитова, Ф.С. Свобода и ответственность в системе общественных отношений [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ф.С. Бахитова. – Черкесск, 2006. – 122 с.
5. Бердяев, Н.А. Философия свободы [Текст] / Н.А. Бердяев. – М., АСТ, 2010. – 320 с.
6. Гольбах, П. Здравый смысл [Текст] / П. Гольбах. – М., 1941.
7. Жуков, В.Н. Свобода и ответственность в контексте русской правовой культуры [Текст] / В.Н. Жуков // Обзор материалов круглого стола «свобода и ответственность», 27.10.2006, МГЮА; подг. Н.В. Кротковой // Вестник Российского философского общества. – 2007. – № 1.
8. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации [Текст] / Г. Йонас. – М., 2004.
9. Купцов, В.А. Социальная свобода и ответственность в современном демократическом обществе [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В.А. Купцов. – Чебоксары, 2006. – 132 с.
10. Манов, А.Г. Правовые аспекты позитивной ответственности [Текст] / А.Г. Манов // Обзор материалов круглого стола «свобода и ответственность», 27.10.2006, МГЮА; подг. Н.В. Кротковой // Вестник Российского философского общества. – 2007. – № 1.
11. Мурзина, А.А. Понятие свободы в правовой концепции Г. Л. А. Харта [Текст] / А.А. Мурзина // Обзор материалов круглого стола «свобода и ответственность», 27.10.2006, МГЮА; подг. Н.В. Кротковой // Вестник Российского философского общества. – 2007. – № 1.
12. Новая философская энциклопедия [Текст]: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. Фонд.
13. Новейший философский словарь [Текст] / сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. – 896 с.
14. Радько, Т.Н. Основные подходы к понятию юридической ответственности в современной юридической науке [Текст] / Т.Н. Радько // Обзор материалов круглого стола «свобода и ответственность», 27.10.2006, МГЮА; подг. Н.В. Кротковой // Вестник Российского философского общества. – 2007. – № 1.
15. Фокина, Н.И. Социальная ответственность: некоторые аспекты философского анализа [Текст] / Н.И. Фокина // Обзор материалов круглого стола «свобода и ответственность», 27.10.2006, МГЮА; подг. Н.В. Кротковой // Вестник Российского философского общества. – 2007. – № 1.
16. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. – М., 1995.

О.Б. Молодов

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

ИНТЕРНЕТ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В информационном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении социумом, оттесняя на второй план власть денег и государственного принуждения. СМИ превращаются в важнейший источник формирования общественных стереотипов и образцов массового поведения людей. Не случайно в политической науке сформировалось понятие о сущности масс-медиа как о «четвёртой власти» – власти над общественным сознанием.

Исследователи места и роли СМИ в современном обществе часто говорят о том, что они создают своего рода альтернативную, «вторую реальность», влияние которой на человека не менее значимо, чем воздействие объективной реальности [3, С. 274-275]. Причём альтернативная реальность не всегда копирует действительность, а иногда ей противоречит. Именно благодаря способности масс-медиа конструировать искусственную реальность взамен непосредственно окружающей человека, они становятся важнейшим инструментом осуществления власти на сегодняшний день [12, С. 138].

Сейчас любое событие приобретает общественную важность не само по себе, а в связи с переданными о нём сообщениями в СМИ. Именно масс-медиа занимаются подбором фактов и определением их значимости для потребителей информации, часто весьма произвольно. При этом действительно ценные факты, затрагивающие всю общественную жизнь, иногда замалчиваются или фальсифицируются [4, С. 90].

Согласно данным ВЦИОМ, на традиционные СМИ, то есть отечественное телевидение, радио и печать, ориентированы преимущественно женщины, пенсионеры, сельские и люди с низким доходом и низким уровнем образования [9]. По итогам последних четырёх лет (2010–2013 гг.) практически все традиционные медиа потеряли позиции в плане доверия к их информации, в частности, телевидение – с 79 до 51%, газеты – с 16 до 12%, радио – с 23 до 12%. Напротив, поднялось доверие к интернет-изданиям (с 7 до 14%) и социальным сетям (с 4 до 11%), практически догнав газеты и радио.

Мониторинг отношения населения Вологодской области к СМИ проводит Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН). Особенностью данного региона России является наличие двух крупных городов, где проживает половина населения (600 тыс. из 1,2 млн. чел.). Это г. Вологда (областная столица) и г. Череповец –

индустриальный центр, где расположены предприятия черной металлургии и химической промышленности. В настоящей работе представлены результаты опросов общественного мнения по городам, районам и в среднем по области.

Данные мониторинга ИСЭРТ РАН за декабрь 2013 г. показали, что среди СМИ наиболее высокий уровень доверия сохраняет телевидение – 53% в среднем по области (в Вологде – 58%, в Череповце – 66%) (табл. 1). Газетам доверяют 40% населения области (среди череповчан – 53%), радио – 33% (52% жителей Череповца), Интернету – 32% (52% жителей Череповца). Ниже среднеобластного уровень доверия к СМИ наиболее характерен для жителей районов Вологодской области.

В последние годы обострилась конкуренция традиционных СМИ и Интернета, который, будучи более независимым источником информации, приобретает всё большее доверие пользователей. Предметом научной дискуссии является роль и значение телевидения как источника информации. Появилось мнение о том, что с развитием Интернета «ящик сыграет в ящик» [11], однако большинство исследователей прогнозирует адаптацию телевидения к новым реалиям и сохранение за ним массовой аудитории в течение длительного времени [1, С. 98].

Действительно, по данным всероссийского социологического исследования за 2008 г., до 37% выросло число домохозяйств, оснащенных двумя телеприёмниками, и до 11% – тремя и более. В среднем каждое домохозяйство принимало 21 телеканал [7, С. 130]. Вместе с тем, в отдалённых населённых пунктах жители по-прежнему имеют возможность смотреть только основные федеральные телеканалы, в результате содержание повестки для них – это во многом отражение того, что показывает центральное телевидение.

По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) за март 2013 г., в России ежедневно пользуется интернетом 50 млн. человек (раз в месяц и чаще – 64 млн. чел.). Однако наиболее популярными целями посещения сетевых ресурсов является поиск информации (причём не всегда актуальной) и общение. По данным Левада-центра, лишь третье место с результатом 27% разделили развлечения и собственно отслеживание последних новостей [8]. Телевидение остаётся самым популярным источником информации для 88% граждан, а почти половина россиян ему больше всего доверяет. Интернет-издания пока не в почёте: только 21% граждан узнаёт оттуда новости, а доверяют сведениям из сети лишь 14%.

Таблица 1. Уровень доверия к различным СМИ, в % от числа опрошенных*

Вид СМИ	Вариант ответа	Вологда	Череповец	область
Радио	Полностью и в основном доверяю	37,2	51,8	32,5
	Полностью и в основном не доверяю	9,2	9,1	6,4
	Затрудняюсь ответить	11,0	16,2	16,3
ТВ	Полностью и в основном доверяю	57,9	66,0	53,1
	Полностью и в основном не доверяю	14,1	12,4	9,2
	Затрудняюсь ответить	4,7	5,8	7,9
Газеты	Полностью и в основном доверяю	38,5	52,5	40,2
	Полностью и в основном не доверяю	12,6	15,2	9,9
	Затрудняюсь ответить	7,6	11,7	11,7
Интернет	Полностью и в основном доверяю	33,2	52,0	31,9
	Полностью и в основном не доверяю	12,0	10,9	7,3
	Затрудняюсь ответить	11,8	11,9	16,8

* Опрос проводился в декабре 2013 г.
Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН.

Общероссийские данные подтверждаются результатами мониторинга общественного мнения жителей Вологодской области. Телевидение остается основным источником информации о политической и экономической жизни для 84% населения, а также сведений культурно-развлекательного характера для 79%.

Вместе с тем продолжает возрастать роль Интернета как источника информации: доля жителей области, получающих оттуда информацию о политической и экономической жизни, составила в 2011 г. – 25%, в 2012 г. – 26%, в 2013 г. – 35%. О культурных, спортивных событиях и развлечениях узнавали из Интернета в 2011 г. – 30% населения, в 2012 г. – 31%, в 2013 г. – 37%. Количество его пользователей увеличилось преимущественно среди женщин (с 30 до 39%), жителей области в возрасте до 30 лет (с 62 до 72%), лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (с 52 до 67%), 20% наиболее обеспеченных (с 45 до 62%) и жителей Вологды (с 34 до 47%).

Ежедневно пользуются Интернетом 41% населения Вологодской области, причём среди жителей Череповца 51%, Вологды – 44% (табл. 2). С учётом использующих Интернет по несколько раз в неделю (15% жителей области) доля активных пользователей составляет по области 56%, а в Череповце – 67%.

При этом Интернет пока не в силах полностью заместить традиционные СМИ и прежде всего телевидение. По данным Левада-центра (август 2013 г.), 39% жителей еще не являются его пользователями. Кроме того, во многих случаях россияне пользуются Интернетом не только как источником информации: посещают сетевые ресурсы для общения 34%, для развлечения 30% пользователей, смотрят и скачивают фильмы и музыку – 27 и 25% соответственно. Только 27% пользуются Интернетом, чтобы следить за последними новостями, а 18% посетителей, чтобы разобраться в происходящих событиях в России и за рубежом [5].

Результаты опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в 2012 г., также подтверждают, что 39% россиян не пользуются Интернетом для получения информации. Приоритетное значение по-прежнему имеет центральное телевидение (используют его «часто» 78%), региональное и местное телевидение (52%) [2]. Печатные СМИ разного уровня сохраняют паритет, их чаще или реже используют для получения информации 68–70% россиян. В последние годы они потеряли свою прежнюю информационно-аналитическую роль, хотя ранее выигрывали за счёт информативности и обстоятельности рассуждения. Исследователи масс-медиа отмечают, что одной из тенденций является максимальное упрощение контента, связанное с законом больших аудиторий: «чем проще содержание, тем шире аудитория». В итоге на место серьёзной аналитики, непонятной массовому потребителю, приходят поверхностные и банальные интерпретации и мнения [12, С. 139].

Таблица 2. Как часто Вы пользуетесь Интернетом?, в % от числа опрошенных*

Варианты ответов	Вологда	Череповец	районы	область
Практически ежедневно	44,0	50,5	34,8	41,3
Несколько раз в неделю	13,6	16,5	14,9	15,0
Несколько раз в месяц	7,3	5,6	6,1	6,3
Эпизодически, не менее двух раз в год	4,2	1,5	1,5	2,2
Не пользуюсь интернетом	26,2	22,6	33,6	28,8
Затрудняюсь ответить	4,7	3,3	9,1	6,5

* Опрос проводился в декабре 2013 г.
Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН.

Таблица 3. Для каких целей Вы чаще всего пользуетесь Интернетом?, в % от числа опрошенных*

Варианты ответов	Вологда	Череповец	районы	область
следить за событиями в стране и в мире	40,1	46,7	21,8	33,0
для работы / учёбы	36,9	33,0	21,3	28,3
слушать / скачивать музыку	12,0	12,7	4,8	8,7
смотреть / скачивать фильмы	17,5	14,2	5,2	10,7
читать / скачивать книги	7,6	5,8	2,2	4,5
играть	8,9	10,7	9,4	9,6
общаться в чатах, на форумах	38,7	39,3	38,0	38,5
совершать покупки онлайн	9,2	4,8	4,7	5,9
расширять кругозор, получать необходимую информацию	20,9	29,4	19,8	22,6
Другое	0,3	1,0	0,8	0,7

* Опрос проводился в декабре 2013 г.
Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН.

Данные опроса общественного мнения населения Вологодской области показывают, что 39% жителей пользуются Интернетом в целях общения, 33% следят за новостями, 23% – для расширения кругозора и получения необходимой информации (табл. 3).

Выше среднеобластных показателей удельный вес череповчан, которые, судя по результатам опроса, более пристально следят за событиями в мире и в стране (47% против 33 по области), а также пользуются сетевыми ресурсами для расширения кругозора (29% против 23 в среднем по области).

Однако массивный информационный поток, обрушившийся на российскую общественность, не исключает информационного дефицита. В частности, масс-медиа слабо освещают деятельность общественных институтов, их успехи, достижения и трудности. Это не позволяет населению адекватно оценить их значение, основные формы и функции такой категории как гражданское общество. В настоящее время иногда можно говорить о сознательном завуалировании, размытии образа гражданского общества в целях не допустить создания влиятельной политической и социальной силы [6, С. 230].

Развитие электронных СМИ и сетевых коммуникаций, повсеместный переход на цифровые стандарты формируют своеобразное «цифровое» массовое сознание. Большинство людей не стремятся что-либо осмыслить и проанализировать, и потребностью для них выступает простой сбор различной информации, при этом в абсолютно сжатом, концентрированном виде. Изменился и характер потребления информации. Жители мегаполиса хотят воспринимать её на ходу, во время перемещения. Всё больше людей не умеют (и не хотят) читать длинные тексты, они ориентируются больше на фотографии и картинки: идёт переориентация читателя на онлайн [10, С. 49].

Отсутствие необходимой фильтрации поступающих сведений, их логического и критического осмысления препятствуют формированию собственных позиций и взглядов человека. Данное обстоятельство также негативно сказывается на развитии гражданского общества [6, С. 226–227].

Имеет свои особенности и отражение в СМИ происходящих политических процессов. Современная медиаполитическая система России характеризуется высокой концентрацией государственных и муниципальных масс-медиа. В итоге информационный выбор основной массы населения ограничивается вариантами, которые предлагаются относительно постоянной группой лиц, а независимость СМИ от управленческих структур сильно преувеличивается [6, С. 226–227].

Также следует отметить, что рамки освещения большинства политических вопросов крайне сужены. Аудитория обычно лишена возможности узнать из новостных обозрений о существовании альтернативных мнений и оценок относительно действий властей и, следовательно, не может оценить их целесообразность. Большинство властных решений преподносятся как уже свершившийся факт, не подлежащий обсуждению. В итоге, по результатам мониторинга ИСЭРТ РАН, в 2013 г. около трети опрошенных полагали недостаточным объем информации о политической жизни в стране, в области и в городе, содержащийся в СМИ.

Исследование медийного пространства показывает, что быстрыми темпами развиваются в основном электронные СМИ благодаря оперативности размещения информации и их относительной независимости. Традиционные масс-медиа продолжают соперничество, занимая свой сегмент рынка информации и параллельно создавая свои сетевые ресурсы. Негативной тенденцией в данной сфере является снижение уровня доверия россиян к средствам массовой информации. Государство, заинтересованное в укреплении институтов гражданского общества, должно создать условия для существования независимых СМИ и конкурентного рынка информации. Масс-медиа, в свою очередь, необходимо повысить уровень и качество своего контента, стимулировать рост профессионального уровня журналистов.

Альтернативой негативным процессам, происходящим в традиционных масс-медиа, отчасти может служить Интернет, где практически отсутствует цензура и уровень манипулятивных возможностей значительно ниже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузин, В.Н. Возможен ли закат телевидения? Социологический прогноз [Текст] / В.Н. Бузин // Социс. – 2012. – № 10. – С. 93-98.
2. «Вся правда – в телевизоре?» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2081. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112941>
3. Гайтюкевич, Н.И. Роль и место СМИ в системе современных средств массовых коммуникаций [Текст] / Н.И. Гайтюкевич // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 274-277.
4. Ильин, А.Н. Мифотворчество в дискурсе новостей как социальная реальность [Текст] / А.Н. Ильин // Социология науки и технологий. – 2011. – № 3. – Т. 2. – С. 88-95.
5. Интернет и СМИ [Электронный ресурс] // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/19-09-2013/internet-i-smi>
6. Лисова, С.Ю. Средства массовой коммуникации в процессе становления гражданского общества [Текст] / С.Ю. Лисова // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 11. – С. 223-233.
7. Овчинская, Е.В. Трансформация практик телепотребления в России [Текст] / Е.В. Овчинская // Социс. – 2011. – № 5. – С. 129-132.
8. Ползучая медиа-революция [Электронный ресурс] // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/09-07-2013/polzuchaya-media-revoljutsiya>
9. Российские СМИ сегодня и их аудитория [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=270&uid=112076>
10. Синдинская, М.В. Печатные СМИ. Расширение возможностей [Текст] / М.В. Синдинская // Вестник Моск. гос. гум. ун-та им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2010. – № 4. – С. 45-49.
11. Тен, Ю. Ящик сыграл в ящик [Электронный ресурс] // Эксперт. Казахстан. 5 марта 2013 года. – Режим доступа: <http://expertonline.kz/a10381>
12. Чубик, А.П. Реальность и СМИ [Текст] / А.П. Чубик // Известия Томского политех. ун-та. – 2012. – № 6. – С. 136-139.

А.А. Ключев

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

К ВОПРОСУ О ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

На рубеже 70–80 гг. XX столетия существенно изменилась политическая и экономическая ситуация в США и Великобритании, что было связано с приходом к власти Р. Рейгана и М. Тэтчер. Был осуществлён демонтаж так называемого «welfare state» (государство всеобщего социального обеспечения), где интересы корпораций и государства представляли одно целое, а также уменьшилось влияние на политические процессы среднего и рабочего класса. В результате этого в англосаксонских странах стал складываться принципиально новый тип государства – корпорации-государства, где крупные ТНК стали определять не только внешнюю, но и внутреннюю политику.

Деятельность ТНК не знает национальных границ, в своей деятельности они руководствуются интересами рынка, отрицают национальные идеологии. Аналитики, исследовав менеджеров двадцати трёх американских транснациональных корпораций, заключили, что элиты, представляющие эти корпорации космополитичны, перемещаются по всему миру и даже, имея американские паспорта, воспринимают себя скорее гражданами мира, чем американскими гражданами. Страна происхождения, общество заменяется для них глобальным рынком, где гражданин конкретного государства воспринимается лишь как потребитель [7, с.418-422].

Последнее десятилетие XX века стало для США особым периодом в их истории, который ознаменовался окончательным переходом к так называемой «новой экономике». Ее отличительными чертами стали увеличение роли техногенных и информационных новаций и вытеснение ими традиционных секторов экономики, переход на инвестиционную модель ведения бизнеса, в которой первоначальные расходы осуществляются за счет инвесторов, ожидающих получить сверх-прибыль в будущем. Затем произошла виртуализация, по существу, всей мировой экономики, и стоимость компаний стала определяться не на основе баланса текущих доходов и расходов, а исходя из учёта будущей (виртуальной) прибыли.

Среди главных действующих лиц в этот период можно выделить экономистов неоконсервативного и неолиберального (монетарного) направления М. Фридмана и Ф. Хайека, обосновавших необходимость сокращения бюджетных расходов и снижения государственного вмешательства в экономику.

В частности, М. Фридман выделил три функции денег: информационную, стимулирующую, распределительную. Информационная связана с тем, что в ценах заложена информация о потребностях в тех или иных товарах, о дефиците или избытке ресурсов и т.д. Вторая состоит в стимулировании людей использовать все имеющиеся ресурсы для того, чтобы получить наиболее высоко оцениваемые рынком результаты. Третья показывает, что и сколько получает тот или иной экономический субъект, так как цены преобразуются в доход предпринимателей.

Монетарный анализ инфляции, проведенный американским экономистом, обосновывает, что основной причиной повышения общего уровня цен на товары и услуги, а также ухудшение уровня жизни населения является увеличение в обращении денежной массы, например, вследствие роста государственных расходов, для финансирования которых государство прибегает к денежной эмиссии. Позже С. Фишер, автор формулы обмена, выявил неопределенность связи между ростом денежной массы и инфляцией, ссылаясь на опыт США, где в первой половине 1980-х гг. темп инфляции снижался в условиях увеличения объёма денежного обращения.

Ф.А. Хайек в своих основных работах «Путь к рабству» и «Конституция свободы» призвал вернуться к экономическому либерализму XVIII века, основанному на учениях Мандевиля, Юма, Смита, Фергюсона и Менгера. Институты, общественный порядок и традиции западноевропейского общества он рассматривал как продукты спонтанной, стихийной эволюции, но не результаты целенаправленной деятельности людей. Эпоха Просвещения, по мнению Ф.А. Хайека, породила опасную иллюзию, что с помощью разума общественную жизнь можно организовать на плановых началах; ряд теорий рационализма, хотя к ним относятся Платон, Декарт, Гоббс, Гегель, незаконно и ложно преувеличивают элементы европейской традиции.

Идеалом для Ф.А. Хайека выступал чистый индивидуализм. Вмешательство государства в экономику, введение социальных гарантий, как он считал, ведет к ограничению свободы и всеобщей стагнации. Самую серьёзную угрозу для политической философии и демократии он видел в поручении правителям государств достичь конкретных целей.

В 1990-е гг. идеи западных экономистов нашли практическое применение в странах Восточной Европы. Концепция экономической реформы нового правительства России, которое во многом опиралось на взгляды зарубежных специалистов в сфере реформирования, основывалась на неоклассической теории в крайней форме её проявления – это либерализация всех сфер экономики и ликвидация государственного регулирования, прежде всего централизованного планирования, а также приватизация государственного имущества. Причём все составляющие радикального нового курса должны были приводиться в действие не один за другим, а одновременно и быстро. Такой подход получил название «шоковой терапии» [4, с.19].

Переход к мировым ценам и стандартам в рамках политики «шоковой терапии», согласно рекомендациям Д. Сакса, обернулся в итоге спадом производства, ростом уровня безработицы и преступности, социальным расслоением и зависимостью национальной экономики от иностранных инвестиций.

Реализованная в России и в большинстве союзных республик стратегия шоковой терапии представляет собой разновидность доктрины так называемого «Вашингтонского консенсуса». В концепции неолиберализма был провозглашён «аскетический подход к расходам на общественные потребности во избежание дефицита и инфляции», «распродажа активов государственных предприятий», «отмена субсидий», «прекращение финансирования науки» и т.д. [5, с.180-181].

В связи с этим философы-постмодернисты выдвинули концепцию симулякров в целях обоснования хаоса и разрушения социального государства. Сторонники постмодернизма полагали, что это явление (постмодерн) возникло вследствие крушения идеалов модерна. Обществоведы модерна (Т. Адорно, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер) были уверены, что научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие смогут решить все актуальные для человечества проблемы.

Выделяют различные версии модерна: «технологический модерн» и «модернизм свободы». Сторонники «технологического модернизма» рассматривали модерн как «общество, в котором воплощены идеалы эпохи Просвещения, где осмысленное взаимодействие между миром человека и миром природы регулирует остальные стороны социального бытия» [9, с.32]. Для представителей «модернизма свободы» эпоха модерна отождествлялась с обществом, где господствует индивидуализм, то есть противоположное традиционному обществу. Индивидуализм рассматривается как освобождение от диктата традиций, свободой суждений и выбора, динамизмом исторического процесса.

В книге постмодерниста Ж. Бодрийяра «Система вещей» в неявном виде «симулякр» определяется как ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель. Пространство симулякров Ж. Бодрийяр рассматривает как «взаимные подстановки красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике, правды и лжи во всех сообщениях масс-медиа, полезного и бесполезного в бытовых вещах, природы и культуры на всех уровнях знания» [1, с.55].

Для американского политолога Ф. Фукуяма феномен постмодерна связан с распространением идей либерализма по всему миру. В своей работе «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуяма настаивает, что либеральная демократия может представлять собой последний этап развития человечества и завершающую форму правления в человеческом обществе. Эту идею он обосновывает следующими постулатами:

Во-первых, коммунистическая идея потерпела поражение во всём мире, и не осталось сил, способных бросить вызов странам с либеральной демократией. Во-вторых, марксистская идея потеряла влияние в бывших коммунистических странах, и окончательное утверждение либеральной идеологии в этих странах лишь вопрос времени. В-третьих, либерализм, по мнению Ф. Фукуяма, настолько всемогущая сила, что он в состоянии решить все проблемы, стоящие перед человечеством. В-четвёртых, ни одна существующая в мире альтернативная идеология не в состоянии превзойти принципы свободы, реализованные в странах с либеральной демократией.

События конца XX - начала XXI вв. показали, что американский политолог ошибался в безграничных возможностях либерализма. Либерализм исчерпал возможности для пространственного роста. Страны с либеральной экономикой претерпевают периодически повторяющиеся кризисные тенденции. Применение на практике принципов либерализма без учёта особенностей типа общества, культуры и менталитета населения обернулись негативными тенденциями для национальной безопасности многих стран.

В то же время такие экономисты, как, например, Дж. К. Гэлбрейт, П. Самуэльсон старались дистанцироваться от грубого экономизма в понимании общественных процессов и рассматривали человека скорее как цель, а не средство в экономической деятельности. В структуре их теорий нашли место такие проблемы, как связь экономики с политикой, моралью, правом; системность экономического мышления; взаимодействие объекта и субъекта экономической деятельности; духовный мир хозяйствующего субъекта; экономическая культура; техника – человек – общество и т.д.

П. Самуэльсон в работе «Экономика» заявил, что любое общество независимо от типа своего устройства должно решать три фундаментальные проблемы:

1. Что должно производиться, то есть какие из взаимно исключающих друг друга товаров и услуг должны быть произведены и в каком количестве?

2. Как будут производиться товары, то есть кем, с помощью каких ресурсов и какой технологией они должны быть произведены?

3. Для кого предназначаются производимые товары, то есть кто должен располагать этими товарами и услугами и извлекать из них пользу? Или, иными словами, как должен распределяться валовой национальный продукт между различными индивидами и семьями [6, с.9]?

Широкую известность в России получили научные труды Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества». На примере небольшого количества крупных корпораций и миллионов фирм Дж. К. Гэлбрейт демонстрирует, как в экономике США успешно сочетается монополия с конкуренцией, где менеджеры совмещают рыночные методы и элементы планирования. Американский экономист подчёркивает, что «разница между планирующей и рыночной системами лежит не в стремлении избавиться от ограничений рынка и обрести контроль над экономической средой. Она заключается в инструментах, с помощью которых достигаются эти цели, и в том, насколько успешными оказываются такие попытки» [3, с.34-35]. Гэлбрейт в своих работах также показал высокую роль государства в регулировании совокупного дохода, цен, заработной платы и высокого уровня покупательной способности.

Современная наука всё чаще склоняется к тому, что экономическая деятельность является только частью общечеловеческой деятельности, и экономическое развитие целесообразно рассматривать в рамках более широкой концепции общественного развития [8, с.7-17]. М.К. Горшков в статье «Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост» справедливо отмечает, что «усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовые духовно-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития» [2, с.46].

Все программы инновационного развития России, многочисленные модели экономического роста не имеют особой перспективы для будущего страны без обращения к проблемам населения, гармонизации общества и улучшения его структуры, где социально-ориентированное государство является активным участником взаимодействия всех слоёв населения. Именно человек является главным участником, центральным звеном в структуре функционирования экономической деятельности, а решение его проблем – основной целью экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Горшков, М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост [Текст] / М.К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 46.
3. Гэлбрейт, Дж.К. Экономические теории и цели общества [Текст] / Дж.К. Гэлбрейт. – М., 1976. – 330 с.
4. Ильин, В.А. Проблема эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст] / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
5. Ключников, Б.Ф. Либеральная эпидемия и здоровый протекционизм [Текст] / Б.Ф. Ключников // Наш современник. – 2004. – № 10. – С. 180-181.
6. Самуэльсон, П. Экономика [Текст] / П. Самуэльсон. – Севастополь: Ахтиар, 1995. – 384 с.
7. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности [Текст] / С. Хантингтон. – М.: АСТ: Транзиткнига. – 2004. – 379 с.
8. Шабунова, А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова // Проблемы развития территорий. – 2014. – № 2 (70). – С. 7-17.
9. Callinicos, A. Against Postmodernism [Text] / A. Callinicos. – Cambridge, 1994. – P. 32.

А.А. Зачесов

УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ В Г. ВОЛОГДЕ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Основной составляющей качества жизни является уровень удовлетворенности населения условиями проживания, определяемый как количественными, так и качественными показателями развития бытовой, социальной, культурной и обслуживающей инфраструктур, а также качеством жилищно-коммунальных услуг.

В связи с этим органам власти необходимо учитывать мнение жителей о наиболее важных проблемах комфортности, снижающих удовлетворенность условиями проживания. Данная задача приоритетна и для Администрации г. Вологды. Одним из инструментов её решения является мониторинг общественного мнения, осуществляемый Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1994 года.

На основе результатов опроса, проведенного в 2014 году, можно сделать вывод о том, что в последние годы незначительно снизилось количество опрошенных жителей, оценивающих условия проживания как «хорошие» и «скорее хорошие, чем плохие» (59,6%, что на 5 п.п. ниже уровня 2008 года) (рис. 1).

Кроме того, растет доля негативных оценок (в 2008–2014 гг. данный показатель увеличился с 30,6 до 34,8%).

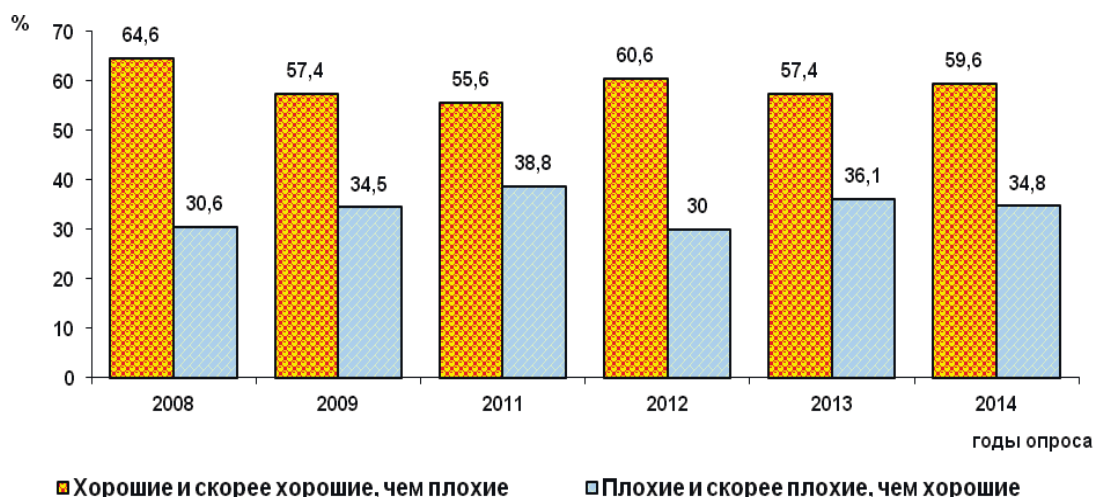

Рисунок 1. Оценка населением условий проживания в г. Вологде (% от числа опрошенных, без затруднившихся ответить)

При этом необходимо отметить повышение комфортности проживания по ряду районов города. Так, в этом году 74% опрошенных микрорайона Лоста оценили условия проживания в своем районе как «хорошие» и «скорее хорошие, чем плохие» (для сравнения в 2008 году – 52% опрошенных). Положительная динамика ответов характерна также для жителей Лукьянова.

Постепенное сокращение различий в уровне комфортности районов города подтверждается также значениями индекса комфортности. Наименее благоприятными для жизни с точки зрения населения является с. Молочное и микрорайон Прилуки, где по итогам опроса 2014 года индекс комфортности имел отрицательное значение (табл. 1).

Администрацией г. Вологды предпринимаются активные и отчасти успешные меры для повышения комфортности проживания в областном центре. Так, в Центральном микрорайоне в 2008-2014 гг. городским властям удалось успешно решить проблему частых перебоев с водоснабжением населения, теплоснабжения и телефонизации.

Вместе с тем одной из самых главных проблем г. Вологды продолжает оставаться невысокое качество жилищно-коммунальных услуг. Недовольство населения по-прежнему вызывает плохое состояние тротуаров и дорог (83% опрошенных в 2014 году) и неудовлетворительное состояние дворов (75,4%), а также низкое качество питьевой воды (74,4%). Так же остро стоит проблема нехватки мест для парковки автомобилей на придомовых территориях.

Проведенный анализ оценок свидетельствует о постепенном выравнивании уровня обеспеченности и качества жилищно-коммунального обслуживания в центральных и окраинных районах города. Самый высокий уровень жилищно-коммунального обеспечения населения был отмечен в Центральном и Западном районах города, Лосте, Лукьяново (табл. 2). В то же время в 2014 году 32% жителей Молочного оценили электроснабжение, газоснабжение и горячее водоснабжение своего района как «плохое» и «скорее плохое, чем хорошее».

Общую картину усугубляет почти полное отсутствие на окраинных территориях города некоторых видов услуг. Так, 52% проживающих в Прилуках отметили отсутствие горячего водоснабжения в своих домах, 48% – электроснабжения. 70,7% жителей Восточного района сказали об отсутствии услуг радиовещания. Проблема чистоты на улицах остро стоит в Заречье, Восточном микрорайоне и с. Молочное.

Повышение комфортности проживания невозможно без достаточно высокого уровня развития городской инфраструктуры. В 2014 году уровень обеспеченности населения бытовыми услугами в среднем по городу оценивался большинством горожан

Таблица 1. Динамика индекса комфортности в районах г. Вологды*

Район	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1. Центральный	0,42	0,24	0,43	0,47	0,31	0,38
2. Заречье	0,52	-0,15	0,03	0,21	-0,12	0,02
3. Восточный	0,32	0,61	0,41	0,43	0,22	0,60
4. Западный	0,36	0,15	0,08	0,47	0,53	0,61
5. с. Молочное	0,35	0,26	0,49	-0,57	-0,64	-0,71
6. Прилуки	-0,94	-0,67	-0,44	0,33	0,49	-0,79
7. Лоста	0,08	-0,10	0,09	0,13	0,56	0,54
8. Лукьяново	0,27	0,6	0,08	0,79	0,56	0,45
Оценочный индекс	Выше среднего (0,34; 1,0)		Средний (-0,33; 0,33)		Ниже среднего (-1,0; -0,34)	

* Примечание: Индекс комфортности проживания рассчитывается по следующей формуле:

$$I_k = \frac{\text{Доля положительных оценок условий проживания} - \text{Доля отрицательных оценок условий проживания}}{\text{Доля положительных оценок условий проживания} + \text{Доля отрицательных оценок условий проживания}};$$

Таблица 2. Оценка вологжанами жилищно-коммунального обеспечения и обслуживания жилых домов в районах г. Вологды в 2014 году (% опрошенных, выбравших вариант ответа «хорошее» и «скорее хорошее, чем плохое»)

Варианты ответов	Центр	Заречье	Восток	Запад	Молочное	Прилуки	Лоста	Лукьяново
Электроснабжение	96,7	90,0	96,0	93,3	66,0	44,0	94,0	96,0
Холодное водоснабжение	96,0	93,3	96,0	94,0	70,0	78,0	88,0	92,0
Горячее водоснабжение	95,4	72,0	70,0	89,3	66,0	46,0	82,0	84,0
Отопление	92,7	92,7	89,4	88,0	72,0	82,0	88,0	94,0
Газоснабжение	92,0	90,0	96,7	88,7	66,0	74,0	86,0	94,0
Водоотведение (канализация)	92,0	70,0	91,4	81,5	66,0	88,0	86,0	94,0
Работа лифта	24,7	13,4	18,7	54,0	4,0	2,0	8,0	10,0
Работа домашнего телефона	66,6	46,0	56,7	69,3	72,0	74,0	68,0	40,0
Радиовещание	42,0	20,7	23,3	46,6	66,0	82,0	28,0	38,0
Уборка двора и придомовой территории	74,0	63,4	72,0	77,4	68,0	70,0	86,0	86,0
Уборка тротуаров	70,0	44,7	45,3	75,3	72,0	78,0	92,0	86,0
Уборка остановок общественного транспорта	69,3	46,0	52,7	70,7	72,0	81,0	62,0	76,0
Вывоз твердых бытовых и прочих отходов со двора	84,7	47,3	66,6	72,4	70,0	78,0	88,0	76,0
Благоустройство внутривортовых территорий	63,4	45,3	38,7	56,7	70,0	70,0	62,0	72,0

достаточно высоко. Наиболее широко представлены учреждения, оказывающие парикмахерские услуги (83,9% ответивших оценили обеспеченность как «хорошую» и «скорее хорошую, чем плохую»), услуги по ремонту и индивидуальному пошиву обуви (62,1%), а также услуги по пошиву одежды (49,9 %).

Положительным моментом можно признать некоторое повышение качества бытовых услуг по отношению к 2012 году. В течение 2012-2014 гг. снизилась доля людей, признавших низким качество практически всех услуг (табл. 3).

К числу важнейших элементов городской инфраструктуры, непосредственно влияющих на комфортность проживания в районе, относятся учреждения социальной инфраструктуры (организации здравоохранения, образования, культуры и т.п.). Как следует из рисунка 1, в 2014 году большинство опрошенных жителей отмечают относительно высокий уровень обеспеченности своего района учреждениями социальной инфраструктуры. В целом по городу 86,8% жителей оценили обеспеченность аптеками как «хорошую» и «скорее хорошую, чем плохую», 69,7% ответивших были удовлетворены обеспеченностью объектами дошкольного, а 65,8% – школьного образования (рис. 2).

Оценка населением качества услуг, предоставляемых учреждениями социальной инфраструктуры, представлена в таблице 4. В течение последних лет отмечается наибольшая удовлетворенность населения качеством услуг аптечной сети (25,5% жителей областного центра назвали его высоким). Кроме того, в течение 2012-2014 гг. с точки зрения населения, произошло увеличение качества услуг учреждений физической культуры и спорта (на 2 п.п. увеличилась доля людей, признавших его высоким). В то же время остается недостаточным качество предоставления услуг учреждениями культуры и досуга для взрослых и детей (39,4% и 32,6% ответивших признали низким уровень обслуживания), а также здравоохранения для взрослых (34,8%).

Наиболее острой, с точки зрения вологжан, остается проблема обеспеченности города парками и аттракционами (в среднем по городу 63,9% ответивших оценили ее недостаточной) и велосипедными (роликовыми) дорожками (63,3%).

В рамках опроса 2014 году населению г. Вологды было предложено оценить уровень обеспеченности их районов учреждениями культуры, а также разнообразие и доступность предоставляемых ими услуг.

Таблица 3. Оценка населением качества бытовых услуг (в среднем по городу, % от числа ответивших)

Вид услуги	Высокое			+/-, п.п.	Среднее			+/-, п.п.	Низкое			+/-, п.п.
	2012 г.	2013 г.	2014 г.		2012 г.	2013 г.	2014 г.		2012 г.	2013 г.	2014 г.	
Парикмахерские	19,8	30,2	15,6	-4,2	62,6	60,3	71,0	+8,4	14,5	7,2	10,6	-3,9
Фотографирование	7,3	19,5	8,0	+0,7	50,6	45,9	56,8	+2,2	22,9	15,0	20,5	-2,4
Химчистка	5,5	11,4	5,8	+0,3	42,5	44,2	56,0	+13,5	30,8	23,2	22,3	-8,5
Ателье по пошиву одежды	7,8	8,3	6,0	-1,8	45,9	51,1	58,6	+12,7	26,9	24,4	21,9	-5,0
Ремонт и индивидуальный пошив обуви	9,9	7,7	7,5	-2,4	51,1	59,3	63,6	+12,5	25,5	20,5	17,4	-8,1
Банно-прачечные услуги	8,6	6,3	4,5	-4,1	42,6	49,1	55,4	+12,8	32	26,8	24,0	-8,0
Ремонт бытовых машин и приборов	4,3	3,1	3,4	-0,9	40,6	44,7	56,5	+11,8	34,1	29,9	23,9	-10,2

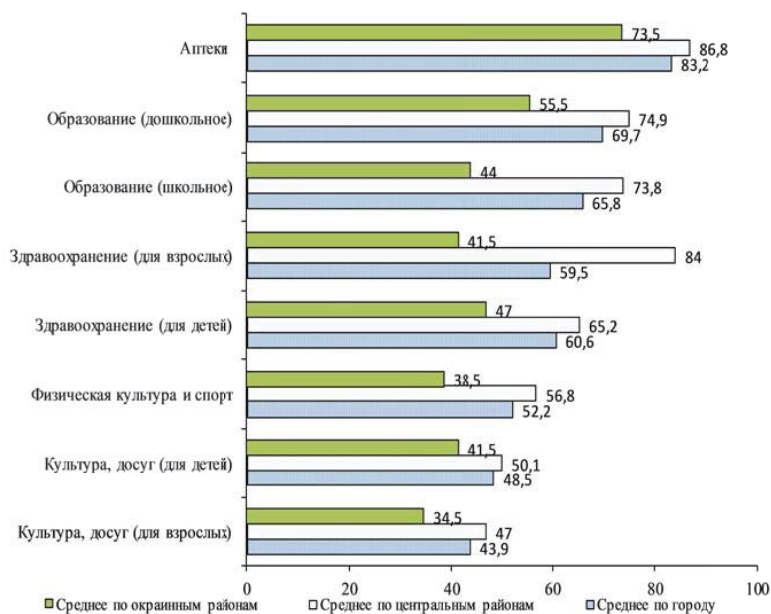

Рисунок 2. Обеспеченность населения учреждениями социальной инфраструктуры в 2014 году (% опрошенных, выбравших вариант ответа «хорошее» и «скорее хорошее, чем плохое»)

Таблица 4. Качество предоставления услуг учреждениями социальной инфраструктуры (% опрошенных, без затруднившихся ответить)

Вид услуги	Высокое			+/-, п.п.	Среднее			+/-, п.п.	Низкое			+/-, п.п.
	2012 г.	2013 г.	2014 г.		2012 г.	2013 г.	2014 г.		2012 г.	2013 г.	2014 г.	
Физическая культура и спорт	6,8	20	8,8	2	46,4	40,7	54,9	8,5	38	29,4	28	-10
Культура и досуг (детей)	8	10,3	8,3	0,3	51,1	50,6	50,6	-0,5	35,3	35,6	32,6	-2,7
Культура и досуг (для взрослых)	7,8	9	7,4	-0,4	47,5	46,6	45	-2,5	39,8	41,5	39,4	-0,4
Образование (школьное)	13,9	13,4	11,8	-2,1	64,3	62,3	61,6	-2,7	14,1	16,4	18,4	4,3
Образование (дошкольное)	13	12,8	12,8	-0,2	65,1	64,7	60,3	-4,8	17,1	18,9	24,1	7
Аптеки	27,1	35,7	25,5	-1,6	60,9	55,3	65,3	4,4	10,6	8,1	8,1	-2,5
Здравоохранение (для детей)	7,6	8,1	6,6	-1	61,3	63,9	58,4	-2,9	10,6	19,6	27	16,4
Здравоохранение (для взрослых)	5,4	5,4	5,5	0,1	61,6	66,3	57,8	-3,8	30,8	26,8	34,8	4

В целом по городу 43,9% жителей оценивают уровень проведения мероприятий как высокий. При этом жители окраинных районов дают более высокие оценки, нежели жители центральных районов (рис.4).

В то же время около 40% жителей города удовлетворены разнообразием услуг культуры и досуга в Вологде, тогда как качество данных услуг оценивают не так высоко (36,6%).

В течение последних лет в рамках реализации Стратегии «Вологда – комфортный город» Администрацией областного центра реализуется целый ряд проектов, направленных на создание благоприятных условий для проживания. В связи с этим в анкету 2013 года был включен вопрос, позволяющий оценить не только осведомленность жителей города о данных проектах, но и целесообразность их реализации.

Так, согласно результатам опроса, наиболее востребованным, с точки зрения населения областного центра, является реализация проекта «Городская дисконтная карта «Забота»», направленного на поддержку социально незащищенных категорий граждан (в среднем по городу на это указали 88,2% ответивших). Важными также являются проекты, направленные на благоустройство города («Чистый город», «Цветущий город»), реализацию которых три четверти населения считают целесообразной. Кроме того, каждый второй житель Вологды считает целесообразным реализацию таких городских проектов, как «Вологда – культурная столица Русского Севера», «Дружному дому – уютный двор», «Город Детства», «Удобный город для маломобильных групп населения», «Резной палисад», «Детские сады – детям», «Электронная Вологда».

В целях оценки успешности решения Главой г. Вологды Е.Б. Шулеповым проблем областного центра в анкету с 2012 года был включен соответствующий вопрос. Успешнее всего, по мнению населения, в настоящее время Глава решает вопросы развития озеленения и благоустройства: больше половины ответивших оценили его деятельность в этой сфере как «успешную» и «скорее успешную, чем неуспешную». Около 40% жителей областного центра указали, что Главе удастся хорошо справиться с решением про-

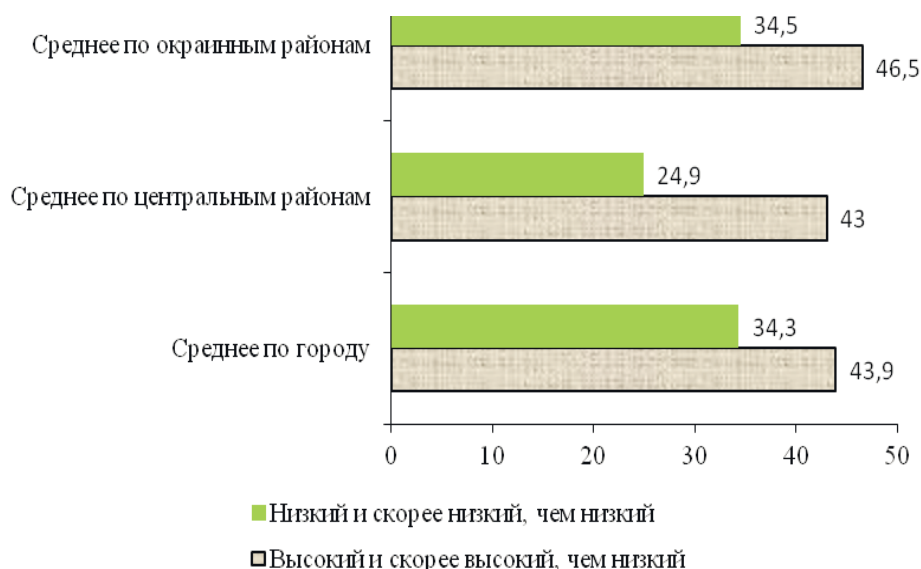

Рисунок 4. Оценка уровня развлекательных и праздничных мероприятий в 2014 году (% от числа опрошенных, без затруднившихся ответить)

блем транспортного обслуживания. Вместе с тем почти 70% жителей города не удовлетворены действиями Е.Б. Шулепова по ремонту городских дорог, а 60% – качеством жилищно-коммунальных услуг. Почти три четверти населения признали неуспешной работу Главы по проведению ремонтных работ дорог города. В целом следует отметить, что в течение 2012-2014 гг. отмечается общее увеличение скептических оценок жителей относительно успешности решения Е.Б. Шулеповым проблем г. Вологды. Вместе с тем жители окраинных территорий города признают итоги работы градоначальника более успешной, чем население центральных районов.

Одной из эффективных форм совместного решения местными органами власти и населением проблем городского развития (например, в части благоустройства территории) является созданием органов территориального общественного самоуправления (ТОС). Успешная деятельность данных структур подразумевает активное участие жителей. Однако как показывают результаты опроса, информированность и активность населения в данной сфере находится на низком уровне. В 2014 году в среднем по городу 30,8% жителей не имели представления о данной форме участия населения в городской жизни. Лишь 4,4% опрошенных в настоящее время активно принимали участие в деятельности ТОС.

Таким образом, полученные результаты опроса населения г. Вологды позволили выявить следующие положительные тенденции за период 2008–2014 гг.:

- Дифференциация районов города по условиям проживания снижается. Наиболее комфортными для жителей являются Восточный микрорайон, Западный микрорайон, Лукьяново, а также Лоста.

- Внешний облик города улучшился.

- Повысился общий уровень благоустройства территории (особенно успешно решаются вопросы озеленения территорий),

- Повысилось качество бытовых услуг.

- Наиболее широко в городе представлены учреждения, оказывающие парикмахерские услуги, услуги по ремонту и индивидуальному пошиву обуви, а также услуги по пошиву одежды.

- Улучшилось транспортное обеспечение.

Больше половины жителей города характеризуют транспортную связь с другими районами как хорошую.

Вместе с тем имеются проблемы, требующие скорейшего решения местными органами власти. Среди них можно отметить следующие:

1. Неудовлетворительное состояние дорожного полотна. На это указали более 70% опрошенных.

2. Низкое качество работ по уборке улиц и дворов от мусора, снега, ремонтных работ на улицах, недостаточная обеспеченность местами отдыха (особенно остро проблема стоит в с. Молочное).

3. Снижение обеспеченности населения учреждениями бытового характера. Так, на 19 п.п. увеличилась доля людей, признавших «плохой» или «скорее плохой, чем хорошей» обеспеченность банно-прачечными услугами, на 18,2 п.п. – химчисткой, на 16,7 п.п. – фотографированием и ремонтом бытовых машин и приборов.

4. Качество жилищно-коммунальных услуг продолжает оставаться одной из самых острых проблем городского развития. Так, 83% населения не удовлетворены состоянием тротуаров и дорог, 75,4% – состоянием дворов.

5. Нехватка мест для парковки автомобилей на придомовой территории (72,8%), неудовлетворительное состояние дворов (71,1%) и пробки на дорогах (67,2%).

6. Высокие темпы роста тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Так, 74% жителей считают, что тарифы на услуги ЖКХ завышены и не соответствуют их качеству.

7. Низкая социальная и политическая активность жителей. Значительная часть населения занимает пассивную позицию при решении проблем областного центра.

Е.В.Лукин

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Промышленный сектор является основой экономики, важнейшей отраслью народного хозяйства, оказывающей решающее воздействие на уровень развития производительных сил. В Вологодской области промышленность создает более 40% валового продукта, имеет важное социальное значение, удовлетворяя спрос населения на потребительские товары и обеспечивая занятость 27% работников.

В Указе Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», а также в государственных программах «Социально-экономическое развитие РФ на долгосрочную перспективу до 2020 гг.» и «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» большое внимание уделено обеспечению высоких темпов промышленного роста. Реализация промышленной политики должна базироваться на определенных научно-обоснованных механизмах контроля и коррекции. Таким механизмом на уровне региона может быть мониторинг функционирования промышленности.

Институт социально-экономического развития территорий РАН с 1993 г. организует подобный мониторинг (рис. 1). В ходе него проводятся ежегодные анкетные опросы руководителей промышленных предприятий Вологодской области. Последний опрос проводился в апреле-мае текущего года. В нем приняли участие 97 руководителей крупных и средних промышленных предприятий¹: черной металлургии, электроэнергетики, лесопромышленного комплекса, машиностроения и металлообработки, пищевой, легкой и строительной промышленности. Объем выборки составлял 250 руководителей.

Анкета опроса содержала в себе 7 блоков, в совокупности измеряющих общее состояние организаций, а также положение дел на них с трудовыми, инвестиционными и инновационными ресурсами, межрегиональным и международным сотрудничеством.

Результаты мониторинга позволили выделить следующие основные тенденции развития промышленного комплекса Вологодской области в последние годы.

¹ В 2013 г. в опросе приняли участие 95 руководителей, 2012 г. – 93, 2011 г. – 85, 2010 г. – 64, 2009 г. – 57, 2008 г. – 56.

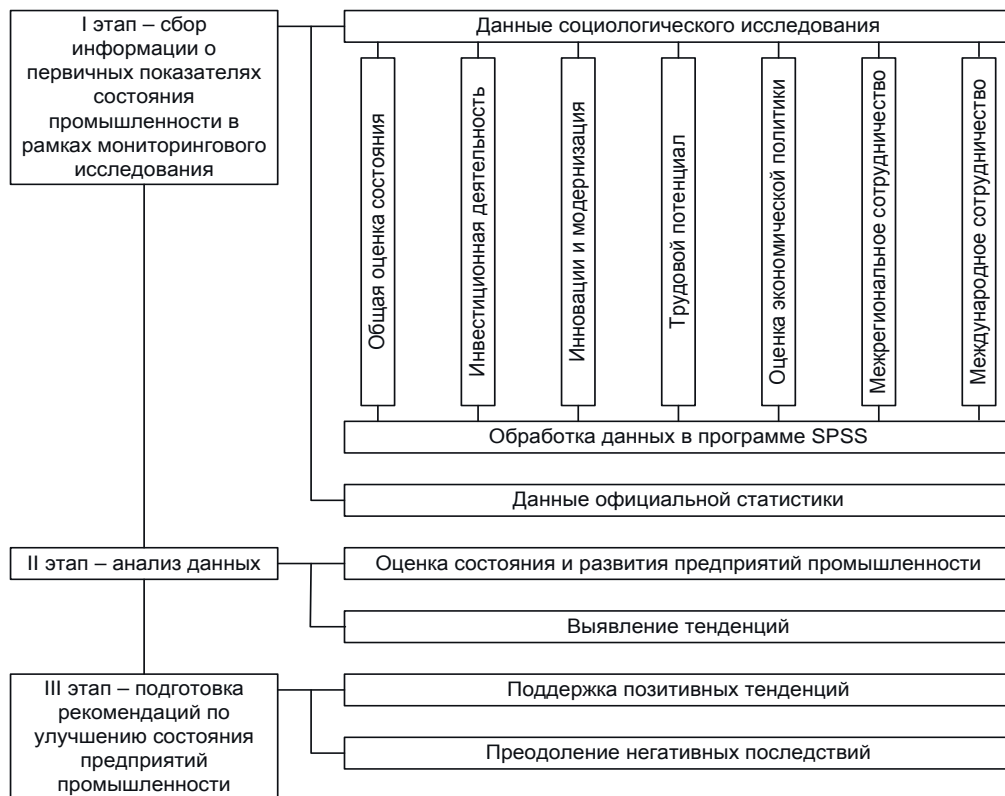

Рисунок 1. Схема проведения мониторинга функционирования промышленности Вологодской области

1. Снижение темпов роста промышленного производства.

Индекс физического объема производства в 2010 г. составлял 111,8%, в 2011 г. – 105,6%, в 2013 г. – 102,3% (табл. 1). Прирост производства за 2007-2013 гг. в Вологодской области оказался существенно меньше, чем в целом по Северо-Западу.

Основными факторами, сдерживающими развитие промышленного производства, руководители предприятий назвали высокие цены на топливо и энергию (69%), сырье и материалы (60%), а также высокие налоги (47%). Значительным препятствием развития предприятий стала также нехватка оборотных средств (33%), которая формируется, в том числе и в результате несвоевременной оплаты за продаваемую продукцию (36%; табл. 2).

2. Сокращение инвестиционной и инновационной активности предприятий промышленности.

Второй год подряд было отмечено снижение объемов инвестиций в основной капитал (табл. 3). Уровень инвестиций в 2013 г. оказался на 11% ниже уровня докризисного 2007 г. Существенные изменения произошли в структуре источников инвестиций. Основным источником стали собственные средства предприятий, их удельный вес увеличился с 34% в 2007 г. до 61% в 2013 г.

Недостаток инвестиций негативно сказался на инновационной сфере деятельности промышленных предприятий. Уровень инновационной активности снизился с 2007

Таблица 1. Объем промышленного производства (в сопоставимых ценах 2013 г.)

Территория	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к	
								2007 г., %	2012 г., %
Индекс физического объема производства, % к прошлому году									
РФ	106,8	100,6	89,3	107,3	105,0	103,4	100,4	105,1	100,4
СЗФО	106,9	100,6	92,6	107,9	107,7	102,6	99,2	110,2	99,2
Вологодская область	104,9	95,3	90,5	111,8	105,6	101,3	102,3	105,5	102,3
На душу населения, тыс. руб.									
РФ	267,9	269,6	240,7	258,1	270,8	279,6	279,7	104,4	100,1
СЗФО	344,5	347,2	321,8	347,1	373,0	381,4	378,4	109,9	99,2
Вологодская область	310,2	297,0	270,1	303,5	321,9	327,0	335,3	108,1	102,5

Таблица 2 – Факторы, сдерживающие развитие промышленного производства, % от числа ответивших

Фактор	Год								Изм. 2013 –	
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014*	2007 г., п.п.	2012 г., п.п.
Высокие цены на топливо, энергию	73	70	73	71	63	63	69	69	-4	+6
Высокие цены на сырье, материалы	73	69	55	69	75	64	60	62	-11	-4
Высокие налоги	55	50	56	47	66	57	47	50	-8	-10
Прогрессирующая изношенность основных фондов предприятия	33	35	34	27	32	25	41	39	+8	+16
Низкая платежеспособность покупателей продукции	22	44	59	37	37	38	36	36	+14	-2
Несвоевременность оплаты за поставляемую продукцию	31	39	52	42	41	34	36	32	+5	+2
Нехватка оборотных средств	40	48	58	46	47	34	33	32	-7	-1
Перебои с поставками сырья, материалов, топлива, электроэнергии	4	6	9	9	12	6	21	17	+17	+15
Техническая отсталость предприятия	26	20	25	19	24	21	12	17	-14	-9
Ошибки в управлении производством	7	6	5	5	3	2	12	8	+5	+10
Слабое влияние и низкая ответственность собственников за результаты работы предприятия	11	9	16	2	5	7	3	3	-8	-4

* прогноз.

Таблица 3. Инвестиции в основной капитал промышленности Вологодской области, млрд. руб. (в ценах 2013 г.)

Вид производства	Год							2013 г. к	
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2007 г., %	2012 г., %
Промышленность, в т.ч.:	32,5	31,8	24,3	29,5	37,7	35,4	28,9	88,9	81,6
обработывающие производства	27,5	26,5	19,1	20,1	26,7	25,8	23,1	84,1	89,5
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,0	5,3	5,2	9,5	11,0	9,6	5,8	115,6	60,3

Таблица 4. Инновационная активность организаций, %

Территория	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Изм. 2013 –	
								2007 г., п.п.	2012 г., п.п.
РФ	11,1	11,5	9,3	9,5	10,4	10,3	10,1	-1,0	-0,2
СЗФО	9,8	8,9	9,5	9,4	11,2	11,0	10,7	+0,9	-0,3
Вологодская область	10,0	12,9	7,6	7,4	9,3	7,3	7,8	-2,2	+0,5

по 2013 г. более чем на 2 п.п. и составил 7,8% (табл. 4). Это крайне низкий уровень для региона с таким высоким удельным весом промышленности в ВРП.

Основными сдерживающими инвестиционную активность факторами были названы недостаток финансовых средств и высокий процент по банковскому кредиту (по 65%; табл. 5). В последние годы увеличилось влияние такого фактора, как изменение курса рубля. Ослабление национальной валюты делает закупку импортного оборудования чрезмерно дорогой.

Таблица 5. Факторы, сдерживающие инвестиционную активность, % от числа ответивших

Фактор	Год								Изм. 2013 –	
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014*	2007 г., п.п.	2012 г., п.п.
Недостаток финансовых средств	73	76	86	79	75	64	65	68	-8	+1
Высокий процент по банковскому кредиту	53	49	56	42	51	56	65	59	+12	+9
Высокая стоимость оборудования, строительных работ	60	59	62	68	83	63	61	61	+1	-2
Непредвиденные и существенные изменения курса рубля	7	25	11	14	11	14	28	38	+21	+14
Необходимость погашения задолженности	11	23	41	21	24	26	26	28	+15	0

* прогноз.

Таблица 6. Динамика внешней торговли, тыс. долл. США на душу населения

Территория	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к	
								2007 г., %	2012 г., %
Внешнеторговый оборот									
Российская Федерация	3,87	5,15	3,28	4,38	5,75	5,88	5,84	151,1	99,4
СЗФО	5,40	7,10	4,49	5,64	8,08	8,28	7,98	147,9	96,4
Вологодская область	2,75	4,17	2,23	3,32	4,24	3,76	3,52	127,8	93,6
Экспорт									
Российская Федерация	2,47	3,28	2,11	2,78	3,61	3,66	3,65	147,9	99,7
СЗФО	2,68	3,62	2,34	2,71	4,08	4,06	3,82	142,4	94,1
Вологодская область	2,34	3,71	1,89	3,00	3,66	3,31	3,09	131,9	93,2
Импорт									
Российская Федерация	1,40	1,87	1,17	1,60	2,14	2,21	2,19	156,7	99,0
СЗФО	2,72	3,48	2,15	2,93	4,01	4,22	4,16	153,2	98,7
Вологодская область	0,41	0,46	0,34	0,32	0,58	0,44	0,43	104,4	96,1

3. Сокращение объемов экспортных поставок.

Второй год также сокращаются объемы экспортных поставок Вологодской области (табл. 6).

Одним из инструментов продвижения товаров на рынки других стран может стать отстаивание своих интересов в рамках ВТО. В 2012 г. после 19 лет переговоров Россия стала полноправным членом этой организации.

Мнение руководителей предприятий относительно возможных изменений для их бизнеса от вступления России в ВТО и от других процессов глобализации² крайне не однозначно. Доля руководителей, считающих глобализацию положительным процессом для промышленности Вологодской области, с 2008 по 2013 г. снизилась до 28% (на 24 п.п.; рис. 1).

В сложившихся условиях 40% респондентов считают свои организации не готовыми к функционированию в рамках ВТО и лишь 16% отвечают на этот вопрос утвердительно (табл. 7). Большая часть руководителей (44%) затрудняются дать однозначную оценку готовности предприятий.

4. Рост недовольства руководителей предприятий промышленности проводимой экономической политикой региональными и федеральными органами власти.

Сложившаяся сложная ситуация в промышленном комплексе области привела к росту недовольства руководителей предприятий промышленности проводимой экономической политикой.

² Глобализация – создание общего экономического пространства с унифицированными для всех правилами и едиными органами регулирования.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, глобализация для промышленности Вологодской области, процесс ...», % от числа ответивших

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Готово ли Ваша организация к функционированию в рамках ВТО?», % от числа ответивших

Вариант ответа	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Изм. 2013 –	
								2007 г., п.п.	2012 г., п.п.
Да, готово	23	12	14	17	16	24	16	-8	-8
Нет, не готово	44	53	52	36	49	33	40	-4	6
Затрудняюсь ответить	33	35	34	47	35	43	44	12	2

Доля руководителей предприятий, считающих экономическую политику региональных властей неправильной, увеличилась на 26 п.п. и достигла максимального уровня за последние 7 лет – 47% (табл. 8). Доля негативно оценивающих политику федеральных властей увеличилась до 41%.

5. Снижение результативности взаимодействия бизнеса и власти.

Было отмечено и снижение результативности взаимодействия бизнеса и власти. Средняя оценка результативности взаимодействия промышленных предприятий с областными органами власти снизилась с 5,5 баллов (из 10 возможных) в 2007 г. до 3,5 баллов в 2013 г.; с местными органами власти – с 4,6 до 3,9 баллов.

Как видно из представленных данных, сложившаяся ситуация в промышленности Вологодской области достаточно сложная. Для изменения ситуации руководители промышленных предприятий рекомендуют органам власти предпринять ряд мер.

В сфере взаимодействия с предприятиями:

- разработать алгоритм взаимодействия органов исполнительной власти с промышленными предприятиями региона, обеспечить регулярное обсуждение проблем в промышленности;

- активизировать работу по информированию руководителей предприятий об имеющихся у них возможностях участия в региональных и федеральных программах развития соответствующих отраслей;

- довести до сведения руководителей предприятий, какие возможности им представляет вступление России в ВТО, а также с какими угрозами они неизбежно столкнутся; организовать соответствующие курсы повышения квалификации специалистов по внешнеэкономической деятельности.

Таблица 8. Оценка экономической политики государства руководителями промышленных предприятий Вологодской области, % от числа ответивших

Оценка	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Изм. 2013 –	
								2007 г., п.п.	2012 г., п.п.
Политика, проводимая Правительством Российской Федерации									
Считаю правильной	41	47	27	28	26	22	36	-5	+14
Считаю неправильной	18	24	38	23	36	30	41	+23	+11
Затрудняюсь ответить	41	29	35	49	38	48	23	-18	-25
Политика, проводимая Правительством Вологодской области									
Считаю правильной	54	49	25	39	30	31	25	-29	-6
Считаю неправильной	11	15	23	17	30	21	47	+36	+26
Затрудняюсь ответить	35	36	52	44	40	48	28	-7	-20

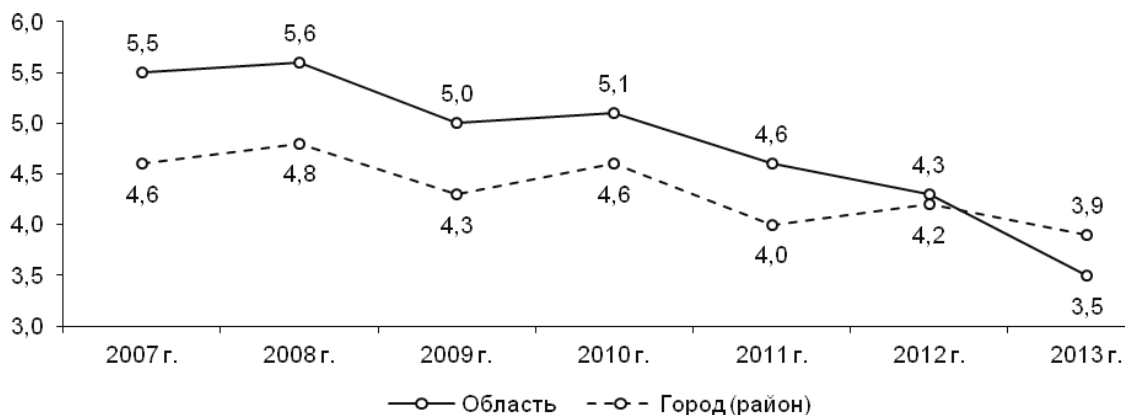

Рисунок 8. Средняя оценка результативности взаимодействия исполнительной власти региона и промышленных предприятий, балл (наивысший – 10)

В инвестиционной сфере:

- создать условия для инвестирования в промышленность, сделать доступными долгосрочные кредиты;
- разработать и принять стратегию развития промышленного производства Вологодской области с поэтапным планом ее реализации;
- привлекать большее количество предприятий области к реализации региональных программных мероприятий.

В бюджетно-налоговой сфере:

- рассмотреть возможность увеличения в краткосрочной перспективе госрасходов.
- В сложившихся условиях увеличение госпотребления на 1 руб. приводит к дополнительному росту валового продукта примерно на 1,3 руб.;
- поддерживать стабильность сложившейся налоговой системы. Попытки повышения налоговой нагрузки в целях роста доходной базы могут привести к отрицательным макроэкономическим последствиям.

В сфере кадровой политики:

- восстановить систему подготовки профессиональных рабочих кадров, ПТУ;
- стимулировать подготовку кадров на предприятиях;
- обновить материально-техническую базу учебных заведений.

СЕКЦИЯ 2
РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

В.В. Маркин

доктор социологических наук, профессор,
руководитель Центра региональной
социологии и конфликтологии Института социологии РАН

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ: «ДОРОЖНАЯ КАРТА» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В отечественной социологической науке наряду с исследованиями общероссийского и международного характера традиционно проявляется интерес к социальным проблемам регионального плана. Это связано с тем, что отечественная социология в 60–70-е годы прошлого века возрождалась не только в Москве и Ленинграде. Вместе со столичными школами активно формировались уральская, сибирская, поволжская и др. Так или иначе обще-социетальные проблемы облекались «плотью и кровью» первичного репрезентативного материала, полученного непосредственно на местах, анализ которого давал возможность как выявления особенного, территориально-специфичного в общем плане, так и углубления, детализации представления об общем, складывания определенной «мозаичной» социологической картины страны.

За последние 25 лет появились новые региональные социологические школы, среди которых следует особо выделить тюменскую, ростовскую, ставропольскую, краснодарскую, белгородскую, саратовскую, саранскую, калининградскую, нижегородскую, якутскую, вологодскую и целый ряд других. Отличительной особенностью и старых, и новых региональных социологических школ и залогом их успешной деятельности является тесное взаимодействие с региональными органами власти, высокая авторитетность лидеров в научных и общественных кругах, известность в международных и российских социологических сообществах. Лидеры школ, как правило, возглавляют крупные исследовательские коллективы и образовательные центры, на базе которых осуществляется воспроизводство высококвалифицированных профессиональных социологов, часть которых востребуется в различных видах управленческой деятельности, как непосредственной, так и экспертно-консультативной.

Поэтому словосочетание «региональная социология», вынесенное в название статьи, имеет два взаимосвязанных аспекта: социология регионов и социология в регионах [1, с. 5-7].

В отличие от многообразных зарубежных трактовок понятия «регион» (от латинского *regere* – управлять в территориальном плане), в России под регионом чаще всего понимается территория субъекта Российской Федерации, что чисто праксиологически

оправданно: что более – макрорегион (например, «федеральный округ» или «экономический район»), что менее – субрегион, внутрирегиональное, локальное образование (городской округ, муниципальный район, поселение).

Вместе с тем, очевидно, требуется дальнейшая социологическая категоризация определения «регион» как одного из основных понятий для социологии территориального сообщества. В этом контексте регион представляет собой достаточно обособленную по определенным критериям (комплексу физико-географических, экономических, политико-административных и социокультурных критериев) часть общего социального пространства, служащую своеобразным трансформатором социально-территориального регулирования в сетевых цепях от глобального (международного) и общенационального (государственного) к местному (поселенческо-расселенческому) с обратной связью в обоих направлениях [3, с. 130].

Поэтому предмет региональной социологии как социологии регионов находится на пересечении этих направлений. Социологические исследования в этом плане должны выявлять как то особенное, что имеет данный регион в специфике своей социальной конфигурации (конкретные условия, факторы и механизмы социальной организации жизнедеятельности данного территориального сообщества), его региональную идентификацию в аспекте социальной дифференциации по территориальному признаку, так и включенность данного сообщества в общесоциетальные связи (сети), то есть социально-пространственную интеграцию (консолидацию). При этом выделяются две стороны социальной организации региональных сообществ: объектная (условия, векторы и факторы жизнедеятельности людей на данной территории) и субъектная (акторы и их взаимоотношения / взаимодействия в региональном локализованном социальном пространстве и в связях с внешней средой по отношению к данному региону).

Общим полем взаимодействия региональной социологии (понимаемой и как социология регионов, и как социология в регионах) и субъектов регионального управления (органы власти, бизнес-структуры, некоммерческие организации) выступает территориально дифференцированное социальное пространство России, понимаемое в широком смысле как гео-социо-экономическое пространство, в котором развивается взаимодействие различных социальных институтов и социальных акторов. Центр региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН в ходе совместной работы с другими академическими учреждениями и региональными партнерами по программам фундаментальных исследований РАН № 27-28 «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг., координатор ак. А.Г. Гранберг) и Программе № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (2012–2014 гг., координатор ак. В.М. Котляков), а также Программе фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Экономическое, социальное и политическое пространство России в глобализирующемся мире» (2007–2011 гг.) выдвинул концепцию региональной идентификации и социального моделирования регионов в дискурсе дифференциации и консолидации социального пространства России.

В начале работы по вышеуказанным программам были поставлены два фундаментальных вопроса:

– во-первых, завершилась ли в основном трансформация социального пространства России в новое целое, компоненты которого достигли внутренней согласованно-

сти, или эти компоненты значительно рассогласованы, т.е. процесс трансформации социального пространства далеко не завершен и оно подвержено опасностям и рискам дезинтеграции;

– во-вторых, стал ли социально-гуманистический вектор ведущим в трансформации социального пространства России [2, с. 162-163].

Наши исследования показывают, что трансформация социального пространства России в новое единое целое еще далека от завершения и оно имеет опасности дезинтеграции. В значительной мере этот вывод подкрепляется и ответом на вопрос о социально-гуманистическом векторе, который пока не стал ведущим в трансформационных процессах, происходящих как в российском обществе в целом, так и в каком-то значимом региональном измерении. Более того, он рассогласован с другими векторами (экономическим и политическим), соответствующими факторами и компонентами консолидации социального пространства России, со взаимодействием основных акторов на его отдельных полях.

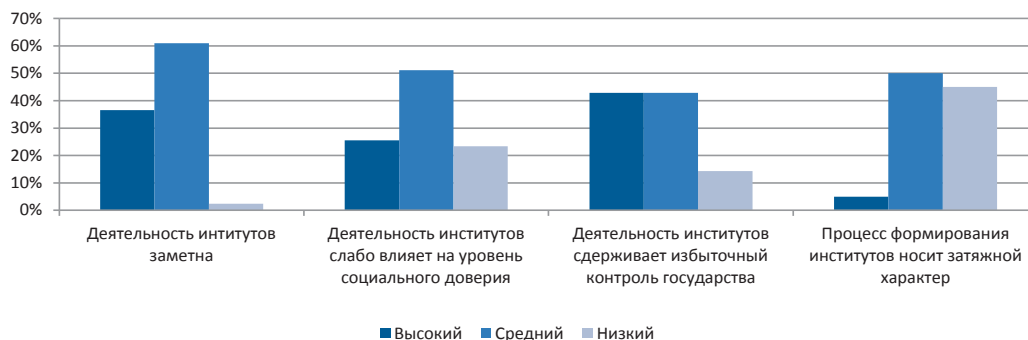
Трансформация происходит прежде всего в интересах крупного бизнеса (корпораций) и так называемых «элит», высокоресурсных групп, которые по сути являются экстерриториальными и не только не ориентированы в гуманистический вектор, но и весьма ограниченно проявляют свою социальную ответственность в регионах, на территории которых они действуют, замыкаясь преимущественно на своих корпоративных интересах, что показывает наш опрос 450 экспертов, проведенный в 30 субъектах Российской Федерации, во всех федеральных округах, где были представлены все основные типы регионов по их уровню развития (высокий, средний, низкий) (таблица).

При этом в экспертной оценке также выявлены неразвитость и слабое влияние институтов гражданского общества (некоммерческих организаций) в регионах (рисунок).

Оценка институтов гражданского сообщества в регионе и их влияния на уровень доверия и солидарности в региональном социуме, соблюдение прав и свобод граждан

Оценка роли «элит» в развитии региона.
Совпадение (расхождение) интересов высокоресурсных регионов
(по материалам оценки 450 экспертов из 30 субъектов РФ, 2009 г.)

		От оценки общего уровня развития региона		
		Высокий Column N %	Средний Column N %	Низкий Column N %
В политической сфере	Совпадают в основном, и элиты играют ведущую роль в выражении	48,4%	45,8%	17,6%
	Совпадают частично, элиты являются достаточно замкнутыми	48,4%	37,3%	58,8%
	Интересы прямо противоположны, элиты используют возможности	3,2%	16,9%	23,5%
В экономической сфере	Совпадают в основном, и элиты играют ведущую роль в выражении	32,3%	30,5%	17,6%
	Совпадают частично, элиты являются достаточно замкнутыми	58,7%	40,7%	35,5%
	Интересы прямо противоположны, элиты используют возможности	9,4%	28,8%	47,1%
В духовно-культурной сфере	Совпадают в основном, и элиты играют ведущую роль в выражении	30,8%	39,7%	38,9%
	Совпадают частично, элиты являются достаточно замкнутыми	53,8%	46,6%	55,6%
	Интересы прямо противоположны, элиты используют возможности	15,4%	13,8%	5,6%

Оценка институтов гражданского общества в регионе и их влияния на уровень доверия и солидарности в региональном социуме, соблюдение прав и свобод граждан

Региональная власть находится между «молотом и наковальней» (имеются в виду крупный бизнес и население). Тем более, что именно корпорации формируют свои структуры влияния в органах власти и продвижение своих представителей в эти органы. Население же оказывается слабо структурированным и практически не имеет институциональных «лоббистов» своих интересов, подчас вынуждено проявлять свою волю весьма стихийно в виде протестных акций и т.п., с которыми приходится считаться в первую очередь органам регионального и муниципального управления.

Какова же роль социологии во взаимодействии с субъектами регионального управления, включая не только органы власти, но и бизнес-структуры и институты гражданского общества? Каким может быть формат этого взаимодействия?

Прежде всего, это продолжение фундаментальных исследований основных факторов дифференциации социального пространства России и возможностей его консолидации на основе общих ценностей и согласованной деятельности основных акторов в векторе социально-гуманистической направленности процессов трансформации российского общества, применительно к региональным особенностям. Это направление, на наш взгляд, требует дальнейшего продолжения работ по программам РАН с большим привлечением региональных партнеров, прежде всего, из органов власти, а также бизнес-структур и НКО.

Фундаментальные исследования должны быть связаны с целым спектром поисковых исследований в данном направлении, таких как исследования евразийского контента, дифференциации и консолидации российского пространства, особенностей трансформационных процессов в азимутах «север-юг» и «серединных» медианных регионах Центра, Поволжья, Урала на основе макрорегионального подхода и т.д.

Именно на фундаментальные и поисковые исследования должны опираться прикладные исследования, на основе которых могут совместно с органами власти, бизнес-структурами и НКО разрабатываться модельно-программные комплексы решения проблем социальной значимости.

Основным механизмом взаимодействия региональной социологии и субъектов регионального управления является двух- и многостороннее партнерство между академическими и университетскими центрами, органами власти, бизнес-структурами и НКО. Основными площадками для выстраивания партнерских отношений выступают:

1. Программы фундаментальных исследований РАН, совместные исследовательские гранты, прежде всего, по региональным направлениям. В настоящее время эти направления выделяются лишь в РГНФ с долевым финансированием региональных орга-

нов власти. Следует распространить эту практику и в деятельности других научных и общественных фондов, в том числе вновь образованного Российского научного фонда.

2. Паритетное участие в тендерах по государственным и муниципальным заказам социальной проблематики.

3. Совместные научно-образовательные центры в регионах при ведущих вузах, деятельность которых в последние годы получила широкое распространение.

4. Участие в диссертационных советах по социологическим и другим общественным наукам. В настоящее время их количество существенно сократилось, а требования к ним значительно возросли, поэтому экспертиза диссертационных работ (ведущие организации, оппонирование, рецензирование, отзывы на автореферат и т.д.) и непосредственная работа в этих советах требует высокопрофессиональной компетентности и межрегионального взаимодействия.

5. Сотрудничество с зарубежными социологическими центрами на основе сравнительных региональных исследований, в том числе и по проблемам приграничных (трансграничных) территорий.

6. Формирование тестовых региональных полигонов для разработки и апробации совместных проектов, подготовка и внедрение модельно-программных комплексов решения наиболее значимых социальных проблем.

В «дорожной карте» этого взаимодействия можно выделить следующие основные направления. Наряду с правовой и финансово-экономической, свое особое место должна получить социально-гуманитарная экспертиза законопроектов и других нормативно-правовых актов, имеющих непосредственную социальную значимость. Может быть, следует начать реализацию этой инициативы именно с регионов, а затем уже распространить и на федеральное законодательство. Главным критерием здесь должна выступать социальная эффективность законопроекта или другого нормативно-правового акта, что требует соответствующей методологической и методической проработки.

Столь же серьезного внимания заслуживает социологическая составляющая мониторинга оценки деятельности органов власти и других социальных институтов, действующих в регионах, в том числе бизнеса и гражданского общества. Тем более, что по известным указам Президента Российской Федерации № 825 (в современной редакции № 1199) и № 607 такая работа с 2007 года проводится по всем субъектам РФ и отдельным муниципальным образованиям под эгидой Министерства регионального развития РФ. Институт социологии РАН имеет непосредственный контакт с исполнителями этого мониторинга, но еще остаются некоторые весьма существенные методологические и методические вопросы, требующие соответствующего решения. Важно наладить подобные мониторинги и по социальной ответственности бизнеса в регионах (в партнерстве с Торгово-промышленной палатой РФ) и влиянию институтов гражданского общества в регионах (Общественная палата РФ).

Выделяется также социологическая составляющая мониторинга правоприменительной практики в регионах. Институт социологии РАН имеет определенный опыт сотрудничества в этом направлении с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Российской правовой академией Министерства юстиции РФ по отдельным субъектам РФ. Этот опыт важно распространить по другим регионам.

Несомненное значение имеет социологическая составляющая региональных программ, особенно непосредственно выходящих на решение социальных вопросов, и разработка соответствующих модельно-программных комплексов.

Возникает вопрос: имеется ли у региональной социологии достаточный потенциал для реализации столь амбициозных задач? По нашему мнению, такой потенциал имеется:

- три специализированных социологических института РАН и целый ряд развитых социологических подразделений в других академических учреждениях;
- университетская социология представлена практически во всех регионах, только более чем в 80-ти государственных классических университетах ведется подготовка социологических кадров и имеются соответствующие факультеты (отделения), специализированные кафедры и исследовательские центры (лаборатории, группы);
- свыше 10 общероссийских центров, осуществляющих опросы населения, имеют разветвленную региональную сеть (отделения, представительства);
- многие информационно-аналитические центры в органах власти, корпорациях, НКО имеют специализированные социологические подразделения, связанные с региональной тематикой (ориентировочно свыше 200);
- консалтинговые, маркетинговые, кадровые агентства и центры PR (связи с общественностью), в которых также имеются социологические группы или отдельные специалисты (ориентировочно более 1000);
- Российский научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд и другие научные и общественные фонды, осуществляющие поддержку социологических проектов в регионах;
- Российское общество социологов, Российское общество профессиональных социологов, Российская социологическая ассоциация, Общество социологов и демографов, Социологическое общество им. М.М. Ковалевского и другие социологические научно-общественные организации с их региональными активами (многие представители которых одновременно входят в несколько организаций).

Таким образом, потенциал действительно значительный, и его реализация требует координации, о структуре и формах которой мы должны серьезно подумать и выработать соответствующие предложения для социологического сообщества России.

Главным в реализации этой «дорожной карты» мы считаем интерес органов власти и других субъектов регионального управления. Там, где этот интерес проявляется, мы имеем эффективное взаимодействие по данным направлениям. Это касается прежде всего регионов с высоким уровнем социально-экономического развития. К сожалению, приходится констатировать, что в регионах со средним и низким уровнем инициативы социологов попадают в режим «ждите ответа» и не находят должного отклика.

Как известно, в связи с восстановлением выборов глав субъектов Российской Федерации, новым порядком формирования органов и глав местного самоуправления в 2014–2015 гг. будут проведены избирательные кампании в большинстве регионов. У социологов появляются возможности для своих предложений не только электоральной направленности (опрос на тему предпочтения избирателей), но и, что более важно, участия в формировании социальных стратегий регионального развития и механизмов их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков, М.К. Региональная социология: социология регионов и социология в регионах [Текст] / М.К. Горшков // Региональная социология в России: сб. мат. социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин. – М.: Экслибрис-Пресс, 2007. – С. 5-7
2. Трансформация социокультурного пространства России [Текст] / Н.И. Лапин, В.В. Маркин, Л.М. Дробижева, И.А. Халий // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М: Медиа-Пресс, 2013. – С. 162-163.
3. Маркин, В.В. Диалог с регионами: опыт анализа [Текст] / В.В. Маркин // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 130.

В.В. Воронов

д.с.н., профессор, ИС РАН

КОНВЕРГЕНЦИЯ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОСОБЕННОСТИ И ОЦЕНКА

Мой доклад отражает традиционно большое внимание в ЕС к вопросам регионального развития. «Европа регионов» озадачена не только финансовыми проблемами последних лет, но и спецификой неравномерности своего развития, получившей название «Европа разных скоростей».

Отмечу, что, во-первых, законодательно и социально-экономически ЕС имеет установку на выравнивание уровней регионального развития по таким основным показателям, как темп экономического роста, уровень дохода на 1-го человека (ВВП/1 чел.), производительность труда. Во-вторых, финансово ЕС подкрепляет эту установку предоставлением средств из структурных фондов для развития регионов (ЕСФ, ЕФРР и др.) в сумме около 50 млрд евро в год.

Объект и предмет моего исследования – регионы Евросоюза, неравномерность развития во времени, разных по величине территории и численности населения регионов. Цель исследования – прикладной анализ процессов регионального выравнивания и дифференциации в ЕС (по критерию ВВП на 1 чел. на уровне крупных, средних и малых регионов в период 1995-2011 гг.

Классификация статистических регионов ЕС представлена аббревиатурой NUTS (Nomenclature of Territorial Units for Statistics) - Номенклатура территориальных единиц для статистического учета. Выделяют 3 группы регионов: NUTS 1, -2, -3, критерием соотнесения которых служит численность населения. В ЕС на 31 декабря 2012 года было:

- 97 регионов NUTS 1 – крупные регионы (от 3 до 7 млн. жителей);
- 271 регион уровня NUTS 2 – средние регионы (от 800 тыс. до 3 млн. жителей);
- 1303 региона уровня NUTS 3 – малые регионы (от 150 до 800 тыс. жителей).

В своём докладе я рассмотрю результаты исследования DU SZF SPI, с использованием базы данных Евростата.

Дискуссия по предмету исследования (особенности неравномерности развития крупных, средних и малых регионов ЕС во времени).

Более 15-ти последних лет учёные разных стран ЕС (Италии, Испании, Португалии, Германии, Скандинавии, Польши и др. стран) рассматривают вопросы снижения диспропорций в развитии разных по величине регионов с различных позиций и методов. Мнения учёных самые разные, но обобщённые следующие:

- 1) стабильный рост относительно развитых регионов сопровождается увеличением регионального неравенства других территорий;
- 2) новые страны ЕС имеют более высокий уровень региональных различий;
- 3) выравнивание регионального развития в ЕС на уровне крупных регионов одновременно сопровождается ростом дифференциации на уровне малых, однако долгосрочный тренд этого процесса имеет общую тенденцию к выравниванию.

Также учёные сходятся в общем мнении, что надо повышать уровень дохода в более бедных регионах, где этот уровень менее 75% от среднего уровня по ЕС.

Однако польза от предоставления помощи регионам через структурные фонды ЕС не везде и не всегда эффективна, т.к. идут процессы обострения межрегиональных различий по двум направлениям: 1) между «ядром» - крупными городами и «периферией» - сельскими регионами и районами; 2) развитие регионов приобретает «центростремительное развитие», «точечный вид», особенно в новых малых странах ЕС.

Основные понятия и методы исследования.

В социально-экономической литературе процесс выравнивания уровня экономического развития обычно называют конвергенцией, а процесс роста неравенства – дивергенцией.

В качестве индикаторов особенностей процесса пространственного выравнивания развития регионов ЕС нами использованы два вида конвергенции: « β -конвергенция» и « σ -конвергенция»:

- 1) β -конвергенция показывает, что сравнительно более слабые регионы в начальный период времени характеризуются в среднем более высокими темпами роста;
- 2) σ -конвергенция показывает уменьшение со временем показателей, характеризующих сглаживающее расхождение между регионами.

Исследователи анализируют вопросы выравнивания или дифференциации регионов ЕС на основе разных методов:

- 1) «кривой Вильямса» (J.Williamson), согласно которой сначала несколько точек роста в регионе, в которых он ускоряет экономический рост, что даёт увеличение региональной поляризации. Однако постепенно рост издержек в этих точках заставит капитал идти в другие регионы с более низкими издержками на факторы производства. Произойдёт их перераспределение в другие регионы, что приведёт к сближению уровней развития регионов (к конвергенции);

- 2) «неоклассической теории роста» Р.Солоу, согласно которой в условиях устойчивой экономики более бедные и слабые регионы будут расти более быстрыми темпами, чем богатые и сильные, что в перспективе приведет к выравниванию их уровней развития;

- 3) «показателя вариации» - как одного из индикаторов определения σ -конвергенции (роста межрегиональных различий);

- 4) «нормализованного индекса Тейла» как другого индикатора определения σ -конвергенции. Здесь при полном равенстве регионального развития значение индекса = 0,00, а при росте неравенства его значение поднимается до 10,00;

- 5) «кластерного анализа» как выделения однородных групп регионов по критерию выравнивания регионального развития.

Основные результаты исследования

1. В период предпоследнего расширения членства в ЕС, в период 2004 – 2009 гг. в ЕС происходила β -конвергенция регионов на уровне крупных, то есть на уровне целых стран, особенно малых.

Следовательно, регионы ЕС с более низкими значениями экономического роста (по критерию ВВП/1 чел.), повышали его более быстрыми темпами, чем сильные регионы ЕС.

2. Медленное сокращение региональной дифференциации в старых странах ЕС-15, характерное для периода 1995-1999 годов, сменилось быстрой конвергенцией в ЕС-27 в период 2000-2011 годов что хорошо видно по индексу Тейла, по короткому этот показатель снизился более чем в 2 раза.

В целом процесс выравнивания в период 1995-2011 годов обуславливался в первую очередь сокращением дифференциации между «старыми» и «новыми» странами ЕС, что было вызвано двумя факторами:

- 1) более высокими темпами роста ВВП в новых странах ЕС;
- 2) снижением темпов роста населения в этих странах.

3. Влияние финансовой поддержки европейских структурных фондов на интеграционные процессы нельзя оценить однозначно. Структурные фонды содействуют выравниванию в основном крупных регионов новых стран ЕС.

Рост объемов общественных инвестиций в менее развитых странах и регионах ЕС за счет поддержки структурных фондов растёт, как сказано выше, в сумме около 50 млрд. евро в год, и исходя из теоретических предпосылок это должно положительно влиять на процессы выравнивания. Однако в исследовании это не подтверждается, что имеет свои причины и объяснения. Так, средства из структурных фондов ЕС идут, в основном, на уровне крупных регионов, где выше капиталоотдача от инвестиций, а не на уровень малых, где она ниже. Кроме того, малые регионы в силу исторических различий слабо подвержены «рационализации» рынком. Поэтому они обычно попадают под жёсткую диллему рынка: «справедливость или эффективность» при вопросе «Куда направлять средства из фондов ЕС для регионального выравнивания: на уровне NUTS -1 и NUTS -2 (крупные и средние регионы) или на уровень NUTS -3 (малые или периферийные регионы)?» Например, в Латвии справедливее направить средства фондов ЕС в периферийный регион Латгалию, но там отдача будет 100 латов на 1 единицу вводимых ресурсов, а эффективнее направить средства в Рижский центральный регион, где отдача будет 300 латов на 1 единицу вводимых ресурсов, т.е. в 3 раза выше! Поэтому в условиях доминирования рынка победа обычно будет за «эффективностью», а не за «справедливостью».

4. Выделено три кластера развития регионов ЕС на уровне крупных и средних регионов по критерию выравнивания регионального развития: 1) 14 «старых» стран ЕС, 2) 12 «новых» стран ЕС, 3) 1 – Люксембург.

Прикладной анализ показал, что процессы выравнивания регионального развития в ЕС в период 2004-2011 гг. происходили в основном в кластере «новых стран» ЕС.

При этом вступление новых стран ЕС стимулировало противоречивый процесс их экономического развития: выравнивание на уровне крупных регионов и одновременно рост неравенства на уровне малых регионов из-за гипертрофированного развития центральных регионов, городов этих стран, особенно в малых странах ЕС.

Выводы

1. В результате исследования установлено наличие процессов выравнивания развития в крупных регионах ЕС по критерию ВВП на 1 чел. При этом на протяжении последних 15 лет процесс выравнивания в странах ЕС был достаточно быстрым, особенно на уровне отдельных стран. Это было вызвано как более высокими темпами роста ВВП в новых странах ЕС, так и более низкими темпами роста населения в них.

2. Роль влияния структурных фондов на процессы выравнивания регионального развития преувеличена: хотя рост объемов общественных инвестиций в менее развитых странах и регионах ЕС за счет поддержки структурных фондов увеличился.

4. Вступление в ЕС новых стран существенно стимулировало процессы выравнивания развития в них. Выявленное сокращение различий по критерию ВВП на 1 чел. свидетельствует о достаточно позитивной политике Евросоюза в направлении развития крупных регионов.

5. В условиях доминирования рынка отрицательный эффект снижения темпов роста в регионах старых стран ЕС выше по влиянию, чем положительный эффект от темпов роста в регионах новых стран. Поэтому рост ВВП регионов ЕС на уровне крупных может быть обеспечен в том числе и ценой углубления межрегионального неравенства в ЕС на уровне малых регионов.

6. Анализ также показал, что чем крупнее регионы ЕС (уровни NUTS 1 и NUTS 2), тем короче период времени для выравнивания различий между ними. Наоборот, чем меньше регионы ЕС (уровень NUTS 3), тем длиннее период времени для тех же целей. Поэтому имеет смысл взвешенная политика укрупнения регионов ЕС, т.е. объединения малых регионов.

7. Этот опыт анализа применим при изучении особенностей процессов выравнивания развития в регионах Российской Федерации. Возможно, что в России необходима взвешенная политика укрупнения регионов (посредством их объединения, интеграции), чтобы стимулировать процесс их выравнивания и уменьшить рост дифференциации. Инструментами такой интеграции регионов может выступить многопрофильность производства реального сектора и кластеризация экономики.

Н.М. Лавренюк

Институт социально-политических
и правовых исследований Республики Башкортостан,
Башкирский филиал Института социологии РАН,
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

АКТУАЛЬНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СТРАТЕГИРОВАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА, НАУКИ И ОБЩЕСТВА В БАШКОРТОСТАНЕ¹

Актуальное стратегирование. Современное официальное стратегирование включает разработку и реализацию прогнозов, планов, программ и проектов федерального, регионального, муниципального целевого значения. Актуальное стратегирование связано с теми государственными документами, которые находятся в перечне для разработки, в стадии разработки, на стадии реализации и на стадии включения их в перечень для разработки. Федеральный закон от 20 июля 1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» определил цели и содержание системы государственных прогнозов и программ социально-экономического развития Российской Федерации, а также общий порядок разработки указанных прогнозов и программ на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы. На его основе был сформирован комплекс государственного стратегирования. Почти за 20 лет в стране и в ее регионах произошли кардинальные социальные, экономические, политические, управленческие и иные изменения, потребовавшие обновления правового обеспечения регулируемого развития и включения в него муниципального уровня. В результате 28 июня 2014 года принят ФЗ-№172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», благодаря которому ФЗ-№115 утратил свою силу. ФЗ-№172 устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования [1].

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда РГНФ (грант № 14-13-02021 «Человеческий капитал Башкортостана: перспективы накопления и реализации»).

Отметим ориентацию на два бесспорных стратегических ориентира – устойчивое развитие и обеспечение национальной безопасности, на которые направлены усилия по интеграции государственных и муниципальных ресурсов. В законе определен механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования на основе принципов стратегирования, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического значения в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения. Помимо этого, циклический характер стратегирования и мониторинговый контроль позволяют в перспективе работать на конкретные результаты. Однако нет единого механизма совершенствования доктрины развития государства, определения приоритетов долгосрочного и сверхдолгосрочного социально-экономического развития на основе социального партнерства государства, науки и общества.

Региональное стратегирование. Для реализации программно-целевого принципа и эффективного комплексного ресурсного обеспечения в Республике Башкортостан, как и в других регионах страны, разработан ряд мер в соответствии с принятым законом. Следует отметить, что Башкортостан — субъект Российской Федерации, который расположен на стыке Европы и Азии, аккумулировал в себе евразийский социокультурный потенциал страны и по многим социально-экономическим показателям занимает средние значения в рейтинге регионов России. В республике приняты Постановление Правительства «О порядке разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Республики Башкортостан», Методические указания по разработке и реализации государственных программ. В соответствии с новыми нормативно-методическими изменениями идет плановая разработка ряда стратегических документов на региональном и муниципальном уровнях.

Взаимодействие государства, науки и общества. Цели, средства и результаты целенаправленной активности, которая приобретает в стратегическом планировании устойчивую упорядоченность, порождаются и возникают в согласованной деятельности. Достижение взаимной адаптации государства, науки и общества к устойчиво-изменяемой упорядоченности на основе наиболее значимых ценностей-целей, разделяемых и одинаково интерпретируемых ролей институтов государства, науки и общества – основа их целевого и целеустремленного взаимодействия.

Государство и наука. В Башкортостане государственные органы власти привлекают научное сообщество к разработке стратегических документов. Регион вместе с Республикой Татарстан и Республикой Саха-Якутия входит в тройку субъектов РФ, где действуют региональные Академии наук. Академия наук Республики Башкортостан получает задания Правительства РБ на разработку проектов стратегий, программ, подпрограмм совместно с исполнительными органами власти и другими структурами. Правда, конструктивный диалог строится не всегда динамично и пока не отработана технология распределения ответственности и мотивации.

Государство и общество. Согласно статье 13 упомянутого закона проекты документов стратегического планирования выносятся на общественное обсуждение с учетом требований законодательства Российской Федерации. Открытость для обсуждения проектов стратегических документов обеспечивается посредством размещения их на официальном сайте органа, ответственного за разработку документа стратегического планирования, а также на общедоступном информационном ресурсе в информационно-

телекоммуникационной сети «Интернет». Однако сегодня в регионе есть существенные ограничения для включения населения региона в обсуждение. Одним из актуальных информационно-аналитических инструментов для выработки, проведения и корректировки политики развития информационного общества на региональном уровне выступает композитный Индекс готовности регионов России к информационному обществу. Он публикуется Институтом развития информационного общества с 2005 года. Индекс представляет собой измеритель степени подготовленности регионов к широкомасштабному использованию ИКТ для социально-экономического развития. Интегративная позиция Башкортостана по Индексу — 47 со значением 0,381 [3]. По данным Башкортостанстата, в 2013 году в организациях в наличии было 276349 персональных компьютеров, из них к сети Интернет подключено немногим более половины [4, с.69]. Примерно 60% домохозяйств в республике имеют персональные компьютеры с доступом к сети Интернет, что ограничивает возможность 40% населения в информировании и принятии участия в обсуждении проектов стратегических документов.

Органами государственной власти так или иначе учитывается общественное мнение. Институтом социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан с 2010 года в мониторинговом режиме изучается мнение жителей региона по общественно-политическим и социально-экономическим проблемам развития². Это позволяет получать актуальную обратную связь о реализации принятых решений и вносить коррективы в стратегические документы и управление ими.

Общество и наука. Наука создает, а общество использует результаты интеллектуальной деятельности. Занятые НИОКР — большая профессиональная социальная общность, которая вовлечена в те же процессы жизнедеятельности, что и все общество. Во всем мире идет наращивание кадрового научного потенциала. Вовлечение молодежи в НИОКР в Башкортостане не имеет целенаправленного характера. Позитивен рост числа аспирантов, несмотря на то, что большинство из них после защиты не занято в науке. Не развиты партнерские отношения между наукой и формализованной частью общества — бизнесом.

Таким образом, в республике установлены нормативно-правовые рамки для стратегического развития по актуальным направлениям. Однако предложенный механизм стратегического планирования требует разработки эффективных технологий взаимодействия в этом процессе государства, науки и регионального сообщества. В настоящее время наибольшими возможностями обладают государственные органы управ-

² Приведем краткие данные об этих исследованиях: «Социально-политическое и экономическое развитие Республики Башкортостан» (1 волна). Объем выборки – 1 040 человек, в возрасте от 18 до 70 лет. Выборка: маршрутная, случайно-вероятностная. Метод исследования: личное интервью по месту жительства, отбор респондента по «ближайшему дню рождению». Инструментарий: Инструкция интервьюерам, карточки, маршрутные листы, бланк контроля, анкета №1 и №2 (с ротацией вариантов ответа). Сроки полевых работ: 12 сентября – 02 октября 2010 г.; «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Башкортостан» (5 волна). Объем выборки – 1 577 человек, в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка: Стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Уровень ошибки выборки: 2,5%. Сроки полевых работ: 7 октября – 9 ноября 2011 г.; «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Башкортостан» (7 волна). Объем выборки – 1 010 человек, в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка: случайно-вероятностная, стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Сроки полевых работ: 20 августа – 20 сентября 2014 г.

ления. Необходимо обеспечить доступ к проектам стратегического характера и четко разграничить полномочия экспертного и регионального сообщества для оптимизации развития региона. Для обеспечения необходимой динамики следует создавать сети компетенций, общественные организации, отраслевые союзы и планомерно децентрализовывать процессы принятия решений, превращая их в совместные инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/?frame=2
2. Федеральный закон от 20 июля 1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации».
3. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010-2011. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института развития информационного общества / под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. – М., 2012. – С. 413-426. – Режим доступа: <http://eregion.ru>
4. Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан [Текст]: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2014. – С. 69.

В.В. Касьянов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современном мире эффективность демографической политики во многом зависит от системности, структурированности, продуманности мер, реализуемых на федеральном и региональном уровнях. Особенность каждого региона предполагает дифференцированный подход к управлению демографическими процессами. Исследование демографической картины региона позволяет выявить неравномерность демографических процессов, определить резервы пополнения человеческих ресурсов, построить сценарии улучшения демографической обстановки. Меры федеральной и региональной помощи, а также целевые программы, несомненно, оказали влияние на демографическую ситуацию в стране и в Краснодарском крае. В рамках данной статьи проследим основные демографические тренды, характерные для региона. Для этого проанализируем такие ключевые показатели, как численность населения, рождаемость, миграционные тренды, смертность. На основе полученных данных можно сделать следующие выводы. В настоящее время в Краснодарском крае наметились положительные тенденции демографического развития. Наблюдается постоянное увеличение численности населения, край сохраняет положительное сальдо миграции, перманентно возрастает уровень рождаемости, постепенно сокращается показатель смертности населения, растет ожидаемая продолжительность жизни. В то же время вполне очевидно, что без дальнейшего совершенствования демографической политики не может быть новых позитивных изменений. Размышляя над демографическими перспективами Краснодарского края, можно прогнозировать следующие тренды. Показатели численности населения будут демонстрировать дальнейший рост. При сохранении нынешних темпов прироста или даже некотором их увеличении численность населения Краснодарского края к 2020 году перевалит за отметку в 6 млн человек. Показатели рождаемости в ближайшей перспективе также будут демонстрировать увеличение. Анализ статистических данных за 2000-е гг. позволяет предположить, что рождаемость все еще не достигла своего максимума. Можно утверждать, что ее уровень в ближайшие годы составит порядка 70–80 тыс. рождений ежегодно. Миграционный тренд по-прежнему будет демонстрировать положительную динамику. Увеличение миграционного прироста, по всей видимости, будет варьироваться в пределах 60–70 тыс. человек.

В современном мире демографическая политика выступает в качестве особого социального инструмента, направленного на регулирование социально-экономических ресурсов государства. Ее эффективность во многом зависит от системности, структури-

рованности, продуманности мер, реализуемых на федеральном и региональном уровнях. В связи с этим особое значение приобретает анализ демографической ситуации, сложившейся в регионах. Региональный срез позволяет судить о реальных возможностях конкретной территориальной единицы обеспечивать положительный тип воспроизводства населения, необходимый для пополнения трудовых ресурсов и нормального функционирования государства.

Особенность каждого региона предполагает дифференцированный подход к управлению демографическими процессами. Исследование демографической картины региона позволяет выявить неравномерность демографических процессов, определить резервы пополнения человеческих ресурсов, построить сценарии улучшения демографической обстановки¹.

Как известно, демографическая ситуация в стране по-прежнему вызывает тревогу специалистов и экспертов². По их мнению, демографический кризис в России имеет огромные масштабы, системный характер и глубокие социальные причины. По некоторым данным за период 1991–2009 гг. численность населения России сократилось на 8 млн, а ежегодные потери достигали 800 тысяч человек. Демографические процессы были детерминированы следующими негативными факторами: бедностью, отсутствием уверенности в «завтрашнем дне», безработицей, разрушением семейных ценностей, низким качеством медицинских услуг³.

Лишь в последнее время в стране стал наблюдаться прирост численности населения, достигаемый за счет повышения рождаемости и снижения смертности. Показательно, что в Краснодарском крае на всем протяжении 2000-х гг. уровень смертности превышал число рождений. Естественный прирост населения достигался лишь за счет положительного сальдо миграций.

Для изменения сложившейся негативной ситуации в демографической сфере российские власти реализуют разноплановые демографические меры (введение материнского капитала, федеральные и региональные субсидии для приобретения жилья, выплаты и льготы за рождение детей и пр.), пытаются найти оптимальные способы и методы воздействия на демографическую ситуацию. Наряду с федеральными в субъектах разрабатывают и внедряют собственные региональные программы. Одной из них стала краевая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2008–2010 гг. На ее реализацию было выделено более 5 млрд. рублей⁴. Программа была направлена на улучшение здоровья населения, укрепление здоровья детей и подростков, сокращение числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В настоящее время в крае реализуется новая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2011–2015 гг. Программа направлена на стабилизацию численности населения и формирование социально-экономических предпосылок

¹ Кузнецова Е.Д. Перспективы развития демографической политики России // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 248.

² Амосов И.Н. Показатели демографического кризиса в контексте национальной безопасности Российской Федерации // Вестник военного университета. – 2009. – № 4. – С. 36.

³ Рязанцев С.В. Эффективность мер демографической политики в России и предпосылки создания модели управления демографическими процессами (2011 – 2013 годы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isprgas.ru/pics/File/tochka_zrenia/Demmodel2011-2013.pdf

⁴ Краевая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2008–2010 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.familykuban.ru/_files/krai_cel_prog/demographiya/otchet_2008-2010.zip

к последующему демографическому развитию; укрепление здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения; развитие системы поддержки семьи.

Меры федеральной и региональной помощи, а также целевые программы, несомненно, оказали влияние на демографическую ситуацию в Краснодарском крае. В рамках данной статьи проследим основные демографические тренды, характерные для региона. Для этого проанализируем такие ключевые показатели, как численность населения, рождаемость, миграционные тренды, смертность.

Анализ статистических материалов позволяет выделить два продолжительных периода, во время которых наблюдалось варьирование численности населения Краснодарского края в 2000-е гг. Первый продолжался с 2001 по 2006 год. В это время происходило постоянное снижение численности населения. В результате оно сократилось на 36,2 тыс. тыс. и составило 5 096 572 человек в 2006 году. Сокращение населения, на наш взгляд, было обусловлено высоким уровнем смертности, который варьировался от 80,3 тыс. человек в 2002 году до 75,3 тыс. в 2006 году.⁵ Эту негативную тенденцию не сгладило даже постоянное увеличение рождаемости.

Во второй период, который начался в 2007 году и продолжается до настоящего времени, напротив, наблюдается постоянный рост населения. За это время оно увеличилось с 5 101 081 человек в 2007 году до 5 402 609 человек в 2014 году, т.е. на 301 528 тыс. человек⁶. По этому показателю Краснодарский край опережает все субъекты Южного федерального округа, занимая третье место в стране. Край уступает лишь Москве и Московской области.

Анализируя причины увеличения численности населения Краснодарского края, необходимо отметить, что оно происходило за счет влияния разнообразных факторов. С одной стороны, такое положение было обусловлено позитивными демографическими процессами (положительное сальдо миграции, рост рождаемости, уменьшение смертности, увеличение продолжительности жизни), с другой – социально-экономическими успехами в развитии региона. За последние десятилетия край превратился в инвестиционно привлекательный субъект с развитой социально-экономической системой и благоприятными климатическими условиями. Такое положение не только притягивало население из других регионов, но и снижало отток местных жителей.

Рост численности населения в крае во многом происходил за счет интенсификации миграционных потоков. Вследствие этого в первой половине 2000-х гг. постоянно наблюдался миграционный прирост. В 2000 г. он составил 22 560 человек, в 2005 г. – 23 770, а в 2007 г. – 36 554 человека. В 2005 г. численные потери в крае были компенсированы миграционным приростом на 87 % (для сравнения, в 2004 г. – на 67,1 %). В 2006 г. прирост составил 26 599 человек, что на 2 829 (или на 11,9 %) больше, чем в 2005 г.⁷

Однако с 2008 г. в крае произошло достаточно существенное снижение миграционного прироста. В этот год он составил 30 615 человек, что было на 17% ниже показателей за аналогичный период. Уменьшение прироста наблюдалось и в последующие годы. Так, в 2009 г. прирост составил 25 571 чел., а в 2010 г. – 26 746 человек⁸.

⁵ Касьянов В.В., Трошенков С.В. Трудовые ресурсы Краснодарского края и демографические основы их формирования // Теория и практика общественного развития. – 2008. – № 1. – С. 21.

⁶ Общие итоги естественного движения населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krsdstat.ru/default.aspx>

⁷ Краснодарский край в цифрах, 2008: крат. стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Краснодар. краю. – Краснодар: Краснодарстат, 2009. – С. 29.

⁸ Общие итоги естественного движения населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krsdstat.ru/default.aspx>

Снижение миграционного прироста в крае в период с 2008 по 2010 гг. было связано с последствиями мирового финансового кризиса, который оказал существенное влияние на развитие торговли, строительства, сельского хозяйства и пр. областей, где могли реализовать свои трудовые потребности мигранты. В это время многие объекты по краю были заморожены, снизились инвестиции и капиталовложения, что не позволяло создавать новые рабочие места. Важной причиной была неуверенность в завтрашнем дне, поскольку переезд на новое место жительства или работы из другого региона или ближнего и дальнего зарубежья, был сопряжен со многими рисками для мигрантов⁹.

Оживление российской экономики, постепенное преодоление последствий мирового финансового кризиса, строительство олимпийских объектов – вызвали небывалое увеличение миграционного прироста в Краснодарском крае. Только за 2011–2012 гг. он составил 107 852 человека. Всего за период с 2005 по 2012 гг. миграционный прирост достиг 277 707 человек, что превышает общую численность населения многих городов в крае. В 2013 г. прирост достиг 72 508 человек, что является наивысшим показателем за все 2000-е гг. Данные за 2014 г. пока находятся в стадии сбора и систематизации, но по состоянию на июль текущего года миграционный прирост составил более 25 тысяч человек¹⁰.

Кроме того, необходимо учитывать, что в связи с военными действиями на юго-востоке Украины в Краснодарский край прибывают все новые и новые беженцы. Их количество постоянно варьируется и не поддается точному исчислению. По предварительным данным в крае находится более 20 тысяч граждан Украины.

В течение последних лет в крае наметилась положительная тенденция и в снижении смертности населения. В начале 2000-х гг. показатели смертности варьировались, достигая в отдельные годы отметки в 80 тысяч человек (2002 г.). Столь высоких цифр в крае не было даже в неблагоприятные годы либеральных реформ. Показатели смертности, по-видимому, были детерминированы суммарной численностью населения, низким качеством медицинского обслуживания и общим старением населения, которое наблюдалось еще в 1990-е гг.

С середины 2000-х гг. показатели смертности стали планомерно снижаться. Этот тренд сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени. В 2006 году смертность сократилась до 75 334 человек (коэффициент смертности – 14,8 на 1000 населения). В последующие годы ее уровень еще несколько снизился в 2007 г. до 73 744 человек, в 2008 г. – 72 945, в 2010 г. – 70 728¹¹. В последние два года в крае регистрируются самые низкие показатели смертности населения за все 2000-х гг. Ее уровень удалось сократить 68,7 тысяч смертей ежегодно. Эти данные, несомненно, являются важным свидетельством позитивной демографической политики, проводимой в регионе. Не может не радовать тот факт, что в крае планируется дальнейшее снижение показателя смертности.

Уменьшение темпов убыли населения в крае тесно связано с изменением таких показателей как: рождаемость и продолжительность жизни. Рождаемость в крае имеет тенденцию к ежегодному росту. Так, если в 2000 г. она составляла 45 847 ребенка,

⁹ Шаповалов С.Н. Миграционные процессы в Краснодарском крае в 2000-е гг. // Общество: социология, психология, педагогика. – 2013. – № 4. – С. 33.

¹⁰ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources

¹¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krsdstat.ru/default.aspx>

то в 2009 г. – уже 63 730. За это время рождаемость увеличилась на 17 883 ребенка, или на 39 %¹². Темпы рождаемости несколько снизились в 2010 г., достигнув отметки в 63 624 ребенка, что все равно являлось одним из лучших показателей на протяжении 2000-х гг.

С 2011 г. рождаемость вновь демонстрировала увеличение, достигнув отметки в 63 864 ребенка. Показатель рождаемости, зафиксированный в крае в 2013 г. – 70 298 детей – стал рекордным за всю новейшую историю региона¹³. Подобные темпы увеличения рождаемости на протяжении достаточно длительного периода позволяют говорить о позитивных демографических перспективах региона. Однако, для того чтобы всплеск рождаемости, наблюдаемый со второй половины 2000-х гг., привел к положительным структурным изменениям в демографических процессах, на наш взгляд, от федеральных и региональных властей требуется целый комплекс мероприятий. Например, дальнейшее совершенствование здравоохранения, продление выдачи материнского капитала за рождение второго ребенка, совершенствование ипотечного кредитования, разработка и реализация программ адресной помощи семьям.

Увеличение рождаемости в крае, к сожалению, имело и обратную сторону. Стабильно высокие показатели рождаемости привели к острой нехватке мест в детских дошкольных учреждениях. Попытки ввода новых помещений, уплотнение уже существующих учреждений, организация «домашних» садов пока не позволили решить эту проблему.

В Краснодарском крае на конец лета 2011 года. 42 тысячи дошкольников стояли на очереди в детские сады. По состоянию на 2012 г. переполненные садики не могли принять более 22,5 тысяч малышей. Для решения этой проблемы в крае строятся дошкольные учреждения, реконструируются и расширяются уже существующие, выкупаются помещения у инвесторов и развиваются группы семейного воспитания. Ликвидировать очередь в детские дошкольные учреждения в Краснодаре власти планируют только к 2016 г. По остальным муниципалитетам конкретные сроки не обозначаются. Поэтому проблема нехватки мест в дошкольных учреждениях остается весьма актуальной и острой.

Важной проблемой, связанной с рождаемостью, остается младенческая смертность. В этой области также наблюдаются некоторые положительные сдвиги. Так, если в 2002 г. в Краснодарском крае этот показатель достигал 10,8 на 1000 родившихся детей, к 2005 г. он уменьшился до 8,6, или на 20 %. В период 2005–2010 гг. коэффициент младенческой смертности сократился с 8,6 до 5,2. В дальнейшем этот показатель возрос и в 2012 г. составил 6,6 на 1000 родившихся. По итогам 2012 г. показатели младенческой смертности в Краснодарском крае были минимальными на фоне данных по Южному Федеральному округу. Они были также ниже общероссийских данных – 8,7.

Однако даже с учетом достигнутых результатов вполне очевидно, что показатели смертности уровня 6,6 и 5,2 на фоне данных ведущих европейских стран (от 4,6 до 3,7) являются весьма далекими от идеала. Поэтому дальнейшее снижение уровня младенческой смертности является приоритетной задачей как для федерального, так и регионального здравоохранения.

¹² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources

¹³ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krsdstat.ru/default.aspx>

Улучшение демографической обстановки в Краснодарском крае связано и с ростом ожидаемой продолжительности жизни населения. За последние годы она стала увеличиваться. В 2005 г. она достигла отметки в 67,5 года. Весьма высокой остается разница между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и женщин, которая обусловлена высокой смертностью людей трудоспособного возраста, главным образом мужчин. На протяжении 2000-х гг. разница изменялась, постепенно сокращаясь. В 2000 г. она составляла 12,2 года, в 2005 г. – 12,4, в 2006 г. – 11,7¹⁴.

В 2006 г. ожидаемая продолжительность жизни возросла до 68,7 лет. В 2009 г. был достигнут рубеж в 70,7 лет. Наиболее высокие показатели прогнозируются на 2012–2013 гг. – более 71 года. При дальнейшем развитии медицинского обслуживания и социальной инфраструктуры этот показатель планируется увеличивать.

Проанализировав представленные данные можно сделать следующие выводы. В настоящее время в Краснодарском крае наметились положительные тенденции демографического развития. Наблюдается постоянное увеличение численности населения, край сохраняет положительное сальдо миграции, перманентно возрастает уровень рождаемости, постепенно сокращается показатель смертности населения, растет ожидаемая продолжительность жизни.

В то же время вполне очевидно, что без дальнейшего совершенствования демографической политики не может быть новых позитивных изменений. В первую очередь это обусловлено тем, что демографическая политика тесно связана со всей социальной сферой (ясли, детские сады, школы, перинатальные центры, детские поликлиники и прочие объекты социальной инфраструктуры) без развития которой не может быть серьезных успехов. В связи с этим достижение положительных демографических результатов возможно лишь при успешном решении социальных проблем населения в каждом отдельном регионе.

Размышляя над демографическими перспективами Краснодарского края, можно прогнозировать следующие тренды. Показатели численности населения будут демонстрировать дальнейший рост. При сохранении нынешних темпов прироста или даже некотором их увеличении численность населения Краснодарского края к 2020 г. перевалит за отметку в 6 млн. человек. На такую мысль наводит нынешняя динамика роста. За период с 2007 по 2014 г. численность населения возросла более чем на 300 тыс. человек. Этому способствуют такие детерминанты, как благоприятные для проживания климатические условия, потребность в новых трудовых ресурсах в связи с перспективностью и инвестиционной привлекательностью региона, естественный прирост населения.

Показатели рождаемости в ближайшей перспективе также будут демонстрировать увеличение. Анализ статистических данных за 2000-е гг. позволяет предположить, что рождаемость еще не достигла своего максимума. Однако в этом процессе важную роль будут играть успехи в улучшении качества медицинских услуг, дальнейшие меры поддержки семей с детьми и решение проблемы с детскими дошкольными и школьными учреждениями. Исходя из этого, можно утверждать, что уровень рождаемости в ближайшие годы составит порядка 70–80 тыс. рождений ежегодно.

Миграционный прирост на всем протяжении 2000-х гг. способствовал увеличению численности населения края. Этот миграционный тренд по-прежнему будет демонстрировать положительную динамику. Тем более что интенсификация миграционных потоков в крае, наблюдаемая в период до мирового финансового кризиса, сохраняет

¹⁴ Касьянов В.В., Трошенков С.В. Трудовые ресурсы Краснодарского края... – С. 21.

свою актуальность и в посткризисный период. Увеличение миграционного прироста, по всей видимости, будет варьироваться в пределах 60–70 тыс. человек. Однако в отдельные годы этот показатель может изменяться как в сторону увеличения, так и в сторону незначительного снижения. В ближайшей перспективе миграционный прирост может возрасти за счет мигрантов с территории Украины, поскольку неопределенность политической и юридической обстановки на юго-востоке страны, могут вызывать дальнейший отток населения. В данной ситуации Краснодарский край в силу своего расположения и тесных исторических связей может стать реципиентной территорией для мигрантов с Украины. Именно такими нам видятся основные демографические тренды Краснодарского края в ближайшие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосов, И.Н. Показатели демографического кризиса в контексте национальной безопасности Российской Федерации [Текст] / И.Н. Амосов // Вестник военного университета. – 2009. – № 4. – С. 36-42.
2. Касьянов, В.В. Трудовые ресурсы Краснодарского края и демографические основы их формирования [Текст] / В.В. Касьянов, С.В. Трошенок // Теория и практика общественного развития. – 2008. – № 1. – С. 20-29.
3. Краевая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2008 – 2010 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.familykuban.ru/_files/krai_cel_prog/demographiya/otchet_2008-2010.zip
4. Краснодарский край в цифрах, 2008 [Текст]: крат. стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Краснодар. краю. – Краснодар: Краснодарстат. – 2009. – 283 с.
5. Кузнецова, Е.Д. Перспективы развития демографической политики России [Текст] / Е.Д. Кузнецова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 248-251.
6. Общие итоги естественного движения населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krsdstat.ru/default.aspx>
7. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krsdstat.ru/default.aspx>
8. Рязанцев, С.В. «Эффективность мер демографической политики в России и предпосылки создания модели управления демографическими процессами» (2011 – 2013 годы) [Электронный ресурс] / С.В. Рязанцев. – Режим доступа: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Demmodel2011-2013.pdf
9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources
10. Шаповалов, С.Н. Миграционные процессы в Краснодарском крае в 2000-е гг. / С.Н. Шаповалов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2013. – № 4. – С. 32-36.

Н. Ю. Бухнер

Алтайский государственный
технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) – это форма самоорганизации граждан по месту их жительства (подъезд жилого дома, многоквартирный жилой дом, группа жилых домов, микрорайон, село, поселок и другие территории проживания граждан) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения [3, С. 1] .

Современные ТОС в России возникли еще в конце восьмидесятых годов XX века, однако до сих пор решается их роль в формировании института гражданского общества, особенности активной позиции граждан по решению задач социально-экономического развития. Согласно закону территориальное общественное самоуправление осуществляется непосредственно населением через проведение собраний и конференций граждан, а также посредством создания органов ТОС.

Собрание, конференция вправе принимать решения лишь по вопросам, отнесенным к их компетенции уставом территориального общественного самоуправления. В федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ выделены полномочия собрания, конференции граждан, осуществляющих территориальное общественное самоуправление:

- установление структуры органов территориального общественного самоуправления;
- принятие устава территориального общественного самоуправления, внесение в него изменений и дополнений;
- избрание органов территориального общественного самоуправления;
- определение основных направлений деятельности территориального общественного самоуправления;
- утверждение сметы доходов и расходов территориального общественного самоуправления и отчета о ее исполнении;
- рассмотрение и утверждение отчетов о деятельности органов территориального общественного самоуправления.

Органы (советы, комитеты) территориального общественного самоуправления избираются на собраниях, конференциях граждан, проживающих на соответствующей территории. К ведению органов территориального общественного самоуправления относятся следующие вопросы:

- представительство интересов населения, проживающего на территории деятельности органа территориального общественного самоуправления;
- обеспечение исполнения решений, принятых на собраниях и конференциях граждан;
- право осуществления хозяйственной деятельности по содержанию жилищного фонда, благоустройству территории, иной хозяйственной деятельности, направленной на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории, как за счет средств указанных граждан, так и на основании договора между органами территориального общественного самоуправления и органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета;
- право вносить в органы местного самоуправления проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами местного самоуправления, к компетенции которых отнесено принятие указанных актов.

Высшим органом ТОС является собрание (конференция) граждан.

Одним из основных документов, определяющих деятельность ТОС в городе Барнауле, является Положение о территориальном общественном самоуправлении в г. Барнауле, принятое в 2011 году. Согласно данному положению под территориальным общественным управлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования городского округа – города Барнаула (подъезд многоквартирного жилого дома, многоквартирный жилой дом, группа жилых домов, жилой микрорайон, село, поселок и другие территории проживания граждан) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения городского округа [5].

Границы территории, на которой осуществляется ТОС, устанавливаются Барнаульской городской Думой (далее - городская Дума) по предложению населения, проживающего на данной территории.

В отличие от предыдущего положения, принятого в 2005 году (№ 245) данного положения дополнено ключевыми позициями практически во всех пунктах. Наиболее значимыми из них являются:

1. Границы территории, на которой осуществляется ТОС, не могут выходить за пределы территории городского округа.

В границах действующего ТОС, зарегистрированного в установленном порядке, не допускается создание еще одного ТОС.

2. ТОС осуществляется непосредственно населением через проведение собраний и конференций граждан, а также посредством создания органов ТОС.

3. Органы государственной власти и органы местного самоуправления не вправе препятствовать участию граждан в осуществлении ТОС.

4. Право граждан на осуществление ТОС подлежит судебной защите в порядке, установленном федеральным законодательством.

5. Граждане, участвующие в ТОС, органы ТОС вправе оказывать содействие органам местного самоуправления в решении вопросов местного значения в пределах компетенции ТОС.

6. Администрация города может поощрять активных участников ТОС путем премирования и поощрения победителей проектов общегородского значения среди некоммерческих организаций за счет и в пределах средств, предусмотренных на указанные цели в бюджете города на соответствующий финансовый год.

Возникновение ТОС в Барнауле тесно связано с развитием города. Первые ТОС появились в городе в Железнодорожном районе. Так, в 1971 году по решению партийных органов были определены микрорайоны в городе для организации работы с населением, закреплены за ними трудовые коллективы, организованы первые общественные советы микрорайонов, которые за многие годы работы накопили большой опыт и явились фундаментом для создания территориального общественного самоуправления населения в Железнодорожном районе. К концу 80-х годов в районе существовали многочисленные общественные формирования жителей и трудящихся, такие как координационные советы, советы директоров, советы общественности опорных пунктов охраны порядка и другие. В июле 1989 года на сессии исполкома Железнодорожного района был поставлен вопрос о новых подходах к решению насущных проблем жителей. Было решено, что важнейшим звеном, которое позволит гармонично сбалансировать интересы жителей, жилищных и коммунальных служб, может стать самоуправление в лице советов микрорайонов, избираемых на собраниях жителей. Депутаты районного, городского и краевого Советов объединились в депутатскую группу и выступили с инициативой о создании совета самоуправления и получили поддержку исполнительного комитета. Практически одновременно стал создаваться Совет ТОС Петровского микрорайона. В июле 1989 года был образован оргкомитет, который провел подготовительную работу по проведению собрания представителей общественности микрорайона. 2 августа 1989 года состоялось собрание представителей от домов и организаций микрорайона, на котором был избран общественный Совет самоуправления Петровского микрорайона в количестве 9 человек. Создание первых советов ТОС послужило началом развития территориального общественного самоуправления в районе и городе [4].

Сегодня в городе зарегистрированы и активно работают 75 органов территориального общественного самоуправления. Из них по районам:

- в Железнодорожном районе - 9 ТОС;
- в Индустриальном районе - 24 ТОС;
- в Ленинском районе - 13 ТОС;
- в Октябрьском районе - 7 ТОС;
- в Центральном районе - 22 ТОС.

Исследования ТОС на уровне района позволяют назвать некоторые противоречия в отношении к ТОС в гражданском самосознании населения [6]. Так, 80 % жителей считает, что ТОС развивает чувство хозяина, и лишь 20% - нет. Только 27% жителей участвует в ремонте подъезда, конкурсах «Лучший двор» и т.д. Татаркина Ю. Н. подчеркивает, что представления жителей и избранных членов Советов ТОС по соответствующим аспектам жизнедеятельности существенно не различаются. 66,1% жителей отметили среди значимых для них функций контроль над благоустройством территории, 60% – организацию субботников, 51,7% - помощь детским садам, школам, благотворительным организациям [6]. Исследователь также отмечает пассивность жителей микрорайона, старение жилого фонда, рост правонарушений.

Современный процесс формирования гражданского общества в РФ немаловажен без развития активности населения в управлении. Как отметил Ж. Т. Тощенко, «пока человек не почувствовал себя силой, влияющей на решение проблем, хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично» [7].

Исследование взаимодействия ТОС с администрацией и жителями других городов позволяет отметить следующие барьеры интеграции ТОС в систему управления муниципальным образованием: 1) низкая активность населения; 2) недостаточное нормативно-правовое регулирование; 3) слабая информированность граждан о функциях и направлениях деятельности ТОС; 4) низкий уровень финансовой обеспеченности бюджетов территориальных сообществ; 5) незаинтересованность местных властей в развитии института территориального общественного самоуправления и его интеграции; 6) недостаточная квалификация сотрудников и активистов ТОС [1].

Как отмечает Киселева А. М., можно наблюдать снижение степени безразличия к месту своего проживания. Также исследователь отмечает: 1) рост формирующейся потребности жителей участвовать в решении проблем своей территории; 2) активизацию участия жителей в сохранности жилого фонда, 3) тенденцию к росту заинтересованности населения в деятельности “собственных” (территориальных) КТОСов. Такие тенденции А. М. Киселева связывает с качественным сдвигом в деятельности комитетов территориального общественного самоуправления на собственной территории: большее внимание они стали уделять социальной поддержке жителей и организации их свободного времени, не забывая и о вопросах благоустройства микрорайона [2].

Таким образом, в настоящее время в Барнауле происходит процесс становления территориального общественного самоуправления. Особую роль в этом процессе играет активность населения, которую нужно постоянно стимулировать различными способами: проведением конкурсов, выделением во внутренней структуре ТОС центров социально-значимой и творческой активности, организацией досуга населением, создание интерактивных форм взаимодействия советов ТОС с жителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдуков, Р.И. Интеграция территориального общественного самоуправления в систему управления муниципальным образованием [Текст]: автореф. дис. соиск. учен. степ. канд. социолог. наук: 22.00.08 / Р.И. Гайдуков. – Белгород, 2012. – 24 с.
2. Киселева, А.М. Развитие территориального общественного самоуправления в крупном городе [Текст] / А.М. Киселева // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 73-80.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства. – 2003. – № 43. – Ст. 27.
4. Что такое территориальное общественное самоуправление [Электронный ресурс] // Официальный сайт города Барнаула. – Режим доступа: http://barnaul.org/vlast/rajony/gd/society_4/tos
5. Об утверждении Положения о территориальном общественном самоуправлении в городе Барнауле [Текст]: Решение Барнаульской городской Думы от 03.06.2011 № 550 // Вечерний Барнаул. – 2011. – № 87. – С. 4.
6. Татаркина, Ю.Н. Территориальное общественное самоуправление как институт гражданского общества: тенденции и проблемы развития: на примере г. Барнаула [Текст]: автореф. дис. соиск. учен. степ. канд. социолог. наук: 22.00.04 / Ю.Н. Татаркина. – Барнаул, 2007. – 24 с.
7. Тощенко, Ж.Т. Состоялось ли гражданское общество в России? («круглый стол») [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 49.

Е.И. Медведева, С.В. Крошили

ИСЭПН РАН, г. Москва, МГОСГИ, г. Коломна

УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ГРЕБНЕВОЙ МОДЕЛИ¹

Образование является важнейшей подсистемой социальной сферы государства, которая обеспечивает процесс получения человеком знаний, умений и навыков в систематизированном виде с целью их дальнейшего эффективного использования в профессиональной деятельности. Это важнейший институт социализации человека в обществе, который определяет идентичность индивида, а также имеющиеся у него возможности личного, гражданского и профессионального выбора, рамки и нормы поведения, а также определяет статусные позиции [1].

Система образования – это достаточно сложная социально-экономическая система, которую характеризуют не только количественные, но и качественные характеристики, территориальная разветвленность и особенности административного подчинения. Эта система имеет социальное и экономическое значение на уровне регионов и страны в целом. Учреждения различных уровней образуют единую отраслевую структуру образования, независимо от того, к какой форме собственности или ведомственной принадлежности они относятся.

Образование как социальный институт переживает постоянные трансформации не только в нашей стране, но и во всем мире. Это обусловлено следующими факторами [2]: во-первых, ускоряется научно-технический прогресс, совершенствуются технологии, сменяются технологические уклады, происходит экспансия информационных технологий во все сферы общественной жизни; во-вторых, наблюдается глобализация образования, которая связана со все большим открытием социальных систем большинства стран; в-третьих, усиливается гуманистическая компонента в образовании и меняются технологии предоставления образовательных услуг.

Образование можно рассматривать как социально-экономическую систему, состоящую из образовательных учреждений различного уровня. В настоящее время все учреждения системы образования объединены едиными стандартами и общей законодательной базой, системой административного управления, а также единым экономическим механизмом функционирования. Основными характеристиками системы образования являются количество образовательных учреждений, а также структура и численность

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ, грант №14-02-00250 «Гребневая (ридж) модель возрастной структуры детей и молодежи».

обучающихся; распределение по различным регионам, формам собственности и обучения; количество и качество преподавательского состава; показатели материально-технической базы; структура и объемы доходов/расходов учебных заведений.

Система образования региона – это система учебных учреждений конкретной области, района, города или посёлка, отдельные структуры которой являются открытыми динамическими социальными системами. Специалисты Академии труда утверждают, что объекты социального управления всегда имеют системный, многоуровневый характер: общество, социальные группы, слои, коллективы, индивид. Следовательно, различаются и масштабы социального управления: государственный, областной, районный, городской и пр. [3]. Именно поэтому систему образования необходимо рассматривать как многоуровневый объект, масштабируемый территориально.

Региональная (локальная) деятельность позволяет системе образования на муниципальном уровне быть более гибкой. На небольшом рынке точнее согласуются предложение и спрос, учебные учреждения быстрее реагируют на меняющиеся запросы общества и потребителей. Вместе с тем ограниченное число тех, кто предлагает образовательные услуги на местных рынках, снижает эффект конкуренции и может приводить к потере качества образования.

Среду, в которой функционирует социально-экономическая система, обычно делят на макросреду и микросреду [4]. Сами изменения в системе происходят под воздействием внешней среды как реакции на происходящие изменения. Микросреда частично подконтрольна, и успешные учебные заведения могут влиять на её факторы. К микросреде относятся следующие субъекты: конкуренты, поставщики, посредники, контактные аудитории, инвесторы, властные структуры, потребители. Количество элементов микросреды зависит от масштабов и профиля деятельности. В макросреде принято выделять шесть основных групп факторов: политико-правовые, экономические, демографические, социально-культурные, экологические, технологические. Перечисленные факторы влияют на всю систему в целом.

Демографическая ситуация в регионах – это еще одна проблема, которую не могут не учитывать реформы российской системы образования. По оценке некоторых экспертов Министерства образования и науки, к 2015 году численность студентов должна сократиться почти в половину – с 6,3 до 5,5 млн. чел. В 2010 году численность выпускников школ по стране сократилась на 10%, что отразилось на зачислении студентов на очную форму обучения. Снижение общей численности принятых в российские ВУЗы студентов было отмечено уже в 2005 году. Причем в Москве и Московской области снижение численности абитуриентов опережает показатели по России [99]. В настоящее время (начиная с 2013 года) наметилась положительная тенденция в демографических показателях. В конце 2013 года показатель рождаемости впервые с начала 90-х превысил показатель смертности. Однако ситуация остается сложной.

В 2010 году в некоторых регионах – к примеру, в Воронежской области – число бюджетных мест в ВУЗах сравнялось с числом выпускников школ, и на бюджетные специальности мог поступить фактически каждый. В Коломенском районе Московской области также сложная ситуация с абитуриентами. Например, в городе Коломна в 2011 году выпускалось из одиннадцатых классов менее 300 человека, а в Московском государственном областном социально-гуманитарном институте свыше 350 бюджетных мест на первом курсе. Остается надежда только на регионы, но и тут вместо привычных 4 выпускных классов в школах имеется только один или два. В 2014 году ситуация из-

менилась, и количество выпускников школ начало расти. А количество мест в ВУЗах (из-за недостаточного набора в предыдущие годы) было сокращено, что привело к повышению спроса и росту проходного балла по ЕГЭ. Во многих региональных ВУЗах появился конкурс. Очевидно, что одним из важнейших доминантных факторов в управлении региональными системами образования становятся демографические показатели.

Одной из основных задач реформ, которые сейчас реализуются государством, является «оптимизация» сети образовательных учреждений: при этом необходимо учитывать число учащихся, которые претендуют на то или иное место в образовательных учреждениях. Учет данного показателя позволит избежать нехватки или избытка мест для учащихся. С другой стороны, если иметь возможность моделировать данный процесс, то это позволит учитывать не только потребности в образовании (на определенных уровнях) со стороны населения, но и запросы рынка труда, государства на дипломированных специалистов.

Таким образом, необходимо разработать новый подход к процессу планирования бюджетных и внебюджетных мест в учебных заведениях. Данное планирование можно осуществить на основе Гребневой модели возрастной структуры детей и молодежи, которая позволит с определенной долей вероятности предопределить количество учащихся на различных уровнях образования. Использование данного подхода даст возможность моделировать необходимое количество мест в дошкольных учебных заведениях, в школах, в системе СПО и ВПО. Это позволит более эффективно управлять системой образования (исследование выполнено в рамках проекта РГНФ, грант №14-02-00250 «Гребневая (ридж) модель возрастной структуры детей и молодежи»).

Суть данного подхода заключается в следующем: необходимо более точно увязывать демографическую динамику и изменения в системе образования. Для этого предполагается учитывать демографические процессы, происходящие в российском обществе. Процесс моделирования можно осуществить на данных РОССТАТа. Из раздела «Демография» определены возрастные когорты за период с 1990-2012 гг. Данные группы были сформированы из электронной базы данных по запросу «Численность населения РФ на 1 января, чел.». В результате были выделены следующие возрастные категории: дети до 1 года; рождение с учетом смертности в 1 год (1 год); дошкольный возраст (ясли и детский сад) (3 года); начальная школа (7 лет); старшие классы или СПО (16 лет); вуз (18 лет). Пример выборки по указанным категориям приведен в таблице 1.

Такая выборка позволяет с определенной точностью (которую дают данные государственной статистики) предположить количество учащихся, претендующих на места в учебных заведениях на уровне дошкольного образования, школьного, старших классов, среднего и высшего профессионального образования. При этом следует учитывать, что существуют определенные расхождения при выборке из данных РОССТАТа, а также определенную долю детей, которые не охвачены процессом обучения.

Механизм формирования волны (выбор определенной когорты - гребня) возрастной структуры детей и молодежи происходит следующим образом: выбирается определенная когорта детей, например, рожденные в 1990 году. Затем численность данной когорты рассматривается в 1991 году (1 год), в 1993 (3 года – детский сад), в 1997 (рожденные в 1990 поступают в школу), 2006 (16 лет – СПО или переход в старшие классы) и 2008 году (окончание общеобразовательной школы). После этого аналогичным образом осуществляется процесс анализа рожденных в 1992 году. Их количество отслеживается до 18 лет, т.е. до 2009 года.

Таблица 1. Когортная выборка из данных РОССТАТа за период 1990-2010гг., чел.

Когорты / Годы	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
до 1 года	2123530	1964547	1780031	1584813	1389192	1436350	1374042	1315450	1267765	1289086	1221452	1266627	1292461	1372458	1460997	1485054	1448509	1464203	1595212	1696313	1726549
1 год	2310881	2115235	1971236	1782259	1590312	1401284	1436543	1375356	1314605	1265782	1286936	1224258	1264598	1279629	1378953	1455321	1475587	1450867	1459980	1589155	1685419
3 года	2468247	2456950	2319153	2131622	1987787	1804237	1623164	1419635	1441913	1381634	1318173	1266951	1295060	1248767	1283546	1291750	1390063	1452220	1470100	1457191	1458288
7 лет	2316112	2472154	2417757	2388680	2498773	2501517	2363247	2184251	2042991	1828245	1653730	1437546	1445897	1389916	1329915	1277118	1314524	1264282	1337877	1313935	1404954
16 лет	2011907	2071294	2108898	2162458	2143675	2192109	2206579	2275416	2274627	2422250	2564121	2519316	2478764	2577485	2556072	2398867	2260995	2182342	1885616	1720314	1516555
18 лет	2003243	2066259	2019517	2063193	2110206	2170536	2154439	2198545	2209266	2310407	2293132	2453479	2600168	2558235	2488489	2538705	2518194	2389360	2297055	2229623	1914537

Источник: Данные РОССТАТа и расчеты автора.

Таблица 2. Когортная выборка за период 1990-2008гг., чел.

Когорты / Годы	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Дети до 1 года	2123530	1964547	1780031	1584813	1389192	1436350
Рождение с учетом смертности в 1 год (1 год)	2115235	1971236	1782259	1590312	1401284	1436543
Сад (3 года)	2131622	1987787	1804237	1623164	1419635	1441913
Начальная школа (7 лет)	2184251	2042991	1828245	1653730	1437546	1445897
Старшие классы (16 лет)	2260995	2182342	1885616	1720314	1516555	1507135
ВУЗ (18 лет)	2297055	2229623	1914537	1777762	1662919	1555494

Источник: Расчеты автора на основе данных РОССТАТа

В рамках исследования были проанализированы показатели численности рожденных в период с 1990 по 1995 гг. (так как статистические данные позволяли построить «полуо» волну – гребень только в этом диапазоне до 2013 года включительно) (см. табл. 2).

Для построения гребневой модели возрастной структуры учащихся были применены методы эконометрического моделирования. Для построения указанной модели выявлялась регрессионная зависимость количества детей в каждой возрастной группе (до 1 года, 1 год, 3 года, 7 лет, 16 лет, 18 лет). Наблюдениями для моделирования служили выбранные когорты, приведенные на рисунке 1.

В процессе моделирования была проведена параметризация модели и определен вид зависимости. На основе применения эконометрического моделирования была предложена гребневая модель возрастной структуры учащихся, которая позволит с определенной долей вероятности предопределить количество детей и молодежи на различных уровнях образования. Ее использование даст возможность моделировать необходимое количество мест в дошкольных учебных заведениях, в школах, в системе СПО и ВПО. В целом станет возможным более эффективно управлять системой образования. С учетом изменения входных параметров модели данный подход может быть использован для прогнозирования возрастной структуры учащихся в любом регионе. Это позволит использовать данную модель не только на макро-уровне, но и на мезо- и микро- уровне, например, на уровнях города или любого другого населенного пункта.

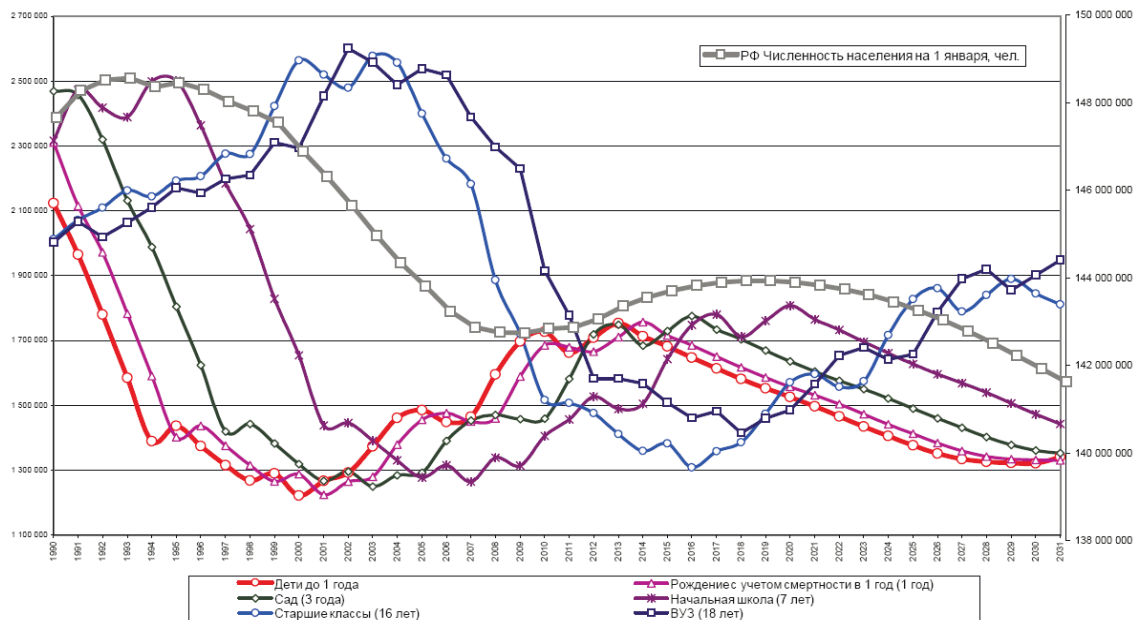

Рисунок 1. Применение гребневой модели для прогнозирования в возрастной структуре учащихся 1990-2031 гг., чел.

Очевидно, что система образования – это основное звено в развитии и модернизации не только региона, но и страны в целом. Экономический рост в средней и долгосрочной перспективе, устойчивое развитие зависит именно от образования. Однако, для того чтобы социально-экономическая система эффективно функционировала, необходимо анализировать, учитывать и постоянно отслеживать изменения экономических, демографических и социальных показателей не только на уровне страны, но и на региональном уровне. Реформируя систему образования невозможно абстрагироваться от территориальных особенностей ее реализации, так как они неизбежно будут влиять на развитие в будущем и определять его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярская-Смирнова, Е.Р. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план [Текст] / Е.Р. Ярская-Смирнова // Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования. Гендерное образование в России: сб. материалов / сост. Е.А. Баллаева, О.А. Воронина. – М., 2008. – 250 с.
2. Медведева, Е.И. Социально-демографические трансформации российского образования [Текст] / Е.И. Медведева // Труды XVII Международного Форума по проблемам науки, техники и образования (Москва 10-13 декабря 2013 г.) / под ред. В.А. Малинникова, В.В. Вишневого – М.: Академия наук о Земле, 2013. – С. 12-13.
3. Социальный менеджмент [Текст] / ред. Д.В. Валового, Н.Н. Гриценко / Академия труда и социальных отношений; Государственная академия управления им. С. Орджоникидзе. – М. : Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1999. – С. 175.
4. Медведева, Е.И. Особенности развития системы российского образования [Текст] / Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // Народонаселение. – М.: ИСЭПН РАН. – апрель-июнь 2011 года. – № 2 (52). – С. 62-76.

С.В. Крошилин, Е.И. Медведева

ИСЭПН РАН, г. Москва, МГОСГИ, г. Коломна

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕГИОНЕ ¹

Современное развитие общества сложно представить без повседневного и повсеместного использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Новые технологии оказывают непосредственное воздействие не только на формирование трудового и человеческого капитала, но и на социальную адаптацию индивида внутри социума. Прежде всего, это касается форм общения, получения новых знаний и вообще включенности в информационное пространство. Все большая доступность и возможность повсеместного использования ИКТ и интернет-технологий делают их неотъемлемой частью нашего общества. Технологии влияют на повседневную жизнь и социализацию индивидов, на особенности построения информационного общества. Однако существует проблема информационного неравенства, которая особенно актуальна для регионов.

В российской науке «информационное общество» связывали главным образом с осознанием возрастающего влияния информации и новых информационных технологий на социально-экономическое развитие общества. Российские подходы к «информатизации» основываются на учении В. И. Вернадского о ноосфере, о необходимости информационного единения человечества, необходимости направляемого с помощью эффективного использования знаний развития общества [1]. Одно из первых определений информатизации дано академиком А. П. Ершовым в статье «Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества». Он подчеркивает, что информатизация — это «комплекс мер, направленных на обеспечение полного использования достоверного, исчерпывающего и своевременного знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности. Это всеобщий и неизбежный период развития человеческой цивилизации, период освоения информационной картины мира, осознания единства законов функционирования информации в природе и обществе, практического их применения, создания индустрии производства и обработки информации» [2]. Сегодня слово «информатизация» используется преимущественно в США и Великобритании, в ЕС предпочитают использовать понятие «информационное общество» [3].

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ №12-32-01340 «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе (на примере региона России)».

Технической основой информатизации является компьютеризация. Совершенствование информационной сферы зависит в первую очередь от использования новых информационных технологий. Компьютеризация открыла возможности интенсивного развития информационной сферы, сократила время на производство, обработку и распространение информации. Информация служит «топливом» для электронно-вычислительных машин, использование которых меняет стиль и методы общения, формы информационного обмена, ведет к возникновению новой информационной культуры, которая будет в значительной степени определять эффективность общественного производства и качество жизни [3].

Очевидно, что с самого начала развития человечества использование информации играло и играет важнейшую роль в общественном развитии. Именно поэтому на любом уровне развития общество можно считать информационным, с определенным уровнем информатизации. Однако появление компьютеров и средств ИКТ с их возможностями в области обработки, хранения и передачи информации привело к возрастанию экономической и социальной значимости информации.

Современные информационно-коммуникационные технологии радикально изменили возможности человека в области обработки, хранения, передачи и потребления информации [4]. В современных условиях не только экономика страны, но и региональные субъекты функционируют в условиях глобализации и усиления конкуренции. Уход от сырьевой зависимости российской экономики – основная задача, решение которой невозможно без развития технологий, в том числе информационных и коммуникационных. Следует отметить, что Россия вошла в список тридцати стран-лидеров, обладающих потенциалом развития цифровых и информационных технологий. Хотя уровень проникновения Интернета в российском обществе ниже, чем в большинстве западных стран, однако он уже охватил 50% от всего населения России [5].

По данным Фонда общественного мнения (ФОМ) на осень 2013 года, в России насчитывается 66,5 миллиона человек старше 18 лет, которые хотя бы раз в месяц выходят в Интернет — это более 57% всего совершеннолетнего населения страны. Четыре пятых из них, более 53 миллионов человек, пользуются Интернетом ежедневно (см. рис. 1) [5].

С осени 2012 по осень 2013 года прирост численности пользователей составил менее 9% — это самый низкий показатель за последние десять лет. Однако в абсолютных цифрах прирост выглядит впечатляюще — более 5 миллионов человек. Более трети новых пользователей Интернета — это жители сельской местности. По сравнению с прошлым годом их стало больше на 18%, или примерно на 2 миллиона человек. Это самый высокий показатель роста среди всех типов населенных пунктов, как в абсолютных, так и в относительных цифрах (см. рис. 2) [5].

В 2013 году наиболее высокими темпами аудитория Интернета росла в Сибири, на Юге и Северном Кавказе, а также в центральных регионах России. Те же регионы быстрее всего догоняли столицы по уровню проникновения Интернета. Еще пять лет назад во всех российских селах проживало меньше пользователей Интернета, чем в одной Москве. Сегодня численность сельской аудитории Интернета уже на четверть больше, чем в обеих российских столицах вместе взятых. Если в ближайшие годы проникновение Интернета в сельской местности достигнет сегодняшнего уровня городов с населением менее 100 тысяч человек, то там появится еще около 3,5 миллиона новых пользователей [5].

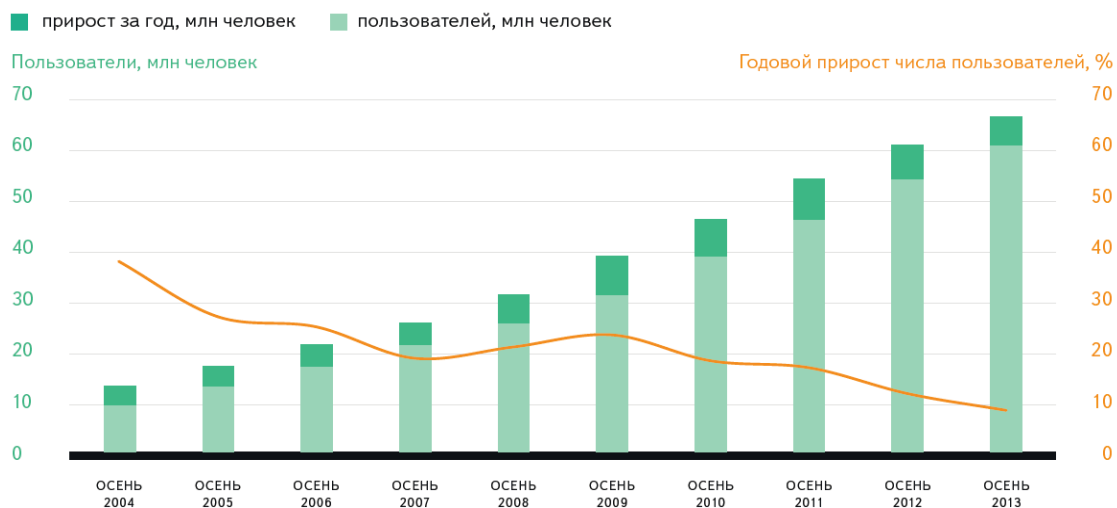

Рисунок 1. Изменение численности интернет-аудитории, млн. чел.
По данным Фонда «Общественное мнение», осень 2013.

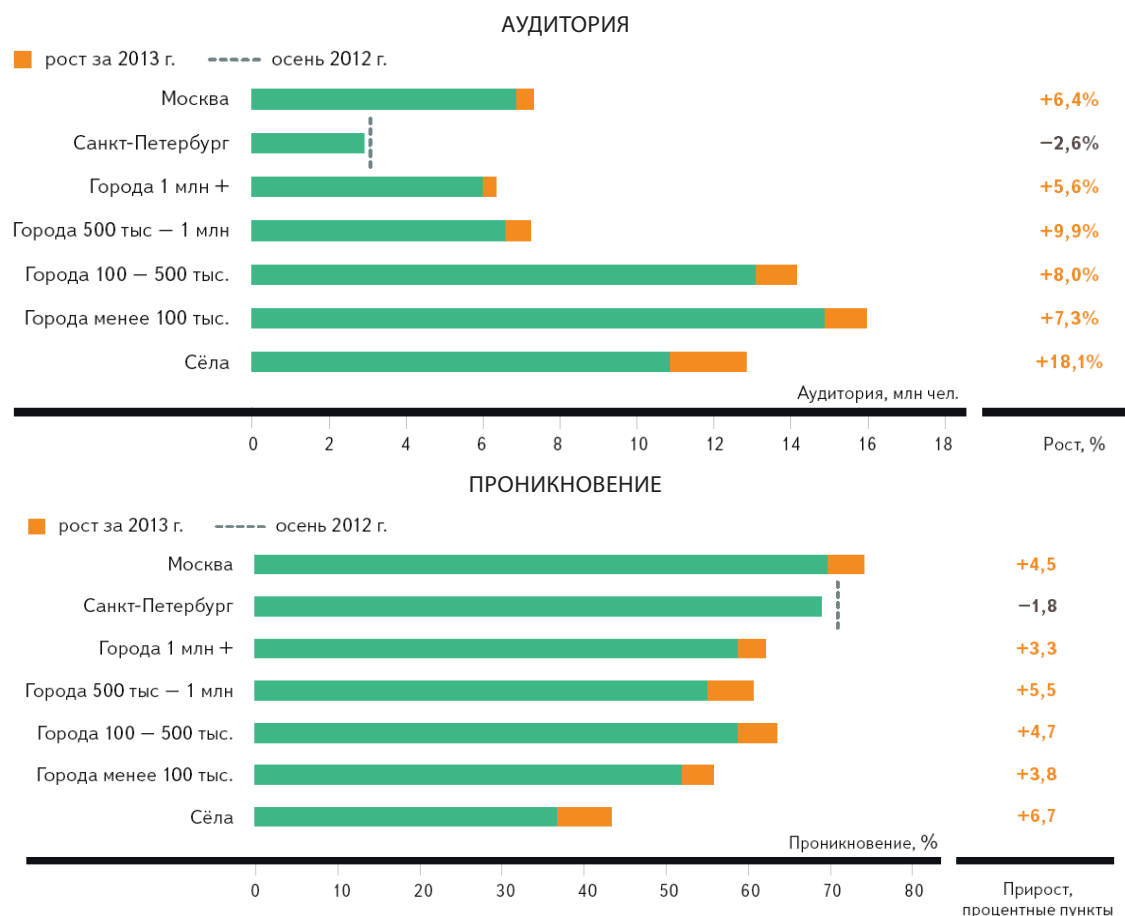

Рисунок 2. Аудитория и проникновение Интернета в населенных пунктах разного типа

Источник: По данным Фонда «Общественное мнение», осень 2013. [5]

С каждым годом Интернетом пользуется всё больше людей старшего возраста. На лиц до 35 лет по-прежнему приходится более половины аудитории Интернета в России, однако их доля снижается (см. рис. 3).

Тенденция такова, что детей и молодежи больше всего среди пользователей Интернета в маленьких городах и сельской местности, а людей старшего возраста — среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Несмотря на повсеместное снижение цен, разница между регионами по цене и доступности Интернета по-прежнему огромна. Например, за один Мбит/с жители Дальнего Востока платят почти в десять раз больше, чем москвичи. По индексу доступности, учитывающему доходы населения, эта разница еще больше — примерно 14 раз (см. рис. 4).

Всеобщая доступность и распространенность Интернета качественно меняет коммуникационные возможности в обществе – прежде всего, современной молодежи. Сам процесс получения новых знаний в молодежной среде становится все в большей степени зависимым от «сети». Коммуникации среди подростков напрямую определяются возможностями использования мобильных устройств для общения и поиска информации: телефонов, смартфонов, планшетов и т.п. Однако, диспропорция в регионах при-

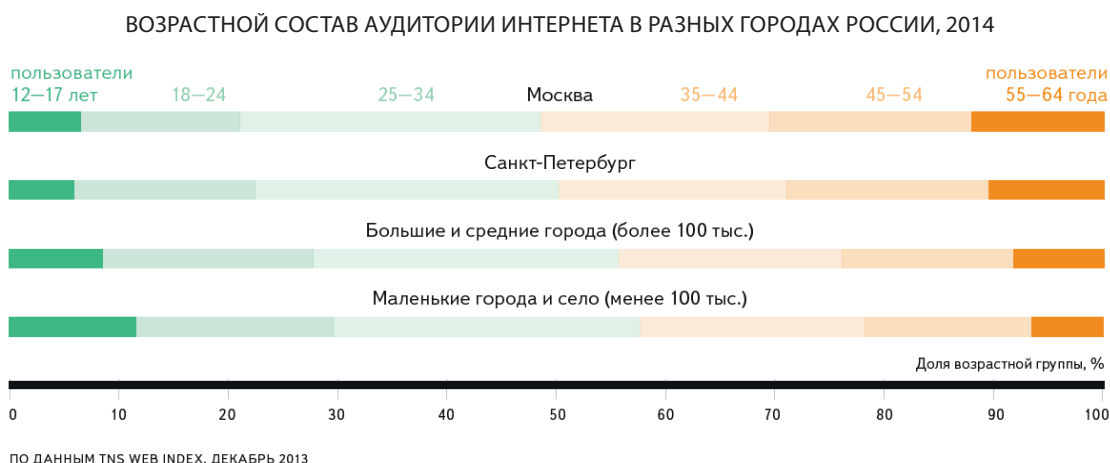
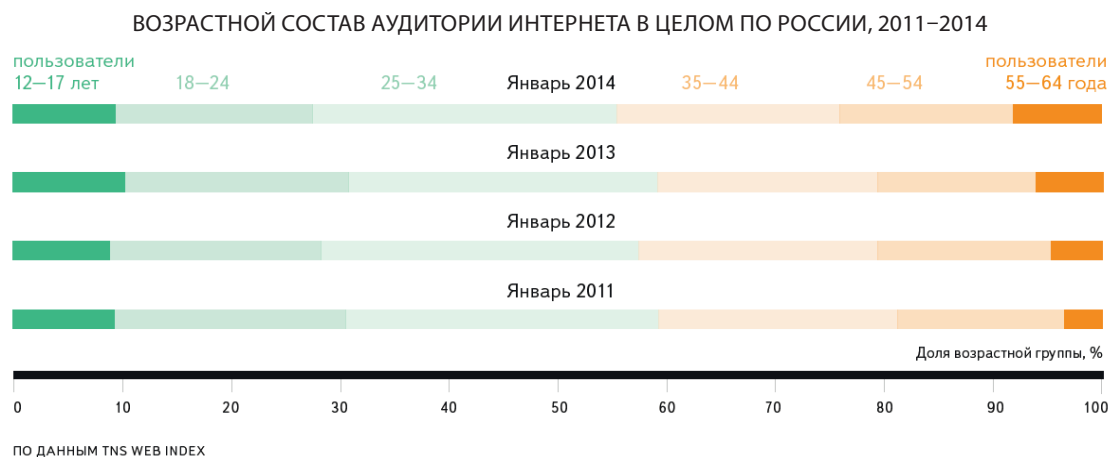

Рисунок 3. Возрастной состав аудитории Интернета

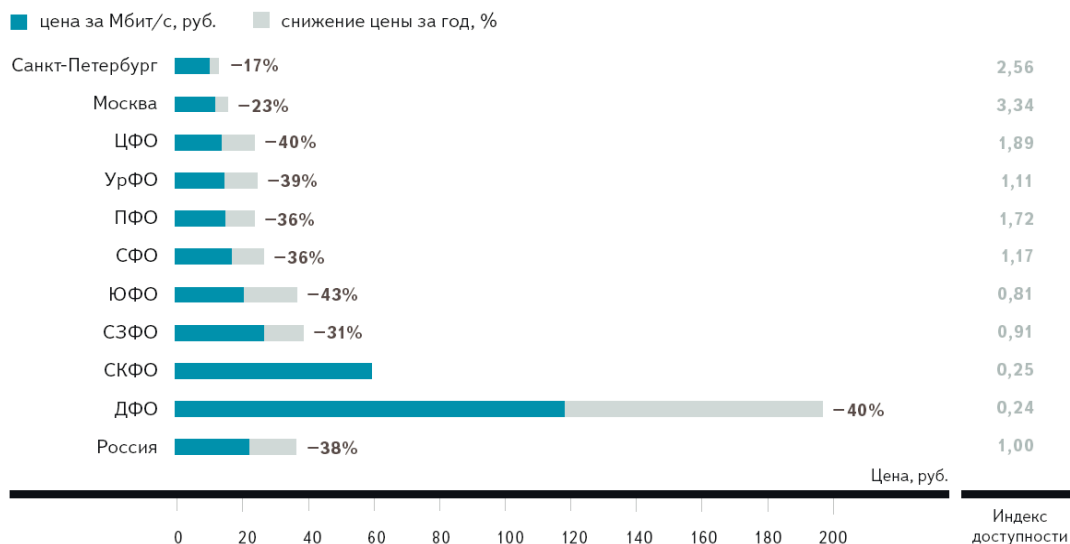

Рисунок 4. Фиксированный широкополосный доступ в регионах России, цена доступа в пересчете на 1 Мбит/с

водит к неравенству возможностей использования ИКТ. В последнее время ситуация гораздо улучшилась, так как сами устройства и стоимость предоставляемых услуг в сфере ИКТ стали более доступными. Но для некоторых слоев населения (особенно для пенсионеров и малоимущих) ИКТ-услуги все еще роскошь.

Для оценки влияния информационных процессов на развитие российского общества (в рамках проекта РГНФ №12-32-01340 «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе (на примере региона России)») были проведены исследования на юго-востоке Подмосковья. Цель заключалась в изучении отношения различных когорт учащейся молодежи (школьников и студентов) к ИКТ и затрат, связанных с использованием ИКТ-услуг.

Повсеместное распространение компьютеров привело к их использованию в повседневной жизни. Число таких устройств у пользователей с каждым годом увеличивается (см. табл. 1).

Как показало исследование, практически у 80% опрошенных есть домашний «стационарный» компьютер. У 51,3% школьников и 65,4% студентов есть ноутбук. Нетбуки имеются практически у пятой части опрошенных. Все больше количество респондентов используют планшетный компьютер: 33,9% школьников и 45,4% студентов. Игровая приставка для развлечения – у 15% опрошенных.

Дома количество компьютеров приближается к количеству телевизоров (рис. 5). Почти у трети опрошенных по два устройства. Три компьютера есть у 19,3% школьников и 24,3% студентов. Три телевизора – у трети. Один компьютер у четверти, а больше пяти – у 8,3% школьников и 1,7% студентов.

Качественно использование компьютеров дома у двух групп респондентов практически не отличается: доступ в Интернет, общение с друзьями, развлечения (музыка, фильмы, видео), игры и т.п. В определенной степени они необходимы для учебы и для реализации собственных увлечений (хобби): фото, рисование, дизайн, программирование, 3-D графика, создание web-страниц и т.п.

Таблица 1. Виды компьютеров, используемых дома, %

Варианты	Школьники	Студенты
Виды компьютеров, используемых дома		
Стационарный компьютер	81,7	79,5
Ноутбук	51,3	65,4
Нетбук	19,1	20,0
Планшетный компьютер	33,9	45,4
Игровой компьютер (приставка)	15,7	14,6
Средства коммуникации (помимо сотового), используемые вне дома		
Ноутбук или нетбук	3,5	22,7
Планшетный компьютер	20,9	36,2
Музыкальный плеер	47,0	36,2
Электронная книга	7,8	9,2
Ничего	30,4	21,1

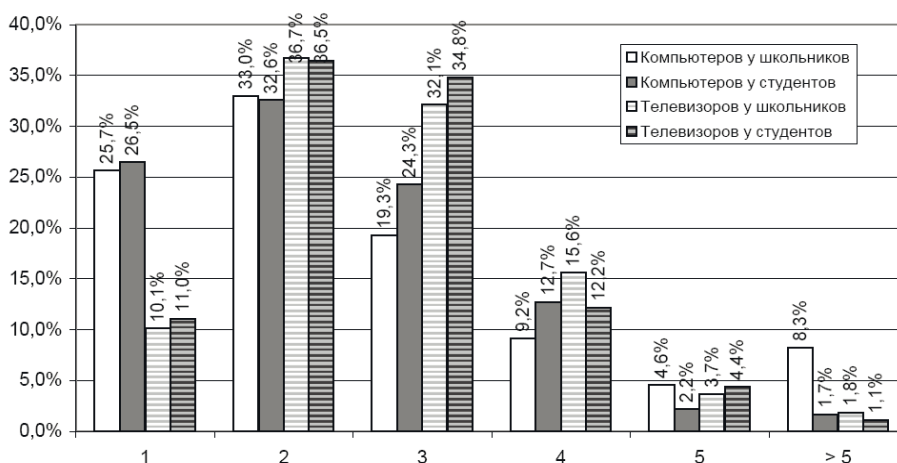

Рисунок 5. Количество компьютеров (общее число всех устройств) и телевизоров дома, %

Из всех опрошенных возможность использования глобальной сети дома есть практически у каждого (около 98% по двум группам респондентов). Только 2,2% студентов вынуждены ходить в интернет-кафе или к друзьям, но это, как правило, приезжие, которые живут в общежитии. Они, как правило, используют интернет-кафе для компьютерных сетевых игр.

В процессе исследования также анализировались расходы на сотовую связь. Было принято решение разделить затраты на собственно оплату за услуги связи и мобильный Интернет. Расходы на сотовую связь в месяц (без учета мобильного Интернета) у 57,1% опрошенных составляют от 200 до 500 рублей. У трети (28,6%) респондентов – до 200 рублей, 14,3% тратят на оплату своего телефона до 1000 рублей в месяц. При этом практически все опрошенные (71,4%), у кого подключен мобильный Интернет, не тратят на него более 200 рублей, у остальных траты не превышают 500 рублей.

У каждого респондента есть возможность использования глобальной сети дома. Причем все подключены к «безлимитному Интернету». Однако оплата за данную услугу разнится и зависит от оператора. У 42,9% опрошенных на домашний Интернет тратиться от 200 до 500 рублей в месяц (как правило, эта услуга входит в комплекс услуг оператора связи вместе с телевидением и телефонией). 57,1% домашних поль-

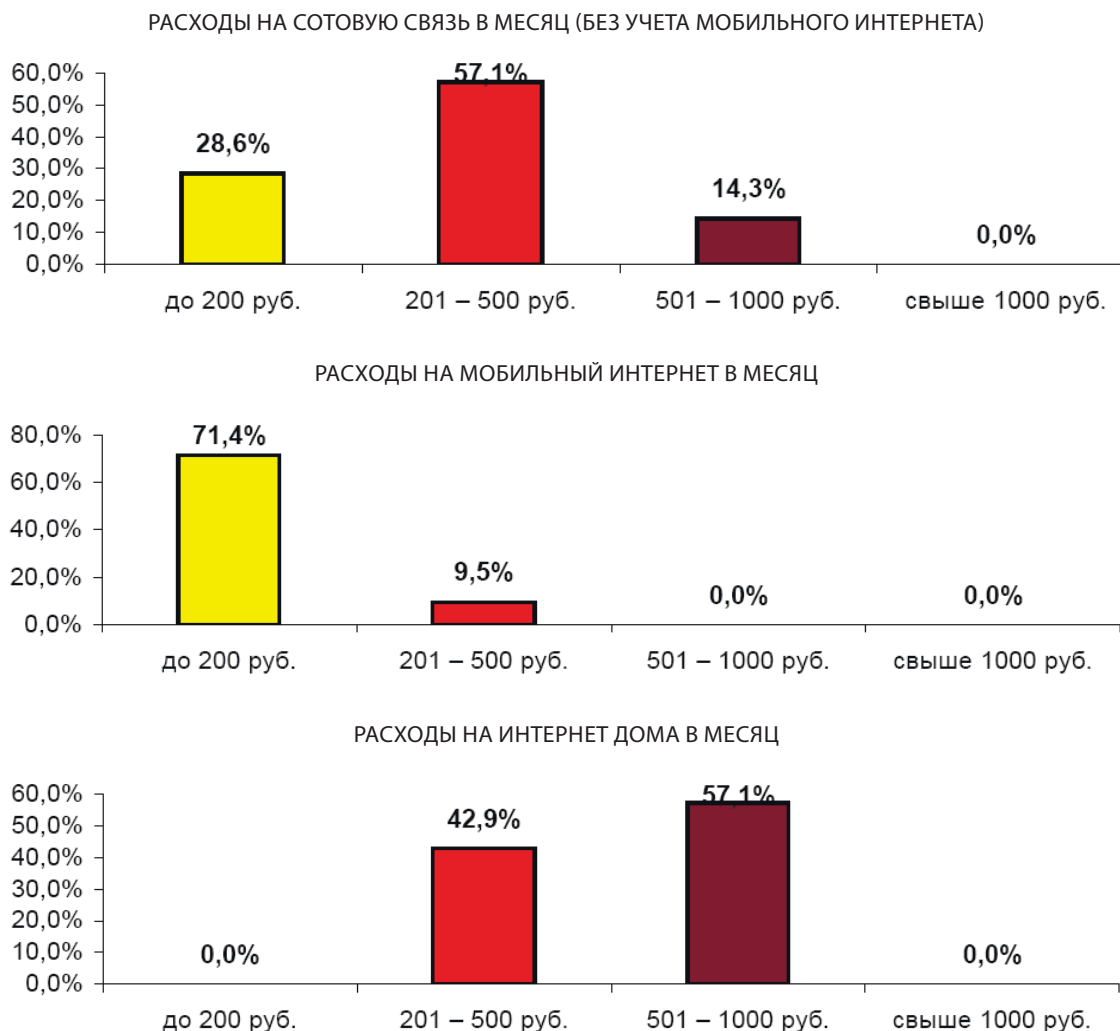

Рисунок 6. Расходы на Интернет и мобильную связь, %

зователей всемирной паутины платят от 500 до 1000 рублей. Следует отметить, что у всех опрошенных дома используется беспроводной доступ к Интернету – это позволяет подключаться к нему с мобильных устройств. Вследствие этого отсутствуют расходы на «мобильный Интернет» (см. рис. 6).

Следует отметить, что ни один из респондентов не пользуется платными услугами в Интернете. Все предпочитают бесплатные ресурсы. Более того, предоставляемой учебным заведением (абсолютно бесплатно) возможностью пользоваться электронной библиотекой (доступ к которой для остальных пользователей платный) воспользовалось за год только 60% учащихся. Треть вообще данный ресурс не посещала. Можно сделать вывод, что респонденты только при крайней необходимости готовы платить за образовательные интернет-ресурсы.

Проведение аналогичного опроса в сельской местности изучаемого региона показало меньшие размеры затрат респондентов. Практически все изучаемые категории ока-

зались по используемым шкалам опроса в меньших (но в соседних) диапазонах. Причем большинство опрошенных указало на низкое качество мобильного Интернета, а многие – на его полное отсутствие в своих населенных пунктах. Возможность пользоваться широкополосным (скоростным) Интернетом в деревне есть только у 10% опрошенных.

Таким образом, информатизация в регионах – это сложный и многогранный процесс, который в значительной степени предопределен экономическим благополучием и уровнем развития субъекта в целом. Сами процессы информатизации оказывают непосредственно влияние на развитие социума в целом, так как связаны со значительными изменениями во всех сферах жизнедеятельности человека. Они связаны не только с глобальными изменениями в технологических укладах, в сфере информационных технологий, технических устройств связи и коммуникаций, но и со сменой процессов формирования человеческого и трудового потенциала. Меняются сами процессы получения, обработки и анализа информации, генерации знаний, которые сегодня связывают исключительно с информационно-коммуникационными технологиями. Проблема неравных возможностей для различных слоев населения в регионах не только в использовании услуг в сфере ИКТ, но и в получении информации - требует дальнейшего изучения и осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В.М. Избранные труды по истории науки [Текст] / В.М. Вернадский. – М.: Наука, 1981.
2. Ершов, А.П. Информация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества [Текст] / А.П. Ершов // Коммунист. – 1988. – № 2.
3. Вершинская, О.Н. Информационные аспекты компьютеризации [Текст] / О.Н. Вершинская. – изд-е 2-е, прераб. и доп. – М.: Экономическое образование, 2013. – С. 7-10.
4. Крошилин, С.В. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование человеческого капитала или перспективы построения информационного общества в Российской Федерации [Текст] / С.В. Крошилин, Е.И. Медведева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М.: Издательский дом «Финансы и кредит». – 2011. – № 41 (134) – С. 22-30.
5. Развитие Интернета в регионах России. Весна 2014: отчет аналитической группы департамента маркетинга компании «Яндекс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://company.yandex.ru/researches/reports/2014/ya_internet_regions_2014.xml#1

Ж.К. Леонова

МГОСГИ, г. Коломна

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В современной постиндустриальной экономике сохраняются экономические сферы, где присутствие государства обоснованно.

Одна из сфер возможного и востребованного применения государственно-частного партнёрства - система подготовки и переподготовки кадров для малого и среднего предпринимательства. Это связано с пониманием того, что эффективное осуществление государственных социально-экономических программ зависит в том числе и от уровня развития предпринимательских структур, которые практически реализуют формируемые государством приоритеты, но российский малый и средний бизнес не всегда способен самостоятельно развиваться в том контексте, который востребован современными условиями функционирования национальной экономики.

Спрос на кадры для предпринимательства является многофакторной динамичной системой, интегрирующей изменяющуюся совокупность социально-экономических факторов. Измерителями и индикаторами спроса на кадры для предпринимательства являются, с одной стороны, количество желающих заниматься предпринимательской деятельностью, а с другой стороны – стремление государства привлечь определённое число граждан к данной сфере деятельности. Это обстоятельство позволяет условно разделить спрос на предпринимательские кадры на спрос со стороны фирм и спрос со стороны государства, при этом обе стороны, которые являются агентами институциональных отношений в сфере экономики.

Базовым элементом подобного спроса можно считать социально-экономические потребности общества в целом и отдельных агентов, формирующие у партнёров нормы выбора, агрегирующие социальные, экономические, психологические, культурные и правовые особенности потребностей и деятельности экономических агентов.

Объём спроса со стороны государства на предпринимательские кадры обозначен в размере 50 % трудоспособного населения и должен быть достигнут за 8 предстоящих лет [1]. Но важно переломить тенденцию экстенсивного развития малого и среднего бизнеса. Данные статистики иллюстрируют рост числа зарегистрированных малых и средних фирм, но показатели оборота, экономической и социальной эффективности имеют отрицательные тенденции (табл. 1).

Таблица 1. Темпы изменения показателей деятельности малого и среднего бизнеса в РФ за период 2008 – 2011 гг.*

Число малых предприятий, тыс. чел. Δ в %	Среднесписочная численность работников, тыс. чел., Δ в %	Оборот малых предприятий, Δ в %	Число малых предприятий на 10 000 чел. жителей, Δ в %	Социальная эффективность**, чел./ед.Δ в %	Экономическая эффективность***, тыс. руб./ед. Δ в %
136,26%	109,99%	120,74%	135,4%	80,72%	88,61%

Источник: Рассчитано автором по данным Росстата.

* Базовый год – 2008.

** Социальная эффективность малых предприятий - отношение количества занятых на малых предприятиях к числу предприятий.

*** Экономическая эффективность малых предприятий - отношение объемов производства на малых предприятиях к числу малых предприятий.

Со стороны малого и среднего бизнеса (МСБ), помимо формальных детерминатов, немалую роль играют неформальные факторы, селективно влияющие на агентов, связанных с предпринимательской деятельностью, - социальные мотивы, психологические особенности, менталитет бизнес-среды, величина транзакционных издержек малого и среднего бизнеса. В результате агенты МСП могут и будут формировать собственную линию поведения, учитывая ожидаемые действия другой стороны - государства и конкурентов [3].

В этой связи государственно-частное партнёрство (ГЧП), представляющее собой систему институциональных отношений между общественным и частным секторами, направленными на трансформацию экономических связей, функционирующую на основе перераспределения права собственности, позволит получить более высокий социально-экономический эффект при согласовании интересов по достижению стратегических целей национальной экономики [2].

Эффективность организации ГЧП связана с определением выгоды участников стратегического партнёрства и минимизацией издержек по интегрированию с учетом распределения рисков и ответственности. Качество организации институциональных структур партнёрства определяется балансом экономических интересов участников, учитывающим социально значимые функции государства, а также стремление к коммерческой выгоде и приобретению новых знаний со стороны бизнес-сообщества.

Необходимость перехода национальной экономики к шестому постиндустриальному технологическому укладу стимулирует отечественных бизнесменов инвестировать ресурсы в отрасли нового технологического уклада: нано-, био-, информационные и когнитивные технологии, внедрение которых требует более широкого кругозора в менеджменте, маркетинге, естественных науках, основах комплексного мышления. Но в связи с изолированностью и ограниченностью финансовых ресурсов малых и средних предприятий эта часть российского бизнеса может быть вовлечена в образовательный процесс только благодаря использованию потенциала государственно-частного партнёрства в системе подготовки и переподготовки кадров для предпринимательства.

Региональный МСБ, территориально удалённый от главных научных и учебных центров, не всегда имеет возможность эффективно решать проблему кадрового обеспечения в условиях научно-технического прогресса, изменений в производственных процессах, возрастающих требований к профессиональным компетенциям и навыкам кадров.

На текущий момент малое и среднее предпринимательство в России характеризуется неравномерностью распределения на территории РФ. Так, в Центральном федеральном округе (ЦФО) расположено 24,7 % малых и средних предприятий, а доля занятых на этих предприятиях ЦФО - 31,5%. По числу малых предприятий и численности заня-

тых на малых предприятиях лидерство принадлежит г. Москве и г. Санкт-Петербургу – их доля составляет 7,22% и 4,94% соответственно. Доля занятых работников на малых предприятиях г. Москвы составляет – 13,33%, в г. Санкт-Петербурге – 5,21%, а в Московской области – 5,42% от общего числа занятых в стране [5].

Большинство предприятий МСБ функционирует в непроизводственной сфере: 37-40% малого и среднего бизнеса приходится на торговлю и ремонтные услуги населению (37-43%); 15-20% субъектов малого бизнеса занимаются операциями с недвижимостью, сдачей имущества в аренду и прочими услугами; доля малых предприятий, занимающихся обрабатывающим производством, составляет 8 – 11%.

Подобное распределение по отраслям является традиционным в российской экономике и связано с качеством условий и уровнем заработных плат, которые предлагают владельцы малых и средних предприятий. Это объясняет относительно позитивную ситуацию с доступностью трудовых ресурсов для непроизводственной сферы, но дефицит кадров ощущается и здесь – около 40% представителей МСБ негативно оценивают ситуацию. Самый низкий рейтинг по доступности кадров для сферы услуг обозначили такие регионы, как Архангельская, Иркутская, Тверская области, Хабаровский, Ставропольский и Красноярский края.

По оценке опрошенных предпринимателей, современный рынок труда не способен удовлетворить их потребности в квалифицированных рабочих, инженерах и технических кадрах.

Сокращение кадрового дефицита связано с организацией программ по подготовке необходимых кадров для малого и среднего предпринимательства. В регионах в разной степени подобные программы развиваются, и общая оценка доступности этих программ в основном высокая – около 50% респондентов считают, что организовать дополнительное обучение для сотрудников несложно. Тем не менее в Иркутской и Ростовской областях, согласно опросу доступность программ по обучению ниже порогового значения.

Малый и средний бизнес представляет спрос на повышение квалификации в таких сферах, как составление бизнес-плана, управление качеством, маркетинг и продвижение, экспорт, финансы, производственный процесс, разработка новых продуктов [4].

Качество специальных программ по развитию бизнеса оценивают достаточно высоко – 42% представителей малого и среднего предпринимательства, но 17% респондентов считают, что существующие программы не отвечают потребностям бизнеса. Самые низкие показатели, иллюстрирующие качество образовательных программ, приходятся на Иркутскую область, Республику Бурятию и Ростовскую область. В двух субъектах – Иркутской и Ростовской областях – низкую оценку получили и доступность, и качество подобных программ.

Таблица 2. Оценка доступности кадров и образовательных программ для малого и среднего предпринимательства

Оценка	Доступность				Качество спец. образовательных программ по развитию бизнеса, (%)
	квалифицированных инженеров и тех. специалистов, (%)	квалифицированных рабочих, в %	специалистов для непроизводственной сферы в МСБ, (%)	спец. образовательных программ по развитию бизнеса, (%)	
Негативная	17,8	20,3	10,9	3,4	3,5
Умеренно негативная	38,4	41,5	23,2	12,9	13,7
Позитивная	22,7	23,5	40,0	29,8	30,3
Ярко позитивная	10,5	9,2	20,4	17,5	12,1
Отказались от ответа	10,6	5,5	4,6	36,4	40,5

Источник: Предпринимательский климат в России: Индекс Опоры 2010-2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opora.ru/upload/Reserch/Index_2011_corr_040711_sec.pdf; Расчёты автора.

Около 40% опрошенных вообще отказались комментировать образовательные программы для МСБ, что говорит о низкой степени осведомлённости предпринимателей о существующих возможностях в области повышения квалификации.

В совокупности ситуация в сфере подготовки и доступности кадров для МСБ свидетельствует об относительно низкой потребности в качественных образовательных программах. Многие предприниматели не испытывают потребности в дополнительном образовании или не знают о существовании таковых.

Сложившаяся ситуация связана с относительно невысокой конкурентоспособностью малого и среднего бизнеса в национальном и международном масштабе. Складывается замкнутый круг. Российский малый и средний бизнес недостаточно конкурентоспособен в связи с низким технологическим уровнем предприятий, который может быть повышен в том числе через участие в образовательных программах. Бизнес не достаточно информирован о таковых и не всегда имеет свободные средства для участия в них. Организовать самостоятельно подобные программы не позволяет опять же невысокая степень доступности финансовых средств и разобщённость малых и средних фирм. Подобный круг может разорвать государство путём организации широкого и доступного информационного поля, программ и частичного финансирования. Но и предпринимательство не должно устраниваться от организации данного процесса. В данном случае необходимо понимание взаимной выгоды от подобного партнёрства. Государство в национальном масштабе сможет привлечь МСБ к осуществлению идеи инновационной перестройки экономики, а бизнес получит дополнительные возможности для повышения конкурентоспособности через улучшение качества трудовых ресурсов, задействованных в МСБ.

Сочетание показателей спроса на определённых федеральном и муниципальном уровнях позволит создать и развить государственно-частное партнёрство на паритетных взаимовыгодных началах.

Оценка возможностей образовательных учреждений по оказанию образовательных услуг предпринимательским структурам может осуществляться как на муниципальном уровне - возможности конкретных образовательных учреждений, так и на региональном - определяются возможности региональной системы профессионального образования в оказании населению услуг (рис. 1).

Для эффективного функционирования данной системы необходимо разработать специальные программы для малого и среднего бизнеса, учитывающие повышение социальной и экономической роли малых и средних предприятий. Эти программы могут развиваться как бизнес-школами (университетскими или частными), так и различными государственными структурами.

1. Программы, ориентированные непосредственно на предпринимателей малого и среднего бизнеса на различных этапах развития.

2. Программы, направленные на развитие среды и политики поддержки малого бизнеса, ориентированные на различные типы структур и организаций поддержки и развития малых предприятий.

3. Университетские программы (спекурсы в программах бакалавров, магистров, курсы по выбору в программах МБА университетских бизнес-школ).

4. Программы для школ и колледжей в системе среднего и среднего специального образования, ориентированные на развитие предпринимательских характеристик личности и умения идентифицировать, анализировать и решать проблемы.

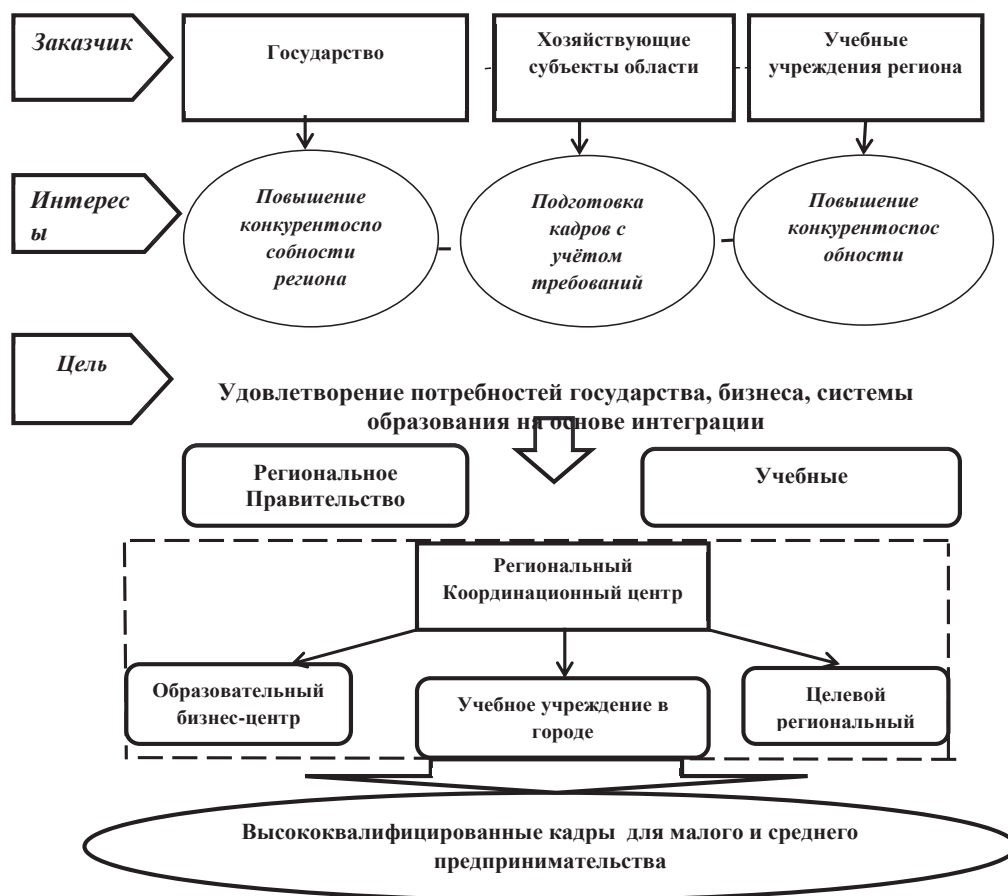

Рисунок 1. Концепция регионального развития системы кадровой подготовки для малого и среднего предпринимательства в условиях государственно-частного партнёрства
 Источник: Составлено автором.

5. Программы для МСБ в условиях быстро изменяющегося спроса на производственные кадровые ресурсы, реализуемые через учебные центры федеральной и муниципальных служб занятости.

Образовательные программы для предпринимателей должны пользоваться государственной поддержкой, в том числе на принципах софинансирования. Недостаточное финансовое обеспечение организации и проведения подготовки и переподготовки кадров является одной из причин, препятствующей активному развитию малого и среднего бизнеса.

Развитие ГЧП в подготовке кадров для предпринимательской деятельности связано с необходимостью изменения способа ведения предпринимательской деятельности, который бы соответствовал требованиям национальной и мировой экономики.

Перемещение в российские регионы центров принятия социально-экономических решений требует особого внимания к региональному аспекту партнёрства государ-

ственного и частного секторов, что позволит формировать дифференцированные программы в зависимости от территориального аспекта и образовательного уровня слушателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Встреча с руководством общественного объединения предпринимателей «ОПОРА России» 15 ноября 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://президент.рф>
2. Леонова, Ж.К. Сценарии развития государственно-частного партнёрства в подготовке кадров для предпринимательства [Текст] / Ж.К. Леонова // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – М.: Издательский дом «Финансы и кредит». – 2012. – № 22. – С. 30-37.
3. Леонова, Ж.К. Факторы спроса на образовательные услуги со стороны предпринимательства [Текст] / Ж.К. Леонова // Материалы Международной научно-практической конференции «Образование и наука в XXI веке – 2012». – Т. 12. – София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2012. – С. 20-24.
4. Предпринимательский климат в России: Индекс Опоры 2010 – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opora.ru/upload/Reserch/Index_2011_corr_040711_sec.pdf
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.

Г. Т. Галиев

Уфимский государственный университет экономики и сервиса

СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Кризис в глобальном уровне не преодолен, и мировое сообщество после санкций находится в состоянии напряженной турбулентности, все это требует от государства выверенной социальной политики.

Бесспорно, крайне важно определение вектора социального развития. Не менее актуален вопрос: «Как управлять? Какими средствами, ресурсами, методами?».

Исследование эффективных путей оптимизации экономического и социального развития общества в условиях спада экономики позволит осуществить переход на всесторонне обоснованный, технологически рассчитанный метод управления социально-экономическими процессами. В сфере социально-трудовых отношений появятся новые инструменты (аудит конкурентоспособности, социальные технологии регулирования отношений между наёмным трудом и капиталом и т.д.).

В этих условиях востребованным становится социальный аудит – технология многовекторного диалога с социальной средой, способствующая конкурентоспособности предприятий, консолидации общества, устойчивому развитию в долгосрочной перспективе. Исследования, проводимые в ходе социального аудита, позволяют выявить причины возникновения социальных проблем, проанализировать факторы социальных рисков в условиях рецессии и выработать предложения по снижению их воздействия, определить, насколько профессионально и качественно политические, социальные и общественные институты выполняют «социальный заказ», реализуют те или иные социальные программы, оправдывают ожидания населения. Для этого необходимо разрабатывать показатели и индикаторы, которые будут отражать вклад каждого предприятия в социальную сферу, поскольку социальная отчетность – это инструмент управления репутацией организации и важный ресурс оптимизации социального партнёрства. Таким образом, в современной экономике все большую роль начинают играть социальные факторы, и основным критерием оценки эффективности бизнеса должна стать конкурентоспособность как социально-экономическая категория.

Так в чем же суть социального аудита? Каковы его возможности?

Социальный аудит дает возможность:

- оценить деятельность предприятия в области человеческих ресурсов, экологии, охраны здоровья и безопасности, отношений с местным сообществом;
- сопоставить систему ценностей предприятия, его поведение в вопросах деловой этики, внутреннюю операционную практику, организацию менеджмента с ожиданиями ключевых заинтересованных сторон: сотрудников, собственников, поставщиков, потребителей и местных сообществ;
- определить потери от социально безответственного поведения предприятия в отношении сотрудников, прежде всего, входящие в текущие расходы, потери прибыли при страховых выплатах и штрафах.

Внедрение аудита конкурентоспособности в систему социального партнерства придаст ей новый импульс в ее развитии. Подобная система способствовала бы сохранению политической и социальной стабильности в стране.

В мировой практике эта форма используется уже в течение многих лет. И это повышает авторитет ответственных компаний, наглядно демонстрирует их вклад в социальную инфраструктуру общества.

Что касается России, то в нашей стране в последние годы все большую популярность приобретают социальные отчеты, которые предоставляют крупные компании, однако в целом говорить о технологии внедрения таких отчетов преждевременно, поскольку правовая основа социального аудита и его инструментарий только начинают создаваться.

Авторский коллектив Галиева Г.Т. в течение последних лет реализует исследовательский проект «Технологии управления социальным аудитом». Его цели – разработка методологии и методики проведения социального аудита; определение критериев оценки социальной деятельности предприятий и организаций разных форм собственности; поиск эффективных путей взаимодействия органов власти, бизнеса и социальных институтов в осуществлении социальной политики. Данный проект запатентован.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует как минимум 25 различных стандартов нефинансовой отчетности. Однако мы не стали слепо копировать их. Взяли за основу инструментарий проведения оценки социальной деятельности предприятий, основанный на методике Министерства социальной политики Дании и адаптированный к условиям российских реалий. Успешно провели апробацию данного инструментария на НПП «Молния»: подготовлен аналитический отчет по её результатам, выработаны рекомендации по выявленным социальным рискам.

В процессе исследования данного феномена выстроили модель социальной ответственности предприятия. Она учитывает менталитет российских граждан, принимает во внимание исторические этапы развития нашего общества и специфику российских рыночных отношений.

При построении этой модели мы исходили из того, что в идеале организация должна обеспечивать:

- потребителям – высокое качество товаров и услуг, внимание и уважение к их человеческому достоинству, честность в рекламе;
- работникам – достойную оплату труда и условия работы, охрану здоровья и трудоспособности, заботу о проблемах и потребностях, равные права и возможности трудовой деятельности независимо от пола, возраста, расовой принадлежности, религиозных убеждений;

– собственникам и инвесторам – отношения доверия, гарантирование оптимальной прибыли на вложенный капитал, свободный доступ к информации, ограниченный лишь рамками закона и условиями конкуренции;

– поставщикам – справедливые и честные отношения с ними, развитие долговременных и устойчивых связей, обмен информацией и привлечение к участию в процессе планирования;

– местному населению – соблюдение общечеловеческих норм поведения, поддержание мира и безопасности, соблюдение прав человека, спонсорские акции, участие в общественной жизни;

– конкурентам – взаимное уважение, развитие открытых рынков товаров и капиталов, отказ от использования сомнительных средств достижения конкурентных преимуществ, уважение прав собственности, в том числе интеллектуальной;

– окружающей среде – выполнение всех санитарных норм, проведение мероприятий по охране природы.

Основными объектами в соответствии с моделью социальной ответственности предприятия социального аудита является внутренний и внешний аудит.

1. Внутренний аудит оценивает качество политики в отношении персонала, условия и безопасность труда, социально-трудовые и межличностные отношения в коллективе, т.е. выявляет затраты на решение социальных вопросов работников и членов их семей в организации.

2. Внешний аудит выявляет затраты на решение социальных вопросов вне организации, т.е. позволяет оценивать экологические программы, систему менеджмента качества, взаимодействие с поставщиками, партнерами, покупателями, участие в мероприятиях местного сообщества, корпоративную благотворительность и т.д.

Выявив по исследуемым показателям существенные отклонения, определив факторы влияния и возможные социально-трудовые риски, аудит позволит разработать рекомендации, необходимые для приведения изучаемых показателей к требуемому уровню конкурентоспособности бизнеса. Социализация конкурентоспособности позволяет включить в комплекс индикаторов аудиторского обследования такие показатели, как социальные инвестиции, социальная ответственность, лояльность, репутационный имидж и другие (нематериальные) показатели.

Логичным продолжением социального аудита могут стать и другие аспекты социальной деятельности организаций.

Обобщение полученных результатов дает возможность оценить качество социальной политики организаций, сопоставить их сводные показатели как в пределах одной отрасли, так и по различным отраслям, а это уже конкретный материал для диалога профсоюзов, работодателей и органов местного самоуправления, а не ловушка «нового социального контракта».

Социальный аудит – это та технология, в использовании которой, прежде всего, должны быть заинтересованы все субъекты социального партнёрства, основная задача которых – защита социальных интересов человека труда. Как справедливо утверждал российский социолог Джаудат Гилязетдинов, «исследование условий жизни людей – эффективный инструмент сохранения политической и социальной стабильности в обществе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиев, Г.Т. Основы социального аудита [Текст] / Г.Т. Галиев. – Уфа, 2007.
2. Галиев, Г.Т. Технологическое управление социальными процессами [Текст] / Г.Т. Галиев, Н.Н. Галиева, Т.Г. Дружинина. – Уфа, 2008.
3. Галиев, Г.Т. Социальные технологии. Ресурсы. Аудит [Текст]: в 2-х т / Г.Т. Галиев, В.И. Патрушев. – Уфа, 2011.
4. Попов, Ю.Н. Россия перед вызовом: Быть ей конкурентоспособной или не быть? [Текст] / Ю.Н. Попов, Т.В. Гришина. – М., 2013.

Схема 1

Процесс управления социально-трудовыми рисками
при проведении социального аудита

С.В. Егорышев

Восточная экономико-юридическая
гуманитарная академия, г. Уфа

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время аксиоматично звучит тезис о том, что эффективность любого вида социологического управления определяется масштабом и качеством его информационного обеспечения. В то же время, несмотря на свою очевидность, информационное обеспечение управления, его характер, структура, объем и качество продолжают оставаться одной из узловых проблем стиля управления в целом и поэтому приковывают к себе внимание исследователей.

Установлено, что необходимость, значимость, интенсивность и объем информации, циркулирующей в системе управления, прямо пропорционально зависят от характера объекта управления, его количественного и качественного состава. В данном случае таким объектом выступает региональный социум, а в его рамках - местные сообщества, так как речь идет об управлении, осуществляемом на региональном и муниципальном уровнях.

Эффективность информационного обеспечения социального управления зависит от целого ряда условий, одним из которых являются каналы коммуникации, используемые объектом управления. И здесь равнозначное значение имеют каналы прямой и обратной информации. Эти каналы, по справедливому замечанию А.Б. Курлова и В.К. Петрова, позволяют получить объективную информацию об актуальных социально значимых явлениях и процессах, имеющих место в обществе, что позволяет использовать эту информацию в принятии управленческих решений, соответствующих равноправным взаимоотношениям субъекта и объекта управления [3, С. 7].

Социологический мониторинг, об опыте проведения которого далее в статье будет идти речь, является все более часто используемым в последнее время элементом механизма обратной связи в системе информационного обеспечения системы управления.

Одним из первых определение механизма обратной связи в социальной системе дал Н. Винер: «Обратная связь есть метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения задачи» [2, С. 71].

На сегодняшний день в специальной литературе содержится достаточно много определений обратной связи, аккумулируя общий смысл которых можно сказать, что «обрат-

ная связь – это специально созданная система, обеспечивающая информационный поток от объекта управления к его субъекту через коммуникативные каналы для достижения баланса между целью управленческого воздействия и его результатов» [1, С. 26].

И если у специалистов, как отмечалось, имеются различные точки зрения на определение понятия «обратная связь», то в выделении условий эффективности обратной связи многие из них единодушны, называя эти условия. К этим условиям относятся: 1 – конкретность, объективность и полнота информации, поступающей по каналам обратной связи; 2 – полезность и значимость получаемой информации; 3 – своевременность и оперативность функционирования механизма обратной связи, позволяющие быстро вносить коррективы в содержание управленческой деятельности; 4 – готовность и способность субъекта управления воспринимать и использовать информацию, поступающую по каналам обратной связи; 5 – оптимальность (достаточность) информации, непрерывность (систематичность) ее поступления и соответствия определенному и конкретному уровню управления.

Каналы обратной связи достаточно разнообразны, поэтому встречающееся отождествление обратной связи с общественным мнением является ошибочным. Соответственно и мониторинговые исследования, используемые в механизме обратной связи, не ограничиваются только социологическим мониторингом состояния общественного мнения.

Понятие «мониторинг» вошло в научный оборот достаточно давно и означает систему сбора информации, регулярное наблюдение за теми или иными явлениями, действиями, процессами, состояниями [4, С. 188].

Типология мониторинга определяется характером наблюдаемого объекта. В том случае, когда объектом систематического мониторинга выступает социальная сфера и составляющие ее элементы, мониторинг называется социальным.

Основу социального мониторинга составляет социальная информация, поэтому социальный мониторинг может дифференцироваться в зависимости от источника этой информации. В связи с этим выделяют мониторинг материалов средств массовой информации, мониторинг писем и иных письменных обращений; мониторинг статистических, правовых и других видов документов, мониторинг общественного мнения.

В силу того, что социальная информация имеет статистический и социологический характер, а ее сбор осуществляется статистическими и социологическими методами, мониторинг может быть статистическим или социологическим.

Под социологическим мониторингом понимается проводимое в определенном временном интервале систематическое наблюдение, организованное в виде научного исследования по заданным и повторяющимся показателям состояния и динамики оценок общественным мнением различных социальных групп актуальных проблем общественной жизни на конкретной территории.

Социологический мониторинг, как отмечалось выше, входит в систему информационно-аналитического обеспечения того или иного субъекта управления, а по отношению к социальному управлению в целом социологический мониторинг является одновременно и инструментом обратной связи в управлении и средством повышения его эффективности, включая управление в сфере образования.

Социологический мониторинг представляет собой многоуровневую систему наблюдения. Подобные исследования проводятся во многих странах. Осуществляется такой мониторинг и в России, где в наблюдениях участвуют органы власти и управления федерального, регионального и муниципального уровней, используя возможности различных исследовательских институтов и лабораторий.

К сожалению, результаты этих мониторинговых исследований не всегда становятся предметом внимания и интереса этих органов управления, далеко не всегда становятся они достоянием общественности, оставаясь часто плодом раздумий самих исследователей.

Вместе с тем, прежде всего, на муниципальном уровне устойчивость приобрела тенденция расширения практики проведения муниципалитетами мониторинговых исследований. Например, в Республике Башкортостан и её столице городе Уфе накоплен интересный опыт проведения подобных исследований общественного мнения о различных сторонах жизнедеятельности органов местного самоуправления и функционирования местных сообществ.

Начиная с 2002 года, эти исследования касаются 12 наиболее злободневных сторон городской жизни, среди которых строительство и проблема жилья, экология и благоустройство городских территорий, торговля и обслуживание населения, проблемы труда и заработной платы, криминогенная обстановка и эффективность работы правоохранительных органов, развитие предпринимательства и инвестиции, деятельность образовательных и медицинских учреждений, органов социальной защиты и другие.

На проведение социологического мониторинга в рамках ежегодной программы администрации городского округа город Уфа выделяется несколько миллионов рублей.

К проведению мониторинга привлекаются ведущие социологические центры и лаборатории, функционирующие как в государственных, так и в негосударственных образовательных и исследовательских учреждениях. Среди них Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Центр исследований «СоциоМаркет».

Систематически поступающая социологическая информация позволяет в динамике рассматривать интересующие администрацию города проблемы, принимать на этой основе управленческие решения и определять эффективность их выполнения. Поэтому к качеству мониторинговых исследований предъявляются высокие требования, а их результаты становятся достоянием не только соответствующих структур администрации города, но и публикуются в городских СМИ, в информационном бюллетене администрации городского округа г. Уфа, в специальных изданиях, становятся они и предметом обсуждения на научно-практических конференциях и совещаниях с участием заинтересованных ведомств, руководителей и специалистов.

Социологический мониторинг органично вписывается в механизм обратной связи муниципального управления и способствует решению трёх основных задач:

- 1) перспективных, с точки зрения общественного мнения, направлений совершенствования деятельности органов определение местного самоуправления и муниципального управления, равно как выявление и устранение «узких», проблемных мест в их работе;
- 2) систематизация оценок и мнений о работе муниципальных органов управления; определение круга проблем, наиболее сильно волнующих местное сообщество, которые требуют решения на муниципальном уровне.

Научно-исследовательский центр Восточной экономико-юридической гуманитарной академии с 2002 года проводит мониторинг общественного мнения горожан по социальным проблемам города, эффективности работы образовательных учреждений, состоянию криминогенной обстановки и результативности деятельности органов внутренних дел.

К проведению социологических исследований в соответствии с их тематикой привлекаются студенты, обучающиеся по специальностям «юриспруденция», «социальная работа» и «педагогика», прослушавшие курс социологии. Работа в качестве интервьюе-

ров и анкетёров способствует закреплению у них навыков проведения прикладных исследований, расширяет кругозор о состоянии дел в сферах будущей профессиональной деятельности.

Результаты социологических исследований используются студентами в научно-исследовательской работе при подготовке докладов и сообщений на заседаниях научных кружков, конкурсных студенческих научных работ, курсовых и дипломных сочинений.

Материалы социологического мониторинга стали эмпирической основой для восьми кандидатских диссертаций, успешно защищённых аспирантами академии по социологическим и педагогическим наукам.

Издательством академии «Восточный университет» опубликовано пять монографий, восемь брошюр и сборников материалов научно-практических конференций, отражающих результаты мониторинга. Среди них монографии: «Проблемы укрепления взаимодействия органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью в условиях формирования в современной России гражданского общества» (Уфа, 2006, автор А.Е. Линкевич); «Общественное мнение в управлении органами внутренних дел» (Уфа, 2008, авторы У.С. Аккучуков, С.В. Егорышев, Г.В. Лысов); «Социальные проблемы развития негосударственного среднего профессионального образования в современной России» (Уфа, 2010, автор Т.А. Даутова), а также материалы конференций: «Связи с общественностью муниципальной власти в период реформирования системы местного самоуправления» (Уфа, 2007); «Личность в современном образовательном процессе» (Уфа, 2008); «Теория и практика непрерывного образования людей с ограниченными возможностями здоровья» (Уфа, 2010) и другие.

Следует подчеркнуть, что конференции, на которых обсуждаются материалы социологических исследований, проводятся при активном участии администрации города, руководителей управлений и учреждений социальной защиты, образования, а также органов внутренних дел.

Накопленный опыт проведения социологического мониторинга позволяет говорить о его выраженной значимости в практике муниципального управления. Социологическая информация способствует более глубокому информационно-аналитическому обеспечению принятия, реализации и оценке эффективности управленческих решений, а её популяризация в различных формах и различными средствами, прежде всего, посредством СМИ, направлена на расширение информационной открытости органов муниципального управления и на формирование компетентного общественного мнения о различных сторонах жизни муниципалитета. В связи целесообразно расширять проблематику городской жизни, которая составила бы предмет мониторинговых социологических исследований и стала достоянием интереса и активного обсуждения, а также учёта в практике муниципального управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккучуков, У.С. Общественное мнение в управлении органами внутренних дел [Текст] / У.С. Аккучуков, С.В. Егорышев, Г.В. Лысов. – Уфа: «Восточный университет», 2008.
2. Винер, Н. Кибернетика и общество [Текст] / Н. Винер. – М.: «Иностранная литература», 1958.
3. Курлов, А.Б. Основы информационной аналитики [Текст] / А.Б. Курлов, В.К. Петров. – М.: «Юрист», 2009.
4. Социологический энциклопедический словарь [Текст] / ред.-координатор Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА – НОРМА, 1998.

А.А. Дрегалo, В.И. Ульяновский, О.А. Воловик

САФУ, г. Архангельск

СРЕДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальность исследования идентичности определяется как мировым идентификационным кризисом, так и особенностями его проявления на национальном уровне. Выделим основные подходы к исследованию особенностей социальной идентичности.

Этносоциологический подход. На основе социологических исследований в республике Коми, Архангельской и Мурманской областях Ю.П. Шабаев приходит к выводу, что северные сообщества отличаются «локальностью, слабой региональной идентичностью». Локальность проявляется в том, что общей идентичности фактически нет ни на уровне северных индустриальных городов, ни на уровне областей, республик и округов. Отдельные административные регионы воспринимаются только как территории, но не как общий дом для целостных местных сообществ. Русские доминируют в северных субъектах РФ, являясь и этническим большинством, и культурно доминирующей группой. А сложившаяся исторически поликультурность «Русского Севера» не приводит к формированию мультикультурного сознания у населения северных субъектов. Северные региональные идентичности так и не сформировались. Общей идентичности фактически нет ни на уровне северных индустриальных городов, ни на уровне областей, республик и округов [5, С. 57-66].

Социокультурный подход представлен в работах В.М. Пивоева. Региональную идентичность автор рассматривает сквозь призму культурно-групповой идентификации – «различении «своих» и «чужих» на основании набора критериев, включающих в себя отношения со средой, с культурными традициями, с другими социальными группами, основу для самоуважения, специфичный менталитет и доминирующую структуру ценностей. Конкретизируя содержание идентичности, автор акцентирует внимание на этносах, проживающих в регионе: карелах, вепсах, русских, и различает этническую и национальную идентичность. В национальной идентичности автор выделяет: территорию с определенными границами; суверенитет; легитимность; признание нации высшей ценностью; национальную идею; дух нации, менталитет и религию; традиции культуры; праздники и профессиональное искусство; символику государства: флаг, герб, гимн.

Автор приходит к выводу, что «нет национальной культуры Республики Карелии, но есть национальная культура русских, национальная культура карелов, национальная культура финнов, национальная культура вепсов и других народов...» Поэтому не ак-

туально заниматься развитием национальной культуры Карелии. Более плодотворной представляется автору задача формирования региональной культуры Карелии [4].

Социально-психологический подход к проблеме северной идентичности представлен в исследовании И.А. Шибут. В рамках социальной психологии автор исследовала качество отношений (связи) между индивидом и общностью в контексте региональной идентичности. Автором осуществлена попытка составления целостного «образа северянина» и осмысления связи между понятиями «социальная идентичность», «индивидуальная идентичность», «региональная идентичность», «северная идентичность», «идентификация».

Представленные подходы к осмыслению северной идентичности далеко не исчерпывают всего богатства предложенных за последние два десятилетия научных концепций и накопленного эмпирического материала. Дальнейшее развитие идей предполагает творческую оценку и определенную селекцию полученного материала. Наш подход к познанию идентичности имеет два отличия от аналогичных исследований.

Первое отличие связано с выяснением особенностей идентификации индивида с территориально-временной (топохронной) общностью – принадлежностью к определенному социокультурному типу населения Севера. В числе гипотетических факторов формирования и воспроизводства идентичности рассматриваются объединяющие индивидов в рамках локальной среды (Европейского Севера России): природа, искусственная природа, человек, личность, общности.

Второе отличие связано с общегражданской идентичностью, имеющей непосредственное отношение к социальной солидарности и сотрудничеству в поселенческой общности разного уровня – села, города, региона.

Исходя из логики анализа социокультурных типов «северного» человека, средовой подход к территориальной общности предопределяет возможность использования термина «средовая идентичность». Средовую идентичность можно определить как процесс и результат эмоционально-когнитивного осознания индивидом принадлежности к локальной среде обитания, отождествления себя с представителями средовой общности, личностного переживания своей средовой принадлежности. Средовая идентичность является одним из индикаторов уровня солидаризации людей.

Конкретизация общего понятия, использование признаков идентичности на уровне социокультурного (топохронного) типа человека/личности, позволяет: а) использовать методы анализа идентичности на разных уровнях локальной среды – от регионального до микрорайона города, сельского поселения; б) повысить качество соответствующих индикаторов в процессе социологического анализа.

Для исследования социально-средовой идентичности северян представляется важным выяснить, насколько значима для человека окружающая его природная и социальная среда.

Результаты нашего социологического исследования, проведенного в 2012 году в Архангельской области и Ненецком автономном округе, показали, что более 85% коренных жителей и старожилов считают себя северянами, при этом уровень средовой идентичности прямо связан с продолжительностью проживания респондентов на Севере. Важным фактором средовой идентичности является тип поселения. Среди жителей малых городов области считают себя северянами – 93,8% респондентов, сельских поселений – 90,0%, крупных городов области – 77,0%. Наиболее значимыми факторами средовой идентичности являются отношение к Северу («любить Север») – 68%; продолжительность проживания («прожить большую часть жизни на Севере») – 57%; рождение на Севере – 45%; чувствовать свою ответственность за Север – 41%.

В целом профиль социальной идентичности выглядит следующим образом (табл. 1).

В профиле идентичностей северян выделяется группа населения, объединяемая близкими по значению индикаторами: соотносят себя с жителями Архангельской области 42,7% респондентов, с жителями Севера России - 33,1%. Всех их объединяют место проживания и природно-климатические условия, складывающиеся на этой основе уклад и качество жизни, культурные традиции, эмоциональное восприятие среды обитания, экологическое сознание. В данном случае можно говорить о составляющих элементах средовой идентичности.

Если детализировать факторы средовой идентичности, то окажется, что для северян более всего значим непосредственно окружающий человека природный мир, сопереживание с другими людьми этого мира. В силу особенности России как государства со сложным этнокультурным, конфессиональным составом населения и переживаемым временем сложного становления новой общности, особое внимание уделяется проблемам укрепления государственности и национальному строительству. В решении данной проблемы основным интегратором сообщества выступают общие и различные интересы, ценности граждан, проживающих в локальных средах. Типы ценностных ориентаций, так называемый «культурно-ценностный дифференциал» создает основу межгруппового баланса в регионах. Вместе с тем существует проблема, суть которой в том, «что психологическая привязка к территории, когнитивные представления о прошлом, об общем в культуре фиксируются в опросах, а гражданское общество большинство людей не чувствует и не осознает (курс. наш – А.Д.;В.У.)» [3, С.276].

Социологические исследования, проведенные авторами в Ненецком автономном округе, свидетельствуют о противоречивом характере проявления этнокультурной идентичности среди коренного, старожильческого и временного населения окружного центра и моноэтнических поселков округа [1].

Исследования показали, что среди городских ненцев отсутствует стремление к этнической обособленности, безусловному сохранению этноса. Среди заключаемых браков доля межнациональных браков превышает 70%. Из повседневного употребления вытесняется ненецкий язык. Абсолютное большинство этнических ненцев-горожан (95%) основным языком межнационального общения на работе и дома считают русский язык [2, С.426-427].

Таблица 1. Профиль социальной идентичности населения Архангельской области и Ненецкого автономного округа*

Вопрос: «К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?»	Всего	Архангельская область	НАО	Ранг
К своей семье (мать/отец/сын/дочь)	85,7	87,6	81,8	1
К своему поколению	53,2	56,4	46,5	2
К гражданам России	48,1	53,8	36,0	3
К жителям Архангельской области	42,7	57,2	12,4	4
К представителям своей профессии	34,3	40,3	21,7	5
К советским людям	20,8	23,7	14,7	7
К жителям Ненецкого автономного округа	20,7	1,5	60,9	8
К людям своей национальности	20,2	21,0	18,6	9
К коренным жителям Европейского Севера (поморы, коми, ненцы)	13,9	11,5	19,0	10
К людям одинаковых политических взглядов	6,3	7,2	4,3	11
К группе успешных людей	4,6	5,0	3,9	12
К группе никому не нужных, забытых людей	2,5	1,9	3,9	13
К своей диаспоре	2,3	1,9	3,1	14
Я сам по себе и ни к кому себя не отношу	2,0	1,1	3,9	15

*Опрос проведен в Архангельской области и Ненецком автономном округе в феврале-марте 2012 г. Объем выборки 797 чел. Контроль выборки проводился по полу и возрасту. Статистическая погрешность – менее 4 %.

В социальной идентичности важное место занимает «поколенческая» идентичность. По данным нашего исследования соотносят себя с представителями своего поколения 53,2% северян. Понимание «поколенческой» идентичности позволяет выявлять особенности межпоколенной солидарности. Исследования показывают, что эмоционально-психологическая связь молодого со старшими поколениями «обеспечивает молодежи чувство родины, родного места и оказывают стабилизирующее воздействие на желающих остаться в родном городе и на желание уехать из него». Однако данные социальной статистики свидетельствуют об устойчивом отрицательном сальдо миграции среди жителей Архангельской области, при положительном значении в Ненецком автономном округе. Примечательно, что в моноэтнических поселках Индига, Нельмин Нос, Красное, Бугрино (о. Колгуев) потенциальная миграционная готовность по данным социологического исследования, проведенного авторами в 2014 году в Ненецком округе, не превышает 5%, в то время как в окружном центре она составила 16%.

Наши исследования зафиксировали взрыв межпоколенной солидарности, проявившейся в благодарном отношении к национальным поэтам, писателям, общественным деятелям: более 32% респондентов моноэтнических поселков отметили знание национальных поэтов, прозаиков, художников Алексея Пичкова, Прокопия Явтысога, Василия Ледкова, внесших неоценимый вклад в развитие национальной культуры.

В Архангельской области, в том числе НАО, отмечается высокий уровень гражданской идентичности: 48,1% респондентов идентифицируют себя с гражданами России. Исторически сформированный патриотизм, укрепленный солидаризацией населения страны в годы индустриализации, Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, последующего восстановления народного хозяйства, огромных достижений в науке, космосе, обороне страны, а также ростом ее авторитета в мире, еще сохраняет некоторый потенциал в трудные годы нынешних социальных испытаний. Сравнительный анализ по возрастным группам свидетельствует о том, что гражданская идентичность стабильно сохраняется на одном уровне независимо от возраста.

Представляет особый интерес идентичность северян, связанная с нашим прошлым – «советские люди». Два десятилетия назад, сразу после распада СССР, на вопрос, «что для Вас является Родиной?» 26% опрошенного населения Архангельской области назвали СССР, еще 64% - Россию. Несмотря на горький опыт распада государства, небывалую политическую кампанию по уничтожению общей для многих людей родины, пятая часть северян продолжают ценить добрую память о своей стране. Эти люди подняли страну из руин революции и гражданской войны, Великой Отечественной войны, вознесли на уровень передовых стран мира, подчас забывая и о трагических для миллионов людей годах.

Среди северян доля респондентов, идентифицирующих себя с советскими людьми, составляет сегодня в целом 23,7%, в когорте старшего поколения – 38,4%, в когорте 40-49 лет – 30,8%. Со временем историческая память стирает многие ценности и социальные издержки, даже трагедии. Тем более что «управляемая демократия» управляет по-своему этими процессами. Естественно, что у представителей младших поколений остается смутное представление о днях минувших. И все же в группе северян 18-24 лет идентифицируют себя с советскими людьми 5,9% респондентов, в группе 25-29 лет – 12%. Думается, что без людей старшего поколения, кто созидал, охранял, защищал наши ценности, кто сохраняет память о достижениях страны, сегодня невозможно зажечь искру надежды на будущее России, возродить патриотизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дрегалo, А.А. Качество жизни коренного населения пос. Нельмин Нос. Опыт этносоциологического исследования [Текст] / А.А. Дрегалo, В.И. Ульяновский. – Архангельск, 1994. – 51 с.
2. Дрегалo А.А. Социология региональных трансформаций [Текст]: монография: в 2-х т. / А.А. Дрегалo, В.И. Ульяновский / Северный (Арктический) федеральный университет. – Т. 1. Региональный социум 1989 – 1998: от надежды к разочарованию, 2010. – 493 с.
3. Дробижeва, Л.М. Дискуссии вокруг стимулированной В.А. Ядовым проблемы идентификации россиян [Текст] / Л.М. Дробижeва // Vivat, Ядов! К 80-лeтнему юбилею: сборник / предисл. М.К. Горшкова. – М., 2009. – С. 266-276.
4. Пивоев, В.М. Кризис идентичности и проблемы этнической, национальной и региональной идентификации в условиях Европейского Севера России [Текст] / В.М. Пивоев. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru>txt/77/151/6994.nhp>
5. Шабаев, Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности [Текст] / Ю.П. Шабаев // Социологические исследования. – № 10. – С. 57-66.
6. Шибут, И.А. Социальная и индивидуальная идентичность населения Кольского полуострова в контексте региональной идентичности [Текст]: автореф. соиск. канд. психологических наук / И.А. Шибут. – СПб., 2006.

В.А. Кибенко

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛО- НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА (ПРОГРАММА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

Переход к устойчивому развитию Северных территорий Российской Федерации, усиление реальной роли и положения Арктических регионов, изменение их восприятия как «окраин» и «форпостов», высокий уровень урбанизации, разобщенность и труднодоступность населенных пунктов, миграционный характер формирования количественного и качественного состава населения - все эти факторы обуславливают необходимость и актуальность исследований социального пространства Северных территорий. Важный этап в формировании региона и его социокультурного пространства – это возникновение регионального самосознания.

Цель социологического исследования региональной идентичности городского населения Ямало-Ненецкого автономного округа состоит в получении социологической информации о региональной идентичности городского населения Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), факторов, влияющих на ее формирование. Для достижения поставленной цели решению подлежат следующие исследовательские задачи:

- выявить основные «Я», «Мы» территориальные самоидентификации;
- определить основные источники территориальной самоидентификации;
- определить влияние таких факторов, как место рождения, гражданство, стаж проживания в регионе, национальность и др. на территориальную самоидентификацию;
- обобщить и категоризовать представления населения о ЯНАО и его жителях;
- выявить основные отличия от жителей других регионов России;

¹ Исследование проводится в соответствии с утвержденным Научным планом Ямало-Ненецкого автономного округа на 2014 год, Планом научной и научно-технической деятельности ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» 2014 год, в рамках мероприятий по проведению в 2014 году на территории Ямало-Ненецкого автономного округа Года гражданского единства (Распоряжение Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 марта 2014 года № 122-ПП).

- определить восприятие ЯНАО как территории временного или постоянного проживания, желания покинуть регион, причины;
- определить степень и формы участия населения в решении местных и региональных проблем;
- выявить отношение жителей ЯНАО к идее об объединении трёх субъектов Российской Федерации: Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского автономных округов и Тюменской области в один субъект Федерации - Тюменскую область (край);
- сравнить территориальные самоидентификации жителей Восточной и Западной частей автономного округа;
- определить значимость праздничных дат (общероссийских, региональных, религиозных и др.);
- определить уровень знаний государственной символики, гимна Российской Федерации; официальной символики Ямало-Ненецкого автономного округа и городов проживания.

Объектом исследования выступает взрослое постоянно проживающее городское население Ямало-Ненецкого автономного округа, предметом - региональная идентичность городского населения ЯНАО.

Понятие «идентичность» имеет несколько значений. На наш взгляд, наиболее полное определение сформулировал С. Хантингтон. «Идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них». Раскрывая понятие, ученый отметил ряд ключевых моментов относительно идентичности:

«Идентичностью обладают как индивиды, так и группы», как первые, так и вторые (в меньшей степени) могут обладать «множественными идентичностями», групповые идентичности могут быть ««кровные», территориальные, экономические, культурные, политические, социальные и национальные»;

«Идентичности, в общем и целом, представляют собой конструкторы» - по собственному желанию либо под воздействием внешней среды люди конструируют собственные идентичности;

«Идентичности определяются «самостью»» - на самоидентификацию оказывает огромное влияние восприятие индивида другими.

«Значимость альтернативных идентичностей индивида или группы ситуационна» - в определенных случаях люди подчеркивают тот аспект идентичности, который объединяет их с теми, с кем они взаимодействуют.

Идентичности могут быть «узкими» или «расширенными», причем «ширина» наиболее значимых идентичностей варьируется исходя из ситуации [10, с. 50-54].

У людей имеется богатый выбор возможных источников самоидентификации. Основными С. Хантингтон считает следующие: «Аскриптивные - возраст, пол, кровное родство, этническая и расовая принадлежность; культурные – клановая, племенная, языковая, национальная, религиозная, цивилизационная принадлежность; территориальные – ближайшее окружение, деревня, город, провинция, штат, район, субъект, регион, климатическая зона, континент, полушарие; Политические - фракционная и партийная принадлежность (в широком смысле - от ячейки до общественного движения), преданность лидеру, группы интересов, идеология, интересы государства; Экономические – работа, профессия, должность, рабочее окружение, наниматели, отрасли, экономические секторы, профсоюзы, классы, государства; Социальные - друзья, клубы, команды, коллеги, компании для развлечений, социальный статус». [10, с. 59].

Понятие «регион» применительно к Российской Федерации представляет собой разновидность регионального уровня территориального устройства государства. Впервые в современном российском праве оно было закреплено в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803, где регион определен как «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации».

Н.Н. Исмагилов отмечает, что «при изучении региональной идентичности России необходимо обращать внимание на специфику пространства, масштабы территории, с которыми она сопряжена. Пространственное самосознание на макроуровне – идентификация с крупными природно-экономическими регионами; на мезоуровне – идентификация с районами, соразмерными краю, области, республике; на микроуровне – это идентификация на уровне населенного пункта, улицы, квартала» [1, с. 133].

Р.Ф. Туровский, несмотря на то, что «макрорегиональный уровень российской географии сильно размыт и не может быть передан через четкие границы», описывая региональную идентичность современной России, выделил примерный перечень макрорегионов РФ: «Россия делится на Центр, Север, Юг, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток (можно выделять и Черноземье)». Как указывает автор, это соответствует советскими экономическими районам, «которые имели неплохой культурно-исторический смысл». [8, с. 155].

В программе социологического исследования региональной идентичности городского населения Ямало-Ненецкого автономного округа под регионом на макроуровне понимается макрорегион, полностью либо частично объединяющий территорию нескольких субъектов Российской Федерации (Центр, Север, Юг, Поволжье, Урал, Сибирь и дальний Восток, Черноземье, Арктическая зона РФ, Федеральный округ, сложноустроенный субъект РФ и т.д.). На мезоуровне – часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий, совпадающая с границами субъекта Российской Федерации. На микроуровне – населенные пункты (города).

Под понятием региональная идентичность понимается результат самоидентификации индивида или группы с территорией или территориальной общностью.

Ямало-Ненецкий автономный округ (ранее – Ямало-Ненецкий национальный округ) образован Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1930 года [9], расположен в арктической зоне Западно-Сибирской равнины, в центре Крайнего Севера России, и занимает обширную площадь в 769 тыс. кв. км. Более половины Ямало-Ненецкого автономного округа расположено за Полярным кругом. Северная граница Ямало-Ненецкого автономного округа пролегает по берегу Карского моря и имеет протяженность 5100 км. На западе Ямало-Ненецкий автономный округ граничит с Архангельской областью и Республикой Коми, на юге – с Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой, на востоке – с Красноярским краем. По данным Ямалстата население на начало 2014 года составляет 539,7 тыс. чел.

Период 1960-е – 1980-е годы вошли в историю Севера западной Сибири как начальный этап промышленного освоения, связанный с открытием крупнейшей в СССР и мире нефтегазовой провинции. 1970-е – начало 1990-х – активное освоение и расширение масштабов освоения газовых месторождений, создание второй по значению – нефтяной отрасли,

дальнейший поиск перспективных залежей углеводородов, складывание газодобывающего комплекса, транспортной инфраструктуры [2, с. 10, 11]. В это же время происходит усиление трудовой миграции в регион, формирование сети современных городов.

Основным фактором роста населения была миграция. Ее вал за 1960-80-е гг. составил 1,5 млн. человек. Сальдо миграции составило 335 тыс. человек. Население ЯНАО за XX столетие возросло с 10 тыс. до 500 тыс. человек и достигло к началу 2013 года 541,6 тыс. человек. Две трети всех мигрантов были выходцы из других регионов страны (межобластная миграция), одна треть приходилась на долю внутриобластных перемещений (в пределах Тюменской области). ЯНАО притягивал население из Урала, центральных районов России, Поволжья, Северного Кавказа. Каждый пятый мигрант был уроженцем Украины [4, с. 52-54].

Период 1992-1998 годы - сложная рыночная трансформация экономики округа, сопровождавшаяся временным падением добычи топливно-энергетических ресурсов, дестабилизацией экономики, негативными миграционными тенденциями, политической борьбой за статус территории. В 1992 году подписан федеративный договор и Ямало-Ненецкий автономный округ включен в состав равноправных субъектов Российской Федерации. Конституция РФ 1993 года узаконила статус автономного округа как равноправного субъекта РФ в составе Тюменской области. На этом рубеже постсоветского периода, в ходе борьбы за статус региона, зарождается современная региональная идентичность населения округа.

Период 1998-2007 годы - стабилизация и наращивание добычи топливно-энергетических ресурсов, улучшение ситуации в промышленном хозяйстве и социальной сфере региона, снижение миграционного оттока населения. Дальнейшее стабильное развитие топливно-энергетического комплекса, социального сектора, превращало округ в благоприятную для жизни территорию с большим потенциалом притяжения.

Миграция и сейчас играет существенную роль для этносоциальных процессов: меняется привычная этническая структура общества, усложняются межэтнические отношения. Ямало-Ненецкий автономный округ является полиэтничным субъектом Российской Федерации – на территории автономного округа проживают представители более 130 национальностей. Наиболее многочисленными являются русские (61,7%), украинцы (9,7%), татары (5,6%) и башкиры (1,7%), коренные и малочисленные народы Севера (КМНС) в совокупности составляют 7% населения округа. КМНС проживают в основном в сельской местности. Из них около 40% ведут традиционный кочевой образ жизни. В общей совокупности представители народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии составляют более 35 тыс. человек, или 7% населения автономного округа [3].

Трудовая деятельность в автономном округе является привлекательной, в том числе для мигрантов из стран ближнего зарубежья. Возрастающий поток мигрантов из стран Средней Азии и Южного Кавказа, республик Северного Кавказа Российской Федерации является носителем других типов культур и самосознания, которые не хотят терять свою идентичность, а те формы идентичности, которые существуют в регионе, их не привлекают, что приводит к росту этнических, религиозных, культурных элементов общественного сознания [7].

Трудовая миграция и в дальнейшем будет основным фактором в росте численности и качественного состава населения округа. Это связано с реализацией на территории ЯНАО крупных инфраструктурных проектов. Прогнозное увеличение среднегодовой численности постоянного населения региона: 2017 г. - 601,8 тыс. человек, 2020 г. – 620,6 тыс. человек. Прогнозный коэффициент естественного прироста населения (на 1000

чел.): 2017 г. – 12,4, 2020 г. –12,9. Прогнозный коэффициент миграционного прироста (на 10000 чел): 2017 г. – 36,3, 2020 г. –50,6 [6].

По уровню образования население автономного округа распределяется следующим образом. Наибольшее количество жителей ЯНАО имеет среднее профессиональное образование - 139,8 тыс. чел.; высшее образование имеют 108,2 тыс. чел.; среднее (полное) - 70,6 тыс. чел. [3].

Ускоренное развитие Ямало-Ненецкого автономного округа привело к прерывистому, скачкообразному характеру урбанизации. К концу 1980-х гг. в основном сложилась современная сеть городских и сельских поселений. В настоящее время округ насчитывает 8 городов и 7 районов. Города различаются количеством и национальным составом населения, интенсивностью миграционных процессов, профилем градообразующих предприятий (нефтяные, газовые, административные), доступом к коммуникационной инфраструктуре, в том числе и информационной. Условно автономный округ разделен на две территории- Восточную (промышленную) и Западную (административную).

Географические (Север, Крайний Север), природно-климатические факторы, вахтовый метод работы и локальный характер проживания, отраслевая принадлежность (геологи, нефтяники, газовики, тресты, главки и т.д.) долгое время были основными источниками, повлиявшими на самоидентификации населения округа. Постоянно проживавшие и трудившиеся на территории округа население отождествляло себя в основном с геологами, газовиками, нефтяниками, жителями Тюменской области, Северянами, Сибиряками, и т.д.

Закрепление статуса территории как самостоятельного субъекта Российской Федерации создало предпосылку для формирования региональной (мезорегиональной) идентичности. Ненецкое словосочетание я · мал [1], давшее название полуострову и ставшее частью имени Ямало-Ненецкого автономного округа, стало неофициальным синонимом названия региона и вошло в наименования региональных брэндов (Государственная телерадиокомпания «Ямал» - 1993 год, авиакомпания «Ямал», и др.). Наряду с жителями Тюменской области, Северянами, Сибиряками жители ЯНАО все чаще стали ассоциировать себя с жителями Ямало-Ненецкого автономного округа- Ямальцами. Ямал и Ямальцы заняли свое место в одном ряду с Уралом и Уральцами, Сибирью и Сибиряками.

В процессе социально-экономического развития региона, формирования общественных институтов, создания Уральского федерального округа, воздействия дискурсивных агентов (политическая элита, СМИ и др.), создаются предпосылки для дальнейшей трансформации региональной идентичности жителей ЯНАО. В апреле 1998 году в Салехарде проходит «Третья международная конференции парламентариев Арктического региона», проведение которой положило начало позиционирования ЯНАО как международной диалоговой площадки по вопросам освоения Арктики. Реализация масштабных энергетических и инфраструктурных проектов в высоких широтах, интеграция в информационное пространство Арктической зоны РФ (телевизионный проект ГТРК «Ямал» «Вести Арктики» и др.), создают предпосылку для формирования у жителей ЯНАО макрорегиональной идентичности. Чаще употребляются понятия Арктика, Арктическая зона, заменяя собой понятия Север, Крайний Север.

Образование (Указом Президента России от 13 мая 2000 года) Уральского федерального округа (Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ), разработка и реализация межрегиональных (в рамках Федерального округа) социально-экономических, культурных, спортивных проектов и мероприятий, создало предпосылки к формированию макрорегиональной идентичности Уральского Федерального округа.

Несмотря на самостоятельность региона, социально-экономические, политические, интеграционные процессы, в рамках сложно построенного субъекта Российской Федерации - Тюменской области, сохраняют свое влияние на региональную самоидентификацию жителей ЯНАО.

Гипотезы:

– Большинство жителей ЯНАО самоидентифицируют себя с «Россиянами», «Ямальцами» и «Северянами», менее выражены самоидентификации с макрорегионами – Сибирью, Уралом, Тюменской областью, Арктикой и др.

– В оценках респондентов присутствует отличие жителей ЯНАО от жителей других регионов России.

– Присутствуют различия в самоидентификациях жителей Восточной и Западной частей ЯНАО.

– На региональную самоидентификацию населения ЯНАО оказывают влияние ряд таких факторов, как место рождения, этническая принадлежность, стаж проживания на территории округа и другие.

Эмпирическую основу исследования составят данные маршрутного опроса, проводимого в режиме личного формализованного интервью по месту жительства респондентов, который обеспечит получение репрезентативной информации по городскому населению Ямало-Ненецкого автономного округа в целом, по городам: Салехард, Новый Уренгой, Ноябрьск в отдельности. Объем общей выборочной совокупности маршрутного опроса составит 2285 респондентов по ЯНАО, которая формируется по принципу пропорциональной квотной (по полу, возрасту, уровню образования) районированной многоступенчатой выборки взрослого (с 18 лет и старше) постоянно проживающего населения.

Результатом исследования станет итоговый научный отчет, содержащий актуальную социологическую информацию, графики, диаграммы выводы и рекомендации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исмагилов, Н.Н. Проблема региональной идентичности в российском социокультурном пространстве [Текст] / Н.Н. Исмагилов // География и природные ресурсы. – 2009. – № 3. – С. 129-134.
2. История Ямала [Текст]: в 2х т. / под общ. ред. В.В. Алексеева. – Екатеринбург, 2010.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yamalstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/yamalstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010
4. Корнилова Г.Е. ИИиА УрО РАН г. Екатеринбург, История ямальцев увлекла уральского ученого... интервью, Т. Константинова [Текст] // Журнал «Ямал-Арктика». – № 2 (3). – 2013. – Режим доступа: <http://www.dniyanao.ru/page10>
5. Край Земли (в переводе с ненецкого языка).
6. Стратегию социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.gov.yanao.ru/component/content/article/263>
7. ТГУ Томск «Региональная идентичность как фактор и условие сохранения и поддержания социальной стабильности в сибирском социуме: исторический и современные аспекты» [Текст] / Михайлов В. Все мы немного сибиряки... // «Эксперт Сибирь». – 19 декабря 2011 года. – № 50 (315).
8. Туровский, Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России [Текст] / Р.Ф. Туровский. – СПб.: Геликон Плюс, 2003. – С. 139-173.
9. Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28.12.1998 № 56-3АО: принят Государственной Думой Ямало-Ненецкого автономного округа 27.12.1998 (ред. от 23.12.2011).
10. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности [Текст] / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. – М., 2008. – 635 с.

М.В. Морев

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Изучением социального здоровья мы решили заняться, исходя из ряда теоретических посылов как ведущих российских ученых¹, так и Президента РФ В.В. Путина². В целом их можно свести к двум формулировкам:

1. После почти 10-летнего периода духовно-нравственного кризиса в 1990-х гг. и после почти 15-летней психологической адаптации к «постсоветским» условиям жизни в 2000-х гг. российское общество сегодня стоит на пороге нового этапа развития. Это понимает и научное сообщество, и власть, и население.

2. В российском обществе за последние 25 лет накопился мощный социально-психологический ресурс, который сегодня становится ключевым фактором общественного развития.

Главным условием, фундаментом для новых шагов в развитии является то, насколько человек, общество адаптированы к уже существующим условиям жизни. И поэтому мы выдвигаем следующие ключевые вопросы: насколько человек адаптирован в обществе? Насколько общество адаптировано к существующим условиям жизни? Насколько оно готово к новым шагам в своем развитии? Что может помешать ему и что может помочь развиваться дальше?

¹ «В пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум» (Горшков М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. – Выпуск 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 6).

«Субъективный фактор играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» (Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики // СОЦИС, 1998. – № 1. – С. 32.).

«В российском обществе на фоне кризиса сформировалась новая социально-политическая реальность, важной чертой которой является неудовлетворенность граждан социальными результатами проводимой политики. Общество недовольно своим положением и в подавляющем большинстве выступает за перемены и ждет этих перемен от вновь избранного президента и правительства РФ (Левашов В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 21.).

² «Период восстановления пройден. Постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан. Созданы все предпосылки для движения вперед – на новой базе и в новом качестве» (Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] // Известия от 16 января 2012 г. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>)

Рис. 1. Классификация показателей социального здоровья

Эти вопросы мы рассматриваем в рамках изучения социального здоровья и считаем, что ответы на них должны позволить осуществить этот переход общества на новый уровень развития максимально эффективно, без социальных потрясений, без отрыва общества от государства.

Для изучения социального здоровья применяется комплексный подход, который заключается в одновременном использовании двух блоков индикаторов (рис. 1):

1. Первый блок анализируется по данным официальной статистики. Он отражает то, что происходит с человеком, когда он социально не адаптирован. В этот блок входят социальные болезни и различные формы девиантного поведения: алкоголизм, наркомания, психические заболевания и другие социальные патологии.

2. Во втором блоке представлены показатели, отражающие то, как человек воспринимает окружающую реальность (социальное восприятие) и то, как он себя в этой реальности чувствует (социальное самочувствие). Анализ этих показателей проводится при помощи социологических опросов населения. Именно этот блок отражает «субъективный фактор» или «социально-психологический ресурс», о котором говорят ведущие российские ученые.

В каждом из представленных блоков выделяются ключевые, наиболее репрезентативные индикаторы, которые максимально точно отражают тенденции социального здоровья. В первом блоке это уровень самоубийств (показатель, который является одним из ключевых в социологии П. Сорокина и Э. Дюркгейма), во втором блоке – оценка деятельности органов власти и социальное настроение.

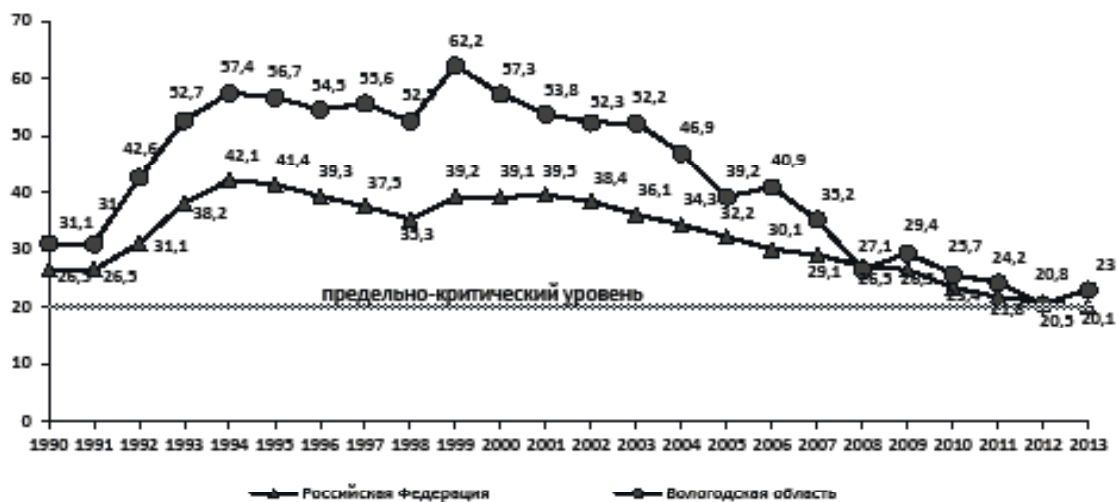

Рис. 2. Уровень смертности от самоубийств на территории Вологодской области и Российской Федерации (умерших на 100 тыс. нас.)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru

Динамика самоубийств в России наглядно отражает те процессы, которые происходили с российским обществом за последние 25 лет: нестабильные 90-е, духовный и социально-экономический кризисы 1991 и 1998 гг., последующая адаптация, мировой финансовый кризис 2008 г. (рис. 2).

В целом с 2000 г. в России наблюдается устойчивая динамика снижения смертности от суицидов, и это свидетельствует о длительном процессе адаптации населения к постсоветским условиям существования.

К 2013 г. эта динамика позволила России вплотную приблизиться к предельно-критическому уровню суицидов, установленному Всемирной организацией здравоохранения (20 случаев на 100 тысяч населения). По сравнению с началом 2000-х гг. уровень самоубийств в России сократился в 3 раза. Если в 1990 г. Россия была на первом месте в мире по уровню самоубийств, то в 2012 г. – уже на 14 месте.

С 1996 г. ИСЭРТ РАН проводит мониторинг общественного мнения, в ходе которого анализирует тенденции общественных настроений и восприятия людьми социально-экономической и политической ситуации³. Спектр тематических блоков мониторинга достаточно широк. Основными из них являются:

- оценка населением политической и экономической ситуации в стране, регионе;
- восприятие людьми актуальных проблем современной жизни;
- материальное положение населения, социально-экономическая стратификация;

³ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

- уровень потребления и измерение индекса потребительских настроений (ИПН);
- социальное настроение и удовлетворённость жизнью;
- отношение людей к политике властных структур, оценка их деятельности;
- уровень социальной напряжённости и потенциал социального протеста;
- социальный капитал и потенциал развития гражданского общества;
- оценка личной безопасности и правопорядка;
- отношение к средствам массовой информации.

В настоящее время данные мониторинга общественного мнения используются нами в качестве информационной базы для анализа второго блока индикаторов социального здоровья – социальное восприятие и социальное самочувствие.

Ключевым показателем восприятия населением условий жизни мы считаем оценку деятельности органов власти и прежде всего – Президента РФ (табл. 1). Мы акцентируем внимание именно на этом индикаторе, потому что оценка власти – это не просто отношение к одному из социальных институтов, это отношение ко всему выбранному курсу общественного развития. При этом в менталитете российского общества глава государства (как бы эта должность не называлась) всегда имел особый авторитет. Именно с ним во все исторические эпохи всегда связывались надежды и ожидания россиян. И именно личность всегда брала на себя основную ответственность за курс общественного развития.

Ведущие российские центры изучения общественного мнения (такие как ВЦИОМ, Левада-Центр) отмечают, что в первой половине 2014 г. В. Путин достиг максимальной поддержки своей деятельности за последние 5 лет. То же самое отмечается в исследованиях ИСЭРТ РАН, проведенных на территории Вологодской области (рис. 3). Примечательно, что рекордные показатели поддержки главы государства в середине 2014 г. отмечали не только российские, но и международные исследовательские центры. Например, институт Гэллапа (США).

Таблица 1. Уровень доверия населения Вологодской области деятельности институтов власти и общественных структур

Уровень доверия	Показатель	1996 г.	2000 г.	2007 г.	2008 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
> 40%	Президенту РФ	26,5	57,1	60,3	65,2	50,5	45,7	47,0	55,3
	Правительству РФ	18,5	42,7	41,9	60,2	47,4	39,6	40,4	47,4
	Церкви	37,9	42,3	44,8	51,9	47,5	41,4	43,9	45,5
35...40%	Совету Федерации	13,4	28,3	34,9	47,6	35,5	32,3	34,6	39,9
	Прокуратуре	18,2	30,9	31,1	40,9	35,4	33,9	40,1	39,4
	Армии	34,2	37,0	28,7	37,8	34,1	31,3	37,5	39,0
	Суду	19,8	31,6	32,1	41,3	35,8	36,1	39,3	38,3
	ФСБ	12,6	34,2	34,2	43,8	35,8	33,2	37,5	36,9
	Руководству области	14,2	31,3	40,6	48,6	36,6	34,6	37,8	36,8
	Государственной Думе	14,8	23,0	29,5	42,0	32,0	30,5	31,6	36,3
	Полиции	14,1	27,2	28,3	36,5	32,1	29,3	33,7	35,7
30...35%	Органам местного самоуправления*	–	–	32,3	40,9	32,1	29,3	32,7	34,8
	Общественной палате Российской Федерации**	–	–	–	–	27,3	28,1	29,9	34,1
	Общественной палате Вологодской области**	–	–	–	–	25,7	25,4	29,2	30,2
25...30%	СМИ	15,4	33,4	27,5	35,2	28,7	29,5	30,2	29,7
	Профсоюзам	20,2	28,4	28,6	35,9	30,0	25,6	27,8	27,7
	Общественным организациям*	–	–	24,4	32,6	26,7	26,5	26,8	26,7
< 25%	Директорам, руководителям предприятий	5,2	19,6	23,6	30,5	22,3	25,1	27,5	22,8
	Политическим партиям, движениям	6,8	10,7	17,6	26,8	22,8	20,9	20,4	21,4
	Банковским, предпринимательским кругам	8,5	12,4	21,3	26,6	20,4	21,3	23,4	19,9

* В список вариантов ответа включен в 2006 г.
 ** В список вариантов ответа включен в 2010 г.
 Ранжировано по показателю 2014 г.
 Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

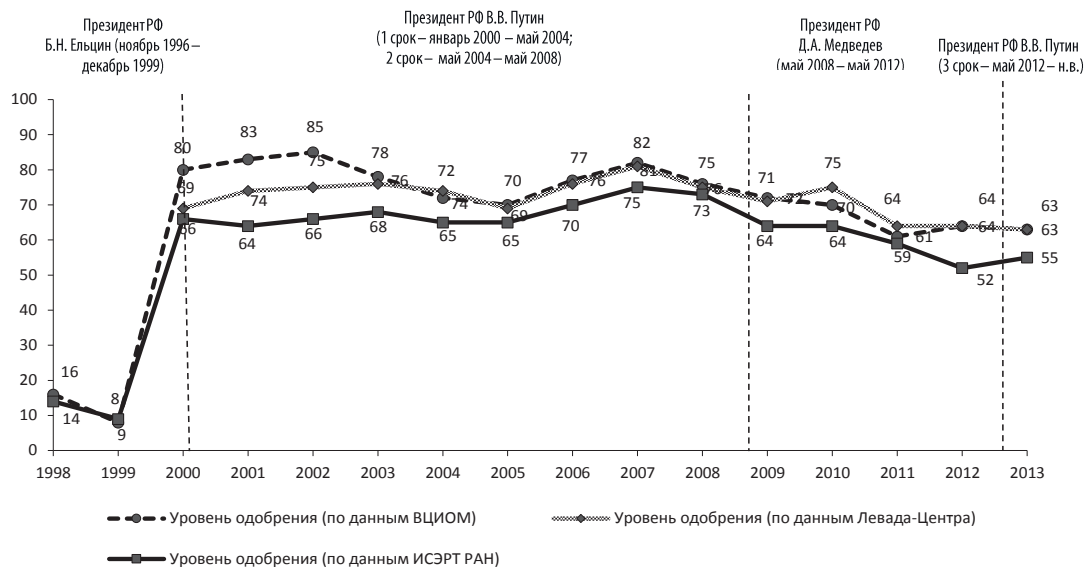

Рис. 3. Уровень одобрения деятельности Президента РФ по данным ВЦИОМ, Левада-центра, ИСЭРТ РАН
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, ВЦИОМ, Левада-Центра

На рост поддержки В. Путина в 2014 г., безусловно, повлияла ситуация на Украине, которая, вопреки ожиданиям некоторых стран, обернулась консолидацией различных слоев населения вокруг личности главы государства. Присоединение Крыма, готовность российской экономики к санкциям, то, что В. Путин четко следует своей линии во взаимоотношениях с США и странами ЕС и даже успехи российской сборной на последних Олимпийских играх – всё это является составляющими настроений, которые существуют сегодня в российском обществе.

Социальное настроение, о котором Ж.Т. Тощенко сказал, что оно «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности; участвует в регулировании поступков и действий людей; демонстрирует их уmonoнастроения и мироощущения, ценностные ориентации и установки»⁴, тоже имеет стабильную тенденцию улучшения (рис. 4).

Лишь в 2009 г., после того как Вологодская область столкнулась с последствиями мирового финансового кризиса, позитивная динамика данного показателя была прервана. Но это оказалось кратковременным явлением и уже с 2010 г. доля людей, позитивно характеризующих свое настроение, продолжила увеличиваться.

Таким образом, анализ основных индикаторов (как по объективным данным официальной статистики, так и по субъективным оценкам населения) свидетельствует о том, что социальное здоровье российского общества улучшается.

Тем не менее всё еще остается ряд актуальных проблем, требующих внимания. Например, сохраняется высокий уровень социальной разобщенности. Так, по данным исследований ИСЭРТ РАН, более 75% населения Вологодской области считают, что доверять можно только самым близким друзьям и родственникам, 25 – 28% считают, что доверять нельзя вообще никому (табл. 2).

⁴ Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 30.

Рис. 4. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, в Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)
 Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН и Левада-Центра

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2
Доверять нужно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1

Источник: Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Обращает на себя внимание существенный разрыв в численности тех, кто отмечает согласие и сплоченность в рамках ближайшего окружения (61%) и тех, кто отмечает это на уровне страны, области, по месту проживания (30%) (табл. 3).

Все эти данные свидетельствуют о социальном атомизме в обществе – явлении, которое может стать довольно опасным и привести к «ослаблению целостности социума»⁵, если его не принимать во внимание.

Людей всё больше и больше радуют дела, связанные с их личной, семейной, а не общественной жизнью, то есть они как бы замыкаются на своем «микромире» (рис. 5).

Сферы политики, экономики: ситуация на международной арене; политическое положение России; политическое положение в регионе; экономическое положение в России; экономическое положение в регионе.

Сферы повседневной жизни: отношения с друзьями, сотрудниками; отношения в Вашей семье; успехи в работе, учебе; романтические отношения, сексуальная жизнь; материальное положение семьи; состояние своего здоровья; состояние здоровья близких.

Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Суть и российская специфика социального атомизма хорошо отражены в работах ведущих отечественных ученых: «в условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешней среды и отсутствия возможности существенно влиять на возникающие ситуации в нем, россияне концентрируют свои усилия на создании ком-

⁵ Чугуенко В.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 23.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Чего сегодня больше..?» (в % от числа опрошенных)

Территория	Согласия, сплоченности			Несогласия, разобщенности		
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
В стране	14,2	14,1	28,9	61,1	59,5	44,1
В области	19,3	15,9	26,9	55,6	54,4	44,7
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	51,5	44,3	34,3
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	29,3	23,2	18,3

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН

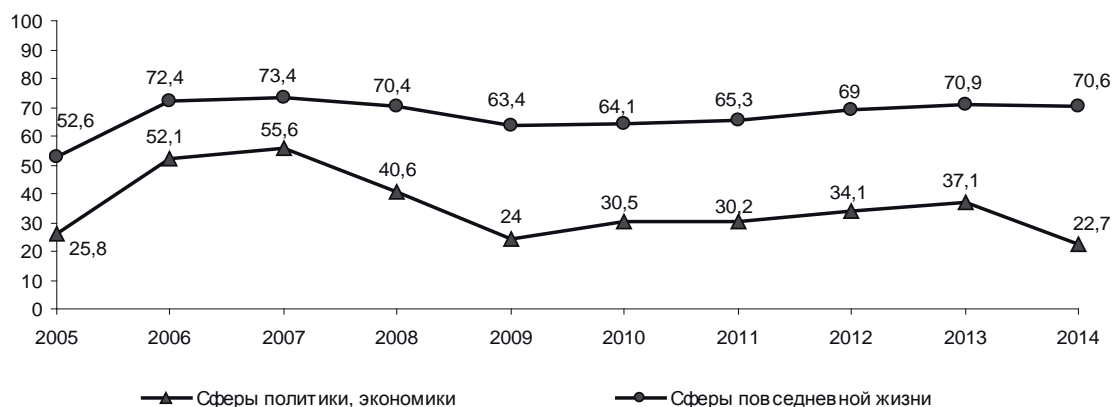

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Положение дел в каких из следующих сфер в последнее время Вас лично радует?» (в % от числа опрошенных)

фортной микросреды обитания...Ядром микромира россиян является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей⁶. В современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности⁷.

Последствием атомизации российского общества, нарастания в нем отчуждения и со все меньшим соответствием его тем идеалам справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоев населения, является изменение психологического механизма формирования идентичности россиян в целом, что повлечет за собой массу следствий – от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых вероятных экономических кризисов до отказа «отдать долг стране» службой в армии...Тенденция разрушения «органической солидарности» может начать работать на раскол российского общества⁸. Понижение уровня самоидентификации людей до элитных групп, корпораций, круга друзей, семьи, ограничивающих свои интересы эгоистическими целями мелких общностей, ослабляет целост-

⁶ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3.

⁷ Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Доклад на II съезде Союза социологов России. – М.: изд-во РГСУ. – 2008.

⁸ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3.

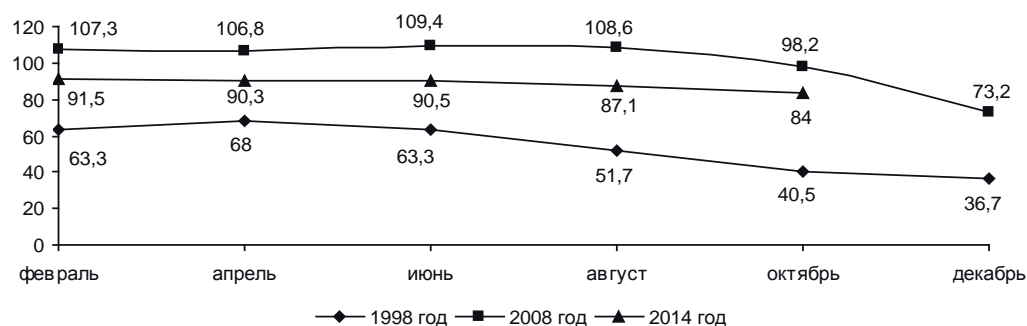

Рис. 6. Динамика индекса потребительских настроений (ИПН) в 1998, 2008 и 2014 гг. (в пунктах)*

* Методика расчёта ИПН строится на основе данных опросов общественного мнения по пяти вопросам, относящимся к текущему экономическому положению населения и экономики в целом, а также оценке ближайших перспектив их развития («Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад?», «Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже, или примерно такое же, как сейчас?», «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим, или каким-либо еще?», «Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем?», «Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров?»).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Для расчёта частных индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой. Средняя арифметическая из частных индексов дает совокупную величину – индекс потребительских настроений.

ность социума. Они перестают быть ячейками единого государственного механизма. В общественном мнении сами понятия «государство», «отечество» как высшие гаранты устойчивого развития и удовлетворения потребностей, обесцениваются, а граждане перестают себя чувствовать ответственными за их судьбу⁹.

Социальный атомизм – проблема концептуального характера. Она «назревает» в течение последних нескольких лет. В 2014 г., в связи с известными политическими событиями, в России появились новые угрозы. Прежде всего, опасения вызывает динамика индекса потребительских настроений (ИПН). Данный показатель, как известно, отражает потребительскую активность населения и косвенно свидетельствует об ожиданиях людей, об их прогнозах относительно развития ситуации в ближайшем будущем.

Снижение ИПН предшествовало дефолту в августе 1998 года (оно шло с апреля 1998 г.) и продолжалось в первые месяцы кризиса. Аналогичные изменения Индекса имели место в августе 2008 г., когда население столкнулось с последствиями мирового финансового кризиса. С июня 2014 г. мы вновь отмечаем менее выраженную, но все-таки негативную динамику снижения ИПН. С июня Индекс снизился с 91 до 84 пунктов (рис. 6).

Неуверенность населения в будущем во многом связана с напряженной политической обстановкой на международной арене, продолжающимся падением курса национальной валюты. Данные мониторинга свидетельствуют о том, что, несмотря на рост поддержки деятельности Президента РФ и улучшение социального настроения, оценка развития политической и экономической ситуации в стране в 2014 году ухудшается (рис. 7 – 8).

⁹ Чугуенко В.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 23.

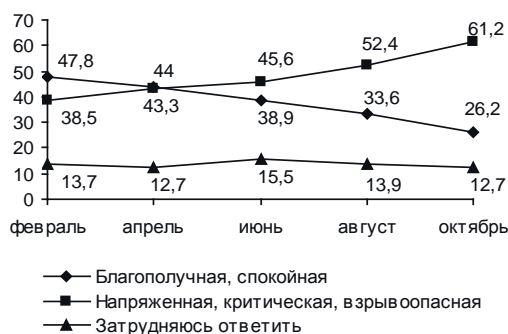

Рис. 7. Оценка политической обстановки в стране (в % от числа опрошенных)

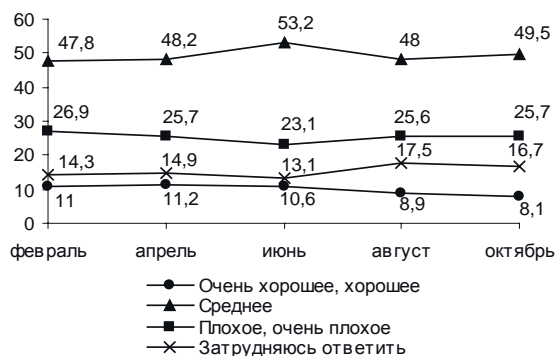

Рис. 8. Оценка экономического положения страны (в % от числа опрошенных)

Свою лепту в формирование отрицательной динамики ИПН в 2014 г. вносит то, что люди сомневаются в успешном развитии российской экономики в условиях санкций. Несмотря на то, что от представителей власти и средств массовой информации регулярно идут сообщения о том, что санкции дадут новый, необходимый для нашей страны импульс развития, связанный с «реанимацией» внутреннего производителя, опросы показывают, что оптимистические прогнозы дают лишь 23 – 26% населения, самый распространенный ответ – «затрудняюсь ответить» (32 – 33%; табл. 4).

Для того, чтобы поддержать сложившиеся положительные тенденции социального здоровья, на наш взгляд, необходимо:

1. Усилить роль научного сообщества как посредника между государством и обществом. В России накоплен богатый опыт социологических исследований, в том числе на региональном уровне. В настоящее время требуется координация опыта регионов, разработка единого методологического подхода. И главное – чтобы в этом была заинтересована сама власть, чтобы перед наукой был сформирован соответствующий запрос.

2. Намечившиеся позитивные тенденции консолидации российского общества должны быть подкреплены реальными шагами по улучшению уровня и качества жизни населения. «Всплеск» патриотических настроений в 2014 г. следует расценивать как шанс для развития консолидационных процессов в обществе. Но он не будет долговременным, если концептуальные идеи не будут подкреплены мерами социально-экономического характера.

3. Повышать эффективность государственного управления на региональном уровне и муниципальном уровнях. Перспективным и недостаточно освоенным, на наш взгляд, является направление взаимодействия со СМИ, которые, благодаря своей доступности для широких слоев населения, могут выступить той площадкой, на которой органы власти могут отчитываться о своей деятельности, а общество – формулировать перед государством свои запросы. Необходимо, чтобы у обоих субъектов этого процесса возникла потребность в формировании конструктивного диалога. Необходимо, чтобы те концептуальные идеи, которые находят широкую поддержку у общества в выступлениях Президента, отражались и в деятельности губернаторов, глав местных администраций.

Таблица 4. Мнение населения о последствиях санкций США и стран ЕС для экономики России и Вологодской области, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Как, по-вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике России?	Как, по-вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике области?
Санкции приведут к положительным последствиям, улучшат ситуацию	26,1	23,3
Санкции приведут к негативным последствиям, усугубят ситуацию	20,1	17,1
Ничего не изменится, всё останется по-прежнему	22,1	26,9
Затрудняюсь ответить	31,7	32,7

4. Осуществлять поиск и научное обоснование новых индикаторов качества жизни, в большей степени отвечающих требованиям современного российского общества. Современные научные исследования (А.А. Подузов, В.В. Языкова¹⁰, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич¹¹) доказывают, что восприятие людьми социально-экономической и общественно-политической ситуации (в том числе, оценка деятельности органов власти) во многом зависит не только от уровня жизни, который измеряется количественными показателями (такими как ВВП), но и от ее качества, то есть от субъективного ощущения удовлетворенности жизнью. Поэтому перспективным является разработка новых показателей, адекватно отражающих качество жизни людей (таких как субъективная удовлетворенность условиями жизни, активность социального взаимодействия, уровень счастья и т.д.). Это позволит определить конкретные индикаторы, определяющие настроение людей.

Реализация предложенных мер, на наш взгляд, будет способствовать повышению интенсивности консолидационных процессов в обществе, что позволит эффективно поддерживать и развивать те позитивные тенденции социального здоровья, которые сложились на сегодняшний день в российском обществе.

¹⁰ Подузов А.А., Языкова В.С. О теории и измерении качества человеческой жизни // Проблемы прогнозирования. – № 4. – 2014. – С. 84-99.

¹¹ Журавлев А.Л., Юревич А.В. Счастье как научная категория // Вестник Российской академии наук. – Том 84. – № 8. – 2014. – С. 715-723.

Ю.В. Латов

научный центр Академии
управления МВД России, д-р соц. наук

СТИМУЛЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ПЕРЕХОДА ПОЛИЦИИ НА МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ УЧАСТКОВЫХ)

В последние годы все активнее обсуждаются различные аспекты перехода правоохранительной системы на партнерскую модель, предполагающую формирование отношений активного сотрудничества между полицией и населением. Хотя в самом общем виде эта идея возражений не вызывает, на практике существует очень много объективных и субъективных факторов, тормозящих воплощение этой идеи. К их числу относятся и недостаточная зрелость российского гражданского общества, и отечественные традиции чрезмерного «возвышения» государства, и многие другие социальные факторы. Есть здесь и чисто методологические не вполне решенные вопросы. Рассмотрим один из фрагментов этой большой проблемы, лежащей на стыке социологии полиции и социологии гражданского общества, – организацию независимой оценки служебной деятельности сотрудников полиции.

Самую общую типологию методов оценки сотрудников органов внутренних дел (ОВД) можно построить по двум основным критериям – кто оценивает и при помощи каких критериев осуществляется оценивание. В таком случае вырисовывается следующая элементарная матрица методик оценивания (Таблица 1):

1) оценивание деятельности сотрудников ОВД производят другие сотрудники ОВД (например, руководители оцениваемых) на основе внутриведомственных критериев (соблюдение служебной дисциплины, количество составленных протоколов и т.д.);

2) оценивание деятельности сотрудников ОВД производят другие сотрудники ОВД (например, сотрудники аналитических подразделений) на основе вневедомственных критериев (опросов населения, анализа сообщений СМИ, интервьюирования представителей общественных организаций и т.д.);

3) оценивание деятельности сотрудников ОВД производят гражданские эксперты (специалисты по оцениванию персонала) на основе внутриведомственных критериев;

4) оценивание деятельности сотрудников ОВД производят гражданские эксперты на основе вневедомственных критериев.

Таблица 1. Типология методик оценивания сотрудников ОВД

		Критерии оценивания	
		Ведомственные (соответствие формальным правилам)	Вневедомственные (удовлетворенность граждан)
Субъекты оценивания	Зависимые (внутриведомственные) эксперты	1	2
	Независимые (вневедомственные) эксперты	3	4

Построенная типология включает наиболее чистые (абстрактно-теоретические) типы. В реальной практике оценивание деятельности сотрудников ОВД предполагает определенное сочетание различных типов. Наиболее полярными являются 1-й и 4-й типы, которые соответствуют наиболее авторитарной и наиболее демократической моделям управления органами внутренних дел. На практике возможны сочетания разных типов – например, оценку производят на основе удовлетворенности граждан, а оценивание производится смешанной комиссией из ведомственных и гражданских специалистов-экспертов (сочетание 2-ого и 4-ого типов). Под независимой оценкой деятельности можно понимать три методики – 2-ю, 3-ю и 4-ю: ведь независимость можно трактовать как отсутствие зависимости от объекта оценки либо субъекта, либо инструмента оценивания, либо того и другого.

Выбор оптимальной методики оценивания сотрудников ОВД является весьма непростой задачей. Основной детерминантой выбора является, конечно, степень контактов оцениваемых сотрудников с гражданами: в частности, участковых уполномоченных можно в принципе оценивать по любой из четырех методик, в то время как сотрудников подразделений собственной безопасности – только по 1-й и 3-ей методикам. Существенное значение имеет и такой фактор, как наличие достаточно квалифицированных специалистов-экспертов. Ведь в настоящее время даже в наиболее развитых регионах России мало гражданских организаций, специализирующихся на оказании услуг по оценке персонала.

Когда в 2013 г. сотрудники научного центра Академии управления МВД России собирали информацию об имеющемся в субъектах федерации опыте проведения независимой оценки результативности сотрудников полиции, то в процессе обработки пришедших из регионов анкет были сделаны следующие наиболее важные выводы.

1. Примерно 2/3 сотрудников работают в регионах, где опросы общественного мнения о деятельности полиции проводятся регулярно или хотя бы эпизодически, и только 1/3 – в регионах, где опросы общественного мнения не проводят. В тех регионах, где организуют социологические опросы, их обычно проводят на уровне района и/или отдельных городов, на уровне городских районов опросы проводятся достаточно редко.

2. Чаще всего опросы общественного мнения осуществляют сами же сотрудники территориальных подразделений ОВД, независимые источники социологической информации (как правило, это исследования, проводимые местными вузами) используются существенно реже. Вопрос об источниках финансирования опросов общественного мнения о деятельности полиции является наименее прозрачным. Из полученных ответов можно сделать общий вывод, что типичными и приблизительно равнозначными источниками этого финансирования являются бюджеты местных органов власти, бюджеты территориальных подразделений ОВД и спонсорские средства.

3. Типичный метод социологического опроса – обычные анкетные опросы граждан, когда интервьюеры очно беседуют с респондентами; реже применяется Интернет-опрос и другие методы.

4. Результаты таких опросов общественного мнения, как правило, используются для характеристики деятельности территориальных органов МВД в целом, но отнюдь не отдельных конкретных подразделений и, тем более, не конкретных сотрудников.

Последний вывод принципиально важен. Дело в том, что хотя опросы общественного мнения о работе милиции/полиции регулярно проводятся в России с 2000-х гг., однако результаты таких опросов характеризуют не столько результативность правоохранительной работы полиции, сколько результативность ее имиджмейкерской деятельности. Отвечая на вопрос, что он думает о работе органов правопорядка, респондент, видимо, гораздо сильнее ориентируется на сообщения СМИ, чем на свой личный опыт общения с участковым, с сотрудником паспортного стола, с «гаишником» и т.д. В результате такие опросы важны для понимания общего отношения граждан к полиции, но их совершенно нельзя использовать для контроля работы какого-либо конкретного сотрудника (или подразделения) полиции.

Чтобы использовать опросы общественного мнения как инструмент контроля за работой сотрудников полиции, оценки граждан должны быть более индивидуализированными – максимально точно привязаны к конкретным сотрудникам. И добиться этого в определенной степени можно.

Рассмотрим далее более конкретный пример – оценивание деятельности участковых уполномоченных полиции (УУП). Именно участковые наиболее тесно (кроме, возможно, сотрудников патрульно-постовой службы) контактируют с населением – на них приходится работа по примерно 70% всех заявлений граждан в полицию. Поэтому работа участковых должна существенно или даже в основном оцениваться по критерию удовлетворенности граждан участка. Самое главное, работа участковых с гражданами является в основном индивидуализированной (общение тет-а-тет), что позволяет получать оценки граждан не только на полицию в целом или на «участковых вообще», но и на конкретных участковых. Хотя попытки оценить эту удовлетворенность предпринимались уже не раз, однако институционализированных (ставших правилом) моделей оценки удовлетворенности граждан работой участковых до сих пор нет.

В принципе возможны три пути (метода) организации опросов населения для оценки деятельности конкретных участковых:

- 1) виртуальный анкетный опрос – на сервере местной администрации или местного отделения полиции с одновременным оповещением населения через муниципальную газету;
- 2) очный анкетный опрос по репрезентативной выборке (т.е. чтобы структура респондентов примерно соответствовала структуре взрослого населения конкретного участка);
- 3) очный анкетный опрос по выборке из списков тех граждан, чьи заявления зарегистрированы в Книге учета сообщений о происшествиях (КУСП).

Организация опросов общественного мнения неизбежно будет осложняться ресурсными ограничениями. Проведение качественного опроса, как знает любой социолог, требует немалых финансовых ресурсов, значительная часть которых будет потрачена на контроль за интервьюерами. При низком бюджете проведения опроса велика вероятность нарваться на такого интервьюера, которые опрашивать никого не будет, а анкеты заполнит «с потолка»; делать из анализа таких анкет какие-либо практические выводы – это верный способ дискредитировать новую методику.

Первый вариант (виртуальный опрос) будет практически бесплатен за исключением пренебрежимо низких дополнительных расходов на работу модераторов сайта подразделения полиции или муниципалитета. Однако данные такого опроса будут не

вполне репрезентативны, поскольку пожилые и небогатые в виртуальном Интернет-опросе участия заведомо не примут. Кроме того, следует учитывать, что желание «наказать недостойного» заметно сильнее, чем желание «вознаградить достойного». Поэтому граждане, недовольные работой участковых, примут участие в таком опросе с более высокой вероятностью, чем довольные.

Второй вариант (очный опрос населения) потребует значительного количества волонтеров-интервьюеров, которые будут непосредственно проводить анкетирование. В целях экономии как временные паллиативы возможно «использование местных ресурсов». Допустимо, например, прибегать к помощи вузов, где преподается социология и где можно давать студентам специальное домашнее задание по опросу граждан. Однако подобные меры категорически нельзя возводить в систему, поскольку дешевые методы опроса снижают надежность его результатов и дискредитируют новую методику.

Третий вариант (очный опрос тех, кто обращался к участковому) наиболее предпочтителен, но и наиболее затратен. С одной стороны, если опрашивать именно тех граждан, кто обращался к участковому за помощью, то компетентность респондентов будет достаточно высокой, их суждения обоснованы личным опытом. Записи в КУСП ведутся так, что фиксируется не только личный телефон обратившегося гражданина, но и фамилия того конкретного участкового, который затем приходил к этому гражданину по поводу его заявления. С другой стороны, такой опрос (если интервьюер будет лично встречаться с респондентами) требует предварительной работы – необходимо предварительно созвониться со всеми гражданами, кто отмечен в КУСП, и получить их согласие на анкетирование в удобном для них месте и в удобное для них время. Заниматься таким анкетированием должны только специалисты, поскольку граждане заведомо не пойдут на контакт, если интервьюером будет случайный студент.

В принципе для апробации новой методики на региональном (муниципальном) уровне можно параллельно (либо с небольшим разрывом во времени) провести все три вида опросов и затем сравнить их результаты. Однако в конечном счете необходимо будет остановиться на каком-то одном виде анкетного опроса, считая его основным, а другие виды опросов – факультативными. Из соображений экономии расходов можно заменять очный опрос телефонным, тогда наилучшей (наиболее эффективной) формой организации будет, скорее всего, третий вариант – опрос тех, кто зарегистрирован в КУСП.

Главная и самая трудная проблема, которую предстоит решать при внедрении новых методов оценивания, – это разработка новой системы показателей оценки деятельности сотрудников (или группы сотрудников) ОВД.

Разработка методики оценки деятельности участковых по данным опросов общественного мнения предполагает, прежде всего, выделение основных критериев (направлений) оценки их деятельности с точки зрения обслуживаемых граждан и выработку методики перевода ответов респондентов на вопросы анкеты в количественные показатели оценки деятельности УПП. Ниже кратко изложены предложения автора, как можно решить эти три взаимосвязанные проблемы.

Ниже дан рекомендуемый нами набор основных критериев оценки и их компонентов, который является обобщением опыта предшествующих опросов общественного мнения о деятельности полиции

Критерий № 1: доступность участкового для населения (оценка респондентами легкости доступа к участковому).

- 1.1. Знание респондентом своего участкового.
- 1.2. Знание респондентом расположения участкового пункта.
- 1.3. Возможность реально посетить участковый пункт.
- 1.4. Знание респондентом телефона для связи с участковым.
- 1.5. Возможность реально связаться с участковым по телефону.
- 1.6. Частота встреч с участковым по инициативе участкового.
- 1.7. Частота обращений к участковому по инициативе респондента.
- 1.8. Возможность получать информацию о работе участкового.

Критерий № 2: результативность деятельности участкового (оценка респондентами результатов обращения к участковому за помощью).

- 2.1. Степень благожелательности участкового к респонденту при обращении за оказанием государственных услуг.
- 2.2. Скорость оказания государственных услуг респонденту.
- 2.3. Качество и полнота оказанных государственных услуг респонденту.

Критерий № 3: общая оценка гражданами работы участкового.

- 3.1. Прямая оценка удовлетворенности респондента работой участкового.
- 3.2. Косвенная оценка респондентом работы участкового – через доверие к участковому.
- 3.3. Косвенная оценка респондентом работы участкового – через готовность обратиться к нему за помощью.
- 3.4. Косвенная оценка респондентом работы участкового – через готовность оказывать помощь участковому.

Количественные показатели оценки деятельности участкового должны соответствовать трем выделенным критериям. Таким образом, работу участкового целесообразно оценивать при помощи трех индексных показателей – Индекса Доступности (ИД), Индекса Результативности (ИР) и Индекса Общей Оценки (ИОО). Все эти три индекса относительно независимы друг от друга, поэтому сведение их в единый интегральный показатель не целесообразно. В то же время в принципе допустимо (для экономии ресурсов) использовать не все три показателя, а только два наиболее важных – Индекс Результативности и Индекс Общей Оценки (в крайнем случае – даже только один Индекс Общей Оценки).

Каждый индекс рассчитывается как сумма произведений весов компонентов на выраженную в процентах долю респондентов, положительно оценивших работу участкового по данному компоненту.

Например, Индекс Результативности предполагается рассчитывать так:

$ИР = (0,33 \times \text{процент респондентов, удовлетворенных отношением участкового к их обращению}) + (0,33 \times \text{процент респондентов, удовлетворенных скоростью работы участкового по их обращению}) + (0,34 \times \text{процент респондентов, удовлетворенных тем, как участковый решил их проблему})$.

При данной методике каждый индексный показатель будет варьироваться в интервале от 0 (участковый совершенно не выполняет своих функций) до 1 (участковый идеально выполняет свои функции).

На начальном этапе применения методики можно рекомендовать следующие варианты решения данных проблем:

– каждый компонент имеет примерно равный вес при расчете индекса (как в вышеприведенном примере с расчетом Индекса Результативности), т.е. все эти компоненты рассматриваются как равнозначные;

– пороговыми значениями всех трех индексов принимается 0,5, т.е. превышение этой величины рассматривается как позитивная оценка населением работы участкового (он более чем на 50% соответствует образу идеального участкового), а ее недостижение – как негативная оценка;

– каждый из трех индексов в примерно равной степени учитывается при премировании участковых и иных формах их поощрения руководством.

Автор данной статьи как сотрудник научного центра Академии управления МВД России в 2013-2014 гг. активно участвовал в серии социологических экспериментов, проводившихся в Вологодской области (чаще всего – в г. Вологда) для апробации той методики оценивания, основные идеи которой только что были изложены. В ходе этой апробации удалось выявить следующие существенные характеристики проведения опроса граждан, зарегистрированных в КУСП, о деятельности участковых.

1. Доля граждан, от которых в процессе телефонного опроса удается получить содержательные ответы, устойчиво составляет 1/4-1/3 базы независимо от того, в какой день недели проводится опрос и в каком городе он проводится.

2. Для получения начальных относительно достоверных оценок деятельности конкретного участкового допустимо ограничиться минимумом в виде получения от граждан 5 отзывов на него.

3. При расчете трудозатрат на получение достоверной информации об оценке гражданами работы участковых необходимо исходить из того, что за 1 человеко-час интервьюер, как правило, может при телефонном опросе обработать базу в 20 записей из КУСП, получив 5-7 содержательных ответов (т.е. 1/4-1/3 от величины базы). Таким образом, для среднего областного центра (как Вологда), где работает 100-120 участковых, полные трудозатраты составят порядка 300 человеко-часов. Группа интервьюеров из 10 человек может это сделать в течение рабочей недели. Для ускорения обработки результатов опроса целесообразно использование простейшей компьютерной программы и компьютеров для работы интервьюеров.

В целом проведенная в Вологодской области апробация дала позитивные результаты, показав практическую работоспособность методической разработки, направленной на получение от граждан индивидуализированных оценок служебной деятельности участковых. В дальнейшем планируется расширение как географии исследования (проверка возможности использования разработанной методики в других территориальных органах внутренних дел субъектов федерации, кроме УМВД по Вологодской области), так и исследуемых типов поселений (проверка возможности использования разработанной методики в городских и сельских поселениях разных типов).

В заключение следует указать, что проведенное сотрудниками научного центра АУ МВД России исследование является хорошим примером социологического обеспечения регионального управления, важного для развития территориальных сообществ.

А.В. Зимин

Научный центр Академии управления МВД России, к.ю.н.

Е.А. Зимин

МГЮА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Гражданское общество как социальный институт объективно направлено на активное сотрудничество с государством в решении наиболее сложных политических и социально-экономических задач. В свою очередь, обеспечение системного взаимодействия между органами власти и институтами гражданского общества, целью которого является защита прав человека, рассматривается в качестве важнейшего требования управления в демократическом обществе.

Сложные проблемы, встающие перед государством и обществом в современном мире, требуют и все более сложной, гибкой системы управления. Постоянно усложняющаяся система управления предполагает использование потенциала всего общества. Это, в свою очередь, требует разработки механизма прямого участия граждан¹ в формулировании целей и задач государства, в оценке (с использованием социологических методов) эффективности деятельности органов власти по их реализации. Необходимость более широкого общественного участия в оценке деятельности государственных структур нашла выражение в реализации нового принципа взаимоотношений между государством и обществом: «государство – поставщик услуг клиенту (гражданам – налогоплательщикам)²». Выражением данного процесса является общемировая тенденция к переориентации органов публичной власти, включая органы правопорядка, на интересы общества, включая интересы конкретных граждан.

Рассмотрим, как и почему происходила эта переориентация.

Ещё в 1829 г. министр внутренних дел Великобритании Роберт Пил обозначил девять основных принципов, на которых должна была основываться деятельность полицейского того времени (т.н. «девять принципов полицейской деятельности Пила»):

¹ Здесь и далее имеется в виду участие как индивидуальное, так и в составе различных негосударственных объединений.

² Так называемая «сервисная» концепция.

- приоритет предотвращения преступности и беспорядков перед их подавлением войсками и ужесточением уголовного наказания;
- основа полицейской власти и полномочий – общественное одобрение и уважение полиции;
- эффективное выполнение полицией своих функций требует добровольного сотрудничества со стороны населения;
- степень сотрудничества полиции и общества убывает пропорционально степени применения полицией физической силы и принуждения;
- одобрение деятельности полиции обществом заслуживается не угождением ему, а демонстрацией абсолютной беспристрастности в служении закону, полной независимости от политики, постоянной готовностью предложить свои услуги всем членам общества вне зависимости от их социального положения, а также готовностью идти на жертвы, защищая и сохраняя жизнь людей;
- применение полицией насилия допустимо лишь тогда, когда это необходимо, и в той степени, в которой это необходимо;
- полиция должна стремиться поддерживать хорошие отношения с общественностью, претворяя в жизнь историческую традицию, согласно которой полиция – это общество, а общество – это полиция;
- полиция должна осуществлять исключительно исполнительную функцию, воздерживаясь от малейшего присвоения полномочий судебных органов в виде самовольного осуждения и наказания виновных;
- критерием оценки эффективности деятельности полиции является отсутствие преступлений и беспорядков, а не видимые свидетельства полицейской активности в борьбе с ними.

Как показала общемировая практика полицейской деятельности, реальное воплощение указанных положений потребовало достаточно длительного исторического периода, в рамках которого взаимоотношения между полицией и обществом зачастую основывались на других принципах.

Так, анализ общественного мнения показывает, что базовые потребности населения России в безопасности и защите от преступных посягательств и в настоящее время остаются в значительной степени неудовлетворенными. Как свидетельствуют результаты опросов населения, проводимых различными социологическими центрами и службами, доверие населения к правоохранительным органам, в том числе и к органам внутренних дел, на протяжении длительного времени остается низким. Сложившаяся ситуация в первую очередь обусловлена тем, что реально ни отдельная личность, ни общество в целом не ощущают себя тем субъектом, на защиту интересов которого в полной мере направлена деятельность полиции.

Впрочем, не только Россия, но и целый ряд других стран, включая наиболее развитые, в различные периоды также сталкивались с похожими проблемами в правоохранительной сфере, отражением которых являлся крайне низкий рейтинг всех органов правопорядка, включая полицию.

Так, 17 декабря 1979 г. в г. Майами (штат Флорида) 33-летний чернокожий мотоциклист Артур МакДаффи, совершив нарушение правил дорожного движения, отказался остановить свой мотоцикл по требованию полиции. После непродолжительного преследования четырьмя полицейскими в жилых кварталах он был задержан и подвергнут жестокому избиению дубинками, в результате которого оказался в состоянии комы и

спустя четыре дня от полученных травм скончался. Однако по итогам проведенного 17 мая 1980 г. судебного процесса жюри присяжных, не имевшее в своем составе ни единого афроамериканца, полностью оправдало обвиняемых. Оправдательный вердикт по данному делу вызвал среди чернокожего сообщества шквал негодования, следствием которого стали чрезвычайно масштабные и разрушительные городские беспорядки. Наряду с силами полиции для восстановления общественного порядка по приказу губернатора штата в город были введены отряды Национальной гвардии. В результате девятидневного хаоса 67 человек погибли, 1400 были арестованы, а материальный ущерб составил 125 млн. долларов³.

Этот случай не являлся (и не является) чем-то исключительным. Например, 2 марта 1991 г. 25-летний афроамериканец Родни Кинг, двигаясь на своем автомобиле, допустил превышение скорости и попытался скрыться от преследовавших его сотрудников полиции. В результате последующей погони он был остановлен и, покинув свой автомобиль, необоснованно подвергся жестокому избиению со стороны четверых полицейских (в присутствии еще десяти), получив в общей сложности 11 костных переломов. Инцидент с Р. Кингом имел все шансы остаться очередным неизвестным широкой общественности случаем полицейской жестокости, учитывая, что в период с 1987 по 1990 г. было зафиксировано около 4.400 жалоб на ненадлежащее поведение сотрудников полиции Лос-Анджелеса (при этом в 41% случаев заявителями были афроамериканцы, составлявшие в то время лишь 13% населения города)⁴. Ситуацию изменило лишь наличие любительской видеозаписи избиения, сделанной случайным прохожим. Шокирующие кадры, на которых полицейские наносят более 50 ударов дубинками лежащему на земле безоружному человеку, транслировались по центральным телеканалам, вызвав массовое возмущение американских граждан неоправданной жестокостью полиции. Тем не менее, несмотря на наличие в материалах дела указанной видеозаписи, 29 апреля 1992 г. вердиктом жюри присяжных (в составе которого и на этот раз не было ни единого афроамериканца) трое из четырех обвиняемых были полностью оправданы, а четвертый получил символическое наказание. Оправдательный вердикт по делу Р. Кинга спровоцировал взрыв общественного возмущения в афроамериканских общинах Лос-Анджелеса. В результате восьмидневных уличных столкновений погибли более 50 человек, около 2.300 получили различного рода ранения, несколько тысяч были арестованы. Кроме того, было уничтожено или повреждено около 1.000 зданий, а беспрецедентный для такого рода ситуаций материальный ущерб составил около 1 млрд. долларов США⁵.

Резонансный инцидент с Р. Кингом и последовавшие за ним события с новой силой поставили вопрос о необходимости ограничения применяемого полицией насилия, все более усиливая общественную поддержку независимых институтов гражданского надзора над деятельностью полиции. Ссылаясь на результаты социологических опросов, американский криминолог Р. Вэйцер утверждает, что в 1991 г. создание подобного рода организаций поддерживало уже 75% белого, 88% афро-американского и 78% латиноамериканского населения Лос-Анджелеса⁶. На национальном же уровне 58% белого и

³ Skolnick J.H., Fyfe J.J. *Above the Law: Police and the Excessive Use of Force*. Simon and Schuster, 2010. – P. 182.

⁴ Skolnick J.H., Fyfe J.J. *Op. cit.* – P. 3.

⁵ Scheips P.J. *Op. cit.* – P. 448.

⁶ Weitzer R. *Incidents of Police Misconduct and Public Opinion* [Electronic resource] // *Journal of Criminal Justice*. – Vol. 30. – Iss. 5 (Sep. – Oct. 2002). – P. 405. – Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2051480

75% афроамериканского населения полагали, что для эффективного расследования жалоб на полицейскую жестокость и привлечения виновных сотрудников к ответственности необходимо установление внешних по отношению к полиции механизмов⁷. Как следствие, к концу 1991 г. на территории США функционировали по разным данным уже от 30 до 38 гражданских органов рассмотрения жалоб на действия полиции. В 1995 г. их количество составило 66, а в 2000 г. возросло до 100⁸.

В середине XX века уровень доверия населения США к полиции в некоторых штатах колебался в районе 20%, поскольку большая часть населения считала полицию и ее действия неэффективными. Все попытки исправить положение дел, сделав ставку на повышение профессионализма полицейских и их техническую оснащенность, не принесли ожидаемых результатов, лишь только усилили отчуждение общества и полиции. Поэтому в начале 1970-х годов в США, Великобритании, а затем и в ряде других стран была проведена административная реформа, которая проявилась, в первую очередь, в целевой ориентации организационно-управленческих структур на повышение качества жизни населения⁹, на постоянный поиск новых возможностей удовлетворения потребностей населения в правоохранительной сфере¹⁰. Ранее описанные «бунты» в США, спровоцированные насилием полиции, показывают, что хотя реформа началась в 1970-е, реальные плоды она стала давать лишь в конце 1990-х гг.

В основу деятельности полиции была положена партнерская модель организации полицейской деятельности, предполагающая формирование отношений сотрудничества между полицией и населением. Сущностными признаками указанной модели являются:

1. Общественно-ориентированная идеология их деятельности, выраженная в:
 - приоритетной ориентации на общественное мнение в процессе повседневного принятия решений и их практического осуществления;
 - сведении к минимуму методов принуждения;
 - понимании функций органов правопорядка как востребованных и конкурентоспособных услуг, предоставляемых гражданам и обществу.
2. Всесторонняя и многоуровневая система гражданского контроля за деятельностью органов правопорядка всех уровней.
3. Всеобъемлющая система сотрудничества, общества, граждан и органов правопорядка по наиболее важным вопросам их развития.
4. Высокая степень активности граждан в самостоятельном инициировании и решении общественно значимых проблем и вопросов в рассматриваемой сфере.

Реализация подобной модели деятельности полиции требует применения современных социологических методов анализа общественного мнения, результаты которых должны напрямую использоваться в управленческой деятельности полиции.

⁷ Weitzer R. Op. cit. – P. 405.

⁸ Ibid.

⁹ Необходимо подчеркнуть, что понятие качества жизни шире понятия уровня жизни и не должно им подменяться. В самом общем виде качество жизни характеризуется следующими критериями: здоровье, индивидуальное развитие путем обучения, занятость и качество трудовой жизни, время и досуг, возможность приобретения товаров и пользования услугами, личная безопасность и деятельность правоохранительных органов, социальные возможности и социальная активность. Качество обеспечения безопасности жизни позволяют оценить, например, следующие показатели: уровень насилия в обществе, уровень беспокойства, причиненного гражданину; справедливость и гуманность правоохранительных органов; степень доверия гражданина по отношению к ним.

¹⁰ По имеющимся данным, в настоящее время уровень доверия населения к полиции в большинстве указанных стран, как правило, находится на уровне 50-85%.

В целом имеющаяся информация позволяет сделать вывод о том, что приоритетом в указанной модели оценки стали не внутренние показатели работы полиции, выраженные в статистических показателях, а показатели, отражающие степень удовлетворения граждан (налогоплательщиков) качеством и количеством реально оказанных правоохранительных услуг.

В России несовершенство системы оценки эффективности деятельности органов внутренних дел со стороны общества объясняется как невысоким уровнем развития самого гражданского общества, так и сложностью задач, требующих своего решения. Эти обстоятельства обуславливают необходимость тщательной научной проработки моделей системы оценки конечных социально значимых результатов деятельности органов внутренних дел. Серьезные политические и социально-экономические последствия ошибочных или непродуманных решений в указанной сфере требуют проведения (с учетом объективно существующих факторов, влияющих на результаты их деятельности) их экспериментального апробирования в подразделениях органов внутренних дел. В частности, было бы неверно оценивать эффективность той или иной модели только по достигнутым (даже положительным) результатам и не принимать в расчет социальные издержки ее практической реализации.

В российском обществе постепенно созревает понимание того, что в современных условиях ситуация отчуждения органов внутренних дел и населения делает невозможным эффективное противодействие преступности. Более того, указанные негативные тенденции начинают создавать угрозу национальной безопасности, конституционно-правовым основам общественного строя. Поэтому основным направлением реформы органов внутренних дел в России стало кардинальное смещение акцентов и приоритетов в направлении большего учета интересов населения в рамках реализации партнерской модели отношений. Но для претворения в жизнь вышеуказанных декларируемых принципов необходимо разработать механизм их реализации, включающий объективные критерии оценки эффективности деятельности органов внутренних дел по выполнению своих обязанностей перед гражданами. Наличие таких объективных критериев позволяет судить об уровне защищенности граждан от преступных посягательств, оценивать степень реализации их конституционных прав и свобод и, в конечном счете, определять эффективность проводимой правоохранительной политики в целом. Отсутствие или размытость таких критериев не позволяет достичь поставленных перед органами внутренних дел стратегических целей, в том числе обеспечения безопасности личности, общества и государства на необходимом уровне. В связи с этим приобрела чрезвычайно актуальное значение задача формирования системы оценки, ориентированной не просто на результат, а на социально значимый результат.

Надо отметить, что усилия по совершенствованию системы оценки эффективности деятельности органов внутренних дел предпринимаются достаточно длительное время. В частности, в ведомственных нормативных актах были закреплены принципиальные положения, в соответствии с которыми в целях получения объективных оценок должны приниматься во внимание региональные особенности криминальной обстановки, природно-географическое положение и социально-экономические факторы, влияющие на организацию и осуществление правоохранительной деятельности, результаты изучения общественного мнения. Можно говорить и о некоторых положительных изменениях в правоприменительной практике органов внутренних дел. Прежде всего это относится к сфере регистрации заявлений и сообщений граждан о

происшествиях. Постепенно меняется психология, стереотип поведения сотрудников и руководителей органов внутренних дел в отношениях с гражданами, положено начало формированию качественно новых по характеру и содержанию отношений между населением и милицией. В результате в настоящее время социологическими центрами отмечается определенный рост доверия к деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности.

Следовательно, в процессе проведения пилотных проектов важно разработать стандарты, которые позволяли бы осуществлять четкую оценку эффективности предоставления правоохранительных услуг населению, полученных при этом результатов и связанных с ними издержек.

Необходимо отметить, что особую актуальность необходимости разработки модели системы оценки конечных социально значимых результатов деятельности органов внутренних дел придало принятие Федерального закона «О полиции». Ведь в данном правовом акте закреплено положение о том, что «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» (п.6 ст.9).

В настоящее время сотрудниками научного центра Академии управления МВД России Зиминим А.В. и Латовым Ю.В. разработана методика проведения независимой оценки деятельности участковых уполномоченных полиции, в которой изложены практические рекомендации по организации независимой оценки деятельности участковых на уровне территориального органа полиции (например, УМВД субъекта Российской Федерации). В ней рекомендуется прежде всего организовать опрос граждан, обращавшихся к участковому за получением той или иной государственной правоохранительной услуги. Поэтому основное внимание в данной методике уделено организации социологического телефонного опроса граждан, контактировавших с участковыми, как наиболее доступного, малозатратного и адресного метода, позволяющего получить информацию об оценках гражданами работы участковых. При этом не отрицается и использование других социологических способов получения независимой оценки при наличии достаточных ресурсов. Основные положения методики прошли апробацию в Вологодской области в 2013-2014 годах, в ходе которой были получены положительные результаты.

С.И. Петошина

МГТУ, г. Мурманск

СРЕДСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Социальная реклама представляет собой вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям [2, С.9]. Выделяя миссию социальной рекламы, Г.Г. Николайшвили определяет ее «как изменение поведенческих моделей в обществе» [2, С. 9].

При анализе самого словосочетания «социальная реклама» можно выявить, что понятие «социальный» имеет несколько трактовок [4]. Согласно первой из них, выражение «социальная реклама» понимается как «социальное в рекламе». В этом значении - социальный дискурс присущ любой рекламе (включая и коммерческую), поскольку, так или иначе, она затрагивает аспекты социальной жизни. При второй трактовке в слове «социальный» подразумевается «общественный», то есть связанный с системой отношений, делающих совместную жизнь людей не только возможной, но и бесконфликтной. При данном подходе социальная реклама понимается как распространение полезных, с точки зрения общества, социальных норм, ценностей, моделей поведения, знаний, содействующих совместному существованию в рамках этого общества. В третьей (инструментальной) трактовке слово «социальный» означает «относящийся, прежде всего, к социальной сфере, социальной политике государства (социальное обеспечение, социальная поддержка незащищенных групп населения и др.) Это реклама, связанная с благотворительными акциями, деятельностью некоммерческих организаций, различных социальных проектов и др. [4].

В контексте данных трактовок социальной рекламы очевидным становится использование социальной рекламы в деятельности социальных служб, а также отдельных специалистов социальной сферы, осуществляющих социальную работу.

В данной статье нам бы хотелось уделить внимание такому организационно-технологическому аспекту использования социальной рекламы в социальной работе, как ее распространение. В связи с этим речь пойдет о каналах распространения и основных мероприятиях размещения социальной рекламы в региональной практике социальной работы, будут приведены данные исследования «Социальная реклама как инструмент социальной работы», выполненного коллективом преподавателей кафедры социаль-

ных наук Мурманского государственного гуманитарного университета в 2013 году, общей целью которого явилось изучение особенностей использования социальной рекламы в сфере социальной работы в Мурманской области.

Объектом исследования стали специалисты, практикующие в сфере социальной работы и социальной рекламы. Предметом исследования - специфика использования социальной рекламы специалистами социальной работы.

Исследование состояло из двух этапов, на которых использовались количественные и качественные стратегии, включающие разные методы сбора и анализа информации. В методологии качественного исследования основным методом выступило экспертное интервью. Информантами выступили 12 человек, представители различных социальных институтов и учреждений: областной администрации, учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты, органов правопорядка, общественных объединений, рекламного бизнеса, средств массовой информации. Критериями для их отбора послужили компетентность и авторитетность в своей профессиональной деятельности, значимый практический опыт в создании, распространении или использовании социальной рекламы для решения различных социальных проблем. Методология количественного исследования включала проведение анкетного опроса специалистов социальной работы с целью получения количественной информации об использовании социальной рекламы непосредственно в их профессиональной деятельности.

Для достижения оптимальности выборки (из соображений статистической значимости и экономичности) квоты выдерживались по типу ведомственной принадлежности учреждения, т.е. сфере деятельности специалиста (социальная защита и социальное обслуживание, образование, здравоохранение) и принадлежности определенным территориальным образованиям (г. Мурманск, г. Североморск, г. Кандалакша, г. Апатиты и др.). Тем самым была обеспечена схожесть состава исследуемых групп респондентов. В целом объем выборки составил 219 человек. Допустимой ошибкой выборки (в пределах конкретного исследования), обеспечивающей репрезентативность получаемых социологических данных, считается 5%.

В ходе анкетирования также обращалось внимание на ряд социально-демографических показателей респондентов, таких как пол, возраст, уровень образования, область деятельности.

Основную массу респондентов составили женщины (85,4%). Возрастное деление преимущественно охватило людей начальных групп трудоспособного возраста. Большую часть опрошенных составили люди в возрасте до 30 лет (36,5%), несколько меньше респондентов было представлено в группе от 31 до 40 лет (29,2%) и в возрасте от 41 до 50 лет (21,9%). Менее всего были представлены специалисты старше 51 года (12,3%). Что касается уровня образования, наибольшее количество респондентов имеет высшее образование (56,6%), далее - респонденты со средним профессиональным образованием (22,8 %), незаконченное высшее у 18,7 % и только 1,8% имеют общее среднее образование.

Распределение респондентов по областям деятельности представлено следующим образом: 50,7% занято в сфере социального обслуживания населения, 41,6% – в сфере образования, в сфере здравоохранения – 7,8% респондентов. При этом стаж работы большинства опрошенных составил до 3-х лет (молодые специалисты) – 36,1%, от 3-х до 10-и лет – 33,8%, от 11 до 20 лет - 14,2% и более 20 лет – 16%. Наибольшее число сотрудников, имеющее стаж работы до 10 лет, представлено специалистами сферы со-

циальной защиты и социального обслуживания.

Если обратиться к классификации основных средств распространения социальной рекламы, то правомерно выделить следующие каналы [1, С.259-267; 2, 3, С.87; С.43; 5, С.12; 6, С.49-50]:

- все виды прессы (газеты, журналы, еженедельники);
- аудиовизуальные средства (телевидение, радио, кино);
- прямая рассылка почтой, передача посредством курьера;
- распространение раздаточных материалов (печатная, сувенирная продукция) на улицах через промоутеров;
- наружная социальная реклама (плакаты, баннеры, билборды, рекламные щиты);
- транспорт
- мероприятия паблик рилейшнз (ярмарки, выставки, вернисажи, акции, флеш-мобы и др.);
- Интернет.

Результаты проведенного нами опроса позволяют заметить, что в своей работе специалисты Мурманской области прибегают ко всем указанным выше каналам распространения социальной рекламы, отличие составляет лишь приоритет выбранных средств [3, С.87; 7, С.103-104].

Наиболее предпочитаемым каналом распространения социальной рекламы, по мнению респондентов, является телевидение (82,6%), причем данная позиция свойственна представителям всех трех сфер социальной деятельности, принявших участие в опросе. Преимущественно не наблюдается различие по сферам деятельности специалистов и при выборе второго по популярности канала распространения социальной рекламы, которым, по результатам опроса, явился Интернет (70,2%). Отличия между специалистами различных сфер деятельности наблюдались лишь при выборе третьего по значимости канала распространения социальной рекламы (статистическая значимая связь (расчет по критерию χ^2 Пирсона) на уровне 99%) (табл. 1). Менее всего специалисты по социальной работе всех трех сфер используют в качестве транслятора своей социальной рекламы радио (24,3%) и почтовую рассылку (6%) (табл. 1) [7, с. 104-105].

В вопросе о предпочитаемых каналах распространения социальной рекламы в реализации профессиональной деятельности мнения респондентов подкрепляются мнениями региональных экспертов. Среди превалирующих каналов распространения социальной рекламы в большинстве случаев ими также был отмечен Интернет и ау-

Таблица 1. Наиболее приоритетные каналы распространения социальной рекламы

№, п/п	Канал распространения социальной рекламы	Сфера деятельности			Итого:
		образовательная и воспитательная	здравоохранение	социальная защита и социальное обслуживание	
1	интернет	79,1%	76,5%	61,8%	70,2%
2	радио	15,4%	23,5%	31,8%	24,3%
3	телевидение	83,5%	94,1%	80,0%	82,6%
4	транспортные средства	57,1%	35,3%	47,3%	50,5%
5	наружная реклама, стенды в общественных местах	39,6%	41,2%	33,6%	36,7%
6	массовые социальные акции, флэш-мобы	44,0%	52,9%	23,6%	34,4%
7	почтовая рассылка	2,2%	5,9%	9,1%	6,0%
6	печатные издания средств массовой информации	25,3%	29,4%	38,2%	32,1%
7	другое	0%	0%	0%	0%

*Сумма по столбцу превышает 100%, т.к. респонденты могли сделать несколько выборов.

диовизуальные средства: «Скорей всего, Интернет – это социальная сеть ВКонтакте и YouTube, наверное. Это единственные два канала, которые максимально распространяют именно социальную продукцию» (представитель общественного объединения); «Я думаю, что это (Интернет) очень мощный инструмент, который все более и более оттягивает на себя. В этом отношении журналы и газеты начинают очень серьезно проигрывать...» (представитель науки и образования в области менеджмента, маркетинга и рекламы) [7, с. 104].

Кроме того, респондентам предлагалось выбрать наиболее актуальные каналы распространения социальной рекламы для воздействия на различные целевые аудитории: подростки и молодежь, люди зрелого возраста, пенсионеры и пожилые люди, а также семья как самостоятельный объект социальной рекламы. Результаты исследования показали, что преимущественным каналом воздействия на молодежь является Интернет (80,1%) (табл. 2), что подтверждается и высказываниями экспертов: «...если целевая аудитория именно молодежь, то это Интернет, потому что очень многие сидят «ВКонтакте», очень многие задействованы в социальных сетях, т.е. через социальные сети получают много информации...» (представитель социальной службы); «...в основном, социальная реклама имеет распространение в Интернете, а насколько я знаю, более зрелое поколение не особо пользуется сетью» (представитель общественного объединения).

Для воздействия на людей остальных возрастных категорий, по данным опроса, приоритетным может рассматриваться телевидение (процент выбора значимости телевидения распределился следующим образом: на людей зрелого возраста - 63%, пенсионеров и людей пожилого возраста - 60,5%, семьи – 67,5%) (табл. 2). В большинстве случаев полученные результаты также могут найти подтверждение среди мнений экспертов, несмотря на то, что среди последних есть и те, кто отмечает иные приоритетные каналы воздействия для данных социальных групп: «...ну чем старше, - это бабушки, которые слушают радио - ... вот это для бабушек, скажем так (делается акцент на приоритете радио), ну я имею в виду для старшего поколения... Затем для 45-50-летних - это больше, естественно, телевизионные (каналы), ну телевизор. Причем здесь можно еще печатную продукцию внести, да, именно газеты, то есть в тех средствах, которые... они могут посмотреть и почитать, потому что им еще интересно, потому что молодежь вряд ли будет читать газеты...» (представитель волонтерской группы при отделе профилактики учреждения здравоохранения) [7, с. 105-106].

Таблица 2. Наиболее приоритетные каналы распространения социальной рекламы в зависимости от целевой аудитории

№, п/п	Канал распространения социальной рекламы	Целевая аудитория			
		Подростки и молодежь	Люди зрелого возраста	Пенсионеры и пожилые люди	Семья
1.	интернет	80,1%	16,7%	0,8%	31,1%
2.	радио	8,8%	18,8%	47,1%	7,5%
3.	телевидение	18,1%	63,0%	60,5%	67,9%
4.	транспортные средства	8,8%	28,3%	14,3%	11,3%
5.	наружная реклама, стенды в общественных местах	2,3%	13,8%	6,7%	20,8%
6.	массовые социальные акции, флэш-мобы	17,1%	3,6%	0%	6,6%
7.	почтовая рассылка	0%	4,3%	7,6%	4,7%
8.	печатные издания средств массовой информации	0,9%	15,9%	34,5%	25,5%
9.	другое	1,9%	3,6%	2,5%	1,9%
10.	все	0,9%	1,4%	1,7%	7,5%

* Сумма по столбцу превышает 100%, т.к. респонденты могли сделать несколько выборов.

Необходимо отметить, что другие каналы распространения социальной рекламы полностью не исключаются экспертами. Осмысливая их, удастся выделить сильные и слабые стороны в зависимости от сопоставления канала распространения с конкретными формами социальной рекламы.

Отдельный интерес здесь вызывает используемая всеми респондентами форма печатной продукции (буклеты, брошюры, прочий раздаточный материал) в контексте средств ее распространения. Большинство региональных учреждений, представленных респондентами, данные материалы в работе используют и распространяют как на улицах через промоутеров, так и на различных мероприятиях, акциях, семинарах, включая собственные. Раздаются материалы и непосредственно в самих центрах и службах. Респонденты подчеркивают удобство данного способа распространения, но отмечают и проблемную его сторону: «Ой, это очень удобно. Это очень эффективный метод, потому что мы и сами им пользуемся, ну в основном – это основной метод наш распространения социальной рекламы»; «Печатной продукции у нас много, достаточно, везде, вот. Но она имеет свой резонанс такой, что ее можно скомкать и выкинуть. И уже проблема сделать так, чтобы либо человек ее оставил себе, либо запомнил, что там есть, и выкинул» (представитель общественного объединения) [7, с. 107].

Из беседы с экспертами следует особо подчеркнуть, что многие региональные социальные службы используют для распространения социальной рекламы и транспортные средства: «...Это может быть общественный транспорт, внутри общественного транспорта...» (представитель средств массовой информации). Этот канал распространения они считают достаточно успешным, прежде всего за счет того, что люди обращают на него внимание и получают содержащуюся в социальной рекламе информацию. Успех трансляции информации посредством данного средства распространения социальной рекламы респонденты нередко подтверждают примерами из личного опыта: «...даже я, когда с утра еду на работу, я начинаю автоматически просматривать все яркие афиши. Ну интересно, и все равно время-то можно как-то убить» (представитель общественно-го объединения) [7, с. 107].

Рассуждая об эффекте привлечения внимания, свойственного данному способу, этот же респондент приводит в качестве примера успешных средств распространения социальной рекламы и размещение ее в крупных магазинах, где могут образовываться очереди в кассу: «...он (человек) прочитает эту информацию, потому что он может стоять в очереди и... что делать в очереди? ... человек обращает внимание, он читает, он начинает читать» (представитель общественного объединения) [7, с. 107].

Являясь представителями учреждений социальной направленности, специалисты по социальной работе применяют социальную рекламу в своей профессиональной деятельности на различных мероприятиях. Из таблицы 2, представленной выше, можно заключить, что массовые и социальные акции, флеш-мобы, хоть и не занимают приоритетных позиций, но в целом по общему количеству выборов респондентами занимают достаточно весомую позицию (34,4%). Об использовании данного канала распространения социальной рекламы свидетельствуют комментарии экспертов, называющие среди средств распространения социальной рекламы мероприятия и акции как городского и регионального масштаба (например, ежегодно проводимую в начале декабря в Мурманской области региональную акцию «Декада SOS», направленную на привлечение внимания общества к проблеме наркомании, ВИЧ/СПИД среди молодежи), так и собственные мероприятия учреждений, в которых они работают: «...Возвращаясь

Таблица 3. Мероприятия, на которых специалисты социальной сферы используют социальную рекламу

№, п/п	Мероприятия	Сфера деятельности			Итого:
		образовательная и воспитательная	здравоохранение	социальная защита и социальное обслуживание	
1.	лекции	33,7%	68,8%	35,6%	37,5%
2.	публичные выступления	21,3%	37,5%	26,4%	25,0%
3.	проведение массовых уличных акций, флэш-мобы	16,9%	18,8%	18,4%	17,7%
4.	тренинги	32,6%	56,2%	31,0%	33,9%
5.	конференции, семинары, круглые столы	58,4%	62,5%	39,1%	50,0%
6.	форумы	10,1%	12,5%	5,7%	8,3%
7.	выставки	32,6%	31,2%	24,1%	28,6%
8.	дни открытых дверей, презентации	42,7%	12,5%	23,0%	31,2%
9.	брифинги, пресс-конференции	6,7%	0%	5,7%	5,7%
10.	другое	0%	0%	4,6%	2,1%

* Сумма по столбцу превышает 100%, т.к. респонденты могли сделать несколько выборов.

к нашим роликам...Мы их показываем на наших семинарах. Мы проводим различные выездные семинары в область. Т.е. школы, учебные заведения нас просят приехать и провести многочасовые семинары...» (представитель общественного объединения); «Фактически на всех мероприятиях. Вот у нас сейчас идет «Декада SOS», используем...» (представитель органов правопорядка) [7, с. 108].

Результаты опроса позволили выявить наиболее популярные мероприятия, на которых представители социальной сферы применяют социальную рекламу. В целом по общему проценту выборов (отмечаются лишь некоторые отличия в приоритетах выборов касательно сфер деятельности специалистов (статистически значимая связь (расчет по критерию χ^2 Пирсона) на уровне 96%)) можно заключить, что в своей практике специалисты отдают приоритет традиционным формам: это конференции, семинары, круглые столы (50%) и лекции (37,5%). В числе часто используемых, но несколько менее популярных, чем ранее указанные, отмечены и тренинги (33,9%) (табл. 3) [7, с. 109].

Итак, выбор преимущественно традиционных мероприятий для применения в практической деятельности социальной рекламы может быть объяснен несколькими причинами: 1) привычкой и наличием позитивного опыта в реализации данной деятельности; 2) возможностью охвата большой аудитории; 3) относительно низкой затратностью в реализации; 4) возможностью контролировать содержание, последовательность подачи материала. Довольно широкий, однако и не доминирующий, выбор респондентами «тренингов», хотя и позволяет рассматривать данную форму мероприятий как современную, но, по нашему мнению, за счет довольно частого за последнее время применения в практике более приближает ее к традиционным формам. Стремление прибегать в работе к данным видам мероприятий и использовать в их контексте социальную рекламу может быть объяснимо наличием позитивного опыта проведения данных форм.

Относительно мнений экспертов в данном контексте наблюдается довольно широкий разброс предпочитаемых мероприятий, вплоть до того, что выделить преимущественные мероприятия, на которых следует транслировать социальную рекламу, достаточно не просто. В целом можно сказать, что региональные эксперты прибегают в своей работе к разным мероприятиям, предлагая учитывать социально-возрастные особенности группы, на которую, прежде всего, направлена социальная реклама, общий контекст мероприятий и реализацию своих профессиональных целей и задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глибенко, Н.В. Психология дизайна рекламы и средств ее распространения [Текст] / Н.В. Глибенко // Молодой ученый. – 2012. – № 8. – С. 259-267.
2. Николайшвили, Г.Г. Социальная реклама: теория и практика [Текст] / Г.Г. Николайшвили. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
3. Петошина, С.И. Инструменты создания социальной рекламы и средства её распространения [Текст] / С.И. Петошина // Проблемы развития территории. – 2013. – № 6 (68). – С. 83-90.
4. Савельева, О.О. Введение в социальную рекламу [Текст] / О.О. Савельева. – М., 2007. – 184 с.
5. Сидорова, М.И. Использование в практической деятельности разнообразных форм агитации – социальной рекламы, направленной на формирование семейных ценностей среди молодежи и взрослых: Информационно-методические рекомендации [Текст] / М.И. Сидорова, Т.Д. Тегалева, Е.Н. Шовина, М.В. Штылева. – Мурманск, 2009. – 91 с.
6. Степанов, Е. Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция [Текст] / Е. Степанов. – М.: Вест-Консалтинг, 2006. – 120 с.
7. Шовина, Е.Н. Социальная реклама как технология социальной работы (по результатам социологического исследования в Мурманской области) [Текст] / Е.Н. Шовина, С.И. Петошина, Т.Д. Тегалева. – Мурманск: МГГУ, 2013. – 172 с.

П.В. Заяц

Южный федеральный университет

АУТСОРСИНГ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ИНЖИНИРИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ

Несмотря на растущий в научной литературе интерес к категории «аутсорсинг» не существует однозначного мнения по когнитивному осмыслению ее природы, места и функциональной заданности в системе регионального управления.

Аутсорсинг, будучи разновидностью управленческого консультирования, трактуется как универсальная деятельность по оказанию независимых профессиональных услуг, носящих рекомендательный характер и помогающих руководителям в реализации организационного целеполагания путем разрешения управленческих, профессиональных проблем, выявления и использования новых возможностей, внедрения изменений в управление человеческими ресурсами.

Не существует единого мнения относительно характерных параметров аутсорсинга: отсутствуют четкие критерии для определения его объектно-предметной области, субъектности и методик в социальном пространстве регионального развития.

Большинство авторов указывают на определенные ситуативные моменты, при которых следует обращаться за консультативной помощью – степень необходимости привлечения управленческих консультантов варьируется в зависимости от различных социокультурных факторов, однако в любом случае основным условием для использования аутсорсинга является наличие пограничной естественно неразрешимой проблемы¹.

Область применения аутсорсинга резко сжимается из-за большого объема инсайдерской информации и недоверия управленцев, обусловленного недостаточным репутационным капиталом организаций, предоставляющих аутсорсинговые услуги.

Аутсорсинговый проект включает ряд технологических стадий: предконтрактную, контрактную и постконтрактную. В настоящее время существуют различные мнения относительно того, что включает та или иная стадия. Различные подходы к данной проблеме не являются противоречивыми, однако каждый из них обладает различной степенью детализации.

¹ Посухова О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 209.

Каждая региональная система на менеджеральном уровне обладает естественным инновационным потенциалом, являющимся источником для генерирования идей и предложений в рамках коммуникативного администрирования².

На сегодняшний день парадоксальность ситуации в том, что региональные организации как ключевые элементы региональной системы проигрывают федеральным структурам в менеджменте качества и умении продвигать на рынки товары, услуги, которые зачастую не просто не уступают в качестве, но и превосходят федеральные аналоги.

Это объясняется тем, что в процессе развития региональных систем эффективность менеджеральных действий прямопропорционально зависит от того, способен ли управленец создать необходимые информационные условия для появления креативных идей (идей гуманитарного социального меньшинства)³.

Для большинства это непосильная миссия, поэтому и необходимо привлекать специалистов в области аутсорсинга, что позволяет региональным организациям функционировать с максимальной отдачей, внедряя инновационные методы и технологии в процесс управления и ускоряя профессиональную мобильность трудового коллектива⁴.

Аутсорсинг должен стать определяющим условием инновационного развития региональных систем.

Его инновационность заключается не столько в поиске нового решения на основании имеющихся методов и инструментов, сколько в предложении новых технологических пакетов, адаптированных с учетом стоящих вызовов, то есть в моделировании (проектировании и конструировании) формирования и принятия управленческих решений на региональном уровне.

Таким сценарием может выступать инжиниринговое конструирование, предполагающее в рамках экспертно-аналитических заключений допустимость самостоятельного существования универсальной схемы технологий, техник и методов анализа, общих для всех акторов региональных систем⁵.

Инжиниринговые исследовательские практики предполагают создание искусственного информационного уровня обеспечения методологического конструкта, который должен функционировать на принципах системного анализа⁶.

Категорию «инжиниринговые исследовательские практики» в гуманитарном знании возможно использовать на трех уровнях: теоретико-фундаментальном, операционно-инструментальном и эмпирико-заказном. Теоретико-фундаментальный уровень инжиниринга синонимизирует его с анализом в целом и охватывает базовые концептуальные исследования социетальной сферы, ее структурных элементов в статике и динамике. Операционно-инструментальный уровень относит к инжинирингу технологии и методы сбора, описания, систематизации и обработки эмпирического материала. В рамках эмпирико-заказного уровня инжиниринга на первый план выдвигаются не

² Заяц П.В. Инжиниринг партийно-политических систем: конструирование обратной исследовательской задачи // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 7. – С. 86.

³ Заяц П.В. Информационные ресурсы регионального развития в системе политического инжиниринга // Философия права. – 2013. – № 6. – С. 58.

⁴ Посухова О.Ю. Социальная мобильность на Юге России: методология исследования и социальные реалии. – Ростов/Д., 2009. – С. 32.

⁵ Заяц П.В. Инжиниринговое конструирование в области гуманитарного знания: допустимость использования // Вестник Российской академии естественных наук. – 2013. – № 3. – С. 40.

⁶ Заяц П.В. Инжиниринг партийно-политических систем: методологический конструкт // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 11. – С. 21.

построение фундаментальной теории и не сбор эмпирических данных, а манипулятивные способы оценки и решения оплаченной задачи для конкретного заказчика⁷.

Термин «аутсорсинг» заимствован из английского языка (от англ. «outsourcing») и дословно переводится как «использование внешних ресурсов». В отечественной литературе встречаются различные определения аутсорсинга, объединенные его пониманием как некоего финансового инструментария.

Михайлов Д. опирается на следующее определение аутсорсинга: «бизнес-технология, предусматривающая передачу сторонним специализированным компаниям процессов или функций внутри своего бизнеса вместе с ответственностью за результат выполнения этих процессов»⁸.

В «Новом экономическом словаре» и «Финансовом словаре» данная категория омыслена практически идентично: «использование внешней организации (поставщика) для обработки банковских и других финансовых данных при осуществлении коммерческих операций»⁹, «использование специализированной внешней организации для обработки банковских и других финансовых, расчетных документов при осуществлении коммерческих операций крупной фирмы, индустриального гиганта»¹⁰.

Западные исследователи шире трактуют аутсорсинг, допуская его применимость на уровне коммуникативного администрирования. Так, Хейвуд Дж. Б. определяет аутсорсинг как перевод внутреннего подразделения организации и всех связанных с ним активов в организацию поставщика услуг, предлагающего оказывать некую услугу в течение определенного времени по оговоренной цене¹¹.

Резюмируя вышесказанное, аутсорсинг – это способ оптимизации функционирования организации за счет сосредоточения деятельности на главном направлении и передачи непрофильных функций внешним специализированным организациям на договорной основе.

Также под аутсорсингом понимается оказание услуг внешними поставщиками для уменьшения издержек; передача определенных вспомогательных функций третьему лицу, специализирующемуся в этой области; привлечение ресурсов извне; делегирование прав на представление непрофильных услуг сторонним компаниям; управленческое решение, оптимизирующее организационно-менеджеральную конфигурацию; работа, выполняемая для компании специалистами, не принадлежащими к числу ее постоянных служащих; закупка услуг у внешнего поставщика с целью снижения затрат.

Таким образом, практически во всех источниках происхождение термина аутсорсинг означает «на стороне», «за пределами».

Следует также отметить, что в научной литературе встречается ряд терминов, аналогичных аутсорсингу: «facilities management» – управление мощностями; «shrinking» – сокращение, сжатие организации; «downsizing» – уменьшение организации; «deleyering» – ограничение числа уровней управления; «spin off» – выделение единиц бизнеса или «отстегивание» элемента структуры; «экстернализация» – передача контроля за выполнением какой-либо функции компании, специализирующейся в данной сфере¹².

⁷ Заяц П.В., Заяц Н.В. Механизмы формирования когнитивной оценки эффекта отдачи в инжиниринговых практиках // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – С. 186.

⁸ Михайлов Д.М. Аутсорсинг. Новая система организации бизнеса. – М., 2006. – С. 21.

⁹ Аутсорсинг // Новый экономический словарь. – М., 2006. – С. 25.

¹⁰ Аутсорсинг // Финансовый словарь. М., 2009. – С. 13.

¹¹ Хейвуд Дж.Б. Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ. – М., 2004. – С. 35.

¹² Сафарова Е. Ю. Аутстаффинг, аутсорсинг, лизинг персонала. Новые технологии бизнеса. Простыми словами о сложных материях. – М., 2010. – С. 30.

Из приведенных понятий видно, что допустимая область применения аутсорсинга в региональных системах весьма обширна: производство; сфера финансов; информационные технологии и системы; стратегии и тактики организационного развития, человеческие ресурсы и капитал.

Проанализировав определение понятия «аутсорсинг», можно выделить ряд его отличительных признаков, допускающих применимость на уровне инжиниринговых исследовательских практик («диагноз» – «прогноз»): на основе обоснованного выбора, учитывающего целеполагание клиента, в рамках системной методологии стратегический характер принятия управленческих решений; самоопределение инструментального потенциала использования аутсорсинговых техник; универсальный алгоритм анализа внутренних и внешних возможностей решения проблемной ситуации; оценка предполагаемых эффектов (сбалансированности и результативности) как обосновательной базы принятия управленческого решения.

Кроме того, в качестве отличительного признака возможно рассмотреть принцип делегирования ответственности. Высокий уровень доверия между участниками и надежности подписанных соглашений в рамках делегирования задач, функциональных полномочий подразумевает высокий уровень единения (феномен корпоративной этики).

Функциональные особенности аутсорсинга заключаются в следующем:

Первое – снижение себестоимости процессов, которые передаются на аутсорсинг. Специалист в области аутсорсинга специализируется на выполнении узкого круга однотипных операций для нескольких клиентов. В результате себестоимость труда аутсорсера, его трудочас в несколько раз меньше, чем у штатного сотрудника организации.

Второе – повышение качества выполнения работ. Профессиональная специализация аутсорсера на выполнении однотипных действий с заранее предсказуемым алгоритмом предполагает высококачественное выполнение работ, переданных на аутсорсинг¹³.

Третье – экономия собственных человеческих и финансовых ресурсов за счет использования накопленных ресурсов аутсорсера (информационные базы данных, лицензии и патенты, технологический инструментарий).

Четвертое – повышение надежности организации: если бизнес недостаточно развит или он носит семейный характер, то достигнуть взаимозаменяемости сотрудников не представляется возможным из-за высоких издержек¹⁴. Аутсорсинг предполагает наличие высокоподвижных профессиональных рабочих групп, которые не связаны с издержками подобного рода.

И, наконец, пятое – повышение эффективности функционирования организации: освобождение от непрофильных функций позволяет сконцентрироваться на решении основных стратегических целей.

Таким образом, использование аутсорсинга является перспективным в инжиниринговых практиках и имеет высокий эффект отдачи.

В зависимости от специфики, сферы деятельности, целей и задач в каждой конкретной ситуации, процессы, которые передаются сторонним компаниям, могут существенно отличаться друг от друга. Одним из характерных примеров, распространенным в региональных системах, является передача специализированной сторонней организации функций по проведению диагностики состояния организации.

¹³ Посухова О.Ю. Социальная мобильность в регионе. – Ростов н/Д., 2011. – С. 47.

¹⁴ Посухова О.Ю. Семейный капитал как фактор профессиональной мобильности на Юге России // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 11. – С. 48.

По сути, аутсорсинг – это алгоритм (технологии, техники и методы) оптимизации функционирования организации путем фокусирования имеющихся ресурсов на ключевом направлении ее деятельности и возмездной передачи неосновных функций внешней узкопрофильной организации. Существует ряд признаков, которые отличают аутсорсинг от других видов управленческого консультирования: полное доверие между заказчиком и исполнителем, стратегический характер обоснования принятия решений; длительный срок взаимодействия между партнерами.

Ю.М. Большакова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

С.Н. Большаков

Санкт-Петербургский государственный университет

АППАРАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Решение поставленных федеральным руководством задач требует глубокого знания процесса детерминации управленческой деятельности и прежде всего механизма действия правовых норм, регулирующих эту деятельность. Социологический подход к изучению проблематики позволяет охватить большой спектр вопросов.

Можно предположить, что отношение к труду работников государственной и муниципальной власти прежде всего основывается на восприятии ими эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления в целом, их структурных подразделений и отдельных служащих.

Функционирование системы государственного и муниципального управления в информационном обществе требует соответствующего изменения вариантов изменения в организации эффективного взаимодействия сотрудников внутри государственного аппарата.

Государственное и муниципальное управление – публичные институты, реализующие их субъектами властные полномочия, на основе единства базовых принципов реализации, статусов государственных и муниципальных служащих.

Государственная и муниципальная служба приобрела значительную специфику, являясь разновидностью оплачиваемого общественно-полезного труда, обусловленного непосредственной реализацией государственных полномочий.

Законодательные основы организации муниципального управления включают в себя 3 уровня правовых норм: нормы федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, принимаемых на федеральном уровне; нормы законов и нормативно-правовых актов, принимаемых исполнительными органами государственной власти субъектов РФ; нормы муниципальных нормативно-правовых актов.

Авторское исследование представителей государственной и муниципальной власти районов Новгородской и Ленинградской областей, осуществленное в 2011- 2012гг, изучение свойств личности и деятельности служащих в структурах представительной и исполнительной власти в г. Великом Новгороде, Боровичи, Волхове, Выборге, Тихвине,

Гатчине, Всеволожске - депутатов городских Дум, чиновников мэрии и администраций Ленинградской и Новгородской областей позволили выявить черты личности современного служащего. Нами было опрошено (протестировано) 240 человек, руководящих работников различных категорий, служащих аппарата муниципальных администраций (21 администрация) и 7 городов малых и средних городов Новгородской и Ленинградской областей. В процессе социологического исследования был использован анкетный опрос.

По мнению самих работников органов государственного и муниципального управления, для того, чтобы вполне освоиться в должности, в среднем требуется довольно много времени - 9,5 месяцев. Однако, как показал опрос, для разных лиц требуются различные сроки (до 3 месяцев - 27,1%, около 6 месяцев-18,7, около 1 года - 25,0, более 1 года 15,6%, 8% из недавно работающих отметили, что еще не освоились).

При выяснении продолжительности адаптации различных категорий персонала оказалось, что исполнители осваиваются заметно скорее: 34% из их числа для этого требуется 3 месяца, а 19,8%-около 6 месяцев. Наибольшее число лиц (28%), время адаптации которых более 1 года, относятся к группе заместителей руководителей отделов. Если учесть, что эта категория является ядром постоянного состава органов государственного и муниципального управления (среди них больше всего лиц с большим стажем работы в данной должности), то этот факт заслуживает особого внимания и дальнейшего изучения. Есть некоторые основания считать, что именно эти люди выполняют самую специфическую работу в органах государственной и муниципальной службы и более всех прочих способствуют адаптации остальных категорий персонала. Специфика муниципальной службы связана с постоянным выполнением обязательных определенных действий, подчинения и исполнения, работы в определенном коллективе, требует подчинения собственного «Я» исполнению должности, напряжения личных качеств и согласования своих действий с целями местного самоуправления, общественного развития.

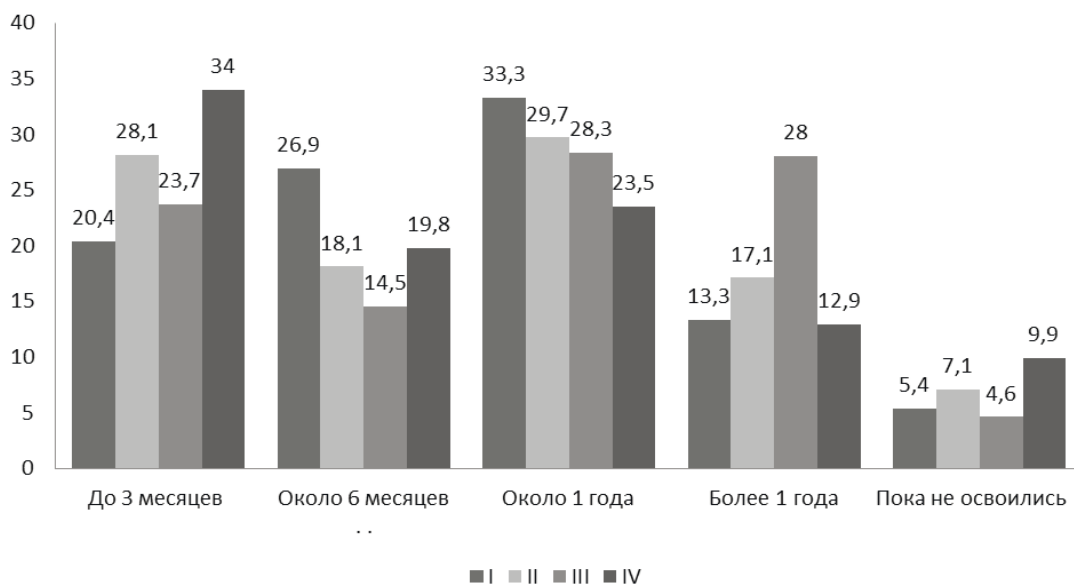

Рис. 1. Продолжительность времени освоения в должности, %

* Здесь и далее к I категории отнесены руководящие работники (председатель комитетов, департаментов, управлений, их заместители); ко II – Заведующие отделом, заместители заведующих отделом; к III - Консультант, главный специалист; к IV-исполнители (Ведущий специалист, специалисты I, II категории и т.п.).

Данные, полученные при опросе работников органов государственной службы региона, еще яснее показывают, какое место занимают источники информации (официальные документы, положения, должностные инструкции) в работе персонала, так как в этом опросе вопрос был поставлен не только относительно освоения в должности, но и относительно самой деятельности. В сравнении с официальной информацией неофициальная выглядит менее значимой, что позволяет заключить, что в деятельности муниципальных органов управления формальные структуры преобладают над неформальными.

В ходе исследования мы пытались выявить мнения служащих о соответствии сложившейся организационной структуры органов государственного и муниципального управления стоящим перед ними задачам (рис.2). Одно из проявлений такого соответствия - выполнение работы структурными подразделениями органов государственного и муниципального управления в строгом соответствии с их основными (согласно положениям, регламентам) функциями.

Важную роль в государственном аппарате играют неформальные коммуникации и структуры отношений, что характеризует спонтанные личные связи, контакты государственных служащих, их неформализованные отношения, решение задач на основе групповых норм. Эти связи способствуют снижению социальной напряженности, поддержанию у служащих высокой самооценки и самоуважения, смягчению воздействия на людей жесткой формальной структуры. На основе системы должностей осуществляются взаимосвязи между государственными служащими, возникающие в соответствии с реализацией характерных для государственной службы организационных принципов – иерархии должностей, четкого определения должностных функций, подбора служащих по признаку профессиональной квалификации, продвижения их по службе и управления карьерой и др.

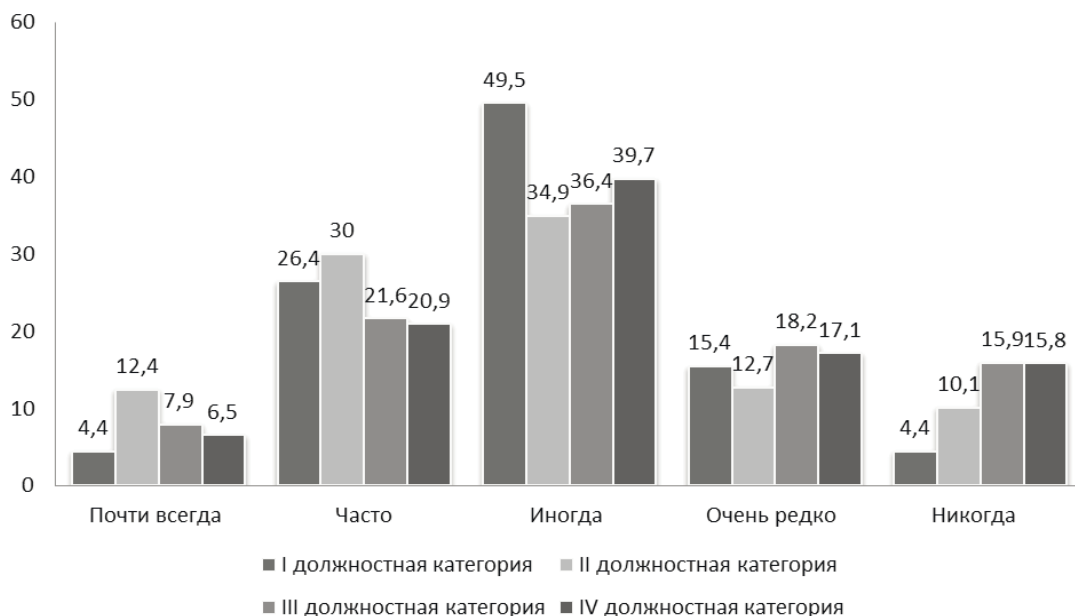

Рис.2 Оценка соответствия реальной деятельности органов государственной / муниципальной службы его основным функциям, %

Данные опроса показывают, что факторы, определяющие эффективность деятельности аппарата государственных и муниципальных органов власти, распределились в следующем порядке (табл. 1). Здесь мы обязаны обратиться к диапазону показателей конструирования, и этот диапазон может быть определен, исходя из так называемого «сигмального» отклонения, где \bar{x} – среднее значение показателя в группе, σ – его среднеквадратическое отклонение.

В оценке фактора «Знание специфики отрасли» нет значимых различий по группам категорий служащих аппарата муниципального управления. Более трети всех работников государственной и муниципальной власти поставили этот фактор на первое место; каждый четвертый – на второе; 14,8% на третье и только 2,7% на последнее (восьмое). В свою очередь, фактор «Богатый практический опыт» считает первостепенным почти треть из всех опрошенных служащих органов государственной и муниципальной власти; около четвертой части (23,1%) – ставят его на второе место; 14,6% – на третье. В целом по выборке почти 80% всех опрошенных отдали ему первое – четвертое места. Что касается оценки влияния фактора «Организаторские способности» (табл. 2) на эффективность деятельности аппарата муниципального управления, то из всей массы опрошенных 22,7% поставили его на третье место; 20,5 – на четвертое; 18,1 – на второе и только 12,3% – на первое. Однако среди разных категорий работников обнаружилось значимые различия в оценках роли этого фактора (табл. 2).

Так, очень многие из руководителей высшего звена (42,7%) поставили его на первое место; 16,7 – на второе; 14,6 – на третье и 17,8% – на четвертое. Почти четвертая часть заместителей (24,9%) поставила организаторские способности на четвертое место; пятая часть (20,1%) – на первое; 16,6% – на второе; 19,5% – на третье. Меньшее число лиц считают этот фактор первостепенным, среди исполнителей – 15,9%. Многие из

Таблица 1. Оценка факторов, определяющих эффективность работы органов государственной и муниципальной власти

Фактор	\bar{x}	σ
Знание специфики отрасли	2,6	1,8
Богатый практический опыт	2,8	1,0
Организаторские способности	3,2	1,7
Умение творчески подойти к делу	3,6	1,7
Строгое и точное выполнение нормативных предписаний	4,8	2,0
Умение привлечь общественность к работе	5,6	1,9
Умение наладить эффективное взаимодействие с депутатами муниципальных/ региональных органов власти	5,9	1,8
Умение устанавливать контакт с руководством	6,1	2,2

*Места в порядке убывания значимости, 1-е наибольшее значение.

Таблица 2. Оценка организационных способностей как фактора эффективности деятельности

Место	Должностная категория, в %			
	I	II	III	IV
1	4,7	26,1	20,1	15,9
2	16,7	18,5	16,6	14,5
3	14,5	20,9	19,5	20,0
4	16,7	17,8	54,8	23,6
5	3,1	9,4	8,9	12,4
6	2,1	4,5	6,5	7,5
7	3,1	1,1	2,3	3,4
8	1,0	1,7	1,2	2,0

них (23,8%) присудили ему четвертое и третье (около 20%) места. Примечательно, что три последних места этому фактору присвоили очень немногие из всех опрошенных. Это свидетельствует о важности организаторских способностей персонала для эффективной деятельности органов государственной и муниципальной власти Новгородской и Ленинградской областей. Общая тенденция в оценке этого фактора: чем выше статус служащих, тем выше оценка фактора.

Организационные способности как компонент управления играет существенную, а порой и решающую роль, поэтому новая логика менеджмента переносит акцент в проектировании организационного развития на формирование и развитие более «умных» структур и процедур управления. Эффективность государственного аппарата и организационное развитие предполагает точный диагноз проблем, применение синтеза методов развития организации. Для современного государственного аппарата особое место приобретают опыт работы в органах власти, умение эффективного взаимодействия и коммуникации с внутренней и внешней средой, использование методов регулирования способных повысить эффективность функционирования правительственных структур, обеспечить более высокий уровень обслуживания и сервиса, прозрачности структур.

При формировании системы современного государственного и муниципального управления важно учитывать неформальную структуру отношений, так как в ней на первый план выходит способность служащих к творчеству, инициативе, риску. Творческая деятельность порой не укладывается в жесткие рамки официальной структуры, поскольку требует совместной работы служащих, находящихся на различных уровнях иерархии, создания временных творческих коллективов, «фабрик идей» с целью решения конкретных задач.

Исследование выявило, что фактор «Умение творчески подойти к делу» в среднем почти половина опрошенных поставила на третье - четвертое места. Однако по отдельным категориям работников оценка заметно варьирует. Половина руководителей высшего звена приписали этому умению первое и второе места. Руководители отделов оценили его заметно ниже: 14,9% поставили на первое место; 21,4 - на второе; 18,8 - на третье и 21,9% - на четвертое.

Основная масса заместителей заведующих отделов присвоила этому фактору третье и четвертое места (26,2% и 20,2%), только 12,5% из их числа определили ему первое место и 14,9% - второе. Меньше всего лиц, поставивших умение творчески подойти к делу на первое место, - исполнители (8,4%). В основном они отдали этому фактору третье (24,2%) и четвертое (20,5%) места. Отрадно, что оказалось совсем мало работников, (независимо от статуса), по сути игнорирующих значение этого качества, необходимого для эффективной работы на любой должности в органах государственной и муниципальной власти.

Общий вывод относительно оценки этого фактора: чем выше статус служащих, тем выше оценивается его значение для обеспечения эффективности работы органов государственной и муниципальной власти.

Фактор «Строгое и точное выполнение нормативных предписаний» в целом по выборке поставлен на пятое место. Но четвертая часть руководителей (24,4%) ставит его на седьмое место, 17,8% - на пятое и шестое места. Выяснилось, что чем ниже статус служащих, тем большее значение придается этому фактору.

«Умение наладить эффективное взаимодействие с депутатами» штатный персонал, государственные и муниципальные служащие не признают в качестве значимого фактора в обеспечении эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления (табл. 3).

Таблица 3. Оценка фактора «Умение наладить эффективное взаимодействие с депутатами» различными категориями служащих

Место	Должностная категория, в %			
	I	II	III	IV
1	6,7	2,2	0,6	2,3
2	5,6	3,3	3,1	4,2
3	10,0	3,3	4,3	5,6
4	10,0	7,4	6,1	6,6
5	23,3	11,1	14,1	13,9
6	22,2	21,5	23,9	23,7
7	14,4	29,3	22,7	23,0
8	7,8	21,9	25,2	20,7

Таблица 4. Оценка * факторов продвижения по службе

Фактор	\bar{x}	σ
Организаторские способности	2,7	1,6
Хорошая специальная подготовка и высокий культурный уровень	3,2	1,8
Большой опыт работы в органах власти	3,3	2,1
Исполнительность и дисциплинированность	3,6	1,7
Инициативность и умение отстаивать свое мнение	4,5	1,7
Творческий подход к делу	4,5	1,8
Личные отношения с руководителем	5,2	2,2

* Места в порядке убывания значимости фактора, первое - наибольшее значение.

Отношение к труду служащих аппарата муниципального управления, как и в других сферах деятельности людей, зависит также от реальных возможностей продвижения по службе. В ходе опроса мы выясняли мнения государственных и муниципальных служащих о факторах, определяющих продвижение по службе.

В продолжающемся непрерывном проектировании системы государственного и муниципального управления обеспечивается перенос технологий менеджмента, государственные служащие (равно как и муниципальные) озабочены экономией затрат, они все в большей степени учитывают меняющиеся параметры внешнего окружения и запросы потребителей государственных услуг. Выделенные факторы продвижения по службе и их практическое значение заключаются в возможном проектировании организационного развития структур государственного управления, позволяют разграничить властные функции, полномочия, компетентность по должностям, описать систему формальных отношений, обеспечить согласование и упорядоченность действий персонала, определить требуемый уровень профессионализации, необходимый организации и каждому структурному подразделению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманчук, Г.В. Сущность государственной службы [Текст] / Г.В. Атаманчук. – М.: РАГС, 2002. – С. 54.
2. Большакова, Ю.М. Личностно-профессиональные фрустрации субъектов предоставления государственных и муниципальных услуг [Текст] / Ю.М. Большакова // Управленческое консультирование. – 2014. – № 6 (66). – С. 7-15.
3. Бураканова, Г.М. Социальное проектирование системы подготовки руководящих кадров [Текст]: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Г.М. Бураканова. – М., 2003.
4. Евраева, О.В. Оценка организационно-управленческого и социально-психологического потенциала высшего руководства предприятий России [Текст]: автореферат дис. ... канд. экон. наук / О.В. Евраева. – СПб., 2000.

5. Ким, О.Л. Гендерный подход в государственном и муниципальном управлении (учебный план и рабочие программы) [Текст] / О.Л. Ким, Ю.М. Абдулаева, О.Е. Герасимова // Сборник учебных программ и учебно-методических планов проф. переподготовки и повышения квалификации специалистов органов гос. власти субъектов РФ. – М.: ГУ-ВШЭ, 2008. – С. 108-111.
6. Костюков, А.В. Диагностика профессионального потенциала кадров системы регионального управления [Текст] / А.В. Костюков // Государственная служба. – 2005. – № 1. – С. 31-36.
7. Мельников, В.М. Введение в экспериментальную психологию личности [Текст] / В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский. – М., 1985. – С. 319.
8. Турчинов, А.И. Профессионализация и кадровая политика [Текст] / А.И. Турчинов. – М.: РАГС, 1998. – С. 111.
9. Хахулина, Л.А. Ориентации населения в сфере труда [Текст] / Л.А. Хахулина // Мониторинг общественного мнения. – 1999. – № 6. – С. 31-37.
10. Cattell, R.B. Handbook for the sixteen personality factor questionnaire (16 PF) [Text] / R.B. Cattell, H.W. Eber, M.M. Tatsuoka. – Illinois, 1970.
11. Boyne, G.A. Walker Strategy Content and Public Service Organizations [Text] / G.A. Boyne, R.M. Walker // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2004. – Vol. 14. – no. 2. – P. 231-252.
12. Vinni, R. Total quality management and paradigms of public administration [Text] / R. Vinni // International Public Management Review. – 2007. – № 8 (1). – P. 103-130.

И.Н. Дементьева

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНЕ

Экономические и политические процессы, происходящие в современном российском обществе, сопровождаются распространением социальной напряжённости. Одним из аспектов её проявления на социально-психологическом уровне является потенциальная протестная активность населения.

Потенциальная склонность людей к участию в акциях протеста изучается путем анализа эмпирических данных. Одной из первых состоянием и динамику потенциала протеста во всероссийском масштабе стала проводить Служба изучения общественного мнения Vox Populi уже с начала 1992 г. Однако наиболее продолжительные и детальные динамические ряды (почти ежемесячные замеры показателей с начала 1993 г.) со-держатся в публикациях ВЦИОМ.

Институт социально-экономического развития территорий РАН отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона в рамках регулярного мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области с 1995 г.¹²

Данные опросов общественного мнения позволяют проследить динамику потенциала протеста в регионе, выявить группы лиц, отличающихся определенным эмоциональным настроением и допускающих возможность своего участия в протестных выступлениях, проанализировать факторы формирования протестной активности [4, 5].

Анализ регулярных наблюдений по Вологодской области показал, что наиболее высокий уровень потенциала протеста жителей области наблюдался в условиях финансово-экономического кризиса 1998 – 1999 гг. (в среднем 37%; табл. 1). При этом большинство представителей «протестной группы» высказывали готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 14%).

¹ *Опросы проводятся 6 раз в год. Всего опрашивается 1500 респондентов в городах Вологде и Череповце и восьми районах области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий:

- пропорций между городским и сельским населением;
- пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);
- половозрастной структуры взрослого населения области.

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

Ошибка выборки не превышает 3%.

В течение 2000 – 2004 гг. на фоне существенного улучшения ситуации в экономической и социально-политической сферах общественной жизни наблюдалась нисходящая динамика численности протестных акций: протестные настроения высказывала примерно четверть населения региона.

В 2005 г. после довольно продолжительного периода относительного затишья протестная активность как форма социального действия вновь вошла в повседневную жизнь значительного числа жителей региона. По сравнению со среднегодовыми показателями 2000 – 2004 гг. уровень потенциала протеста в области заметно увеличился, приблизившись к уровню 1999 г. (32%). Большинство «протестующих» выступили приверженцами мирных форм протеста («выйти на митинг, демонстрацию» были готовы 14% опрошенных). Основным фактором усиления социальной напряженности в регионе явилась начавшаяся с января 2005 г. реализация крупных проектов социального реформирования (монетизация льгот, повышение стоимости услуг ЖКХ для граждан), которая повлекла за собой массовые акции протеста, прокатившиеся по всей стране, в том числе и по Вологодской области.

В 2006-2007 гг. в условиях стабилизации социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране и регионе произошло заметное снижение степени внутренней конфликтности в обществе.

В 2008 г. протестные настроения жителей области существенно не менялись, оставаясь на уровне 2007 г. В условиях нарастания кризисных процессов в экономике страны и региона в 2009 г. потенциал протеста жителей Вологодской области возрос незначительно (с 20 до 22%), несколько превысив показатели 2007 – 2008 гг. По сравнению с периодом финансово-экономического кризиса в России в 1998-1999 гг. протестные настроения населения в 2009 г. менее выражены (22 против 37% соответственно). Причем в зависимости от форм протеста в 2009 г. в «протестной группе» преобладала доля приверженцев «мирных» протестных действий («выйду на митинг, демонстрацию» – 11%), тогда как в 1998 – 1999 гг. большинство «протестующих» высказывали готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 15%).

В 2010-2012 гг. в условиях восстановительного экономического роста потенциальная протестная активность населения Вологодской области сохранилась на уровне средних показателей 2007-2009 гг. (20%).

В 2013 г. – 8 месяцев 2014 г. потенциал протеста в Вологодской области опустился до самой низкой отметки за весь период измерений. Протестные настроения проявляет только 17-19% населения региона.

Анализ данных мониторинга позволяет выделить категории лиц, которые отличаются определенным социально-психологическим настроем и имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения конфликтной ситуации.

Таблица 1. Динамика потенциала протеста в Вологодской области (в % от числа опрошенных)

1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	8 мес. 2014
Потенциал протеста															
39,6	24,3	26,3	27,0	25,8	26,9	32,2	26,3	20,7	19,6	21,9	20,0	19,8	20,1	16,9	18,6
Выйду на митинг, демонстрацию															
10,6	8,0	8,7	10,1	9,6	10,6	13,9	11,0	9,6	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста															
14,2	7,7	8,8	8,7	7,9	8,1	10,8	9,0	5,7	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	3,8	3,9
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады															
14,9	8,6	8,8	8,2	8,3	8,2	7,5	6,3	5,3	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,7	4,0

В гендерном разрезе намерение участвовать в акциях протеста значительно сильнее выражено у представителей мужского пола (в среднем 28%) по сравнению с женским (22%), т. е. мужчины более склонны к проявлению протестных настроений, чем женщины (табл. 2).

Склонность к участию в протестных акциях в большей степени свойственна представителям возрастных категорий до 30 лет (в среднем 25%) и от 30 до 55 лет (25%), а также лицам, имеющим среднее специальное образование (25%). В зависимости от уровня доходов наиболее высокий показатель социального недовольства отмечается в 20%-й группе наименее обеспеченных (26%) и в 60%-й категории людей со средним достатком (26%).

В разрезе территорий области не наблюдается существенных различий в уровне протестной активности населения. Так, протестные настроения высказывают в среднем от 23 до 27% жителей Вологды, Череповца и районов.

Следует отметить, что в течение 14 лет принципиальных изменений в составе группы «протестующих» не произошло. Как в начале 2000-х гг., так и в 2013 г. протестные настроения в большей степени были свойственны мужчинам, молодежи и лицам среднего возраста, по уровню образования – имеющим среднее образование, по уровню материального достатка – представителям низкодоходной категории.

Многолетние регулярные социологические исследования, проводимые ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области, позволяют выявить и проанализировать социально-экономические и общественно-политические детерминанты потенциальной протестной активности в регионе.

Как показывают данные социологических измерений, первым фактором накопления скрытой протестной активности является отношение населения к деятельности различных структур и институтов власти.

Таблица 2. Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	8 мес. 2014
Пол															
Мужской	29,4	30,0	31,9	31,7	31,1	36,2	28,3	23,6	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7
Женский	20,9	24,0	23,7	21,7	23,7	28,9	24,8	18,3	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,1
Возраст															
до 30 лет	25,2	27,7	27,9	25,3	28,9	34,9	26,0	20,2	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,6
30-55 лет	27,2	29,0	28,0	27,2	27,3	33,0	27,3	20,8	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	19,3
старше 55 лет	18,0	20,0	24,5	23,8	24,3	28,6	25,2	20,9	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,3
Образование															
Н/среднее и среднее	20,9	24,5	27,2	25,0	27,0	22,8	24,3	19,2	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,8
Среднее специальное	25,9	27,3	28,0	26,4	25,9	32,6	26,7	21,0	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,2
Н/высшее и высшее	22,9	28,2	26,2	26,5	27,9	33,6	28,4	20,4	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	16,7
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	27,5	23,9	23,5	22,1	25,2	33,4	29,6	23,9	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	22,4
60% средне-обеспеченных	24,6	27,8	29,7	27,6	28,5	34,5	26,6	21,2	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,3
20% наиболее обеспеченных	21,1	25,4	26,1	26,4	24,6	28,6	24,0	16,1	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	9,9
Территории															
Вологда	24,8	31,3	30,5	23,7	29,8	39,8	28,5	21,4	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9
Череповец	21,1	28,5	29,7	32,9	27,9	31,4	23,0	20,3	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4
Районы	25,9	23,3	24,3	23,3	25,2	29,1	27,1	20,6	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4

Сравнительный анализ данных мониторинга показал, что жители области, характеризующие политическую обстановку в России как «напряженную, критическую, взрывоопасную», более склонны к протестным проявлениям, чем те, кто считает ее «благополучной, спокойной» (в среднем 31% против 21%).

Не исключает возможности своего участия в протестных акциях в среднем более 40% жителей области, негативно оценивающих деятельность Президента РФ и пятая часть населения, «полностью и в основном одобряющего» политику главы государства.

В среднем в 2000 – 2014 гг. около 40% населения Вологодской области, отрицательно относящегося к деятельности Правительства РФ, допускают возможность своего участия в массовых выступлениях протеста. Причем показатель протестного потенциала в данной категории имеет восходящую динамику. В категории жителей области, придерживающихся противоположного мнения, «протестная группа почти в 2 раза меньше (в среднем 20%) и имеет тенденцию к уменьшению.

Наиболее высокий уровень протестного потенциала в зависимости от оценок деятельности региональных и местных органов власти отмечается среди жителей, неодобрительно отзывающихся о работе губернатора, глав местных администраций.

Следующую группу факторов, влияющих на изменение протестного поведения, составляют индикаторы, отражающие оценки экономической ситуации в стране и регионе, а также материальное положение населения.

Как показали результаты опросов, наиболее высоким уровнем потенциальной протестной активности отличаются жители области, негативно оценивающие экономическое положение России (в среднем 33%) и области (в среднем 33%). Среди тех, кто считает экономическую ситуацию в стране и регионе «очень хорошей и хорошей», доля «протестующих» составляет в среднем по 23%.

По оценкам, протестные настроения чаще присущи жителям области с негативными характеристиками материального положения своей семьи (в среднем – 33%). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», протестный потенциал находится на более низких отметках (в среднем – 24%).

Потенциал протеста наиболее высок среди населения, относящего себя к категориям «бедных» и «нищих» (в среднем – 28%). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» в среднем за весь период измерений только 20% жителей области допускает возможность своего участия в протестных выступлениях.

Наибольшая склонность к протестным проявлениям отмечается среди жителей региона, отличающихся низким уровнем покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду» – 25%). Причём на протяжении всего периода измерений протестные настроения в данной категории остаются достаточно стабильными.

Третья группа факторов, влияющих на уровень потенциала протеста, относится к социальному самочувствию жителей области.

В зависимости от оценок социального настроения наибольшую потенциальную склонность к участию в массовых выступлениях проявляет население, испытывающее отрицательные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску» – в среднем 35%). Удельный вес «протестующих» в категории людей, находящихся в «прекрасном настроении, нормальном, ровном состоянии», составляет в среднем по области 15% и имеет явную тенденцию к снижению.

Потенциальной протестной активностью отличается и довольно значительная часть населения области с низким уровнем социального терпения («терпеть наше бед-

ственное положение уже невозможно» – в среднем 41%). Протестные настроения той части населения, которая высказывает позитивные суждения («все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»), более чем в 2 раза ниже (19%) и имеют нисходящую динамику.

Корреляционный анализ позволяет определить степень взаимосвязи между показателями протестного потенциала и негативными оценками различных сторон общественной и личной жизни населения области в период с 2000 по 2014 гг. (табл. 3).

Расчёты показали, что в период с 2000 по 2007 гг. на первое место выходят общественно-политические индикаторы формирования протестного потенциала. Значение корреляции уровня потенциала протеста и неодобрительных оценок деятельности Президента РФ составило 0,7, Правительства РФ – 0,7, Совета Федерации – 0,6, Государственной Думы – 0,6, т.е. их связь достигла высокой степени зависимости. Примерно такую же взаимосвязь с протестными настроениями показывают и негативные оценки деятельности региональных властей: коэффициент корреляции уровня потенциала протеста и неодобрительных характеристик работы губернатора области составил 0,6, Законодательного Собрания области – 0,7. Таким образом, основную силу «протестантов» в 2000-2007 гг. составляют обеспокоенные в первую очередь решением проблем политического и идеологического характера.

В условиях финансового кризиса 2008-2009 гг. наиболее существенное влияние на усиление протестных настроений оказывают неудовлетворённость населения деятельностью региональных властей, а также собственным материальным положением. Коэффициент корреляции протестных настроений и неодобрительных оценок деятельности главы региона составил 0,7. Взаимозависимость протестного потенциала с негативными оценками собственного экономического статуса («бедные и нищие») и низким уровнем покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду») фиксируется на отметке 0,6, что показывает сильную связь данных индикаторов.

В период 2010 – 8 месяцев 2014 гг. наиболее тесную связь с показателями потенциала протеста показали индикаторы, отражающие социальное самочувствие населения региона. Показательными в этом отношении являются индикаторы социального настроения («испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску») и запаса социального терпения («терпеть наше бедственное положение уже невозможно»). Коэффициент корреляции протестных настроений с данными показателями составляет 0,6 и 0,7 соответственно.

Таблица 3. Изменение коэффициента корреляции потенциала протеста и неодобрительных оценок различных сторон личной и общественной жизни населения Вологодской области

	2000-2007 гг.	2008-2009 гг.	2010-8 мес. 2014г.
Не одобряю деятельность Президента РФ	0,714	0,457	0,192
Не одобряю деятельность Правительства РФ	0,721	0,497	0,146
Не одобряю деятельность Совета Федерации	0,647	0,367	0,130
Не одобряю деятельность Государственной Думы	0,623	0,236	0,178
Не одобряю деятельность губернатора	0,593	0,710	0,229
Не одобряю деятельность Законодательного Собрания области	0,669	0,511	0,170
Не одобряю деятельность главы местной администрации	0,449	0,564	0,267
Не одобряю деятельность представительного органа местного самоуправления	0,448	0,318	0,327
«Бедные и нищие»	0,474	0,644	0,146
Денег хватает в лучшем случае на еду	0,176	0,635	0,315
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	0,457	0,509	0,688
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	0,457	0,509	0,788

Таким образом, в результате многолетних социологических измерений было выявлено, что в период с 2000 по 2014 г. в среднем протестный потенциал жителей Вологодской области составляет 23%.

В ходе исследования были определены группы риска: жители области в возрасте от 30 до 55 лет и старше, представители 20%-й группы наименее обеспеченных, жители Вологды и Череповца. В данных категориях протестный потенциал превышает средне-областной показатель. Более того, протестные настроения усиливаются среди жителей области, негативно характеризующих социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и регионе, собственное материальное положение; не одобряющих деятельность властных структур; испытывающих отрицательные эмоции.

Как показал корреляционный анализ, проведенный на основе вопросов, характеризующих ключевые стороны общественного мнения относительно условий жизни, накопление скрытой протестной активности происходит под влиянием нескольких групп факторов. Во-первых, это негативные общественно-политические настроения, связанные с неодобрением населением деятельности властей. Во-вторых, это социально-экономические индикаторы, отражающие неудовлетворенность населения собственным материальным положением и общей экономической ситуацией в стране и области. Третья группа факторов лежит в плоскости социального самочувствия населения и включает в себя социальное терпение и эмоционально-психологическое состояние населения.

В разные периоды времени влияние общественно-политических и социально-экономических индикаторов на формирование протестных настроений неоднозначно. В докризисный период 2000 – 2007 гг. наиболее тесную связь с протестным потенциалом демонстрирует политико-идеологическое недовольство, в условиях кризиса 2008 – 2009 гг. на первое место выходит недовольство, имеющее экономическую, материальную природу, в период посткризисной стабилизации 2010 – 2014 гг. – показатели негативного социального настроения.

В целом сохраняющийся хотя и невысокий, но стабильный уровень протестного потенциала в регионе, с одной стороны, создает определенный резерв «горючего» материала, который при определенных условиях может быть использован для дестабилизации ситуации. С другой стороны, оборотной стороной низкого протестного потенциала является апатия, безразличие населения как к делам страны, так и к собственной жизни, усугубляемая отсутствием доступа к высоко ценным в обществе целям (образование, материальный достаток и т.д.).

Основная задача властей в этих условиях – формирование и коррекция стратегии региональной социальной политики с целью снижения уровня социальной напряженности в обществе, исключения возможности перерастания скрытого, латентного недовольства в волнения и беспорядки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьев, В.А. Региональная конфликтология: концепты и российская практика [Текст] / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.
2. Бузгалин, А.В. От отчаяния к конструктивным действиям: протестное рабочее движение в России 90-х превращается в альтернативное [Текст] / А.В. Бузгалин // Альтернативы. – 1999. – № 4.
3. Вайнштейн, Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма [Текст] / Г.И. Вайнштейн. – М., 1990. – С. 23-30.

4. Гулин, К.А. Основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области [Текст] / К.А. Гулин, И.Н. Дементьева // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 64-71.
5. Гулин, К.А. Протестные настроения населения региона в условиях кризиса [Текст] / К.А. Гулин, И.Н. Дементьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 3 (15). – С. 53-65.
6. Кравченко, А.И. Политология [Текст] / А.И. Кравченко. – М., 2005. – С. 319.
7. Политическая культура и политическое участие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kspu.ru/ffec/polit/p14.html#14-4>
8. Протестные настроения россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-08-2012/protestnye-nastroeniya-rossiyan>
9. Социологический энциклопедический словарь [Текст]. – М., 2004. – С. 141.
10. Стребков, Д.О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России [Текст] / Д.О. Стребков // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1. – № 1. – С. 48-49.
11. Холмская, М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы [Текст] / М.Р. Холмская // Политические исследования – 1999. – № 5. – С. 18.

О.В. Заводовская

ГЛАВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА – АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ТРАНСФОРМАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ

Социально-экономические, политические, культурные изменения, происходящие в обществе, привлекают внимание, как характеристиками самих процессов преобразований, так и полученными результатами. Социолог при этом оказывается в роли субъекта, способного предположить тенденции дальнейшего развития тех или иных процессов и явлений, основываясь на опыте их социологического анализа.

На происходящие в иерархии ценностных ориентаций качественные сдвиги оказывают огромное влияние региональные особенности. Попытка выяснить, что представляет из себя современная молодежь в отношении разнообразных сфер социальной активности, предполагает определение последствий социальных трансформаций для молодежи как социальной группы, молодежной социокультурной среды и ее самоопределения в современных российских условиях села. Какой именно личностью станет молодой человек - это во многом зависит от условий его жизни в данном обществе, а также от жизненного оптимизма, активности самого человека, направленной на развитие и реализацию его социально значимых способностей, реализуя свои интересы.

Вклад села в российскую бедность достигает по располагаемым ресурсам 36 %, денежным доходам 48 %, тогда как доля селян в общей численности составляет 27 %. Основные причины распространения бедности на селе: отсутствие работы, низкая заработная плата, недостаточная пенсия, отсутствие у людей предприимчивости и инициативы и др. Социальная незащищенность и социальное неблагополучие сказываются на незаинтересованности работников полностью раскрывать свой трудовой потенциал, отсутствию желания повышать свой квалификационный уровень, что непосредственно отражается на качестве человеческого потенциала в местном сообществе. Молодежь села как социальная группа образует некоторую общую ценностную возрастную группу населения, отражающую уровень развития всего современного молодого поколения со всеми его бедами и проблемами. Причем на селе они более ярко выражены и видны всем, в молодежной среде сельского сообщества особенно остро проявляются проблема бедности; общее снижение уровня жизни, нередко элементарное отсутствие условий для трудоустрой-

ства; неразвитость культурных потребностей; эмоциональная бедность; заниженность нравственных оценок своего и чужого поведения. Результат этого – пренебрежение к созидательной трудовой деятельности, снижение ответственности за состояние общества, отчуждение от него. Ситуация неуверенности в завтрашнем дне меняется очень медленно. Важной компонентой общих условий становления молодежи является у Ядова В.А. уровень развития гражданского общества, социально-политическое устройство, состояние других институтов (например, образования)¹. Неведение – возможная предпосылка невежества. Невежество не исчезнет на основе одной лишь образовательно-просветительской деятельности. Последнее не передается с генами, согласно Эриху Фромму, его концепции, деструктивность рождается системой общественных отношений, в первую очередь отчуждением.

Индивиды, оторванные от святости традиций, которые не могут себя идентифицировать, ощущают себя одинокими в мире, они лишены ощущения защищенности. Современное общество отличается появлением различных «миров», возможностью выбора, который обуславливает изменение идентичности. Объективные возможности для изменения идентичности в течение жизни существуют и активно используются индивидом, следовательно, идентичность усложняется. Перед каждым народом стоит задача формирования идентичности, которая бы выделяла культурные особенности для того, чтобы взаимодействовать с другими народами, а не разделяться глухой стеной.

Выявление результатов комплексного социологического исследования сельского сообщества – это и качественные, и количественные методы: включенное наблюдение автора, эксперт-опросы по форме глубинного интервью, анкеты, кейс – стадии, статистические данные, показывают, что видение мира в конкретно-историческом плане у молодежи далеко от сравнения с их ровесниками в развитых странах. Ведь общие социальные условия активно влияют на особенности личности в качестве объекта социальных взаимосвязей и в качестве их деятельного субъекта².

Для крестьян характерны коллективистские взаимоотношения между членами отдельной общины и обособление как от городских жителей, так и от членов других крестьянских общин. Особенность организации бытия в сельском сообществе заключается в предрасположенности крестьян к бытовому коллективизму и демократизму, ограниченно сочетаемому с индивидуализмом в семейно-усадебном укладе жизни сельчан, что имеет историческую обусловленность, в связи с этим низовые сельские институты: семья, двор, сельский сход – оказывают наибольшее влияние на формирование у человека моральных, общественных установок и ориентиров, мотиваций и потребностей личности, на его социализацию и выполняет своеобразную адаптирующую роль.

У населения традиционно сильны надежды на помощь со стороны государства, так как ценности свободы, частной собственности, индивидуализма длительное время не были преобладающими в общественном сознании. Регионализация постсоветского пространства, определяемая спецификой развития отдельных регионов страны, их особенными социально-экономическими условиями жизнедеятельности, а отсюда

¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: учеб. пособие. – 4изд, стер. – М.: Издательство «Омега-Л», 2009. – С. 47.

² Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: учеб. пособие. – 4изд, стер. – М.: Издательство «Омега-Л», 2009. – С. 46.

складывающимися своеобразными формами взаимоотношений с федеральным центром, активно влияет на формирование собственных социально-структурных элементов, внутренних и внешних связей³.

По самооценкам экспертов из числа сельского населения для исследования был выбран метод глубинного интервью, т.к. он может поднять суть проблемы и систематизировать круг вопросов о современном развитии района, ситуация выглядит так.

Эксперт № 1: Много дел сделано хороших, проведена реконструкция Центрального дома культуры, но насколько он востребован, какой уровень развития, как он наполнен, есть церковь, хорошие школы и спортивный комплекс, жилищный вопрос ушел из краеугольной плоскости. Но в сельской местности ограничены возможности в получении образовательных и бытовых услуг, медицинские вопросы сейчас решаются. Мы удовлетворены жизнью в нашем селе, районе, но территория тогда будет видеть будущее, когда молодые люди увидят свою жизнь здесь и знают, как они могут себя реализовать.

Эксперт № 2: Главное сейчас, чтобы люди видели перспективы развития своего района, села. Ведь доминирующим мотивом, определяющим решение о переезде в город, является отсутствие жизненных перспектив и качество жизни на селе. Надо учить сельскую молодежь связывать свои жизненные планы с малой родиной, тогда село не останется без специалистов. Я очень горжусь нашим районом, его традициями, его людьми, но надо помогать им организовывать свой труд, свой бизнес, воспитывать. Трудности, связанные с ведением фермерского хозяйства, недостаток кормов, слабая поддержка со стороны государства, определенные нравственные установки оказываются фактором для отказа от этой хорошей идеи. Надо учить людей на селе хорошей инициативе, тогда и дело пойдет активнее с развитием района.

Эксперты обладают хорошо развитым стратегическим мышлением и показывают определенные особенности общенациональной идентичности. Интерпретация смыслов текста интервью говорит об аргументированной позиции двух экспертов. Два эксперта, проходя по мобильному жизненному пути, причем социализация их происходила на комсомольской стройке в СССР, и сегодня ведут активную предпринимательскую деятельность, вырастив двух детей, дав им хорошую путевку в жизнь.

Необходимым становится изучение на основе эмпирических данных социальных аспектов трудового поведения сельского населения в регионах Российской Федерации. Рассматриваемые в данном докладе вопросы являются результатом работы по комплексному социологическому исследованию современного отечественного социума, молодых людей, выпускников сельскохозяйственных вузов и сузов, что имеет стратегическую цель: изучить связи мотивационной структуры трудового поведения, дать определенный материал для разработки инструментария кадрового планирования.

Отметим социально статистический фон исследования - итоги Всероссийской переписи 2010 года: представители более 140 национальностей проживают в Тюменской области, 83,8 %-русские, с 2002 года увеличилась их доля на 0,7%; доля татар - 8,1 %, украинцев - 1,3%,казахов-1%,немцев-0,9%, чувашей и азербайджанцев - по 0,7%, армяне-0,6%, белорусов -0,4%, таджиков, башкир, узбеков по 0,2%, доля остальных не превысила 0,1%. 1 млн. 340 тыс. чел. - численность постоянного населения. Со времени предыдущей переписи 2002г. увеличение произошло на 15,6 тыс. чел., на 1,2%. Численность городского населения

³ Голенкова З.Т. Избранные труды. – М.: Институт социологии РАН: Новый хронограф, 2014. – 272 с.

– 809 тыс. чел., что на 7,9 тыс. или 0,9% больше, чем в 2002 году. В сельской местности – 531 тыс. чел., что на 8 тыс. чел. или 1,5% больше, чем на момент предыдущей переписи населения. Тюмень- 581,9 тыс. чел., это 71,9% от количества городского населения.

Необходимо выявить приоритетные социальные установки выпускников сельских школ, студентов профильных вузов относительно их желания работать в агропромышленном комплексе области, жить на селе. Как реальный эмпирический факт автор рассматривает отчуждение на сельской территории большинства людей от достижений разумного духа в современном мире и что актуальные процессы европейской интеграции и глобальной аккультурации диктуют потребность в определении характера культурной идентичности в сельском сообществе. Под культурной идентичностью автор понимает сложную систему ценностей, убеждений, символов, образцов поведения и прочее.

Вопрос к респондентам: что для вас имеет большее значение в ситуации, связанной с содержанием труда по выбранной специальности? Приоритеты были достаточно активно и целеустремленно расставлены таким образом: возможность повышать квалификацию – 62% (общее количество предпочтений по отношению к генеральной совокупности), уровень технологий на производстве, состояние оборудования – 56%, организация труда – 51%, внимательное или невнимательное отношение администрации предприятия – 37%.

Выпускник, обладающий хорошим уровнем социальной активности и компетентности, всегда востребован. Но что сегодня приоритетно для отрасли сельского хозяйства, чтоб это было двустороннее движение. Учебная практика в вузе начинает проводиться на 1 курсе, студент должен знать, куда он пойдет работать по окончании вуза, и на протяжении всей учебы должен готовиться к этому, чтобы быть на производстве высококвалифицированным, решительным, активным специалистом.

Вопрос, включенный в исследование: «Что вы считаете главными условиями экономического роста России?» - показывает, как сформировано сознание выпускников вуза и определяет основу детерминизма. Ответы респондентов: дисциплина, порядок, соблюдение законов – 45%; природные богатства России – 35%, инициатива и предприимчивость людей – 60%, российская наука – 20%, компьютеризация, развитие Интернета – 17%. При этом 10% респондентов от генеральной совокупности считают или все условия главными, или отмечают не менее двух условий одновременно.

«Каким образом вы выбрали специальность и чем руководствовались при этом?» - ответы выпускников преобладают таким образом: советы родителей, опыт взрослых – до 20%; наличие профессиональных навыков, профессия востребована, достойная оплата труда, успешное трудоустройство, карьерный рост, престижность – до 30%; дальнейшая перспектива и государственная поддержка отрасли сельского хозяйства, пищевой промышленности, инновации – 70%; плата за обучение, затрудняюсь ответить, куда смог – до 5%, любовь к животным, интересная специальность, общение с природой – 5%. Представлен совокупный ответ респондентов, большинство из которых отмечали несколько причин одновременно.

На вопрос: каковы общие планы на будущее в связи с перспективами работы в АПК-17%, займусь личным подсобным хозяйством-5%, хочу создать собственное предприятие -25%, буду работать наемным работником в другой отрасли – 35%, хочу быть ученым и разрабатывать новые технологии – 7%, поступлю снова учиться – 20%, затрудняюсь ответить – 10%.

Для студенческой молодежи приоритеты при профессиональном самоопределении по отношению к генеральной совокупности выглядят следующим образом: содержательность труда – 17%, условия труда- 38%, заработная плата- 60%. До 15% респон-

дентов отмечали две причины одновременно. Исследование также показало, многие молодые люди сами чувствуют недостаточность своего образования для выполнения тех или иных производственных функций. Такая картина отношения к имеющемуся образованию является отражением той реальной ситуации, которая на сегодняшний день имеет место в обществе. Престиж образования растет, и наши респонденты это чувствуют. Следует изучать ситуацию и организовывать учебу по тем профессиям, которые в первую очередь необходимы на территории.

Село – это место для жизни людей, где формируется внутренний мир молодого человека, без участия государства это развитие невозможно, 40% сельские жители в области. Надо сделать все, чтобы и сегодня, и в будущем экономический рост приводил к видимым изменениям в социальной сфере, без решения социальных проблем села невозможно обеспечить устойчивое развитие сельских территорий и сельского хозяйства. Уровень средней заработной платы на селе – 9 тыс. руб. в Тюменской области, в Тюмени – 25,7 тыс. руб., в Ялуторовске – 14,5, Тобольске – 19,7, Заводоуковске – 14,4. Кадры – это зона риска, всего один из 12 выпускников школы в сельской местности собирается поступать в сельский вуз, в отдельных районах и такой цифры нет.

Результаты исследования подчеркивают необходимость институционального измерения указанной проблемы, поскольку процессы экономических преобразований, появления новых видов экономической активности и участие молодежи в этих отношениях должны быть изучены с учетом изменений нормативно-ценностной среды. Необходимо отметить возросшую роль образования и профессиональной подготовки, которые выделяются в качестве детерминант будущего залога к успеху, это, несомненно, положительная возрастающая тенденция в сознании сельской молодежи. Любую социосистему отличает большая интегрирующая сила, она социализирует каждое новое поколение людей, включает его в сложившуюся систему отношений, подчиняет общепринятым формам и правилам.

Сплотить людей помогает общее дело, поиск новых экономических ниш и способов существования. Становление сильного и развитого государства Россия под силу лишь человеку с новым менталитетом, знающего, что его личные цели и интересы идентичны целям и интересам государства, в котором он видит партнера и защитника своих прав и свобод.

Целью агропромышленного комплекса является развитие сельских территорий и сохранение потенциала возрождения, переход на новый уровень производства, активное использование творческого и кадрового потенциала в сельскохозяйственном производстве, расширение сфер применения человеческого потенциала на селе и сбалансированного рынка труда, формирование эффективной инновационной системы на селе. Надо сделать все, чтобы и сегодня, и в будущем экономический рост приводил к видимым изменениям в социальной сфере, без решения социальных проблем села невозможно обеспечить устойчивое развитие сельских территорий и сельского хозяйства.

Цель увеличения производства пищевых продуктов в Тюменской области предполагает такие основные приоритеты: совершенствование технологий производства для выпуска более качественной, обогащенной витаминами и микроэлементами продукции, востребованной потребителями; обеспечение импортозамещения на региональном рынке продовольствия продукцией собственного производства в соответствии с потребностями населения области, включая северные округа; создание производств с глубокой переработкой сырья и безотходными технологиями, включая новые производства по переработке овощей, ягод и дикоросов, производства рапса, рапсового масла и биодизеля.

Выполнение сельскими территориями функции социального контроля освоенного географического пространства - один из элементов доктрины национальной безопасности страны, в соответствии с этой доктриной меры, обеспечивающие социальный порядок и территориальную целостность страны, всегда востребованы. Воспроизводственная функция деревни заключается в передаче от поколения к поколению умений, навыков и ведения сельскохозяйственного природопользования, сельского уклада жизни и традиционных норм и ценностей. Профессиональные навыки и знания не всегда востребованы и не во всех случаях используются эффективно. Обеспечение высоких стандартов жизни сельских жителей является приоритетным направлением сельского развития, которое ставит задачу благоустройства сельских территорий на уровне современных стандартов. Только сочетание сельского уклада жизни с современным уровнем обслуживания и благоустройства, развитие других видов производственной деятельности обеспечит стабильное развитие сельской местности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков, М.К. Российское общество в социологическом измерении [Текст] / М.К. Горшков. - М.: Мир России, 2009. - № 2. - С. 3-21.
2. Горшков, М.К. Российский менталитет в социологическом измерении [Текст] / М.К. Горшков // Социол. исслед. - 2008. - № 6 (290). - С. 100-114.
3. Голенкова, З.Т. Избранные труды [Текст] / З.Т. Голенкова. - М.: Институт социологии РАН: Новый хронограф, 2014. - 272 с.
4. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности [Текст]: учеб. пособие / В.А. Ядов. - 4изд, стер. - М.: Издательство «Омега-Л», 2009. - С. 46-47.
5. Халий, И.А. Современные общественные движения [Текст] / И.А. Халий. - М.: ИС РАН, 2007.
6. Руткевич, М.Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965 - 2002) [Текст] / М.Н. Руткевич. - М.: Гардарики, 2002. - 541 с.
7. Нечипоренко, О.В. Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградации [Текст] / О.В. Нечипоренко // Социол. исслед. - 2009. - № 6. - С. 57-66.
8. Калугина, З.И. Новая парадигма сельского развития [Текст] / З.И. Калугина, О.П. Фадеева // Мир России. - 2009. - № 2. - С. 34-49.

А.М. Панов

Институт социально-экономического развития территорий РАН
г. Вологда

ФОРМАЛИЗАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Формализация рынка труда означает усиление роли формальных институтов в социально-трудовой сфере.

Под формальными институтами понимаются система способов, правил, организаций, санкционированных государством и (или) регламентированных законодательством. Например, подача объявления в печатное издание является формальным способом поиска работы, поскольку такой способ регламентирован гражданским законодательством, является официальным и обязательным для многих организаций. Противоположностью формальных институтов, по определению Д. Норта, являются институты неформальные. Применительно к поиску работы это означает использование родственных и других межличностных неофициальных связей, обращение за помощью к близким, друзьям, и т. д.

Формализация трудовых отношений увеличивает возможности государства реагировать на тенденции рынка труда, более точно вести более точный статистический и налоговый учёт и проводить более эффективную социальную политику. В то же время формализация напрямую зависит от эффективности этих институтов: от того, насколько успешно они помогают подыскивать подходящую работу безработным. В противном случае экономически активное население лишается стимула обращаться к формальным институтам, придавать своему статусу занятых или безработных официальный статус.

В исследовании предпринята попытка определить, происходит ли усиление роли формальных институтов в сфере поиска работы и трудоустройства.

Оценив динамику зарегистрированной и общей безработицы, мы сможем определить, каким образом органы службы занятости реагируют на изменения, происходящие на рынке труда, определить взаимосвязь между тенденциями рынка и работы органов социальной защиты.

За десятилетний период с 2002 по 2011 гг. численность зарегистрированных безработных в Вологодской области была относительно устойчива (рис 1).

Институты трудоустройства динамично реагировали на тенденции рынка труда. В период с 2002 по 2005 годы изменениям на рынке труда соответствовало соответствующее изменение численности зарегистрированных в органах службы занятости.

Рис. 1. Численность безработных, рассчитанная по методологии МОТ и зарегистрированных в органах службы занятости, тысяч человек

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011, С. 124, 132; Труд и занятость в России 2001: стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – С. 164-169, 207-212; Труд и занятость в России 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – С. 37-41, 162-168.

К 2011 г. разрыв между рыночными и институциональными показателями безработицы увеличился: общая численность безработных превысила численность зарегистрированных в органах службы занятости в 4 раза. Численность безработных достигла 49 тысяч человек, а количество зарегистрированных в органах службы занятости снизилось почти до уровня 2005 года. Отличие между ситуацией на рынке труда в 2011 году и периодом с 2005 по 2008 гг. состоит в том, что в последнем случае рынок труда был далёк от равновесия: за рассматриваемый период уровень общей безработицы демонстрировал довольно высокое (по российским меркам) значение 7,7%. Таким образом, низкий уровень зарегистрированной безработицы в 2011 г. говорит, скорее, о негативных тенденциях на рынке труда и об ухудшении функционирования институтов защиты занятости.

Чтобы ответить на вопрос, является ли эта тенденция региональной или характерна для всего Северо-запада России, мы рассчитали уровень формализации безработицы, поделив количество зарегистрированных безработных количеством безработных, рассчитанное по методологии МОТ (табл. 1).

На протяжении всего рассматриваемого периода в Вологодской области уровень формализации безработицы был близким к среднему по СЗФО и наибольшего значения достиг в кризисном 2009 году. Снижение зарегистрированных органами занятости наблюдалось в 2011 г. на всех рассматриваемых территориях – если в среднем уровень формализации безработицы колебался от 18% до 62%, то в 2011 г. находился в пределах от 13% до 30%.

Таблица 1. Уровень формализации безработицы в Вологодской области и регионах СЗФО, в процентах, проранжировано по 2011 г.

Территория	2002 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Архангельская область	34	44	39	42	33	42	36	30
Новгородская область	22	30	27	27	27	38	28	27
Республика Карелия	40	41	95	44	34	41	30	26
Санкт-Петербург	26	85	61	75	87	67	68	26
Россия	26	32	34	34	30	33	27	25
Республика Коми	32	27	22	26	32	30	25	24
Вологодская область	37	35	33	42	37	50	33	24
Мурманская область	39	43	52	49	37	48	33	23
Калининградская область	28	27	34	40	24	34	23	18
Псковская область	33	47	41	39	38	30	23	18
Ленинградская область	23	17	19	21	19	19	17	13
В среднем по Северо-западному федеральному округу	32	39	41	40	37	39	32	23
Справочно: Российская Федерация	26	35	33	34	32	34	28	26

Источники: Труд и занятость в России 2001: стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – С. 164-169, 207-212; Труд и занятость в России 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – С. 37-41, 162-168; Труд и занятость в России 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – с. 41-46, 149-155; Расчёты автора.

Из проведённого анализа мы не можем заключить, что рынки труда всех рассматриваемых регионов имеют общую тенденцию формализации безработицы: спады и подъёмы уровня формализации в различных субъектах не совпадают хронологически, кроме того, существуют территории, полностью выбивающиеся из общей тенденции, например, республика Карелия или г. Санкт-Петербург.

Эффективность функционирования службы занятости можно оценить различными способами. Один из них – отношение трудоустроенных граждан к общему числу обратившихся в органы службы занятости (табл. 2).

За рассматриваемый период доля трудоустроенных в общей численности обратившихся за содействием в поиске подходящей работы снизилась на 6,1%. Однако на этом основании мы не можем говорить о том, что служба занятости стала функционировать менее эффективно, поскольку удельный вес зарегистрированных в органах службы занятости в общей численности безработных за исследуемый период также снизился. Удельный вес трудоустроенных можно использовать как вспомогательный показатель, рассматривая его в сочетании с другими тенденциями функционирования формальных институтов трудоустройства, поскольку безработные могут использовать и, как правило, одновременно используют несколько способов поиска работы. При этом отсутствуют точные данные о том, какой способ был более результативным в тот или иной период. Но мы можем косвенно оценить формальные и неформальные институты трудоустройства по их популярности в тот или иной период времени, поскольку логично предположить, что население будет более активно использовать те способы поиска работы, которые являются более действенными.

Рассмотрим основные способы формального и неформального трудоустройства: обращение к друзьям, родственникам и знакомым и непосредственное обращение в службу занятости (рис. 2).

Начиная с 2007 г., существенно укрепились позиции формальных институтов трудоустройства посредством обращения в государственную службу занятости: в условиях снижения численности населения и увеличения демографической нагрузки на труд численность обратившихся в органы занятости увеличилась с 5 до 13 тысяч человек. Такой

Таблица 2. Трудоустройство граждан государственными учреждениями службы занятости в Вологодской области

Год	Обратилось за содействием в поиске подходящей работы	Нашли работу (доходное занятие)	
		человек	в процентах к числу обратившихся
2002	41596	26004	62,5
2003	37549	24898	66,3
2004	44477	25200	56,7
2005	43306	26591	61,4
2006	42319	25687	60,7
2007	43560	26224	60,2
2008	44896	23879	53,2
2009	92587	40292	43,5
2010	67708	37778	55,8
2011	50613	28564	56,4

Труд и занятость в Вологодской области 2007 [Текст]: стат. сборник / Вологдастат. - Вологда, 2008. – С. 44; Труд и занятость в Вологодской области 2012 [Текст]: стат. сборник / Вологдастат. - Вологда, 2013. – С. 52.

Рис. 2. Тенденции основных способов поиска работы в Вологодской области, в процентах от общей численности безработных.

Источники: Труд и занятость в Вологодской области 2007: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2008. – С. 44; Труд и занятость в Вологодской области 2012: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – С. 52.

неформальный способ трудоустройства, как обращение к друзьям и знакомым, несколько утратил популярность, хотя по-прежнему остаётся основным способом поиска работы в Вологодской области. Популярность «официальных» способов поиска работы значительно возросла – в более поздние годы она удерживалась в пределах 40-50%. В то же время эффективность функционирования службы занятости сократилась на 6%.

Формальные институты играют важную роль в сфере трудоустройства, и постепенно их распространённость увеличивается, однако неформальные способы поиска работы по-прежнему преобладают. Возможным последствием такой ситуации является ослабление конкуренции на рынке труда: рабочие места занимают не наиболее квали-

фицированные соискатели, а кандидаты, имеющие родственников и знакомых среди работодателей. Такая ситуация может привести к снижению производительности труда (поскольку квалифицированным работникам, способным более эффективно работать, не всегда отдаётся предпочтение).

Таким образом, условия для формализации трудовых отношений за последнее десятилетие стали более благоприятными, в то же время эффективность формальных институтов рынка труда постепенно сокращается, из-за чего на региональном рынке труда усиливается риск деформализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимпельсон, В. Жить в тени или умереть на свету: неформальность на российском рынке труда [Текст] / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2013. – № 11. – С. 65-88.
2. Доклад об осуществлении государственного надзора за соблюдением трудового законодательства в 2011 году [Электронный ресурс] / ГИТ Вологодской области. – Режим доступа: <http://git35.rostrud.ru/results/28237/27736.shtml>
3. Доклад об осуществлении государственного надзора за соблюдением трудового законодательства в 2012 году [Электронный ресурс] / ГИТ Вологодской области. – Режим доступа: <http://git35.rostrud.ru/results/28237/33545.shtml>
4. Жеребин, В.М. Проблемы занятости в условиях развития информационного общества и возможности статистики в их изучении [Текст] / В.М. Жеребин, О.А. Алексеева, Н.А. Ермакова // Вопросы статистики. – 2014. – № 6. – С. 24-33.
5. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния [Текст] / Г.В. Леонидова, А.М. Панов // Проблемы развития территорий. – 2013. – № 3 (65). – С. 60-70.
6. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения [Текст] / Г.В. Леонидова, А.М. Панов, А.В. Попов // Проблемы развития территорий. – 2013. – № 4 (66). – С. 49-57.
7. Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rostrud.ru/activities/31/monitoring_tabl/29894.shtml
8. Панов, А.М. Возможности расширения предложения рабочей силы на рынке труда (на примере Вологодской области) [Текст] / А.М. Панов // Проблемы современной экономики. – 2014. – №1 (49). – С. 197-200.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.
11. Труд и занятость в Вологодской области 2007 [Текст] : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2008.
12. Труд и занятость в Вологодской области 2012 [Текст] : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013.
13. Труд и занятость в России 2001 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – 580 с.
14. Труд и занятость в России 2005 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 502 с.
15. Труд и занятость в России 2011 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 637 с.
16. Экономическая активность населения Вологодской области 2013 [Текст] : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013.
17. Экономическая активность населения России 2010 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 171 с.
18. Cazes, S. Employment Protection Legislation and its Effect on Labour Market Performance [Текст] / S. Cazes, A. Nesporova // Geneva: ILO, 2003. – 30 с.
19. Lehman, H. Labor Market Institutions and Informality in Transition and Latin American Countries [Text] / H. Lehman, A. Muravyev // IZA Discussion Papers. – November, 2012. – 45 с.

Н.В. Ворошилов

Институт социально-экономического развития территорий РАН
г. Вологда

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОЦЕНКАХ ГЛАВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

С момента принятия федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и начала муниципальной реформы в России, целью которой было формирование самостоятельного, наиболее приближенного к конкретным интересам и потребностям населения уровня власти, прошло более 10 лет.

Исследование основных особенностей и проблем местного самоуправления, форм его организации, механизмов повышения эффективности этого института власти является весьма актуальным. ИСЭРТ РАН ежегодно, начиная с 2007 года, проводит анкетный опрос глав муниципальных образований Вологодской области по специально разработанной программе, включающей перечень вопросов, охватывающих различные аспекты социально-экономического развития и организации муниципального управления. На вопросы анкеты (30-40 вопросов) ежегодно отвечают 190-210 глав муниципальных образований из 283-372 (в 2008-2013 гг. в Вологодской области проходил процесс объединения сельских поселений, в результате общее количество муниципальных образований сократилось на 89), что позволяет обеспечить ошибку выборки 4-5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2014 г. по итогам 2013 г.

Результаты проведенного ИСЭРТ РАН опроса свидетельствуют, что снижается доля глав, которые положительно оценивают результаты проводимых изменений, осуществляемых в рамках реформирования местного самоуправления: с 57% в 2006 г. до 42% в 2013 г. в районах; с 78% до 46% в городских и с 64% до 46% – в сельских поселениях (табл. 1).

Главным образом это можно объяснить тем, что в 2006-2007 гг. у глав муниципалитетов имелись значительные позитивные ожидания от проводимой реформы, подкреплённые дополнительными и повышенными мерами государственной поддержки, а спустя 5-7 лет после начала реформы эти ожидания «растворились», а цель формирования самостоятельного, независимого и самостоятельного уровня власти полностью достигнута не была. В районах с низким уровнем развития, выше на 27-28 п.п., доля глав районов и поселений, оценивающих положительно итоги реформы МСУ применительно к своему муниципалитету, по сравнению с территориями с низким уровнем развития. Одновременно и ниже доля глав, оценивающих отрицательно итоги реформы. Парадоксальный

Таблица 1. Распределение ответов глав на вопрос: «Как Вы оцениваете результаты изменений, проводимых в рамках реформы местного самоуправления применительно к Вашему муниципальному образованию?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2006 г.	2012 г.	2013 г.	2006 г.	2012 г.	2013 г.	2006 г.	2012 г.	2013 г.
Положительно	57,1	50,0	42,1	77,8	41,6	45,5	63,5	44,2	46,2
Ситуация не изменилась	42,9	27,3	21,1	0,0	41,7	36,4	21,2	25,6	33,8
Отрицательно	0,0	22,7	36,8	22,2	16,7	18,2	15,3	30,2	20,0

Источник здесь и в таблицах 2, 3: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 2007-2014 г. Результаты опроса за предыдущие годы опубликованы например в статье [1] и монографии [2].

на первый взгляд факт объясняется тем, что государственная политика по отношению к муниципалитетам стала носить ещё более выравнивающий характер: отстающие территории «подтягивались» до некоторого уровня, обеспечивающего минимально необходимые стандарты жизни населения. А развитые территории необходимых стимулов и возможностей для саморазвития по итогам реформы не получили, в отдельных случаях произошло даже их снижение. Следует отметить, что среди глав сельских поселений, имеющих стаж работы в органах местной власти более 3 лет, выше доля позитивно и негативно оценивающих реформирование МСУ, чем среди «новых» глав.

Созданный реформой самостоятельный низовой уровень муниципального управления (городские и сельские поселения области) находится в особо проблемном положении. Так, 61 % глав сельских поселений оценили по итогам 2013 г. экономическое развитие своей территории как «плохое и очень плохое» (главным образом в связи с отсутствием развитой собственной экономической базы). Такие же негативные оценки получили и состояние дел в дорожно-транспортной инфраструктуре (44%), и проблема трудоустройства населения (55%). По-прежнему в большинстве муниципальных образований складывается неблагоприятная демографическая ситуация (так считают почти 64% руководителей сельских поселений), так как в результате сокращения численности населения происходит отток трудовых ресурсов, деградация сложившейся системы расселения, потеря управляемости территориями.

Возможности по решению имеющихся проблем и управлению развитием муниципального образования сокращаются. В своих ответах на это указали 26% глав муниципальных районов, 12% – сельских и 25% (что в 1,5 раза выше, чем в 2006 г.) – городских поселений (табл. 2). Во многом это объясняется и «растворившимися ожиданиями», а также финансовой зависимостью от государственной власти региона, ростом вопросов местного значения без должного на это обеспечения и т.д.

Главы отмечают, что меньше всего они могут повлиять на решение проблемы безработицы и трудоустройства населения (58% руководителей городских и 68% сельских поселений), обеспечения населения жильем (75 и 62%), формирования и развития экономической базы в муниципальном образовании (36% и 63%), привлечения туристов (75 и 59% соответственно), решение проблем в жилищно-коммунальном хозяйстве (в своих ответах на это указали 50% – глав городских, 53% – сельских поселений и 32% – районных администраций).

Отсутствие у органов местного самоуправления возможности эффективно решать вопросы социально-экономического развития муниципальных образований объясняется нерешенностью ряда проблем, который на протяжении всего периода исследования остаётся постоянным:

Таблица 2. Оценка изменения возможностей для управления социально-экономическим развитием муниципального образования (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2006 г.	2012 г.	2013 г.	2006 г.	2012 г.	2013 г.	2006 г.	2012 г.	2013 г.
Да, возможностей для управления развитием стало больше	25,0	40,9	31,6	58,3	8,3	25,0	45,2	19,2	17,3
Ничего принципиально не изменилось	62,5	40,9	42,1	25	58,4	50,0	41,3	68,6	70,7
Нет, возможностей для управления развитием стало меньше	12,5	18,2	26,3	16,7	33,3	25,0	8,7	12,2	12,0

- недостаточность финансовых ресурсов (дефицит собственных доходных источников, недостаточность финансовой поддержки со стороны государства);
- пассивность местного населения и отсутствие механизмов учёта балансов бизнеса, власти и населения в процессе развития территории;
- несовершенство законодательства в целом, касающегося вопросов функционирования и развития муниципальной власти;
- недостаточно эффективное взаимодействие с органами государственной власти (бюрократические проволочки, отсутствие согласованности программных документов, направленных на развитие территории, противоречивость системы разграничения полномочий и др.);
- неуккомплектованность органов местного самоуправления квалифицированными кадрами.

Обеспечение муниципальных образований финансовыми ресурсами в объеме, достаточном для решения местных вопросов, выдвигалось в качестве одной из приоритетных целей о реформирования. Но проблема обеспеченности муниципалитетов собственными финансово-экономическими средствами еще более обострилась. В результате в большинстве муниципальных образований остро стоит проблема недостаточной обеспеченности финансовыми ресурсами. Особенно в тяжелой ситуации оказались сельские поселения, 78% глав которых (как и глав районов) в 2013 г. оценили обеспеченность собственными доходами как крайне низкую и низкую. Вместе с тем, как показывает сравнение данных опросов за 2006 и 2013 гг., позитивные изменения в обеспеченности муниципальных образований финансовыми средствами есть: за рассматриваемый период времени увеличилось количество руководителей администраций, отмечающих высокую наполняемость бюджетов за счет собственных доходов: в городских поселениях с 0 до 18%.

Обеспеченность муниципального образования финансами, имуществом, необходимым объемом полномочий главным образом влияют на эффективность действия по решению ключевых проблем в соответствующих сферах муниципального развития и их (сфер) нормальному функционированию и развитию. Низкая эффективность предпринимаемых мер и действий местных органов власти отмечается в сфере ЖКХ (такую оценку дали 32% опрошенных глав районов, 42% городских и 41% – сельских поселений), формирования экономической базы (53%, 64%, 65% глав соответственно), повышения активности и роли населения в местном самоуправлении (58%, 58%, 59% соответственно), решения проблем занятости населения в городских и сельских поселениях (58%, 59% соответственно), транспорта (58%, 42%, 42%), развития малого бизнеса (42%, 46% и 51% соответственно), туризма (67% глав городских и 42% – глав сельских поселений).

Наибольшее существенное влияние на развитие муниципалитета, по мнению глав, оказывают региональные (78% глав муниципальных районов, 75% – городских и 78% –

Таблица 3. Сопряжение результатов ответа глав муниципальных образований на вопрос «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего муниципального образования?» в 2013 г. (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			сельские поселения					городские поселения
	в*	н*	в среднем	в	н	в среднем	Стаж 1-3*	Стаж > 3*	в среднем
От органов государственной власти региона	60,0	80,0	77,8	81,8	74,5	78,1	84,6	77,7	75,0
От самих жителей	20,0	60,0	27,8	52,3	70,2	59,6	66,7	60,2	41,7
От органов местного самоуправления	60,0	60,0	50,0	43,2	57,4	55,0	66,7	52,4	66,7
От федеральных органов власти	60,0	40,0	66,7	56,8	51,1	51,7	59,0	47,6	50,0
От главы муниципального образования	60,0	20,0	55,6	40,9	40,4	42,4	33,3	47,6	33,3
От частного бизнеса	0,0	20,0	16,7	15,9	23,4	19,2	15,4	19,4	41,7

Обозначения в таблице следующие: «в» – в среднем по районам с высоким уровнем социально-экономического развития, «н» – низким; «Стаж 1-3» – выборка по главам со стажем работы в органах МСУ от года до трёх, «Стаж > 3» - более 3 лет.

сельских поселений) и федеральные власти (67%, 50% и 52% соответственно), а также сами жители (28%, 42%, 60%) (табл. 3).

В 2013 г. по сравнению с 2012 и 2006 гг. выросла доля глав поселений, указывающих на высокую роль непосредственно органов МСУ в развитии муниципалитета (55-67% всех ответивших глав). Но по-прежнему сохраняется парадоксальная ситуация: большинство глав не видят реальной роли в местном развитии у них самих, а также бизнеса и в определённой степени – и населения; по-прежнему сохраняется зависимость и «упование» на вышестоящие органы власти.

В ходе опроса главам задавался вопрос о результативности взаимодействия с региональными и федеральными органами власти. Большинство глав поселений оценивают уровень взаимодействия с федеральными и органами госвласти области как низкий, в связи с тем, что данные органы напрямую взаимодействуют лишь с районными администрациями. Таким образом, в сложившейся ситуации необходима корректировка региональной политики области по отношению к муниципальным образованиям, её комплексный и согласованный характер. Так, по мнению большинства глав в 2013 г. территориальная политика в регионе должна оптимально сочетать в себе выравнивание и стимулирование развития муниципальных образований (на это указали 68% глав районов, 67% глав городских и 41% – сельских поселений).

Поэтому одной из главных задач местного самоуправления является активизация участия различных социальных групп в управлении муниципальным образованием. И, как показывают опросы, определенные позитивные изменения наблюдаются. Так 35% глав муниципальных районов, 36% – городских и 25% – сельских поселений отмечают увеличение интереса граждан к происходящим преобразованиям в муниципальных образованиях. Но в целом, по мнению большей части руководителей местных администраций, на протяжении 2006 – 2013 гг. активного участия в осуществлении местного самоуправления среди населения не наблюдается (преобладают варианты ответа «активность населения осталась без изменений»).

Как показывают опросы, основными формами проявления социальной активности и непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения, по мнению глав муниципальных районов, городских и сельских поселений, являются голосование на выборах в органы власти разных уровней (78%, 36% и 73% соответственно), обращение в администрацию по интересующим вопросам (67%, 82% и 63%). Подводя итоги восьмого года реализации 131-ФЗ, можно сказать, что по-прежнему в

функционировании института местного самоуправления в Вологодской области имеется множество проблем (недостаточность ресурсной базы, пассивность местных жителей и др.). Для достижения позитивных результатов в развитии муниципалитетов, по мнению большинства глав муниципальных образований, требуется более 3 лет (так считает 83% руководителей муниципальных районов, 80% – городских и 88% – сельских поселений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилов, Н.В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области [Электронный ресурс] / Н.В. Ворошилов // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3489>
1. Социально-экономические проблемы локальных территорий [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 196 с.

О.Ю. Озерова

ИСЭРТ РАН, г. Вологда

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА: ОБЪЕКТИВНЫЙ ПОДХОД (НА ПРИМЕРЕ Г. ЧЕРЕПОВЦА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Качество жизни и развитие человека – эти понятия составляют содержательную характеристику современных подходов к проблемам экономического развития населения. Современный этап радикальных экономических реформ сопровождается кардинальными преобразованиями социальной структуры российского общества. Под качеством жизни в современных зарубежных концепциях качества понимают комплексную характеристику социально-экономических, политических, культурно-идеологических, экологических факторов и условий существования личности, положения человека в обществе.

Несмотря на значительный объем работ и разнообразие подходов к интерпретации качества жизни, научное сообщество сходит в мнении, что данная категория представляет собой ёмкое, многомерное и сложно конструируемое понятие [5]. Спорными же в развернувшейся дискуссии остаются как вопросы составляющих качество жизни, так и различных наборов индикаторов, характеризующих его.

В настоящее время существует огромное количество методик оценки качества жизни населения, применимых на региональном уровне и на уровне государства в целом. К сожалению, сегодня недостаточно разработан вопрос оценки уровня качества жизни в городах и муниципальных образованиях. В связи с этим нами была поставлена задача - рассчитать интегральный индекс качества жизни населения в г. Череповце, Вологодской области.

Для расчета интегрального показателя качества жизни населения г. Череповца будем использовать методику, разработанную экспертами ЦСКП Северо-Запад. Центр социально-консервативной политики в Северо-Западном федеральном округе (город Санкт-Петербург) является разветвленным аналитическим центром, выступающим разработчиком программных документов, концепций устойчивого территориального развития страны, стратегий социально-экономического развития регионов, апробирование методики происходило на Новгородской области [6]. Выбор данной методики обусловлен возможностью измерения уровня качества жизни населения не только в регионе, но и в отдельных муниципальных образованиях (городах, муниципальных районах, муниципальных округах).

В основу методики положен расчет индекса качества жизни населения – интегрального показателя, агрегирующего частные показатели жизни населения, которые отражают уровень развития и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей. Он позволит проводить оценку степени достижения поставленных целей в управлении социально – экономическим развитием региона.

Расчет интегральной оценки качества жизни населения в муниципальной методике включал несколько этапов:

- выборка и расчет административных и статистических показателей;
- приведение показателей в сопоставимый вид с областью в целом по каждому показателю;
- расчет групповых критериев качества жизни;
- введение в расчёт коэффициентов весомости;
- расчет интегральной объективной оценки качества жизни населения.

Ниже представлены показатели, характеризующие Вологодскую область и г. Череповец. Показатели разбиваются на 5 групп: «Качество населения» (коэффициент K_1), «Благополучие населения» (коэффициент K_2), «Качество трудовой жизни» (коэффициент K_3), «Качество социальной сферы» (коэффициент K_4), «Качество безопасности жизнедеятельности» (коэффициент K_5). В таблице 1 представлены значения показателей по всем пяти группам.

Таблица 1 Показатели, характеризующие качество жизни населения в г. Череповце (2013 г.)

	Череповец	Вологодская область
1. Качество населения		
1. Коэффициент рождаемости	13,46	13,80
число родившихся	4263	16472
среднегодовая численность населения	316758	1193371
2. Коэффициент напряженности на рынке труда чел/вак	0,7	0,8
3. Неустойчивость семьи и сиротство	0,30	0,35
численность родителей, лишенных родительских прав в отчетном году	138	533
численность родителей, ограниченных в родительских правах в отчетном году	42	112
4. Уровень социальной патологии	3,82	3,47
численность жителей, больных наркоманией, состоящих на учете в лечебных учреждениях) на 1000 чел. нас.	1209	4138
5. Динамика физического здоровья населения	8,03	8,84
6. Коэффициент нагрузки на трудоспособное население	0,39	0,41
численность детей в возрасте 0-15 лет	53854	205232
численность лиц старше трудоспособного возраста	68 758	283443
2. Благополучие населения		
1. Покупательная способность	2,99	3,3
среднемесячная номинальная з/п занятого населения	25591,42	24903
среднегодовая величина прожиточного минимума трудоспособного населения	8 569	7474
2. Коэффициент бедности по заявленному признаку	16,2	17,2
численность населения с доходами ниже прожиточного минимума	51314,796	205259,8
3. Обеспеченность экономическими активами	348,85	280,7
число собственных легковых автомобилей в пользовании населения	110500	334979
4. Обеспеченность жильем	23,6	27
3. Качество трудовой сферы		
1 Уровень занятости экономически активного населения	0,91	0,92
численность экономически активного населения (тыс. чел)	98,23	657,7
численность безработных (тыс. чел)	8,37	52,1
2. Средняя продолжительность поиска работы безработными (мес)	5,1	6,2
3. Уровень производственного травматизма	2,8	3,0
4. Качество социальной сферы		
1. Развитость профилактической медицины	0,67	0,6

2. Охват детей дошкольными учреждениями	0,95	0,70
численность детей, посещающих дошкольные учреждения	19,3	70,7
численность детей дошкольного возраста	20,3	101,28
3. Охват детей школьного возраста дополнительным образованием	0,54	0,52
4. Благоустроенность общеобразовательных учреждений	1,00	0,97
5. Уровень благоустройства жилищного фонда	81,2	57,6
6. Охват населения спортивными секциями, клубами и физкультурно-оздоровительными группами	156,32	150,84
численность населения, занимающихся в секциях, клубах и физкультурно-оздоровительных группах	49516	180010
7. Протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающая нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения	0,1	0,74
5. Безопасность жизнедеятельности		
1. Уровень криминогенности	23,09	20,77
число зарегистрированных преступлений	7315	24783
2. Уровень безопасности дорожного движения	2,14	2,21
количество пострадавших	678	2642
3. Смертность от самоубийств	0,21	0,23
Источники: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области; Публичный доклад о результатах деятельности мэра г. Череповца за 2013 год; Мониторинг состояния наркоситуации в Вологодской области в 2013 году; Постановление об утверждении государственной программы «Развитие здравоохранения Вологодской области 2014-2020 гг.»		

Сформированные критерии качества жизни применительно к муниципальным образованиям Вологодской области могут иметь неодинаковую для населения значимость при оценке условий жизнедеятельности. Для учета в оценке качества жизни населения, приоритетности критериев используются коэффициенты их весомости (значимости), получаемые из социологических опросов населения или путем экспертных оценок со стороны государственных и муниципальных служащих. Сумма весовых коэффициентов по всем пяти критериям должна составлять 1. В нашем случае значения коэффициентов весомости предусмотрены в используемой методике.

После расчета индикаторов преимуществ с учетом критериев весомости качества жизни населения были получены следующие показатели, характеризующие качество жизни в городе Череповце Вологодской области (таблица 2).

Таким образом, интегральный показатель качества жизни населения г. Череповца равняется 0,913

$$КЖН=(0,2*0,86)+(0,24*0,9)+(0,18*0,86)+(0,21*1,01)+(0,17*0,93)=0,913$$

Значение интегрального показателя качества жизни населения по г. Череповцу достаточно высок, но значение показателя в данном случае зависит также от показателей качества жизни по отдельным категориям. Анализ индикаторов преимуществ показывает, что лучше всего дела обстоят в группе «Качество социальной сферы», хуже всего – в категории «Качество населения» и «Качество трудовой жизни населения». (рис.1)

Стоит отметить, что при расчете качества жизни населения Вологодской области по данной методике значение индикаторов преимуществ по выбранным категориям будет практически зеркально отражаться от показателей по г. Череповцу (рис.2). Это связано, в первую очередь, с тем, что г. Череповец является промышленным центром Вологодской области, в нем сосредотачивается большая часть промышленных предприятий области, соответственно, город Череповец на фоне Вологодской области имеет свою специфику, что сказывается и на качестве жизни населения.

Таблица 2 Индикаторы преимуществ с учетом критериев весомости, характеризующие уровень качества жизни населения г. Череповца Вологодской области (2013 г.)

№	Наименование критерия качества жизни	Значение весовых коэффициентов	Значение критерия	Значение критерия со значением веса
1	Качество населения	0,2	0,943	0,1886
2	Благополучие населения	0,24	0,977	0,23448
3	Качество трудовой жизни	0,18	0,91	0,1638
4	Качество социальной сферы	0,21	0,865	0,18165
5	Качество безопасности жизнедеятельности	0,17	0,99	0,1683
	итого	1		0,93683

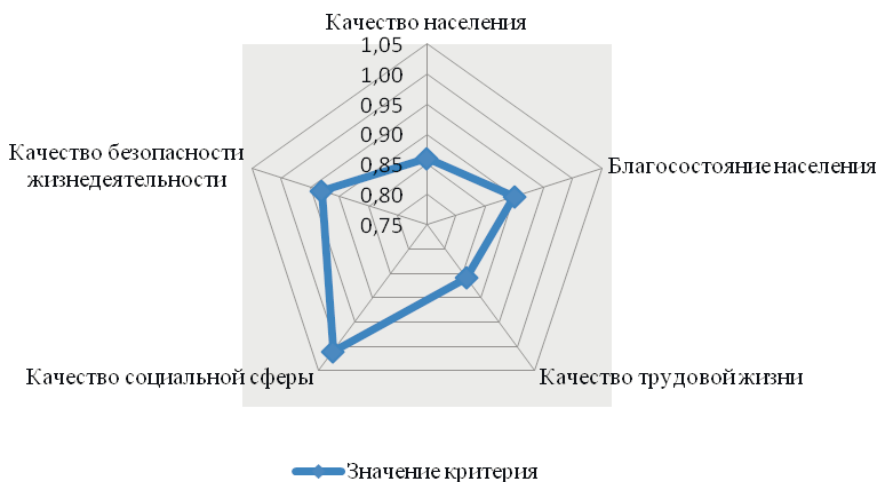

Рис. 1 Значение индикаторов преимуществ по выбранным категориям (г. Череповец)

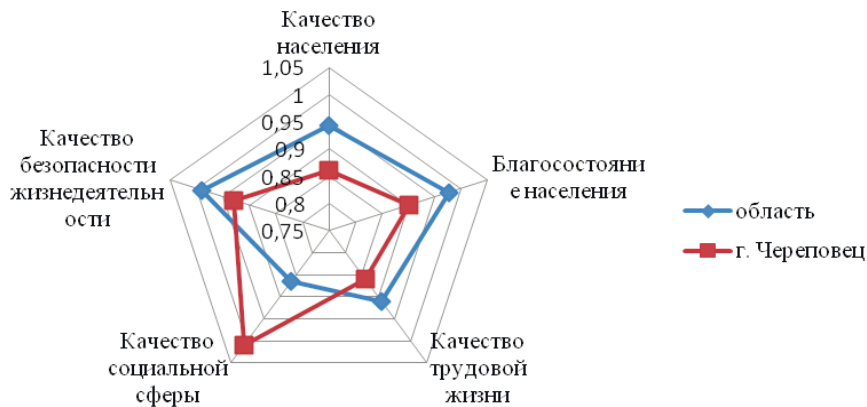

Рис. 2 Значение индикаторов преимуществ по выбранным категориям (г. Череповец и Вологодская область)

В результате проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

- 1) с помощью предложенной методики расчета интегрального показателя качества жизни населения можно рассчитать интегральный показатель качества жизни населения не только на уровне региона, но и в муниципальном образовании (городе);
- 2) используемая методика (с помощью лепестковой диаграммы) позволяет представить наглядную картину состояния качества жизни муниципального образования в пяти направлениях и сравнить с показателями по области;

3) предложенная методика оценки качества жизни населения муниципальных образований любого региона способствует выявлению наиболее проблемных среди них, требующих повышенного внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, О.Н. Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие [Текст] / О.Н. Андреева // Ойкумена. – 2012. – № 4.
2. Богатенкова, Е.Ю. Регулирование качества жизни населения: проблемы и подходы к решению [Электронный ресурс] / Е.Ю. Богатенкова Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/regulirovanie-kachestva-zhizni-naseleniya-problemy-i-podhody-k-resheniyu/pdf>
3. Гаврилова, Т.В. Принципы и методы исследования качества жизни населения [Текст] / Т.В. Гаврилова // Технологии качества жизни. – 2004. – Т. 4. – № 2. – С. 1-11.
4. Горшенина, Е.В. Система индикаторов уровня и качества жизни населения в регионе-субъекте РФ [Текст] / Е.В. Горшенина // Региональные экономические исследования: теория и практика: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 203 с.
5. Косьмина, Е.А. Качество жизни и его основные детерминанты [Текст] / Е.А. Косьмина // Вестник экономической интеграции. – 2013. – № 1-2. – С. 178-192.
6. Методика оценки качества жизни населения Новгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.protown.ru/russia/obl/articles/7701.html>
7. Мониторинг состояния наркоситуации в Вологодской области в 2013 году.
8. Попова, В.И. Интегральная оценка уровня и качества жизни населения субъектов Северо-Западного Федерального округа [Текст] / В.И. Попова, Р.В. Дубиничев // Экономика региона. – 2009. – № 4. – С. 224-227.
9. Постановление об утверждении государственной программы «Развитие здравоохранения Вологодской области 2014 – 2020 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW095;n=102550>
10. Публичный доклад о результатах деятельности мэра г. Череповца за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cherinfo.ru/u/pages/2014/02/07/g-cherepovec-sogl.pdf>
11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/employment

Д.А. Садкова

ИСЭРТ РАН г. Вологда

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Конец XX - начало XXI веков ознаменовано радикальными изменениями, происходящими в современном российском обществе. Практически в каждой сфере общественной жизни произошли значимые преобразования, которые требуют от человека принятия новых образцов поведения, ценностей, установок, ориентаций и т.д. Переход к рыночной экономике, к либеральной демократии, а также к плюрализму и свободе в духовной сфере общества создает необходимость активного приспособления большинства населения к новым условиям жизнедеятельности. В то же время возникает потребность в исследовании социокультурной реальности нового российского общества, его системы ценностей, которая дает возможность российским гражданам сориентироваться в трансформирующемся обществе. В этой связи проблемы социокультурной адаптации личности начинают приобретать одно из центральных мест в социологии.

Основное внимание большинство центров изучения общественного мнения (ВЦИОМ, Левада-Центр, «Циркон», ФОМ и др.) уделяют замеру и анализу показателей социального самочувствия, социальной напряженности и протестных настроений населения. Результаты социологических и социально-политических исследований используются практически на всех уровнях власти, непосредственно полученные данные важны для определения направлений социальной и экономической политики, а также при решении многих политических вопросов. Исходя из итогов такого рода исследований, появляется возможность говорить об эффективности деятельности представителей городской, региональной и федеральной власти.

В рамках данной статьи мы проанализируем некоторые аспекты протестных настроений. Классические определения политического протеста описывают его как форму или способ политического участия индивида. На социетальном уровне, говоря о политическом протесте, мы указываем на коллективное действие, которое пытается изменить отдельное политическое решение, государственную политику или общие отношения между гражданами и государством (политический режим) [2; с.143].

Необходимо отметить, что в своей работе под протестом мы понимаем относительно открытую реакцию на социально-экономическую и политическую ситуацию в стране в целом и отдельном регионе. Действия социальных субъектов, которые связаны с протест-

ным поведением, напрямую связаны с высоким уровнем недовольства населения текущим положением дел и готовностью выразить открыто это недовольство, что приводит к возникновению протестного потенциала в обществе. Важно не забывать, что протестный потенциал - это лишь намерение участвовать в различных акциях и при определенных условиях. Однако именно формирование протестного потенциала является первым шагом к протестным действиям. Довольно развитые сети информационных технологий в настоящее время дают возможность заинтересованным индивидам и группам искусственно формировать протестный потенциал населения, что может привести к значительным социальным трансформациям. Интерес к вышеописанному феномену довольно актуален сегодня. Изучение механизмов формирования и развития протестного потенциала населения во многом поможет предотвратить различные незаконные действия

Для диагностики уровня социальной напряженности и уровня протестных настроений центры изучения общественного мнения используют различные методики оценки протестного потенциала населения.

Например, ВЦИОМ для построения индекса протестного потенциала использует следующую группу вопросов, напрямую связанных с протестным настроением:

– Индекс общественного протестного потенциала (определяется по результатам ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, могут ли в вашем населенном пункте состояться массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни?»);

– Индекс личного протестного потенциала (определяется по результатам ответов респондентов на вопрос «Вы лично примете в них участие?»).

В своей статье мы используем данные мониторингов, проводимых ИСЭРТ РАН, в которых потенциал протеста составляют респонденты, ответившие на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

Важно отметить, что, определяя уровень протестного потенциала и протестных намерений, мы не будем использовать индексы (соотношение положительных и отрицательных ответов), в ходе нашего анализа мы будем учитывать доли тех респондентов, которые заявляют о высокой вероятности возникновения протестных акций, а также о своем намерении участвовать в данных мероприятиях. Выбор именно такого методического решения основывается на том, что в данном случае для нас гораздо показательнее будет фактическое количество граждан с высоким уровнем протестных настроений, а не соотношение разнонастроенных групп населения.

В настоящей статье представлена динамика индекса протестного потенциала молодого населения Вологодской области в целом, в возрасте от 18 до 29 лет, за период с 2008 по 2013 год. Именно на этот временной промежуток приходится вторая волна мирового экономического кризиса и его последствия, что в значительной степени могло влиять на социальное самочувствие и уровень протестных настроений населения. Важно отметить, что Вологодская область пострадала от кризиса в несколько большей степени, чем многие другие регионы и Россия в целом. Это связано с тем, что решающая часть налоговых поступлений в бюджет региона обеспечивалась предприятиями металлургической промышленности, испытавшей значительный спад производства и не восстановившей до сих пор докризисного уровня [6; с. 98].

В новых общественно-экономических условиях молодое поколение претерпевает значительные изменения в своих интересах, взглядах, ценностях [3, с. 5-6], а социаль-

ные ориентиры, которые им выбраны во многом определяют будущее общества в целом. Современной молодежи необходимо принимать активное участие в обеспечении инновационного развития общества и государства, в процессе формирования конкурентоспособной экономики за счет успешной социализации и самореализации, развития и эффективного использования накопленного потенциала.

Внимание к проблемам молодежи на современном этапе усиливается, это обусловлено необходимостью решения федеральными и региональными органами власти стратегических задач. Государственными структурами и общественными организациями, задействованными в сфере реализации молодежной политики, целенаправленно создаются адаптивные условия и аккумулируются ресурсы, способствующие развитию у различных групп молодежи субъектных качеств. Ожидаемый результат от взаимосвязанной деятельности субъектов молодежной политики представляется в актуализации интеллектуальных, профессионально-трудовых, демографических, социокультурных, личностных потенциалов молодых людей [5; с.138].

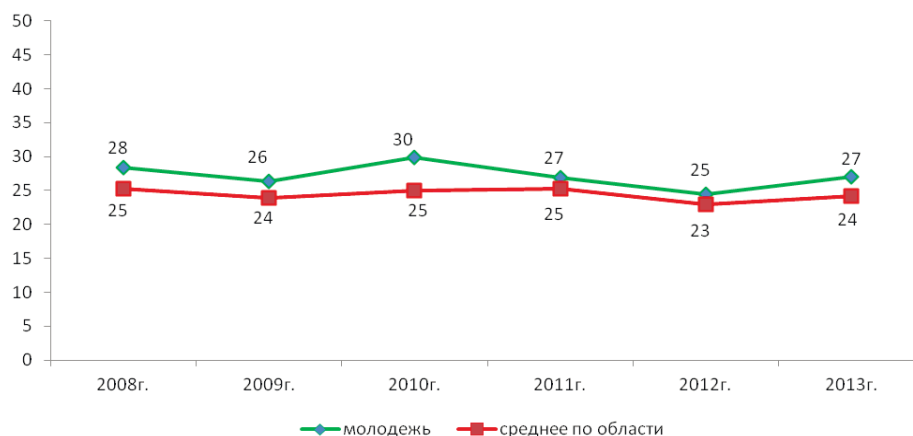

Рисунок 1 Вариант ответа «Да» и «Скорее да» на вопрос: «Могут ли состояться в вашем городе (районе) массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?», % от числа опрошенных

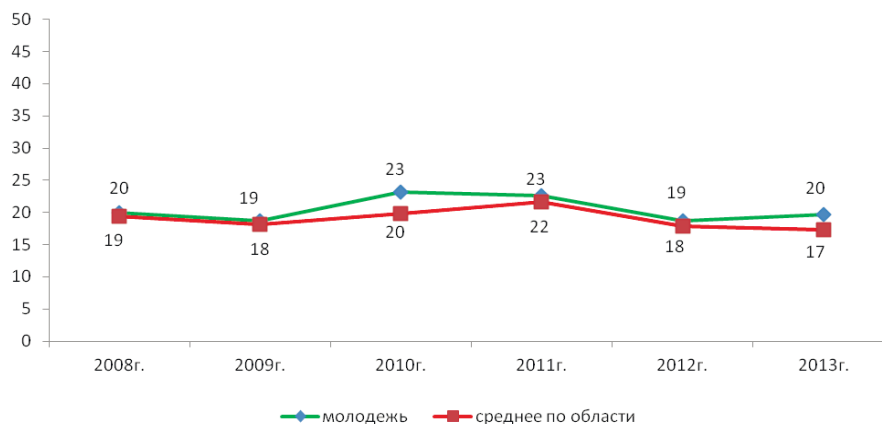

Рисунок 2. Вариант ответа «Да» и «Скорее да» на вопрос «Если в вашем городе/сельском районе состоятся массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?», % от числа опрошенных

Как показывают результаты исследований, в течение всего рассматриваемого периода (2008-2013 гг.), молодое поколение оценивает вероятность проведения протестных акций несколько выше, чем население области в целом. В нашем случае полученные цифры демонстрируют довольно низкий уровень разброса значений (волатильности), за 5 лет он составляет 5% (границы изменений – от 25% до 30%). Оценки населения Вологодской области по данному вопросу имеют более слабую динамику, их волатильность составляет лишь 2% (границы изменений – от 23% до 25%). Следует отметить, что и молодежь, и жители региона в целом довольно низко оценивают возможность проведения протестных мероприятий, не более одной трети респондентов допускают такой вариант развития событий.

По данным мониторингов готовность к личному участию в протестных выступлениях выражает около четверти опрошенной молодежи, разброс значений составляет – 4 % (19-23%). Намерения участвовать в подобных мероприятиях также слабо выражено и у населения Вологодской области, волатильность значений чуть выше – 5 % (границы изменений 17 и 22%).

Наиболее высокий уровень протестных настроений у молодого поколения и жителей Вологодской области в целом был зафиксирован в 2010 году. Но значение данного показателя не находилось на критичном уровне (30% и 23%, 25% и 20% соответственно, что составляет не больше одной трети опрошенных в обоих случаях), то есть большая часть респондентов отрицает возможность проведения протестных акций и не намерены в них участвовать.

В современной социологии нет единой теории протестного поведения и разделяемой всеми (или хотя бы большинством) исследователями методологии его эмпирического анализа. Многие работы, посвящённые данной теме, носят только описательный характер: в них отсутствует анализ причин, мотивов и факторов потенциальной протестной активности. Разработка проблемы протестной активности населения особенно важна на региональном уровне. Уровень протестного потенциала выступает важным показателем социального неблагополучия в социуме, распространения настроений недовольства существующей ситуацией в той или иной сфере общественной жизни.

По итогам нашего исследования можно сделать вывод, что для прогнозирования динамики протестного потенциала среди населения недостаточно рассматривать только оценки вероятности проведения протестных акций и готовность респондентов к участию в них. Важно также изучать социально-демографические характеристики «протестующих», социально-экономические и общественно-политические детерминанты протестной активности в регионе. Именно такой комплексный анализ позволит не только наиболее точно оценить уровень протестного потенциала населения страны или ее отдельного региона, но и составить прогноз дальнейших тенденций по данной проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический Центр Юрия Левады «Левада-Центр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru>
2. Афанасьев, Д.В. Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологда) [Текст] / Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина // Экономические и социальные перемены: тенденции и прогноз. – 2013. – № 30. – С. 142-152.
3. Губанова, Е.С. Обоснование и выбор приоритетов инвестирования в регионе [Текст] / Е.С. Губанова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. – 104 с.

4. Гужавина, Т.А. Социальное самочувствие студентов Вологодской области: состояние и динамика [Электронный ресурс] / Т.А. Гужавина, Д.А. Садкова // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 10 (10). – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru>
5. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации [Текст]: монография / коллектив авторов; общ. ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 148 с.
6. Морев, М.В. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне [Текст] / М.В. Морев, В.С. Каминский // Проблемы развития территории. – 2013. – № 5 (67). – С. 96-103.
7. Мтиулишвили, П.И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения [Текст] / П.И. Мтиулишвили // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 6. – С. 55-64.
8. Филинская, Л.В. Методологические и методические особенности изучения протестного потенциала молодежи [Текст] / Л.В. Филинская, А.В. Мартинкевич // Социология. – 2012. – № 1. – С. 104-114.

И.П. Кузнецова

канд. соц. наук,
ИС РАН

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА

В современном мире одной из основных целей социально-экономического развития государства является обеспечение достойного уровня жизни его граждан, повышение качества жизни населения. Сегодня большое внимание уделяется показателям качества жизни, сравнительному анализу различных стран мира, разработке критериев и методов оценки уровня и качества жизни, эффективности работы государственных структур в области социальной политики. Становится очевидным, что в ближайшем будущем качество жизни населения будет являться одним из важнейших факторов экономического развития государства. Последствиями недавнего мирового финансового кризиса стало ухудшение жизни населения во многих странах мира. В настоящее время наблюдается снижение социальной защищенности, ухудшение экономического положения граждан, уменьшение продолжительности жизни, повышение уровня смертности, преступности, безработицы и прочие негативные явления. Качество жизни населения – многогранная научная категория, включающая различные аспекты жизнедеятельности человека. Качество жизни рассматривается в различных областях научных дисциплин: социологии, философии, экономики, психологии и демографии. Каждая из перечисленных дисциплин разрабатывает свою систему объективных и субъективных показателей. Представляется важным рассмотрение концепции «качества жизни» с позиций междисциплинарного подхода с обогащением теоретического анализа и эмпирического исследования качества жизни населения многокомпонентными конструктами. Философский подход к качеству жизни заключается в том, что впервые именно в трудах философов было обращено внимание на удовлетворение физических и духовных потребностей человека, а смысл жизни заключается в познании самого себя и окружающего мира, стремление к достижению счастья и благополучия.

Со времен древнегреческих философов благополучие общества, права и обязанности гражданина стали рассматриваться как важнейшие элементы жизнедеятельности, а идеальное государственное устройство – как государство, которое обеспечивает всеобщее благо для всех граждан. В свое время Платон писал о различных формах государственного устройства, подчеркивая, что при идеальной государственной власти обязательно должны присутствовать принципы стремления к добродетели, высшей

справедливости, уважения и гармоничного существования всех слоев общества. Взаимодействие отдельного гражданина и государства формирует условия для достижения достойных условий жизни населения и создания подлинного идеального государства. Немецкий философ Л.Фейербах, считал, что общественный строй должен быть основан на справедливых взаимоотношениях между индивидами. Каждый гражданин, ориентированный на благополучные условия жизни, должен помнить о потребностях других граждан, разумно ограничивая свои потребности, и с любовью относиться к окружающим. В качестве основы морали философ рассматривает стремление к счастью как первоначальное стремление индивида, заложенное самой природой. В то же время Фейербах признавая счастье основным стремлением человека, не раскрывает в своих трудах, что представление о счастье может меняться вместе со сменой общественного строя, развитием научно-технического прогресса, изменением потребностей человека.

Другой известный канадский философ М. Бунге предлагает концепцию интегральной технократии как альтернативу общественному развитию, он начинает рассматривать качество жизни как комплексную категорию, включающую социальные, экономические, экологические и культурные факторы. Согласно Бунге, в начале XXI века стал формироваться совершенно новый общественный строй, улучшающий благосостояние населения, сохраняющий социальное равенство и социальную справедливость, создающий условия для активного участия граждан в политическом процессе. М. Бунге называет новый общественный строй «холотехнократия». При данном общественном строе «элитой общества» могут быть только те индивиды, которые обладают научными знаниями, и способствуют научному управлению социально-экономическими, технологическими процессами на благо общества и человека. Соглашаясь в целом с выводами М. Бунге, приходится констатировать тот факт, что действительно научно-технический прогресс, быстрое развитие технологий и инновационной продукции создает спрос на образованные, высококвалифицированные научные кадры. А вот будет ли новая научная элита обладать властью принятия государственных решений – вопрос остается открытым.

Психологический подход в изучении качества жизни отличается разнообразием его трактовок. Качество жизни связывается не только с достигнутым в обществе уровнем благосостояния, но и с субъективным восприятием индивидуального благополучия как жизни в целом, так и в отдельных ее областях. В исследовании качества жизни необходимо учитывать объективные и субъективные показатели, взаимодополняющие друг друга. Экономический рост, технический прогресс, богатство не являются достаточными факторами, чтобы наиболее полно удовлетворить желания и потребности человека. Существует вечный дисбаланс между желаниями и их реализацией, причем насущные, физиологические потребности человека являются самой низшей категорией. Даже при идеальном общественном строе, в котором демократическое правительство, высокий уровень жизни, долголетие, широкие возможности для самореализации, нет безработицы, преступности и социального неравенства, даже в таких благоприятных условиях человек может быть неудовлетворен своей жизнью и оставаться несчастным.

Поэтому так важна психологическая составляющая качества жизни человека, которую пытаются всестороннее рассматривать психологи и социологи. Субъективный подход к исследованию качества жизни подразумевает самооценку личности, отражающую удовлетворенность своей жизнью, эмоциональное состояние, совокупность переживаний и ощущений. Субъективная оценка зависит от различных факторов: об-

разование, возраст, национальность, гендерная принадлежность, брачный статус, материальное положение, здоровье и многое другое. А.А. Кэмпбэлл, американский профессор социологии и психологии, на протяжении своей научной деятельности исследовал в основном поведение американских избирателей, расовые, национальные стереотипы и установки, субъективное качество жизни, изучал социально-психологические механизмы. Кэмпбэлл в своих работах придавал большое значение степени субъективной удовлетворенности индивида, которая формируется в зависимости от оценки окружающей среды.

Создатель гуманистической психологии американский психолог Карл Роджерс в своем коммуникативном подходе подчеркивал важность стремления к самоактуализации личности, потребности в позитивном отношении и положительных эмоциях как составной части развития личностного потенциала. По мнению Роджерса в каждом человеке заложено стремление к самореализации, и в то же время воспитание, общественные нормы и стереотипы часто принуждают принимать навязанные обществом ценности. Если индивид не способен удовлетворить свои потенциальные потребности, то это приводит к различным нарушениям в психологической составляющей.

Известный российский психолог Г.М. Зараковской считал, что качество жизни является интегральным свойством жизнедеятельности людей, где центральное место занимает совокупность потребностей, ценностей, установок. К базовым потребностям относятся биологические потребности, определяющие физиологическую основу жизни. Основные показатели качества жизни включают духовно-личностный потенциал, показатели потребностей, психическое состояние, физиологический статус и здоровье. Качество жизни определяется через соответствие параметров жизни потребностям индивида, удовлетворенность или неудовлетворенность результатом своей жизнедеятельности.

Таким образом, для психологического подхода присущ анализ адаптированности индивида к внешней среде, реализации личных субъективных потребностей, психологический потенциал личности и ее активность в различных сферах общества. Качество жизни населения характеризует состояние общества, прежде всего, с точки зрения социально-психологического климата и условий для реализации личностных качеств. Экономический подход связывает категорию качества жизни с категорией ценности, потребительской стоимости, полезности и рассматривается в работах экономистов различных стран мира. Д.Р. Форрестер, американский экономист, долгое время занимался экономическим моделированием социально-экономических процессов в мировой экономике и предложил социальную модель качества жизни как составную часть глобальной модели. Основные выводы в его концепции заключались в том, что чем выше уровень жизни, тем быстрее истощаются природные ресурсы, загрязняется окружающая среда. Для сохранения глобального и социального равновесия необходимо сократить темпы роста населения и промышленного производства.

Нобелевский лауреат в области экономики А. Сен после ряда эмпирических исследований и теоретического анализа пришел к заключению, что на благосостояние современного человека влияет государственная политика как в экономической, так и в социальной сфере. А. Сен подчеркивал, что существующий уровень бедности населения напрямую зависит от доступа к национальным ресурсам, а не только от материального достатка.

В настоящее время становится общепризнанным считать, что социальное неравенство, бедность, низкий уровень жизни зависят от справедливого распределения материальных благ, социальной защищенности бедных слоев населения. Экономический подход

к исследованию качества жизни, таких как заключается в рассмотрении объективных показателей качества жизни: экономический рост, среднедушевой доход, заработная плата, удовлетворение индивидуальных потребностей. В то же время в экономическом подходе недостаточное внимание уделено субъективным показателям, удовлетворению духовных запросов индивидов. Социологическое направление в исследовании качества жизни рассматривает совокупность как основных параметров социальной среды, объективных условий жизни индивида, так и субъективной оценки существования. Социологическое понятие качества жизни охватывает многие сферы и имеет важнейшее значение для других научных дисциплин и практического применения. Одной из основных задач является введение многозначного понятия «качество жизни» в строгие рамки научной категории, поиск четких показателей, способов измерения качества жизни как отдельного индивида, социальных групп, так и населения страны в целом. Изучением различных аспектов уровня и качества жизни населения занимались следующие российские ученые: Айвазян С.А., Бобков В.Н., Лига М.Б., Левада Ю.А., Могилевский Р.С., Овчарова Л.Н., Румянцева Л.Н. и многие другие. Качество жизни населения – это совокупность показателей общего благосостояния индивидов, характеризующая уровень материального потребления и удовлетворения материальных, духовных потребностей.

Актуальность разработки критериев оценки уровня и качества жизни населения становится все более очевидной и необходимой в современном обществе. Данной проблеме придают большое значение различные научные и коммерческие организации во всем мире, создавая собственные методы измерения качества жизни населения. В частности, одним из общеизвестных и успешно применяемых является интегральный показатель измерения уровня жизни населения ИРЧП - индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index), где основной акцент делается на уровень благосостояния, образования и продолжительность жизни. По данным ООН за 2014 год (Human Development Report) Норвегия признана самой благополучной страной мира, за ней следуют Австралия и Швейцария, Россия занимает 57-е место в этом рейтинге. За последнее десятилетие появились несколько совершенно новых методик, так или иначе имеющих отношение к измерению качества жизни населения: индекс гендерного неравенства (ИГН, англ. GII), индекс многомерной бедности (ИМБ, англ. MPI). В институте Legatum в Великобритании был разработан индекс процветания (The Legatum Prosperity Index – LPI). Сводный индекс, который определяет социально-экономические достижения 142 стран мира по 89 показателям, которые сгруппированы следующим образом: государственное управление, предпринимательство, экономика, образование, здоровье, безопасность, личная свобода и социальный капитал. Существует сравнительно недавно появился новый индекс измерения благополучия стран в соответствии с общепринятыми нормами и стандартами развития человека, разработанный организацией Money Matters Institute. Этот так называемый треугольный индекс благосостояния наций (Wealth of Nations Triangle Index) принимает во внимание три основные составляющие: сбалансированное развитие экономики, социальной среды и информационной структуры, каждая в свою очередь содержит 21 индикатор с показателями от 0 до 100. Данный индекс показывает достижения в социальном развитии, дает сравнительную оценку экономического и инвестиционного потенциала, благосостояния отдельно взятой страны.

Среди других методов измерения можно назвать индекс истинного развития (Genuine Progress Index-GPI), основанный на индивидуальном потреблении, который должен соотноситься с условиями благосостояния и окружающей среды. Вышеназван-

ный индекс был разработан американскими учеными Г. Дейли и Дж. Кообом, занимающимися проблемами переориентации экономики на человека с целью достижения высокого качества естественной среды обитания. Различные международные организации принимают активное участие в разработке новых методик измерения качества жизни населения, благосостояния, социального и экономического прогресса. В частности, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) составила собственный «индекс лучшей жизни» - «better life index (BLL), базирующийся на данных ООН, статистических государственных центров правительства разных стран и других официальных источников информации. Индекс состоит из следующих одиннадцати критериев как важнейших показателей благосостояния: финансовый доход, образование, здоровье, наличие работы, гражданские права, жилищные условия, экология, безопасность, удовлетворенность жизнью, условия для отдыха и общество, включающее уровень социальных связей. Согласно данным этого исследования за 2013 год, в котором были рассмотрены показатели 34 стран мира, первые места заняли соответственно Австралия, Швеция и Канада.

В Соединенных Штатах Америки начинает пользоваться все большей популярностью новый показатель измерения качества жизни населения Калверта-Хендерсона. Впервые он стал использоваться для оценки национальных тенденций, показа улучшения или ухудшения социально-экономического развития страны. Данный индекс состоит из следующих двенадцати показателей: образование; занятость; окружающая среда; здоровье; права человека; доход; инфраструктура; национальная и общественная безопасность; самосовершенствование; жилье.

В настоящее время подвергается сомнению постулат о том, что целью развития государства является исключительно обеспечение экономического роста и увеличение доходов населения. Стали появляться новые подходы в измерении уровня развития государства, качества жизни, благосостояния населения. Международный индекс счастья (Happy Planet Index) был разработан организацией New Economics Foundation (NEF), он отражает благосостояние людей в различных странах мира. Сохраняя приверженность всестороннему, устойчивому развитию человеческого потенциала, важно признать актуальность счастья и благополучия как общечеловеческих ценностей и устремлений в жизни человека в современном обществе, что в дальнейшем должно найти отражение в задачах государственной политики. Общеизвестно, что основополагающим принципом любого государства выступает согласованное функционирование всех сфер жизнедеятельности общества и их неразрывная взаимосвязь. Невозможно представить экономическое процветание при полном разрушении социальных связей, упадке культуры, отсутствии равного доступа к высшему образованию и многих других негативных явлениях. В наши дни решение проблемы повышения уровня и качества жизни, социального неравенства является не только моральным императивом, но и необходимостью для обеспечения устойчивого пути развития в соответствии с современными требованиями развития человеческой цивилизации.

Происходящие быстрые изменения социальных реалий, особенно на фоне недавнего экономического кризиса, отражаются на социальной сфере, наблюдается ухудшение социальной защиты граждан во многих странах. Начинают утрачиваться социальные достижения, усиливается отстранение государства от социальной ответственности, распределение национального богатства принимает новые формы, когда богатые становятся богаче, а бедные беднее. В результате все большие слои населения исключают-

ся из процесса общественного развития и не получают должной социальной защиты, что в конечном итоге негативно отражается на уровне и качестве жизни. В развитых странах мира социальная политика государства не считается простым приложением к экономической политике. В то же время никто не будет отрицать, что основой социального развития страны остается ее экономический потенциал. Социальная политика экономически развитых стран направлена не только на защиту от социальных или экономических проблем самых уязвимых социальных групп, но и для предотвращения ухудшения уровня и качества жизни широких слоев населения, социального неравенства, обеспечения социальной стабильности в обществе.

Шведский социолог Г. Тёрнборн считал глобализацию очередной фазой общественного развития, акцентируя внимание на социальной политике и её основных критериях: уровень социальных обязательств государства перед своими гражданами и обеспечение занятости населения. Согласно Тёрнборну, основной способ изменить несправедливый мир заключается в том, чтобы наделить властью тех, кто её не имеет, тех, кто находится в непривилегированном положении, кого напрямую затрагивает дефицит прав человека и демократии. Для появления новых общественных отношений, построения гражданского справедливого общества могут послужить движения за социальную справедливость, защиту прав человека.

Согласно Конституции Российской Федерации (статья 7) российское государство определяется как социальное, цель которого – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Российским гражданам гарантируется минимальная оплата труда, различные пособия и государственная пенсия. Понятие «достойная жизнь» довольно многогранно и может трактоваться по-разному. Право на достойный уровень жизни – это одно из социально-экономических прав человека. Критерии достойной жизни меняются с течением времени, и в каждом обществе существуют свои стандарты. Право на достойную жизнь закреплено международным правом, и это реальное исполнение закрепленных в законодательстве обязательств государства перед своими гражданами. Можно сказать, что достойная жизнь означает уровень, удовлетворяющий нас по качеству, позволяющий наслаждаться жизнью и своими достижениями, предоставляет возможности для реализации своего индивидуального потенциала. Социальное государство должно выполнять принятые им обязательства по отношению к собственным гражданам, а властные структуры контролироваться со стороны общества. Государственная политика социального государства напрямую связана со справедливым распределением национальных ресурсов и является инструментом выравнивания доходов, используя высокое налогообложение богатых слоев населения. Основой социальной политики должны быть базовые человеческие ценности, такие как социальная справедливость, равенство, социальная солидарность и ответственность. Как правило, в социальных государствах действует механизм обратной связи, подотчетность государственных структур перед населением в качестве открытой и надежной защиты интересов граждан.

С одной стороны, следует отметить, что практически с каждым годом в Российской Федерации наблюдается снижение государственных расходов на социальную сферу, хотя они и так являются самыми низкими в мире. С другой стороны, государственные структуры становятся все более закрытыми от влияния общества, особенно в части принятия важнейших решений, что только создает социальную напряженность в российском социуме. Социальная политика российского государства должна быть направ-

лена на повышение уровня и качества жизни всего российского населения, а не носить фрагментарный характер и финансироваться по остаточному принципу, перекладывая обязанности государства на плечи собственных граждан.

Сегодня наблюдается повышенное внимание во всем мире к проблемам качества жизни населения и эмпирическим исследованиям в этой области. В то же время приходится признать, что пока нет общепризнанного единого подхода к методике измерения качества жизни, как нет и единого определения научного понятия «качество жизни». Существует определенная несогласованность концептуальных разработок в области теоретических исследований качества жизни, построения системы индикаторов и практических расчетов в области изучения качества жизни. И так как исследование качества жизни носит не только теоретический, но и прикладной характер, то наиболее практичным автору представляется междисциплинарное исследование данной категории с учетом современных экономических и социальных преобразований, а также системный подход при разработке прикладных исследований.

Качество жизни - социологическая категория, выражающая степень удовлетворения материальных и духовных потребностей человека, охватывающая широкий спектр объективных и субъективных индикаторов, эмпирическая характеристика условий жизни, интегральный показатель социально-экономического развития страны. И если качество жизни социума детерминировано социально-экономическими причинами, то качество жизни личности дополнительно определяется ее социализацией, уровнем образования, субъективными интересами и ценностями, иерархией потребностей. Современное экономическое процветание государства и благополучие его граждан являются важнейшими показателями развития человеческой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунге, М. Холотехнодемократия: альтернатива витализму и социализму [Текст] / М. Бунге // Вопросы философии. – 1994. – № 6.
2. Зараковский, Г.М. Качество жизни населения России. Психологические составляющие [Текст] / Г.М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009.
3. Платон. Государство. Наука [Текст], 2005.
4. Тернборн, Г. Неопределенные идеалы и неясные результаты: демократия, гражданское общество, права человека и социальная справедливость [Текст] / Г. Тернборн // Альманах Социологическое обозрение. – 2003. – Том 3. – № 3.
5. Фейербах, Л. Избранные произведения [Текст]: в 2-х т. / Л. Фейербах. – Т. 2. – М., 1955.
6. Форрестер, Д. Мировая динамика [Текст] / Д. Форрестер. – М.: АСТ, 2006.

В.И. Мосин

Тульский социологический центр, г. Тула

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Россия живет в непростое и интересное время внешнеполитических перемен. Наше поколение уже стало свидетелем исторических изменений границ российского государства и сегодня мы участвуем в становлении совершенно новой экономики России.

На недавнем форуме в Санкт-Петербурге, говоря о качественных изменениях в национальной экономике, президент России Владимир Путин подчеркнул необходимость расширения несырьевого экспорта, активной политики импортозамещения, стимулирования инвестиций: «России нужна настоящая технологическая революция, серьезное технологическое обновление, нам необходимо провести самое масштабное за последние полвека технологическое перевооружение наших предприятий».

В сегодняшних условиях Тульская область просто обязана стать новой точкой роста российской экономики, так как это регион с огромным потенциалом. Чтобы его реализовать, нужны усилия буквально всех: и власти, и гражданина, и государства.

Решение сегодняшних задач напрямую зависит от того, насколько наш регион будет эффективен в привлечении инвестиций.

20 мая 2014 г. в Шанхае, деловой столице Китая, в присутствии национальных лидеров великих держав, президента России Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина был подписан договор о строительстве в Тульской области автомобильного завода китайской компании Great Wall Motor. Инвестиции в проект составят 18 миллиардов рублей. Планируемый объем выпуска – 150 000 внедорожников в год, а это 2500 высокотехнологичных высокооплачиваемых рабочих мест.

В некотором смысле подписание этого соглашения – знаковое явление не только для Тульской области, но и для России в целом. Даже несмотря на то, что главным экономическим итогом визита Владимира Путина в Китай стало подписание исторического контракта на поставку газа в течение 30 лет на 400 миллиардов долларов.

25 августа в Узловском районе произошло знаковое событие: открыт индустриальный парк «Узловая» и дано начало строительству автозавода Great Wall Motor. Парк «Узловая» станет самым крупным, современным и индустриальным парком в ЦФО общей площадью почти 2500 гектаров, в котором будут размещаться высокотехнологичные производства.

Строительство в индустриальном парке «Узловая» автомобильного завода самой успешной, самой технологичной частной автомобильной корпорацией Китая Great Wall Motor – это развитие технологического инновационного сотрудничества. А ведь индустриализация Советского Союза в 30-х годах XX века также начиналась с международного технологического партнерства. Сегодня нам необходим толчок для «новой индустриализации», ведь промышленность – становой хребет экономики тульского края.

По словам губернатора Тульской области Владимира Груздева, корпорация Great Wall Motor является нашим якорным инвестором, и в Узловском районе в течение трех лет будет построен современный автомобильный завод. Задача, которая стоит перед Корпорацией развития Тульской области и областным правительством, – это создание в индустриальном парке «Узловая» не менее 15 тысяч рабочих мест с достойной заработной платой.

2500 рабочих мест будет создано на заводе Great Wall Motor, который производит и продает более 900 тысяч автомобилей в год. Это самая крупная частная автомобильная компания, которая принесет на тульскую землю, на территорию Российской Федерации современное производство автомобилей. Важно, что на тульской земле будет производиться не только знаменитое оружие, пряник и самовар, но и тульский автомобиль.

Завод разместится на площади более 200 га и включит в себя цеха штамповки, сварки, окраски, сборки, производства запчастей. Будет установлено около 300 роботов. Гарантируется полная автоматизация сварки, транспортной системы и штамповки кузовов. Завод будет построен в два этапа. Промышленная мощность первого этапа составит 80 тысяч машин в год, планируемый запуск производства – 2017 год. После второго этапа мощность достигнет уже 150 тысяч машин. И все налоги будут оставаться в регионе. При этом Great Wall Motor использует в процессе производства философию защиты окружающей среды. Например, для окраски используют водорастворимые материалы. Через инвестиции компании Great Wall Motor повышается и уровень экономики Тульской области.

По мнению президента корпорации Great Wall Motor Вэй Цзяньцзюнь, это знаковый момент и для самой компании. Тульский завод будет первым заводом полного цикла за пределами Китая. Проект Great Wall Motor в индустриальном парке «Узловая» будет способствовать развитию местной экономики. В будущем корпорация станет международным предприятием, характеризующимся транснациональностью и современной системой управления.

Реакция стран развитого Запада на события в Украине поставила ребром вопрос: что первично для них в отношениях с Россией – политика или экономика, давление или сотрудничество?

К сожалению, политическая элита Европы во многом идет на поводу у США, сегодняшняя политика которых ведет к дальнейшему охлаждению отношений с Россией.

Социологи убедительно показали, что от санкций, которыми пугают политики, больше пострадают простые граждане в Евросоюзе, для которого важен российский рынок сбыта. Экономики этих стран в целом пострадают, потому что для них Россия — и покупатель продукции, и надежный поставщик энергоресурсов.

Такое разделение труда и рынков, когда Россия — это поставщик углеводородов и рынок сбыта высокотехнологичной продукции и товаров народного потребления, нас в целом не устраивает. Но эта формула сложилась в результате деиндустриализации и упрощения экономики в 1990-е.

В результате слома советской системы подтвердилось, что в изолированном мире технологии не развиваются, идеи нежизнеспособны, и нам казалось, что единственное, на чем мы можем догнать ведущие экономики мира, — это сырье. Теперь мы понимаем, что сырьевые ресурсы — это «топливо» для новой индустриализации, новой технологической реформы российской промышленности.

Например, тульский холдинг «Тулачермет» поставлял на экспорт чугун, то есть сырье. Теперь же, в результате инвестиций и модернизации производства, он будет производить стальной прокат в объеме 1,5 миллиона тонн в год, что позволит предприятию стать металлургическим комбинатом полного цикла и производить продукцию с высокой добавленной стоимостью. В том числе сталь для нового тульского автозавода и для калужского автосборочного кластера. В настоящее время автопром использует импортный прокат, преимущественно шведский. С вводом в эксплуатацию первой очереди комплекса к 2016 году будет создано не менее 1600 новых рабочих мест, а отчисления в бюджеты разных уровней могут составить около 2 млрд. рублей в год.

Сложившаяся внешнеполитическая ситуация показала, что Запад не устраивает технологическая революция в России, стремящейся вывести экономику на новый уровень.

Аналитики прогнозируют, что через 2–3 года все вернется на прежние рельсы сотрудничества и бизнеса. Характерно, что, несмотря на громкие заявления, ни один международный инвестиционный проект в Тульской области не свернут, на экономический форум в Санкт-Петербурге приехал весь цвет европейского бизнеса.

Но выводы для развития российской экономики надо сделать перспективные – на Востоке, в Китае, Индии, Вьетнаме и Индонезии не только проживают более 4 миллиардов человек, но и создается почти половина ВВП всей мировой экономики. И это наши потенциальные партнеры, наши рынки сбыта, в том числе для тульской оборонной и химической промышленности.

Восточные партнеры для нас – это те возможности, которые могут через 20 лет сделать современный мир совершенно другим. И думать об этом нужно сегодня. Возможности нельзя упустить.

Говоря об экономических приоритетах развития тульского региона, прежде всего надо говорить о военно-промышленном комплексе. Тула – оружейная столица России, и наша задача – сохранить лидерство, об этом отдельный разговор. Но потенциал экономики региона намного шире.

Тула – старейший промышленный центр. В 1636 году здесь возникли железоделательные заводы – одни из первых в России.

Наверняка многим историкам известен интересный исторический факт: основал эти заводы на тульской земле голландец-хлеботорговец Андреас Виниус – это еще одно подтверждение пользы и необходимости международной интеграции. Впоследствии голландец принял православие, русское подданство, стал Андреем Денисовичем Виниусом и крупнейшим промышленником того времени, отцом Андрея Андреевича Виниуса – ближайшего сподвижника Петра I. И именно указом Петра в 1712 году в Туле был основан Государственный Оружейный Завод. История никогда не случается и всегда повторяется...

Хлеботорговец Виниус занялся «высокотехнологичным» производством в XVII веке. Тогда это было такой же инновацией, как если бы сегодня в Туле «поставили» завод по производству ядерных двигателей. Голландско-тульский предприниматель добился

невероятного успеха именно потому, что его бизнес был инновационным. Интересно, что в то время его конкурентами, как и сегодня у наших производителей стального проката, были те же шведы!

Главное свойство инвестиций, инноваций и промышленного роста в том, что они меняют качество жизни людей.

Весь ход истории тульского края, начиная с открытия производств, говорит о том, что в промышленности была сосредоточена трудовая элита. Чем выше инновационный индекс продукции, тем более она конкурентна. Точнее, тем меньше у нее конкурентов. Тем больше прибыль. Больше зарплата, больше налогов.

Приведу пример. В России уровень безработицы невероятно низкий, всего 5,5%. В Тульской области он еще ниже. При этом в Европе – 11,5%! А в некоторых странах – 22%. И тем не менее мы не видим на границе ни голодных испанцев, ни печальных итальянцев. Почему они не едут к нам работать?

Проблема в том, что в стране есть понятие «плохой работы» и скрытой безработицы. Это значит, что рост доходов в бюджетном секторе есть, а в частном уже несколько лет зарплата не растут. И это значит, что на рынке труда слишком много рабочих мест, которые не гарантируют достойной жизни.

В Тульской области удалось сделать большой шаг вперед, чтобы переменить ситуацию, – за три года подняли минимальный уровень заработной платы для бюджетников с 4,5 до 10 тысяч рублей, для внебюджетного сектора – до 12 тысяч. Мы добились роста средней заработной платы до 24 тысяч рублей по экономике региона и ставим задачу достичь среднероссийского уровня в 30 тысяч рублей.

Следующий шаг к реальному росту доходов трудящегося населения – повышение производительности труда. Ее сегодняшние показатели недостаточны, и это искусственным образом занижает уровень безработицы.

Социальная роль занятости огромна. И в числе экономических приоритетов она – среди главных. Задача в том, чтобы выполнить и перевыполнить майские указы Президента России Владимира Путина о создании к 2020 году 25 миллионов высокопроизводительных, а значит высокооплачиваемых рабочих мест. И увеличить к 2015 году инвестиции до 25% ВВП.

Тульский регион благодаря общим усилиям перевыполняет показатели по инвестициям (26,7% за прошлый год) и создал только в 2013 году 28 тысяч высокопроизводительных рабочих мест.

Успешный пример инвестиционного развития – новый проект флагмана гражданского машиностроения – тульской компании «Тяжпромарматура». В феврале 2014 года запущено производство на новом Суходольском заводе специального тяжелого машиностроения. Проект реализован при финансовой поддержке Европейского банка реконструкции и развития. Подобного рода предприятие является для России уникальным, так как в первую очередь ориентировано на тяжелое машиностроение.

Главная специализация завода – изготовление штампованных изделий массой до 20 тонн для нефтегазового арматуростроения, аппаратостроения и энергетики. Основными потребителями продукции завода станут атомные электростанции, тепловые электростанции, предприятия нефтехимического комплекса, а также транспорта и энергетики. И это сотни высокооплачиваемых рабочих мест.

Другой яркий пример: в марте 2014 года на территории индустриального парка «Первомайский» компании «Щекиноазот» открыто новое производство — завод по

изготовлению картонных гильз Sonoco-Alcore. Здесь развернута крупнейшая в России производственная площадка Sonoco-Alcore, на которой применены новейшие в Европе высокие технологии по выпуску продукции для бумажной и текстильной отраслей, индустрии полимерных пленок, строительства.

Эти примеры говорят о том, что стратегия Корпорации развития Тульской области, направленная на формирование опорных точек в виде индустриальных парков, полностью себя оправдывает.

Необходимо повышать планку доходов работающих не только за счет административных решений, сокращения аппарата управления и налоговых льгот. Надо повысить производительность труда минимум в 1,5 раза.

Для этого прежде всего необходимо обновление производств, инвестиции в основные фонды. Да, их износ составляет сегодня 50%. Но ситуация меняется, и результаты уже есть. Это уже работающий Суходольский завод. Это проект автозавода Great Wall Motor, к которому приступили в августе. Это, наконец, рост промышленного производства региона почти на 10% за 2013 год – здесь мы в «пятерке» лучших по России.

Необходимо увеличить долю наукоемких и высокотехнологичных производств в 1,3 раза, и это тоже ориентиры майских указов президента.

Иными словами, после запуска сборочного предприятия китайского автопроизводителя надо задуматься над тем, как привлечь инвесторов к созданию в Туле Научно-технического центра разработок и внедрения. А это «другие» технологии, «другие» гигантские вложения в НИОКР. И это нормальная практика в автомобильном мире. Впервые такой центр дизайна и технологий был создан компанией «Дженерал Моторс» в 1927 году. Сегодня многие компании, например, японские и корейские, имеют такие центры в Европе и США, ближе к конечному потребителю. На таком фоне китайский исследовательский автомобильный центр в Туле не является утопией.

«Боишься – не делай. Делаешь – не бойся», – гласит китайская поговорка. В Тульской области стараются не бояться. Ни санкций Запада, ни технологической отсталости, которая – да, сегодня существует в некоторых отраслях. У нас хорошо знают свои приоритеты и сильные стороны, такие как уникальное географическое положение, научный потенциал, растущая тульская агломерация, надежный базис оборонного комплекса и главное – люди тульского края, которые на протяжении веков остаются верны славным трудовым традициям своих предшественников.

Инвестиционный портфель региона уже составляет 500 миллиардов рублей. Для сравнения: за полгода мы привлекли 187 миллиардов, а наши соседи, Калужская область, лидеры инвестиционного процесса, – 199. За 2011-2013 годы – 252 и 263 миллиарда соответственно. Мы отстаем от них совсем немного, как наш «Арсенал» отстал от футбольного клуба «Мордовия», но тем не менее вышел в высшую лигу.

Главный приоритет современной экономической политики Тульской области, нашей команды один – тульский край должен быть в «высшей лиге» российской экономики и по уровню инноваций, и по объемам инвестиций, и по развитию современных технологий, и главное – по доходам трудящихся.

С.Н. Шаповалов

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ И РЕГИОНЕ В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Демографические перспективы страны вызывают научные и политические дискуссии. В фокусе их внимания оказываются вопросы депопуляции населения, снижения плотности заселения отдельных регионов, интенсификации миграционных потоков и другие не менее острые проблемы. Анализ этих проблем и поиск путей выхода из сложившейся ситуации представляют весьма актуальную задачу. Намечившееся в последние годы некоторое улучшение демографической ситуации в стране не должно вызывать самоуспокоенность и убежденность в преодолении негативных тенденций демографического развития. На наш взгляд, оно имеет характер локального успеха и не меняет сложившиеся демографические тренды. Для подтверждения обратимся к некоторым показателям демографического развития Краснодарского края, которые иллюстрируют сложность демографической ситуации. Весьма показателен тот факт, что, несмотря на постоянное увеличение рождаемости в крае на всем протяжении 2000-х гг., она смогла незначительно превысить уровень смертности только в 2013 г. Другими словами в крае, в 2000-е гг. происходила депопуляция населения, которая сглаживалась лишь за счет положительного сальдо миграции. Именно благодаря этому тренду росла численность населения. Однако восполнение демографических потерь благодаря миграционным потокам способствовало решению одних проблем и обостряло другие. Для изменения сложившейся в стране и регионах негативной демографической ситуации со стороны государства предпринимались и используются в настоящее время различные законодательно-организационные и практические меры. В то же время улучшение демографической ситуации детерминировано не только различными государственными мерами и инструментами воздействия, но и субъективным отношением населения к проблемам рождаемости, многодетности, материальной и моральной поддержки со стороны государства. В конечном счете успех демографической политики во многом зависит от позиции населения в этом вопросе. В связи с этим исследование установок населения и его оценок проводимой демографической политики имеет важное практическое значение. С этой целью в марте-апреле 2014 г. в Краснодарском крае было проведено социологическое исследование, посвященное изучению «Социально-поли-

тических аспектов демографических процессов в современной России». Исследование проводилось Краснодарским отделением Северо-Кавказского центра ИСПИ РАН совместно с Южно-Российским институтом-филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Основной целью исследования было определение мнения жителей Краснодарского края о демографической ситуации в стране и регионе, а также их оценка проводимой демографической политики. Всего было опрошено около 500 жителей Краснодарского края.

В настоящее время демографические перспективы страны вызывают научные и политические дискуссии, в которые вовлекаются представители экспертного сообщества, ученые, ответственные и официальные государственные лица. В фокусе их внимания оказываются вопросы депопуляции населения, снижения плотности заселения отдельных регионов, интенсификации миграционных потоков и другие не менее острые проблемы. Анализ этих проблем и поиск путей выхода из сложившейся ситуации представляют весьма актуальную задачу.

Наметившееся в последние годы некоторое улучшение демографической ситуации в стране, вызванное увеличением рождаемости, сокращением смертности и возрастанием продолжительности жизни, не должно вызывать самоуспокоенность и убежденность в преодолении негативных тенденций демографического развития. На наш взгляд, оно имеет характер локального успеха и не меняет сложившиеся демографические тренды.

В докладе С.В. Рязанцева, посвященном анализу эффективности мер демографической политики в России, справедливо отмечается, что «определенные успехи не могут и не должны успокаивать руководство страны, поскольку в демографической сфере России по-прежнему остается достаточно много проблем, требующих решения, а позитивные тенденции, обозначившиеся в последнее время, еще очень неустойчивы и требуют закрепления»¹.

Для подтверждения обратимся к некоторым показателям демографического развития Краснодарского края, которые иллюстрируют сложность демографической ситуации. Весьма показателен тот факт, что, несмотря на постоянное увеличение рождаемости в крае на всем протяжении 2000-х гг., она смогла незначительно превысить уровень смертности только в 2013 г. Другими словами, в крае в 2000-е гг. происходила депопуляция населения, которая сглаживалась лишь за счет положительного сальдо миграции. Именно благодаря этому тренду росла численность населения. Однако восполнение демографических потерь благодаря миграционным потокам способствовало решению одних проблем и обостряло другие, поскольку постоянные миграции на территорию края приводили к изменению национального состава и ухудшению межнациональных отношений.

Для изменения сложившейся в стране и регионах негативной демографической ситуации со стороны государства предпринимались и используются в настоящее время различные законодательно-организационные и практические меры. Еще 9 октября 2007 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». В ней в качестве основных задач выделяются следующие: «сокращение уровня смертности

¹ Рязанцев С.В. Эффективность мер демографической политики в России и предпосылки создания модели управления демографическими процессами (2011 – 2013 годы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Demmodel2011-2013.pdf

не менее чем в 1,6 раза; сокращение уровня материнской и младенческой смертности не менее чем в 2 раза, укрепление репродуктивного здоровья населения; повышение уровня рождаемости за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей; укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений; привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции»².

«Концепция» послужила основой для разработки региональных нормативных актов, регламентирующих демографическую политику. В Краснодарском крае была принята краевая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2008–2010 гг.³ В настоящее время в крае реализуется новая целевая программа, рассчитанная на период до 2015 г. Программа направлена на стабилизацию численности населения и формирование социально-экономических предпосылок к последующему демографическому развитию; укрепление здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения; развитие системы поддержки семьи.

С целью достижения позитивных изменений демографической ситуации в стране и регионах были использованы различные практические меры. Был введен материнский капитал за рождение второго ребенка, сумма которого, подлежала ежегодной индексации, разработаны различные ипотечные программы для молодых семей и семей с детьми, выделены федеральные и региональные субсидии молодым семьям, установлены региональные материнские капиталы и пр.

Со стороны представителей органов власти материнский капитал считается наиболее действенной и эффективной мерой по улучшению демографической ситуации. Однако, по справедливому замечанию В.Ю. Бельского, этот механизм поддержки женщин-матерей изначально обладал целым рядом недостатков. Среди них наиболее важными являлись такие, как необходимость прохождения сложной бюрократической процедуры при оформлении материнского капитала; слишком узкое поле его возможного использования; высокая вероятность злоупотреблений с ним – как и в случаях с любыми другими финансово-материальными средствами⁴. К этому списку можно также добавить невозможность решить жилищную проблему за счет выделяемых средств, поскольку реальная рыночная стоимость жилья намного превышает сумму материнского капитала. Остальные способы использования капитала также вызывают множество вопросов.

В то же время улучшение демографической ситуации детерминировано не только различными государственными мерами и инструментами воздействия, но и субъективным отношением населения к проблемам рождаемости, многодетности, материальной и моральной поддержки со стороны государства. В конечном счете успех демогра-

² Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 42.

³ Краевая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2008 – 2010 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.familykuban.ru/_files/krai_cel_prog/demographiya/otchet_2008-2010.zip

⁴ Бельский В.Ю. Демографическая проблема в современной России и ее социально-политический контекст // Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием, 7-8 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону. – Ростов н/Д, 2014. – С. 22.

фической политики во многом зависит от позиции населения в этом вопросе. В связи с этим исследование установок населения и его оценок проводимой демографической политики имеет важное практическое значение.

С этой целью в марте-апреле 2014 г. в Краснодарском крае было проведено социологическое исследование, посвященное изучению «Социально-политических аспектов демографических процессов в современной России». Исследование проводилось Краснодарским отделением Северо-Кавказского центра ИСПИ РАН совместно с Южно-Российским институтом-филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации⁵. Основной целью исследования было определение мнения жителей Краснодарского края о демографической ситуации в стране и регионе, а также их оценка проводимой демографической политики. Всего было опрошено около 500 жителей Краснодарского края.

Как показали полученные данные, лишь незначительная часть респондентов считают, что демографическая ситуация в стране находится в кризисе (11 %), 18 % назвали ее скорее кризисной, а 8 % так и не смогли определить, в каком состоянии нынешняя ситуация. Подавляющее большинство опрошенных (49 %) видят позитивные тенденции и оценивают демографическую ситуацию в стране как скорее благополучную, безусловно благополучной ее назвали лишь 18 % респондентов. Интересно, что демографическую ситуацию, сложившуюся в регионе, респонденты оценивают более позитивно. На их взгляд, она является безусловно благополучной. Такого мнения придерживаются 37 % опрошенных. Несколько сдержанную позицию занимают 46 % респондентов, охарактеризовавших демографическую ситуацию как скорее благополучную. Скорее кризисной демографическую ситуацию в регионе определяют 7 % опрошенных, а 3 % называют ее безусловно кризисной.

Стоит заметить, что оценка демографического положения в регионе проживания и в целом в стране достаточно серьезно варьируется. На наш взгляд, такое положение можно объяснить невысокой информированностью и осведомленностью о демографической ситуации в стране. Местные успехи в демографической сфере достаточно широко освещались в средствах массовой информации, а федеральные показатели могли остаться незамеченными.

Среди основных причин, обуславливающих ухудшение демографической ситуации в стране (допускалось выбрать не более 3 вариантов ответа), респондентами были выделены «рост числа алкогольно и наркозависимых людей, особенно среди молодежи» (34 %); «снижение уровня рождаемости в связи с низким уровнем жизни большинства населения» (31 %); «появление все большего числа россиян, которые не могут иметь детей по состоянию здоровья» (27 %), а также «снижение значимости ценностей семьи, особенно среди молодежи» (24 %).

Получается, что большая часть респондентов связывает ухудшение демографической ситуации в стране с сугубо медицинскими аспектами. По их мнению, именно деструктивные процессы в форме алкогольной и наркотической зависимости, а также проблемы здоровья, связанные с репродукцией, препятствуют демографическому развитию страны. Следует также обратить внимание на такую позицию, как низкий жизненный уровень, который теоретически может быть изменен благодаря соответствующим мерам со стороны государства.

⁵ Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации проводил исследование в январе-феврале 2014 г. в г. Ростове-на-Дону.

В числе важных факторов, детерминирующих ухудшение демографической ситуации в стране, респондентами были также выбраны: «более широкое распространение «западной» модели семьи, которая характеризуется низким уровнем рождаемости» (19 %); «рост числа больных СПИДом, ВИЧ-инфицированных, распространение венерических заболеваний» (19 %); «резкий рост смертности населения и снижение средней продолжительности жизни» (16 %); «естественный демографический процесс, связанный с неблагоприятной демографической ситуацией в предыдущие годы» (12 %). Из приведенных данных видно, что участники опроса в большей степени соотносили демографическую ситуацию с качеством предоставляемых медицинских услуг, поскольку факторы, связанные с болезнями и медициной выбирались ими гораздо чаще.

Участников опроса просили также оценить действия государственной власти по улучшению демографической обстановки, сложившейся в стране. Чуть менее половины опрошенных (41 %) оценили демографическую политику, проводимую на федеральном уровне, как полностью эффективную; 33 % полагали, что она принесла определенные положительные результаты, однако нуждается в доработке. Неудовлетворительные оценки государственной политике дали 11 % респондентов и лишь 6 % ответили, что мероприятия демографической политики были абсолютно бесполезны. Полученные данные достаточно хорошо коррелируют с результатами первого вопроса, касающегося мнений насчет современного состояния демографической ситуации в стране. Это означает, что респонденты в своих суждениях придерживаются четко сформировавшейся позиции относительно демографической обстановки и политики. В целом преобладание одобрительных оценок, по-видимому, обусловлено вполне конкретными и видимыми проявлениями государственной демографической политики, среди которых выплаты федерального и регионального материнского капитала, а также различные субсидии семьям с детьми.

Основными препятствиями для успешной реализации мер государственной демографической политики в стране, по мнению опрошенных, являлись (не более 2-х вариантов): «нехватка бюджетного финансирования» (34 %) и «несовершенство самих программ и проектов демографической политики» (27 %). Подобные оценки частично перекликаются с мнениями исследователей, которые также выделяют недостатки в реализуемых мерах и механизмах демографической политики. Однако необходимо учитывать тот факт, что для определения недостатков в проектах демографической политики необходимо иметь о них самое непосредственное представление. Поэтому к суждениям респондентов по этой позиции необходимо относиться весьма сдержанно. Также в качестве препятствий были выделены «коррупция в административно-управленческом аппарате» (21 %) и «низкий контроль за исполнением программ и проектов» (13 %).

Респонденты также выделили направления улучшения демографической ситуации в России. Согласно мнению участников опроса, для того чтобы демографическая политика была более продуктивной, ее следует реализовать по двум основным направлениям: повышение рождаемости в стране (61 %) и сокращение смертности (26 %). Именно эти направления, по мнению респондентов, являются наиболее реальными и практически реализуемыми. Незначительная часть участников опроса (6 %) посчитала необходимым прекращение «утечки» русского населения за рубеж для поддержания стабильной численности населения. Еще 5 % поддержали идею привлечения квалифицированных мигрантов из-за рубежа. Последнее направление демографической политики вызвало меньше всего одобрения со стороны опрошенных и вовсе не из-за слож-

ности в практической реализации. Настороженное отношение к внешним мигрантам в крае объясняется рядом межнациональных конфликтов, имевших место в прошлом.

Участникам опроса было предложено выразить свое мнение относительно эффективности такой меры, как материнский капитал. Согласно полученным данным, 37 % опрошенных положительно оценили программу материнского капитала: 49 % считали, что она принесла определенные результаты, но нуждается в некоторой доработке. Недовольство данным видом поддержки семей высказали 6 %, а всего лишь 2 % посчитали ее полностью бесполезной и неэффективной.

Однако, как видно из данных, полученных в ходе исследования, большинство оценок программы материнского капитала были сделаны респондентами без опоры на личный опыт. Подавляющая часть опрошенных – 86 % отметили, что их семья не принимала участия в программе материнского капитала. Относительно остальных 14 %, чьи семьи участвовали в данной программе, ситуация складывается следующим образом: 7 % смогли получить деньги без особых усилий и проблем, 5 % в настоящий момент находятся в процессе оформления необходимого пакета документов. Сложности с оформлением документов и получением денег возникли только у 2 % опрошенных.

В заключение респондентам было предложено сделать прогноз относительно изменения демографической ситуации в стране и регионе в течение ближайшей 5 лет. Согласно полученным данным, подавляющее большинство выразило уверенность в улучшении демографической ситуации как в стране, так и в регионе (54 % и 59 % соответственно) и позитивных тенденциях. При этом шансы региона на такой сценарий развития оценили выше, нежели всей страны. Незначительная часть опрошенных полагает, что демографическая ситуация как в стране, так и в регионе, в краткосрочной перспективе будет характеризоваться стабильностью и останется неизменной – 15 % и 11 %, соответственно. Ухудшение демографической ситуации в стране и регионе прогнозируют лишь 8 % респондентов. Стоит отметить, что значительная часть респондентов не берется давать однозначные прогнозы о развитии демографических процессов в стране и регионе на ближайшие 5 лет (33 % для страны, 21 % – для региона). По всей видимости, такое положение можно объяснить чувством неуверенности в завтрашнем дне, когда часть населения не может спланировать и спрогнозировать собственную жизнь. Понятно, что для таких людей прогнозы относительно достаточно отвлеченных явлений (демографическая ситуация) представляются весьма сложной и подчас неразрешимой задачей.

Таким образом, демографическая ситуация, сложившаяся в стране и регионах в настоящее время, свидетельствует о некоторых успехах федеральной и региональной власти в преодолении негативных трендов демографического развития. Согласно материалам социологического исследования жителей Краснодарского края, меры государственной демографической политики находят поддержку и понимание со стороны участников опроса. Изменения сложившейся ситуации к лучшему заметны населению как на федеральном, так и региональном уровне. Однако, как выяснилось из исследования, требуются дальнейшие меры по снижению смертности и повышению рождаемости, улучшению качества медицинского обслуживания, совершенствованию проектов и направлений демографической политики, повышению значимости ценности семьи и многодетности. Большая часть опрошенных уверена в положительном демографическом развитии страны и региона в самом ближайшем будущем. Отсюда можно сделать предположение, что население региона вполне лояльно отнесется к новым направлениям демографической политики и мерам государственной помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязанцев, С.В. Эффективность мер демографической политики в России и предпосылки создания модели управления демографическими процессами (2011–2013 годы) [Электронный ресурс] / С.В. Рязанцев. – Режим доступа: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Demmodel2011-2013.pdf
2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 42.
3. Краевая целевая программа «Об улучшении демографической ситуации в Краснодарском крае» на 2008 – 2010 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.familykuban.ru/_files/krai_cel_progr/demographiya/otchet_2008-2010.zip
4. Бельский, В.Ю. Демографическая проблема в современной России и ее социально-политический контекст [Текст] / В.Ю. Бельский // Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием, 7-8 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону. – Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2014. – 800 с.

Р.И. Ирнарзоров

РЫНОЧНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И БЕЗРАБОТИЦА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Сегодня очевидно, что переход к рыночной экономике вызвал ощутимое расстройство российского общества, и оно все еще не может прийти в себя, в безболезненное состояние функционирования и развития. Одно из неприятных последствий внедрения рыночных отношений – это безработица.

По данным переписи населения 2010 г. в республике доля безработных в составе экономически активного населения составляла по селу 9,6%, по городу – 6,6%. Годы перехода к рыночной экономике в Башкортостане характеризуются сокращением численности занятых в сельском хозяйстве. Так, среднегодовая численность работников предприятий и организаций сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в 2000 г. составляла 242,9 тыс. чел., в 2005 г. стала 128,2 тыс., 2006 г. – 110,0, 2007 г. – 102,2, 2008 г. – 68,2, 2009 г. – 69,3 и в 2010 г. – 70,0 тыс. чел. [1].

В условиях рыночной экономики действует особый механизм – рынок труда – назначение которого состоит в регулировании соотношения между занятостью и безработицей. Но как действующее лицо на рынке обладает ли сельский безработный теми качествами, при наличии которых он смог бы выбраться из затруднительного положения? В частности, во-первых, в какой мере он может проявлять свободу в вопросах трудоустройства; во-вторых, насколько широк диапазон предлагаемых им «для продажи» видов трудовой деятельности; в-третьих, насколько он пользуется спросом как носитель трудовых способностей; в-четвертых, насколько он конкурентоспособен? Из приведенных ранее рассуждений на эти вопросы напрашивается отрицательный ответ. Для получения более полного ответа следует проводить специальное исследование.

Гнетущие условия жизни, естественно, вызывает соответствующую ответную реакцию у жителей села, и, в частности, в миграционных процессах. В целом последние годы характеризуются значительным оттоком населения республики за пределы РБ, в основном в другие регионы РФ, объемы которого в 2011 г. резко возросли. Сальдо миграции с регионами РФ с 2000 г. идет с отрицательным значением: так, в 2000 г. оно составляло 2027 чел.; в 2002 г. – 2415; в 2004 г. – 3416; в 2006 г. – 3400; в 2008 г. – 692; в 2010 г. – 3083 и в 2011 г. – 12720 чел. Наиболее привлекательны следующие регионы: Тюменская область (выехало в 2011 г. 11,1 тыс. чел.), Челябинская область (около 5 тыс. чел.), Республика Татарстан (более 3 тыс.), Московская область (1,8 тыс.), Оренбургская область (1,7 тыс.) и т.д. Из сельских

районов наибольший выезд в 2011 г. был зафиксирован в Белебеевском районе (1,5 тыс. чел.), Стерлитамакском (1,3 тыс.), Туймазинском (1,3 тыс.), Белорецком (около 1 тыс.) районах [2]. В Уральском регионе РБ (куда входят Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский, Зианчурский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский районы), который отличается относительно высокой долей сельского населения (48% населения региона) и в котором спад производства сельскохозяйственной продукции за годы рыночных преобразований произошел более чем на 30% (по республике – 25 %), миграционный отток составлял: в 2005 г. 593 чел., 2006 г. – 260, 2007 г. – 186, 2008 г. – 209 и в 2009 г. – 132 чел. [3]. Ежегодное сокращение численности населения в Салаватском районе РБ с 2008 г. составляет примерно 1000 чел. В селе Мурсалимкино в 2009 г. проживало 3700 чел., а в 2010 г. их число сократилось до 3024 чел., в 2012 г. – до 2911 чел., в 2013 г. – до 2812 чел. [4].

На отток населения масло в огонь подливает осуществляемая в последние годы так называемая оптимизация непроизводственных сфер жизнедеятельности сельских жителей. Закрываются школы, фельдшерско-акушерские пункты, другие учреждения, деятельность которых связана с удовлетворением бытовых, досуговых потребностей людей.

Все, что происходит на деле под лозунгом оптимизации непроизводственной сферы, к сожалению, есть не что иное, как превращение этой сферы в отрасль экономики. Происходит метаморфоза – зарабатывание денег становится самоцелью, выдвигается на передний план, ставя в зависимость от этого удовлетворение социальных потребностей. Конечно, последнее должно быть экономным, но не в такой степени, чтобы обучение детей, охрана здоровья населения, оказание культурных, бытовых услуг осуществлялись в жесткой зависимости от того, приносят ли они прибыль.

Рассмотрение деятельности учреждений народного образования, медицинского, бытового, культурно-просветительного обслуживания с т. з. экономической целесообразности затмевает социоорганизующую функцию таких учреждений. Они составляют социальную инфраструктуру сельского поселения, без которой поселение теряет всякую значимость как таковое. С их помощью создаются условия, лишь при наличии которых люди имеют возможность удовлетворять свои повседневные потребности, развивать способности. По большому счету, учреждения и организации инфраструктуры составляют основания социальной организации поселенческой социальной жизни не в меньшей мере, чем производственные предприятия и организации. Так, во всех деревнях жители так или иначе связаны сельскохозяйственным трудом и производством сельскохозяйственной продукции. Они различаются: есть деревни большие, есть маленькие; есть перспективные, есть неперспективные; есть расположенные недалеко от города, есть отдаленные и т.п. Соответственно, они различаются по организационной структуре социальной жизни, то есть по наличию учреждений, занимающихся созданием условий для полноценной жизнедеятельности людей. В больших селах, как правило, имеются средняя школа, больница, администрация сельсовета, магазины, клубы и т.д. И благодаря их наличию и деятельности социальная жизнь в таких деревнях оказывается более разносторонней и полной, обеспечивающей приемлемое удовлетворение более широкого круга интересов людей. Закрытие учреждений инфраструктуры, сужение их деятельности ведет к организационному ослаблению социальной жизни, ограничению условий удовлетворения людьми своих потребностей, в конечном счете, к обезлюдению деревень, где все это происходит. Люди бегут из деревни не только потому, что трудно здесь найти работу по своему вкусу, но и потому, что нет условий для нормальной жизни. Многие из них переезжают в большие села, где имеются удобства.

Последнее обстоятельство вызывает свои последствия, и весьма непростые. Территориально поселение расширяется, численность населения увеличивается, возрастает нагрузка на природную среду, усложняются социальные отношения и процессы, усиливается необходимость приведения в соответствие с изменившимися условиями организационной структуры социальной жизни в поселении.

Негативные последствия рыночных преобразований не представляют собой нечто непредвидимое, наваливающееся вдруг. Они подспудно вызревают в недрах тех же процессов, действий, которые осуществляются в благих целях. Чтобы предотвратить нежелательные последствия, надо лишь изучать жизнь. Кто-то из мудрецов сказал: «Чтобы изменить мир, надо входить в мир». Говоря словами выдающегося российско-американского социолога П.А. Сорокина, «благодаря нашему невежеству в области социальных явлений мы до сих пор не умеем бороться с бедствиями, берущими начало в общественной жизни людей... Только тогда, когда мы хорошо изучим общественную жизнь людей, когда познаем законы, которым она следует, только тогда можно рассчитывать на успех в борьбе с общественными бедствиями» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический ежегодник Республики Башкортостан [Текст]. – Часть 1. – Уфа, 2011. – С. 48.
2. Социокультурный портрет Республики Башкортостан [Текст] / под общ. ред. Р.М. Валиахметова. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. – С. 26-29.
3. Среднесрочная комплексная программа экономического развития Зауралья на 2011 – 2015 годы.
4. «Киске Офо» [Текст]. – № 38. – 2014.
5. Сорокин, П.А. Общедоступный учебник социологии. Статья разных лет [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1994. – С. 14-15.

А.В. Попов

Институт социально-экономического
развития территорий РАН
г. Вологда

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА РАБОЧИХ МЕСТ

В условиях перехода к постиндустриальному обществу в России нарастают вызовы к системе социально-трудовых отношений, и прежде всего, к повышению производительности труда работников. Это стало одним из приоритетных направлений долгосрочной государственной экономической политики. Не случайно в майских (2012 г.) указах Президента РФ, подписанных В.В. Путиным в день его инаугурации, в числе конкретных ориентиров развития российской экономики обозначено увеличение производительности труда к 2018 году в полтора раза (в среднем на 5-6% в год).

Однако уже в октябре 2013 года на инвестиционном форуме «Россия зовёт!» В.В. Путин отметил, что текущие темпы роста производительности труда (3% по результатам 2012 г.) «не только не сокращают отставание от лидеров по эффективности, но и фактически означают консервацию однобокой структуры экономики и её сырьевого характера» [5].

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), производительность труда в России составляет 24 доллара на человека в час – это 39% от уровня США (у РФ предпоследнее место; последнее – у Мексики) [2, с. 5]. Преодолеть этот разрыв, по мнению руководства страны, могут помочь «новые факторы развития» – высокое качество профессионального образования, гибкий рынок труда, благоприятный инвестиционный климат и современные технологии [6]. Другими словами, требуется перейти от экстенсивных к интенсивным резервам роста.

К основным интенсивным резервам повышения производительности труда можно отнести, с одной стороны, повышение производительности рабочих мест (внедрение передовых технологий, повышение эффективности организации производства), с другой стороны, повышение качества рабочей силы (образование и квалификация работников).

Создание или модернизация высокопроизводительных рабочих мест в России, как следует из таблицы 1, идут низкими темпами. В пяти федеральных округах за 5 лет не произошло существенного их наращивания. В трех округах (Приволжский, Сибирский, Уральский) наблюдается отрицательная динамика.

Таблица 1. Рабочие места (численность работников) в российских организациях, осуществляющих технологические инновации, млн. мест

Территория	Год					2012 г. к 2008 г., %
	2008	2009	2010	2011	2012	
Российская Федерация	3,84	3,50	3,38	3,75	3,85	100,2
Дальневосточный федеральный округ	0,09	0,13	0,13	0,14	0,16	177,7
Северо-Западный федеральный округ	0,28	0,32	0,27	0,34	0,36	128,5
Центральный федеральный округ	0,74	0,72	0,68	0,84	0,91	122,9
Южный федеральный округ	0,19	0,19	0,19	0,19	0,19	100,0
Северо-Кавказский федеральный округ	0,04	0,04	0,04	0,03	0,04	100,0
Уральский федеральный округ	0,63	0,57	0,57	0,61	0,61	96,8
Сибирский федеральный округ	0,41	0,35	0,40	0,41	0,39	95,1
Приволжский федеральный округ	1,19	1,15	1,06	1,17	1,17	89,4

Источник: Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/%5Cind_2020/rab_mesta.html

Исследование качественного состояния трудового потенциала¹ населения, проводимое в Вологодской области Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1997 года, показывает, что удельный вес тех людей, которые отнесены согласно методике² определения трудового поведения к типу «новаторы» (по большому счету, это люди, являющиеся опорой модернизации экономики), составляет примерно 27%. Если рассчитать их на всю генеральную совокупность занятого населения России, то это составит порядка 19,2 млн. чел. А высокопроизводительных рабочих мест, на которых происходит реализация потенциала «новаторов», сегодня в 5 раз меньше, что недостаточно для реализации имеющегося интеллектуального потенциала [4, с. 142]. И, соответственно, недостаточно для увеличения производительности труда в необходимых темпах.

Создание высокопроизводительных рабочих мест, основанных на использовании интеллектуального потенциала работников, влечёт за собой качественные преобразования рынка труда, и прежде всего, улучшение условий труда, распространение гибких форм занятости, поощрение творческой активности и т.д. В конечном счёте это приводит к увеличению продолжительности здоровой жизни, росту человеческого капитала в целом и трудового потенциала в частности [1, с. 13]. Следует подчеркнуть, что выше-названные преобразования тесно связаны с другим аспектом роста производительности труда – удовлетворённостью трудом.

Интерес к удовлетворённости трудом, в частности, таким его структурным компонентом, как условиям труда, не случаен. Он вызван прежде всего тем, что задача сохранения здоровья населения является для современной России одной из важнейших. Возможный путь к её решению – обеспечение безопасности труда на рабочих местах, минимизация потерь от внешних причин.

¹ Мониторинг качественного состояния трудового потенциала региона проводится ИСЭРТ РАН с 1997 года. Объектом исследования является трудоспособное население Вологодской области. Опросы проходят ежегодно в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объём выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%.

² Подробнее о методике см.: Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования / колл. авторов; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с.

Таблица 2. Отдельные показатели, характеризующие условия труда в Российской Федерации

Показатель	Год					Отклонение, %
	2008	2009	2010	2011	2012	
Работали в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, в % от общей численности работников организаций						
Россия	26,5	29,2	30,6	31,8	26,5	100,0
СЗФО	29,5	30,3	31,9	32,9	34,7	117,6
Вологодская область	39,2	41,4	41,9	43,2	46,3	118,1
Численность пострадавших с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом на 1000 работающих, чел.						
Россия	2,5	2,1	2,2	2,1	1,9	76,0
СЗФО	3,3	2,7	2,9	2,6	2,2	66,7
Вологодская область	5,1	4,0	4,4	4,0	3,6	70,6
Численность пострадавших со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих, чел.						
Россия	0,109	0,090	0,094	0,086	0,084	77,1
СЗФО	0,103	0,074	0,080	0,081	0,069	67,0
Вологодская область	0,085	0,056	0,067	0,073	0,057	67,1
Число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших с утратой трудоспособности в расчете на одного пострадавшего						
Россия	46,7	47,3	45,8	48,4	45,6	97,6
СЗФО	44,2	45,6	43,8	45,0	46,2	104,5
Вологодская область	37,5	38,9	34,7	36,0	44,6	118,9

Источник: Данные Росстата.

Согласно данным статистики в 2012 году удельный вес занятого населения Российской Федерации, работающего в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, составлял 27% (табл. 2).

В Вологодской области этот показатель более чем в полтора раза выше (46%). При этом ситуация в регионе еще и ухудшается. За период 2008 – 2012 годов рост данного показателя составил 18%.

Количество несчастных случаев на производстве в Вологодской области, несмотря на его постепенное сокращение, остаётся самым высоким по округу и составляет 3,6 чел. на 1000 работающих, превышая среднероссийский уровень (1,9 чел. на 1000 работающих) почти в два раза.

Потери рабочего времени, вызванные временной нетрудоспособностью пострадавших на производстве, влекут за собой значительные социально-экономические последствия. За 2008 – 2012 годы средняя продолжительность нетрудоспособности в расчёте на одного пострадавшего на производстве в Вологодской области увеличилась на 19% (44,6 дня). Количество потерянных рабочих дней в случае временной нетрудоспособности в расчете на одну травму в России увеличилось в два раза (с 28,4 дня в 2008 г. до 48,4 дня в 2012 г.) [7].

Согласно данным мониторинга ценностных ориентаций и образа жизни населения, показатель удовлетворённости трудом как интегральная характеристика субъективного восприятия различных аспектов трудовой деятельности и производственных ситуаций работающим населением имеет у российских работников низкие оценки (табл. 3).

Значение показателя в 2012 году составило 6,67 балла, что на 8% больше, чем в 2006 году. Верхние строчки списка занимают Дания и Норвегия.

Судя по результатам мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, в 2012 году «вполне удовлетворены» условиями своего труда были только 15% работников, 40% – «скорее удовлетворены, чем нет», 12% – «скорее не удовлетворены», 3% – «совершенно не удовлетворены», 40% – «не могут сказать, удовлетворены или нет» (рис. 1).

В 2012 году, как и в 2008-м, наблюдается существенное преобладание положительных оценок условий труда – соответственно 56% против 16% отрицательных и 56%

Таблица 3. Динамика ответов респондентов европейских стран и России на вопрос об удовлетворённости трудом и жизнью по 11-балльной шкале, баллов

Страна	Удовлетворённость работой		Удовлетворённость жизнью в целом		ВВП на час рабочего времени в 2012 г. (долл., ППС)
	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.	
Дания	7,82	8,20	8,49	8,57	45,6
Норвегия	7,45	7,98	7,80	8,17	62,7
Швейцария	7,71	7,97	7,98	8,23	40,6
Финляндия	7,62	7,84	8,05	8,20	40,5
Швеция	7,40	7,80	7,93	7,97	44,3
Нидерланды	7,31	7,75	7,62	7,96	50,9
Бельгия	7,50	7,65	7,53	7,56	50,8
Германия	6,90	7,45	6,85	7,53	49,2
Испания	7,20	7,43	7,62	7,15	41,2
Великобритания	6,96	7,40	7,26	7,28	42,4
Польша	6,90	7,55	6,79	7,15	23,6
Эстония	6,92	7,16	6,47	6,36	22,3
Россия	6,15	6,67	5,36	5,89	15,5

Источник: данные мониторинга установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы (30 стран), European Social Survey, 2006 – 2012 гг.; База данных ОЭСР.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы условиями труда, в которых Вы работаете?» (в % от числа работающих)

Источник: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 1997 – 2012 гг.

против 14% положительных. То есть со времён кризиса удовлетворённость условиями труда не претерпела серьёзных изменений: доля положительных ответов осталась на прежнем уровне при сокращении доли отрицательных.

В течение исследуемого периода (2008 – 2011 годы³) в ответах работающего населения Вологодской области преобладали положительные оценки условий труда, а доля отрицательных оценок в разные годы составляла от 5 до 13% (табл. 4). Динамика оценок показывает, что удовлетворённость условиями труда зависит в первую очередь от санитарно-гигиенических условий на рабочем месте. Влияние остальных факторов менее значимо и находится примерно на одном уровне.

Вместе с тем ненадлежащие условия труда входят в тройку наиболее значимых причин смены места работы (после низкой заработной платы и личных обстоятельств) [4, с. 120].

³ Этот вопрос в 2012 г. не задавался.

Таблица 4. Распределение оценок работников в отношении условий своего труда (%)

Вариант ответа	Санитарно-гигиеническая обстановка			Психологическая обстановка			Техническая оснащённость			Безопасность		
	2008	2009	2011	2008	2009	2011	2008	2009	2011	2008	2009	2011
Хорошая и очень хорошая	48,2	46,0	50,5	48,8	49,7	45,3	50,0	49,3	46,8	49,0	48,1	44,6
Удовлетворительная	42,6	43,9	39,6	46,1	42,1	45,6	41,0	41,3	43,0	42,8	41,2	42,8
Плохая и очень плохая	9,2	10,2	9,9	5,0	8,2	9,1	9,1	9,3	10,2	8,1	10,7	12,7

Таблица 5. Реализация компонентов трудового потенциала в сравнении с удовлетворённостью условиями труда в 2012 г. (в % от числа работающих)

Качественные характеристики трудового потенциала	Вполне удовлетворён(а) и скорее удовлетворён(а), чем нет	Не могу сказать, удовлетворён(а) или нет	Скорее не удовлетворён(а) и совершенно не удовлетворён(а)
Физическое здоровье	80,7	78,9	82,0
Психическое здоровье	83,0	75,9	79,8
Когнитивный потенциал	82,4	73,6	71,9
Творческий потенциал	73,9	65,2	61,2
Коммуникабельность	85,3	77,8	80,5
Культурный уровень	83,2	75,8	75,8
Нравственный уровень	82,9	75,4	77,8
Потребность в достижении	75,2	67,7	74,1

Результаты мониторинга качества трудового потенциала демонстрируют, что практически все качественные характеристики трудового потенциала реализуются наиболее полно в том случае, если работник удовлетворён условиями труда (табл. 5).

Исключение составляет лишь такой компонент, как физическое здоровье, что обусловлено совокупным влиянием тяжести труда на функциональные системы организма человека. Данные опросов свидетельствуют, что наиболее полная реализация интеллектуальных качеств личности (показатели творческого и когнитивного потенциалов) и социальных притязаний работника возможны только в благоприятной рабочей среде.

Таким образом, проведённый анализ показывает важность роли условий труда в жизни работника. Совершенно точно, что высококвалифицированный труд возможен только тогда, когда работник удовлетворён окружающей его рабочей средой – санитарно-гигиенической и психологической обстановкой, технической оснащённостью и безопасностью. В исследованиях крупного американского социального психолога Ф. Герцберга [8] было установлено, что условия труда, сами по себе, не являются мотивационным фактором (наряду с заработной платой, отношением с коллективом, политикой компании и т.д.), а служат средством избегания неудовлетворенности (гигиенические факторы). Поэтому улучшение качества рабочих мест входит в число первоочередных задач по увеличению трудового вклада работников.

Современные реалии диктуют необходимость учёта фактора удовлетворённости трудом (в узком понимании – условиями труда) при формировании стратегии и тактики социально-экономической политики.

Тесная связь между состоянием здоровья работающих и условиями труда подразумевает вовлечение работодателей в дело обеспечения здоровья трудящихся. Охрана здоровья работников является одним из вариантов социальной ответственности государства и работодателей в контексте социальной политики. Обеспечение безопасных условий труда и предотвращение травматизма на производстве требует безусловного выполнения своих обязанностей работодателями, которые должны осуществлять

максимально жесткий контроль мероприятий по охране труда. Требуется создание условий, при которых работодатели следовали бы определённым социальным нормам, установленным как на национальном, так и на международном уровне, что, в свою очередь, требует выработки новых подходов к социальной политике. Здесь, на наш взгляд, очень важна роль международных организаций и соглашений, прежде всего МОТ, так как в рамках своей компетенции они закрепляют на международном уровне социальные и трудовые нормы и стандарты и тем самым способствуют обеспечению устойчивого развития. В связи с этим следует добиваться эффективной отдачи от мер экономического стимулирования работодателей к улучшению условий труда за счёт оптимизации Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев и профзаболеваний» с учетом условий конкретных производств [3].

Изучение удовлетворённости работающего населения трудом необходимо на уровне государства для формирования взвешенной политики занятости и социальной защиты и на уровне отдельных предприятий для формирования программ привлечения, отбора, удержания и мотивации работников, влияния на их лояльность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселкова, И.Н. Здоровье и трудовой потенциал населения России [Текст] / И.Н. Веселкова // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: сб. докладов / под ред. В.В. Елизарова, В.Н. Архангельского. – М.: МАКС Пресс, 2005. – С. 154-159.
2. Высокопроизводительные рабочие места в регионах России [Текст]: аналитическая записка / Торгово-промышленная палата Российской Федерации; Рейтинговое агентство «Эксперт». – М.: ТПП-Информ, 2013. – 27 с.
3. Куликова, М.А. Условия труда и влияние их на качество жизни [Текст] / М.А. Куликова // Социально-экономические явления и процессы. – 2009. – № 2. – С. 75-78.
4. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования [Текст] / колл. авторов ; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с.
5. Путин, В.В. Выступление и ответы на вопросы на инвестиционном форуме «Россия зовёт!»: 2 октября 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pda.kremlin.ru/news/19351>
6. Путин, В.В. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12.12.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>
7. Состояние условий и охраны труда в Вологодской области: региональный обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.depzan.info/Regionaln_obzor.docx
8. Herzberg, F. One more time: how do you motivate employees? [Text] / F. Herzberg // Harvard business review. – 1987. – V. 65. – P. 109-120.

А.Н. Анищенко, Р.Ю. Селименков

Институт социально-экономического развития территорий РАН
г. Вологда

ОЦЕНКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сельское хозяйство является одной из ведущих системообразующих сфер национальной экономики, формирующей продовольственный рынок, продовольственную и экономическую безопасность, демографический, трудовой и поселенческий потенциал территорий страны. Ослабление внимания к вопросам развития сельского хозяйства в период рыночных трансформаций в России привело к существенным общественным потерям. И лишь в последние годы вопросы развития аграрного сектора экономики стали рассматриваться российской властью всех уровней как приоритетные.

Вместе с тем развитие сельского хозяйства по-прежнему сдерживает ряд системных проблем [4], для выявления которых целесообразно проведение мониторингового исследования. Так, анкетный опрос руководителей сельхозорганизаций Вологодской области¹, проведенный в 2014 году, позволил определить основные проблемы развития агросектора, которые подтверждаются и данными статистики.

По результатам опроса 75% ответивших руководителей (рост числа ответивших к уровню 2012 года на 13 п.п.) оценили финансовое состояние сельхозорганизаций как удовлетворительное. При этом по сравнению с 2012 годом сократился удельный вес руководителей, оценивших состояние организаций как хорошее (с 7% в 2012 году до 2% в 2013 году), так и неудовлетворительное – с 29% в 2012 году до 23% в 2013 году.

¹ Опрос проводится ИСЭРТ РАН с 1992 г. Целью опроса является оценка состояния сельского хозяйства и определение направлений его улучшения.

Инструментом исследования выступает анкета, которая состоит из вопросов со шкалой ответов, открытых и закрытых вопросов. Вопросник составлен по секционному подходу (последовательно рассматриваются вопросы по отдельным темам – блокам вопросов). Объем выборки в 2014 году составил 145 руководителей хозяйств агросектора Вологодской области.

Анкеты для опроса были разосланы руководителям крупных и средних сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм собственности в феврале 2014 года с условием соблюдения представительности выборки по районам области. На вопросы анкеты ответили 52 респондента из 26 муниципальных районов региона (в 2013 году число респондентов составило 45 человек).

Следует отметить, что наряду с сокращением на 8 п.п. доли ответивших руководителей, которые считают, что хозяйство «останется на плаву», на 5 п.п. возросла доля опрошенных руководителей, которые считают, что их хозяйства в дальнейшем будут развиваться динамично – 14%. Угроза банкротства в будущем году существует для 37% (в 2012 году – 27% опрошенных руководителей).

Вместе с тем прогнозные оценки показателей производственной деятельности на 2014 год являются достаточно пессимистичными: более 40% опрошенных руководителей прогнозируют рост себестоимости, цены выпускаемой и приобретаемой продукции (48% опрошенных руководителей и 62% руководителей соответственно). Однако, по сравнению с 2013 годом наметились и положительные тенденции. Так, более половины ответивших глав предполагают прежний уровень капвложений, рентабельности, валового объема производства и реализации сельскохозяйственной продукции (60% и более ответивших), а также численности работников и средней заработной платы [1, С. 158].

Среди факторов, препятствующих стабильному функционированию сельхозорганизаций, руководители в 2013 году чаще всего отмечали недостаточность бюджетной поддержки сельхозтоваропроизводителей (79%) и обострение диспаритета цен на производимую сельхозпродукцию – 65% (в 2012 году их доля составляла 93%; табл. 1). Трудности у аграриев в производственной деятельности возникали также из-за критического состояния материально-технической базы и высокого уровня налогообложения. При этом в сравнении с 2012 годом на 13 п.п. увеличился удельный вес руководителей, которые испытывали недостаток оборотных средств.

Отметим, что вышеуказанные факторы остаются актуальными на протяжении уже нескольких лет проведения опросов [1, С. 159].

Для преодоления неблагоприятных экономических условий руководители сельхозорганизаций предпринимали активные действия: более трети опрошенных отметили, что в 2013 году изменяли структуру посевов, улучшали качество производимой сельхозпродукции и искали новые рынки ее сбыта. Однако для повышения конкурентоспособности в современных условиях внедряли инновационные, ресурсосберегающие технологии лишь 10% ответивших глав (их доля в 2012 году составляла 27%). По сравнению с 2012 годом незначительно сократилась доля опрошенных, считающих необходимым сокращать численность работников.

Таблица 1. Основные факторы, сдерживающие развитие сельхозорганизаций Вологодской области, в % от числа ответивших

Фактор	Год					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Недостаточность бюджетной поддержки сельхозпроизводителей	83	93	84	98	89	79
Обострение диспаритета цен на производимую с/х продукцию и промышленные ресурсы для села	90	96	95	90	93	65
Критическое состояние материально-технической базы	50	46	44	38	38	52
Нехватка кадров и низкий уровень их квалификации	38	41	65	48	38	50
Высокий уровень налогообложения	-	21	42	45	40	48
Отсутствие государственного контроля за переработчиками, посредниками и торговыми организациями в вопросах ценообразования на продукцию сельского хозяйства	54	57	35	50	33	44
Низкий уровень материального стимулирования труда	35	23	44	50	16	33
Большая задолженность и низкая платежеспособность	25	59	42	43	20	31
Нехватка оборотных средств	54	61	44	30	16	29
Неразвитость социальной инфраструктуры поселения, в котором работает Ваше предприятие	44	21	42	20	11	27
Неблагоприятные природные условия	-	0	33	15	16	19
Введение новых норм технического регулирования качества сельхозпродукции	-	50	14	18	9	15

Таблица 2. Степень обеспеченности кадрами сельхозорганизаций Вологодской области, в % от числа ответивших

Кадры	Степень обеспеченности																	
	удовлетворительная						недостаточная						очень низкая					
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
В целом работники сельхозпредприятий	76	65	49	43	53	73	24	30	44	53	33	17	0	2	7	5	9	4
Управленцы	70	57	44	55	53	54	22	31	40	35	27	40	9	5	14	5	11	6
Специалисты	78	47	49	60	58	58	22	37	42	35	24	33	0	16	9	5	11	6
Рабочие	22	17	16	25	9	83	59	55	51	55	60	8	17	29	26	15	22	2
Сезонные работники	н.д.	н.д.	н.д.	35	53	65	н.д.	н.д.	н.д.	33	13	17	н.д.	н.д.	н.д.	10	7	2

Положительным, на наш взгляд, является то, что в перспективе 44% опрошенных руководителей сельхозорганизаций планируют искать новые рынки сбыта продукции, 39% – улучшать качество производимой продукции, 29% – увеличивать поголовье скота и улучшать условия труда (15%).

Трудовой потенциал организаций сельского хозяйства характеризуется оптимальным количеством кадров. Так, по мнению руководителей в 2013 году степень обеспеченности управленцами, специалистами, рабочими и сезонными работниками – удовлетворительная (табл. 2).

В целом произошел рост степени обеспеченности кадрами опрошенных хозяйств на 20 п.п. При этом значительно увеличилась доля опрошенных руководителей сельхозорганизаций (на 74 п.п.), считающих обеспеченность своего хозяйства рабочими удовлетворительной. По сравнению с результатами опроса, проведенного в 2013 году, на 9 п.п. увеличилась доля тех, кто отметил потребность в увеличении штатов категории «специалист».

Как показали данные опроса, средств, направляемых большинством сельхозорганизаций на инвестиционные цели, достаточно только для простого воспроизводства (67%). В 2013 году лишь 2% опрошенных руководителей считали уровень капитальных вложений оптимальным. При этом доля руководителей сельхозорганизаций, которые назвали уровень капитальных вложений недостаточным, уменьшился с 2000 года на 27 п.п., а по сравнению с 2012 годом – на 7 п.п.

Несмотря на это, данный уровень капитальных вложений позволил незначительно стабилизировать материально-техническую базу. По результатам опроса, в 2013 году основные фонды опрошенных сельхозорганизаций были изношены в среднем на 56%, что на 2 п.п. ниже уровня 2012 года и на 9 п.п. – уровня 2008 года. Вместе с тем доля ответивших руководителей, считающих, что фонды выработали свой ресурс более чем на 90%, выросла с нуля в 2012 году до 8% в 2013 году, однако данное значение на 17 п.п. ниже уровня 2000 года.

По мнению 82% опрошенных руководителей сельхозпредприятий, в 2013 году сдерживали активизацию инвестиционной деятельности на протяжении последних лет главным образом высокие цены на оборудование и стройматериалы, высокий процент по банковскому кредиту (62%), недостаток оборотных средств (48%) и необходимость погашения долгов (37%; табл. 3).

В основном средства капиталовложений направлялись на обновление изношенных мощностей, ремонт машин и оборудования (81 % опрошенных глав) и на частичную² модернизацию (46%).

² Приобретение новых машин и оборудования.

Таблица 3. Причины, сдерживающие развитие инвестиционной деятельности в сельхозорганизациях Вологодской области, в % от числа ответивших

Причины	Год						
	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Высокие цены на оборудование, стройматериалы	32	84	71	62	75	73	83
Высокий процент по банковскому кредиту	19	72	55	61	48	78	62
Недостаток оборотных средств	25	70	64	58	55	33	48
Необходимость погашения долгов	19	35	66	54	63	53	37
Отсутствие необходимых подрядчиков на выполнение работ	0	5	0	2	0	7	23
Несвоевременная выплата субсидий по предоставленным ранее кредитам	-	-	64	23	18	29	14

Следует отметить, что основным источником инвестиций для сельхозорганизаций остаются привлеченные средства. Основными трудностями, с которыми столкнулись ответившие руководители организаций агросектора при получении кредита в 2013 году, были высокая процентная ставка – 54% (ниже уровня 2012 года на 28 п.п. и на 24 п.п. уровня 2008 года) и длительная процедура оформления необходимой документации – 40%. На 22 п.п. возросла доля тех, кто отметил «отказ банка в предоставлении кредита».

Доступность кредитных ресурсов не повлияла на инновационную активность организаций. Частичную модернизацию (приобретение новых машин и оборудования) проводит половина опрошенных глав сельхозорганизаций региона, однако 46% – может позволить себе покупку лишь подержанного оборудования и машин. Положительным, на наш взгляд, является то, что по сравнению с предыдущим годом в 2013 году на 44 п.п. сократилась доля тех, кто не участвует в инновационных процессах.

По мнению сельхозтоваропроизводителей, ключевыми факторами, сдерживающими инновационную активность, являются высокая стоимость нововведений (77%) и отсутствие необходимого объема собственных денежных средств (77% опрошенных руководителей; рис. 1). Также опрошенными руководителями хозяйств были отмечены длительные сроки окупаемости новшеств (62%) и нехватка квалифицированных кадров (56%). Недостаток финансовой поддержки со стороны государства препятствовал внедрению инноваций и проведению модернизации 65% опрошенных глав сельхозорганизаций региона.

Следует отметить, что по мнению большинства опрошенных руководителей (85%), активизация инновационной деятельности в сельском хозяйстве невозможна без усиления государственной поддержки. Более половины ответивших (64%) считали, что для перехода АПК на инновационный путь развития необходима разработка и реализация специальных целевых программ в инновационной сфере, а также целесообразно усиление интеграции науки с производством (в 2013 году более 20% ответивших глав).

Реализация произведенной продукции осуществлялась преимущественно на районном рынке (табл. 4). Увеличилась доля хозяйств, поставляющих продукцию на рынки соседних районов (с 9% в 2012 году до 23% в 2013 г.).

Среди ответивших руководителей в 2013 году 17% не испытывали трудностей со сбытом своей продукции (что ниже значения 2012 года на 1 п.п. и уровня 2008 года на 9 п.п.). Трудности с реализацией продукции остались у 44% опрошенных глав сельхозорганизаций. Для решения проблем со сбытом половина ответивших руководителей сельхозорганизаций в 2013 году искала новые каналы сбыта и треть осуществляла активную работу с посредниками.

По результатам опроса было выявлено, что для адаптации к условиям работы в ВТО половина опрошенных руководителей планирует провести оценку возможных выгод и потерь; треть – провести подготовку кадров, владеющих проблематикой ВТО; 19% –

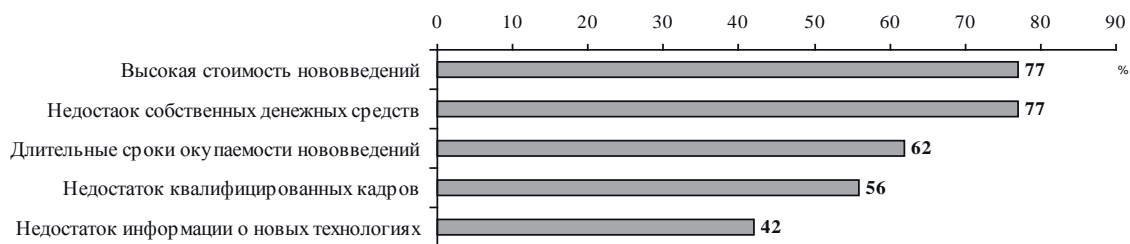

Рисунок 1. Факторы, сдерживающие инновационную активность сельхозорганизаций Вологодской области, 2013 год, в % от ответивших

Таблица 4. Места сбыта продукции сельхозорганизаций Вологодской области, % от числа ответивших

Места сбыта	Год					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Районный рынок	48	73	58	58	64	73
Областной центр	48	41	40	48	53	52
Рынки соседних районов	46	48	51	25	44	44
Рынки соседних областей	28	16	35	28	9	23
Рынки несоседних областей РФ	35	11	12	15	22	15

провести техническое и технологическое переоснащение, 6% – активизировать работу по стандартизации и сертификации продукции и менее 5% – организовать производство продукции по международным стандартам качества.

В целом 69% опрошенных руководителей сельхозорганизаций считают, что в перспективе будет иметь место ряд негативных последствий от вступления России в ВТО.

Одним из основных направлений государственной политики является бюджетная поддержка сельхозорганизаций. Результаты опроса свидетельствуют о том, что в 2013 году ее размер удовлетворил только 23% опрошенных глав сельхозорганизаций, для 58% – ее уровень был недостаточным. Доля тех, кого уровень поддержки крайне не удовлетворил, сократилась на 15 п.п. Более 70% руководителей отметили, что в 2013 году их хозяйства с помощью бюджетных средств компенсировали затраты на животноводческую продукцию, 56% – на покупку ГСМ, треть – выплатили проценты по банковским кредитам.

Результативность действий Правительства РФ в решении аграрных проблем в 2013 году опрошенные руководители сельхозорганизаций оценили в среднем на 4,1 балла³ (снижение показателя к уровню 2012 года на 0,3 п.п.); деятельность правительства области – на 4,7 балла (в 2012 году – 4,6 балла); администрации района – на 4,2 балла (в 2012 году – 4,7 балла).

Среди основных мер, которые будут способствовать улучшению ситуации в аграрном секторе, на наш взгляд, должно быть снижение цен на ГСМ и минеральные удобрения, а также ставок налогов. Такого же мнения придерживаются и опрошенные руководители сельхозорганизаций [4]. Отметим, что доля руководителей, которые годом ранее указали на необходимость реализации вышеперечисленных мер государственного регулирования, также была значительна.

Таким образом, для обеспечения устойчивого роста агропроизводства в регионе, на наш взгляд, требуется реализовать комплекс широкомасштабных мероприятий, включающих в себя меры по стимулированию развития интеграционных связей аграрной

³ По десятибалльной шкале.

науки и производства (создание агротехнопарка) и др.; увеличению объемов бюджетного финансирования целевых программ, направленных на развитие сельского хозяйства и сельских территорий; активизацию работ по переподготовке и повышению квалификации работников сельского хозяйства, в т.ч. за рубежом; организации работы служб по информированию сельхозтоваропроизводителей о технических новинках и передовом опыте; принятию дополнительных мер по реструктуризации задолженности организаций сельского хозяйства перед кредиторами; развитию взаимоотношений между секторами сельского хозяйства, повышению роли кооперации на селе и др.

Проведение данного комплекса мероприятий позволит вывести сельское хозяйство Вологодской области на путь устойчивого развития. В противном случае может произойти деградация сельских территорий и снижение продовольственной безопасности региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко, А.Н. Оценка функционирования сельского хозяйства региона [Текст] / А.Н. Анищенко, Р.Ю. Селименков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 5. – С. 156-168.
2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/gprogramms>
3. Государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013 – 2020 годы» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 22.12.2012 № 1222. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/gprogramms>
4. Мониторинг функционирования сельского хозяйства региона (на материалах Вологодской области) [Текст]: отчет о НИР / исполн. Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко. – Вологда, 2013. – 71 с.

Т.С. Соловьева

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

РОЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА В МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

Современная экономическая ситуация в России характеризуется значительным вывозом капитала, деиндустриализацией экономики, ресурсно-сырьевой направленностью развития, что, по мнению многих экспертов, является следствием господствующего в стране компрадорского капитализма (режима, который существует исключительно за счет продажи ресурсов).

Провозглашенный руководством страны курс на модернизацию и инновационное развитие в таких условиях не представляется возможным. По словам С. Ю. Глазьева, это осуществимо только тогда, когда «вывоз капитала сменится его накоплением внутри страны, что даст основание для модернизации и развития экономики», в противном случае «Россию ждет необратимая колонизация с закреплением на сырьевой периферии мирового хозяйства» [1]. Для того чтобы начать модернизацию, необходима коалиция экономических и политических элит [2], то есть значительная социальная поддержка, которая в свою очередь зависит от модели социальной стратификации. Согласимся с точкой зрения многих ученых, что главным двигателем в такой ситуации должен стать средний класс [3].

Необходимость постоянного увеличения численности среднего класса к 2020 г. до 55–60% населения РФ является одним из основных положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. [4]. На пути к модернизации российского общества актуальность исследований среднего класса определяется его возможностью выступить в качестве основы стабильного развития России и наращивания ее инновационного потенциала. По мнению руководства страны, успех модернизации в значительной степени зависит от степени осознания значимости и уровня поддержки реформ наиболее массовыми слоями населения. Обоснование необходимости формирования среднего класса прослеживается практически во всех Посланиях Президента РФ, начиная с 1994 г. (см. табл. 1).

Понятие «средний класс» включает в себя довольно широкий набор критериев, но основой для отнесения человека к определенному классу служит его материальное положение. Однако реальные масштабы нищеты и бедности, согласно исследованиям Института Социологии РАН, существенно отличаются от оценок Росстата [5] (60% россиян по величине своих доходов расходов относятся к бедным и нищим, и 80% не могут позволить себе приобрести крупную бытовую технику без потребительского кредита). У 70% россиян доходы не дотягивают и до среднего показателя по России (2012 г. – 22,8 тыс. руб.; 2013 г. – 25,7 тыс. руб.).

Таблица 1 Задачи и значение среднего класса в Посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ

Президент	Понимание важности формирования среднего класса
Б.Н. Ельцин	«масштабный и устойчивый средний класс – это основа гражданского общества и стабильности конституционного строя; задачи подъема страны и формирования среднего класса теснейшим образом взаимосвязаны», «именно он в состоянии стать опорой и двигателем подъема российской экономики» [Послание 1998].
В.В. Путин	«необходимо формирование среднего класса за счет роста малого и среднего бизнеса», который нуждается в государственной поддержке. [Послание 2007].
Д.А. Медведев	«идеальный» представитель среднего класса (имеется в виду идеал, к которому, по мнению Д. А. Медведева, необходимо стремиться в будущем), во многом схож с характеристиками западного среднего класса. Это талантливый, критически мыслящий, проявляющий гражданскую активность, интеллектуально свободный, ответственный гражданин, который «ценит общественную стабильность и уважает закон, может брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке, городе, понимает, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии» [Послание 2009].

Источник: Послание Президента России Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Общими силами – к подъему России». 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1998.htm>; Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html>; Послание Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ. 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html>

В результате применения тех или иных подходов к российской действительности получается разброс в численности группы в десятки раз. Численность среднего класса в зависимости от метода оценки колеблется в пределах 3% («идеальный средний класс») до 30-60% («перспективный средний класс») [6, с. 28-36]. Наиболее часто для идентификации данной категории специалисты используют следующие критерии: материальное положение (доход, сбережения, собственность), уровень образования, профессиональный статус, культурные ценности и т.д.

В 2014 г. в ИСЭРТ РАН было проведено исследование масштабов среднего класса в регионах СЗФО на основе использования различных методик. Например, выделение среднего класса, на основе пересечения нескольких критериев, например, по методике Л.А. Беляевой, с помощью данных о материальном достатке, о самоидентификации, а также профессиональном статусе и образовательном уровне населения (рис. 1).

В целом по СЗФО масштабы среднего класса составляют порядка 30%. Из общего ряда выбиваются Республика Карелия (численность среднего класса около 40%), г. Санкт-Петербург (35%) и Псковская область (17%). Это обусловлено более высокой самооценкой материального положения и уровнем самоидентификации со средним слоем в Карелии и Санкт-Петербурге, и соответственно, более низким – в Псковской области.

Низкий удельный вес среднего класса говорит о нестабильности общества. Довольно продолжительное время на Западе средний класс считался гарантом социальной и политической стабильности, однако последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. привели к ухудшению условий жизнедеятельности людей, что привело к сокращению его численности. Социально-экономическая дифференциация нарушает однородность среднего класса, который дробится на отдельные подклассы, прежде всего, в зависимости от уровня материального положения индивидов.

Средний класс в России формируется в большинстве своем в крупных городах и отчасти в средних городах, где существуют благоприятные условия для его воспроизводства (инфраструктура, культурный и социальный капитал и т.д.). В других населенных пунктах (в малых городах, поселках, селах и деревнях) доля среднего класса крайне незначительна, так как отсутствуют ресурсы для его развития. За рубежом же люди могут жить в сельской местности и вести современный образ жизни, позволяющий отнести их к среднему классу. Для российской деревни в современных условиях воспроизводство среднего класса сильно затружено.

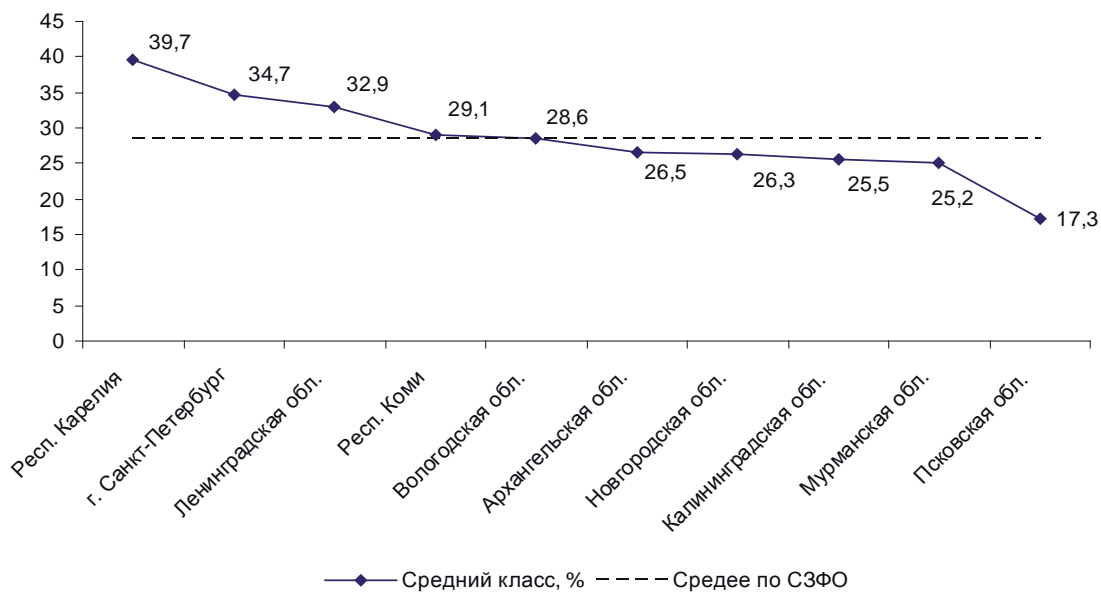

Рис. 1. Представительство среднего класса в регионах СЗФО в 2013 г.

В 2013-2014 гг. в ИСЭРТ РАН было проведено исследование социальной стратификации и социальной мобильности населения СЗФО, по результатам которого видно, что уровень мобильности всего населения в три раза превосходит мобильность категории, относящейся к среднему классу (рис. 2).

Исследование проводилось на материалах опроса населения регионов СЗФО во II квартале 2013 г. Объем выборочной совокупности составил 5113 человек.

Расчёт общего коэффициента мобильности и вытекающих из него показателей производился по вопросу: «Отметьте изменения, произошедшие с Вашим социальным положением в обществе» (стало выше/ниже, не изменилось). Для измерения социальной мобильности применялась система следующих показателей:

1. Общий коэффициент мобильности равен отношению числа лиц, совершивших переходы к общей численности совокупности:

$$Q_0 = n_0 / N_0 * 100\%.$$

2. Показатель восходящей мобильности равен доле лиц, совершающих переходы с повышением социального статуса:

$$VP = \sum \sum N_{ij} / N_0; (i < j).$$

3. Показатель нисходящей мобильности равен доле лиц, совершивших переходы с понижением социального статуса:

$$Vn = \sum \sum N_{ij} / N_0; (i > j).$$

4. Показатель структурной (вертикальной) мобильности равен разности между показателями восходящей и нисходящей мобильности:

5. Коэффициент обменной мобильности равен разности между общим коэффициентом мобильности и коэффициентом структурной (вертикальной) мобильности:

$$P_0 = Q_0 - C_v.$$

В целом стоит отметить, что социальная мобильность населения Вологодской области составляет 33%, что в среднем на 5-10% ниже, чем в большинстве регионов СЗФО

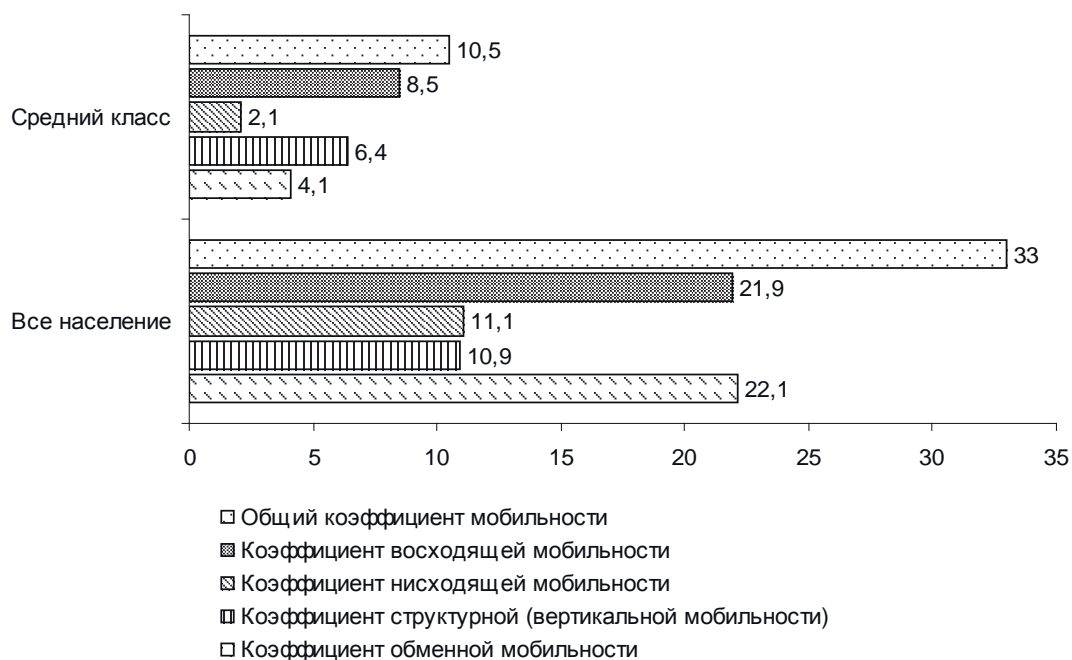

Рис. 2. Коэффициенты социальной мобильности населения Вологодской области

(лидер – республика Карелия – 47%). Для среднего класса Вологодской области, скорее всего, тот уровень социального положения, которого они достигли, на настоящий момент является «потолком», и выше него сложно подняться. В этом случае целесообразнее было бы говорить о мобильности внутри среднего класса, от верхних его групп к нижним и наоборот. Обменная мобильность показывает степень открытости группы – чем она меньше, тем группа более закрыта и доступ в нее затруднен [4, с. 205-212]. Данный показатель в страте среднего класса составляет всего 4%, что говорит о том, что эта группа довольно труднодоступна для перехода. Это вызывает опасения в отношении воспроизводства среднего класса и дальнейшего сокращения его численности.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что задача, поставленная в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года, заключающаяся в увеличении доли среднего класса до 65% [14], трудновыполнима. Для того чтобы повысить проницаемость границ среднего класса и уровень социальной мобильности, прежде всего, необходимо снизить влияние факторов, сдерживающих перемещение людей из более низких страт в более высокие слои. Одним из главных «тормозов» роста среднего класса является низкий уровень доходов населения, который затрудняет доступность различных благ и удовлетворение потребностей индивидов. Кроме того, представителя среднего класса должен отличать высокий уровень культурного капитала, активный культурный досуг, отстаивание социально-политических позиций, наличие достижительных мотиваций, индивидуальная свобода и т.д. Влияние ограничительных факторов приводит к тому, что социальные лифты работают только в отношении состоятельных или же очень одаренных людей, а для остального населения снижается уровень реального благосостояния и, соответственно, возможность перехода в более высокий социальный слой.

Таким образом, средний класс как таковой в настоящее время у нас еще не сформирован. Однако присутствует прослойка людей, которая при определенных условиях может стать основой для формирования среднего класса, но она сравнительно невелика (в среднем порядка 20%), что говорит о недостаточно крепкой базе модернизации. Поэтому в настоящее время для перехода России на инновационный путь развития в первую очередь необходимо обеспечить непрерывное воспроизводство среднего класса не за счет аппарата чиновников и крупных предпринимателей, а за счет креативных работников, занятых в основном в информационной экономике, так как только хорошо образованные, творчески мыслящие специалисты, активно воздействующие на уровень производственного и общественного развития государства, могут вывести страну на путь модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев, С. Жребий брошен [Текст] / С. Глазьев // Эксперт. – 29 апр. 2013. – № 17-18 (849).
2. Коалиции для будущего. Стратегии развития России [Текст] / Коллектив экономистов «СИГМА». – М.: Промышленник России, 2007. – 112 с.
3. Малева, Т.М. Социальная модернизация: что модернизировать и кто модернизаторы? [Текст] / Т.М. Малева, Л.Н. Овчарова // SPERO. – 2010. – № 13. – С. 21-34; Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс [Текст]: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 896 с.
4. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 24 ноября 2008. – № 47.
5. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя: аналитический доклад [Текст] / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. – М.: 2013. – 167 с.
6. Аврамова, Е.М. Средний класс эпохи Путина [Текст] / Е.М. Аврамова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 28-36.

ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине
празднования Дня социолога в Российской Федерации

(г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года)

В трех томах

Том второй

Редакционная подготовка	Т.В. Алешина
Верстка	И.В. Артамонов
Корректор	М.В. Чумаченко

Печать цифровая. Формат бумаги 70×108/16.
Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 79

Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.r

ISBN 978-5-93299-285-2

9 785932 992852 >